А·02
10-702
Проверено 1964 г.

ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

МАЙ 2008

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

Все минется, одна правда остается.

Русская пословица.

ТОМЪ ТРЕТІЙ,

ИЗДАННЫЙ

П. Рѣдкинымъ и К. Яневичемъ-Яневскимъ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Департамента Удѣловъ.

1859.

2953 стр. отд.

Лен. Гос. Университет. Научная библиотека им. М. Горького

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, Іюля 12 дня 1859 года.

Цензора *В. Бекетовъ* и *С. Палаузовъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

I. О введеніи, развитіи и современномъ состояніи суда присяжныхъ во Франціи, *К. Яневича-Яневскаго*. . . . . 3.

II. О Римскомъ Колонатѣ *(по Савиньи)*. . . 44.

III. О Судебныхъ издержкахъ (практическая замѣтка), *И. Владиславлева*. . . . . 73.

IV. Объ основаніяхъ для опредѣленія цѣнности земель, *В. Тарновскаго* . . . . . 78.

V. Объ указныхъ знакахъ, *К. Яневича-Яневскаго* . . . . . 84.

VI. Уголовные процессы, съ психологической точки зрѣнія *(изъ Criminal-psychologische Denkwürdigkeiten, von Fr. Nöllner. 1858)*:

1.) Кто виноватъ? . . . . . 104.

2.) Пьянство — безуміе . . . . . 120.

VII. Понятіе о правѣ (двѣ публичныя лекціи *мюнхенскаго профессора Блунчли)*:

Первая лекція . . . . . 132.

Вторая лекція . . . . . 152.

VIII. Процессъ въ Парижѣ наслѣдниковъ княгини Богратіонъ, *И. Владиславлева*. . . . . 174.

IX. Обозрѣніе отчетовъ французскаго министра юстиціи . . . . . 184.

X. Объ апелляціяхъ и жалобахъ по дѣламъ уголовнымъ, *К. Яневича-Яневскаго* . . . . 236.

XI. Обозрѣніе юридической литературы (по римскому праву), *П. Рѣдкина* . . . . . 250.

II.

XII. Замѣтки (Юридическія общества. Юридическіе журналы на 1859-й годъ. Нѣмецкія, французскія и англійскія юридическія книги, вышедшія въ прошедшемъ 1858 году. Лекціи, читаемыя нынѣ на юридическихъ факультетахъ во всѣхъ германскихъ университетахъ). 403.

ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ издаются безсрочно, отдѣльными томами, отъ 25 до 35 печатныхъ листовъ каждый.

Издатели надѣятся на участіе отечественныхъ юристовъ и съ благодарностію примутъ для напечатанія статьи юридическаго содержанія, которыя будутъ имъ доставлены, если онѣ окажутся соотвѣтствующими цѣли и направленію этого изданія.

I.

О ВВЕДЕНІИ, РАЗВИТІИ И СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ СУДА ПРИСЯЖНЫХЪ ВО ФРАНЦІИ.

Учрежденіе во Франціи суда присяжныхъ восходитъ ко времени революціи 1789 г.: она была ближайшимъ поводомъ ко введенію этого учрежденія; но мысль объ этомъ судѣ существовала и распространилась еще въ прежнее время. Ее вызвала необходимость освободиться отъ господствовавшей до того во Франціи системы тайнаго уголовнаго судопроизводства, ужасы которой столь краснорѣчиво описаны Фейербахомъ, въ его Betrachtungen über das Geschwornengericht. Система этой секретной процедуры, сопровождавшейся всѣми истязаніями тайны и пытки, была слѣдствіемъ инквизиціи, введенной во Франціи въ XIII столѣтіи, незадолго до учрежденія Филиппомъ Красивымъ судебныхъ трибуналовъ или парламентовъ въ Парижѣ и Тулузѣ. Она нашла приверженцевъ между судьями и законовѣдцами, которые были по большей части люди духовнаго званія, а въ 1539 году распространена на все королевство, въ силу извѣстнаго постановленія (Ordonnance pour la réformation et abbréviation des procès), изданнаго по внушенію канцлера Пойе (Poyet). Чтобъ составить себѣ понятіе объ этомъ постановленіи, достаточно замѣтить, что оно возбраняло обвиняемому не только имѣть адвоката, для защиты его предъ судомъ, но и во-

обще обращаться къ кому бы то ни было для руководства и направленія его во время слѣдствія, и вмѣстѣ съ тѣмъ лишало его возможности отвода предъявленныхъ противъ него свидѣтелей.

Эти жестокія мѣры возбудили сильную оппозицію даже со стороны парламентовъ, и когда спустя нѣсколько лѣтъ самъ Пойе подвергся слѣдствію и, на основаніи означеннаго постановленія, стѣсненъ былъ въ средствахъ къ принесенію своихъ оправданій, всѣ видѣли въ томъ справедливое возмездіе за его дѣянія. Обвиненный въ расхищеніи казны, въ лихоимствѣ, онъ просилъ отсрочки, времени для собранія свѣдѣній о личности и жизни множества неизвѣстныхъ свидѣтелей, противъ которыхъ онъ не могъ безъ этого предъявить никакихъ возраженій, никакихъ причинъ отвода. Но какъ въ этой просьбѣ, такъ и въ защитникѣ ему было отказано. Patere legem quam ipse tulisti — сказалъ ему слѣдователь. Пойе былъ осужденъ. Не смотря на знаменитость примѣра, вопіющія начала, содержащіяся въ постановленіи 1539 г., продолжали оставаться въ полной силѣ до 1670 года, когда Людовикъ XIV предпринялъ преобразованіе уголовнаго судопроизводства. Но эти преобразованія были не шагомъ впередъ, а скорѣе шагомъ назадъ въ исторіи французскаго процесса. Мало по малу жалобы и ропотъ, которые возбуждалъ въ народѣ существовавшій порядокъ судопроизводства, стали раздаваться въ высшихъ сферахъ и нашли отголосокъ и сочувствіе въ литературѣ. Въ засѣданіяхъ парламента, при обсужденіи проекта уголовнаго устава (Ordonnance criminelle) 1670 г., первый президентъ Ламоаньонъ (Lamoignon) принялъ сторону человѣчества, и сильно и энергически возставалъ противъ беззащитнаго положенія, въ которое обвиняемые были поставлены этимъ проэктомъ. Въ XVIII столѣтіи философская школа энциклопедистовъ дѣйствовала также

въ этомъ направленіи. Вольтеръ раскрылъ гнусности нѣкоторыхъ уголовныхъ слѣдствій. Беккарія, Руссо, Дюпати и Серванъ вышли изъ этой школы и надѣлали много шума своими сочиненіями. Нѣкоторые замѣчательные писатели начали обращать вниманіе публики на англійскій судъ присяжныхъ. Монтескье въ своемъ Esprit des lois прославлялъ этотъ порядокъ суда и объявлялъ его неразлучнымъ со свободою народа. Переводы трудовъ Блакстона и другихъ друзей суда присяжныхъ распространились во Франціи и не преминули оказать свое вліяніе. Реформа уголовнаго судопроизводства не могла быть долѣе откладываема, и вслѣдствіе господствовавшихъ идей, устремлены были взоры на Англію. Между тѣмъ Людовикъ XVI постановленіями 1780 и 1788 годовъ уничтожилъ разные виды пытки (question préparatoire, question préalable) и другія злоупотребленія, наносящія стыдъ и укоризну человѣчеству. Въ 1788 г., назначена коммисія, которой поручалось заняться предварительными работами для реформы уголовнаго судопроизводства. На парламентскаго адвоката Комера (Comeyras), члена этой коммиссіи, возложено было собрать мнѣнія лучшихъ новѣйшихъ писателей объ этомъ предметѣ и въ особенности сдѣлать сравненіе съ англійскимъ правомъ. Онъ изложилъ результаты своихъ трудовъ въ небольшомъ сочиненіи подъ заглавіемъ: Essai sur les réformes à faire dans notre procédure criminelle, 1789 г., гдѣ рекомендуется публичное производство въ присутствіи присяжныхъ, которые рѣшаютъ дѣло единогласно и наставляются предсѣдательствующимъ судьею. Наконецъ въ 1790 г. Пасторе (Pastoret), въ извѣстномъ сочиненіи своемъ Des lois pénales, предложилъ учредить судебныя установленія въ родѣ римскихъ quaestiones perpetuae, которыя также приближались отчасти къ судамъ присяжныхъ.

При такихъ обстоятельствахъ очевидно, что судъ присяжныхъ не могъ не получить мѣста въ программѣ дѣятельности Національнаго собранія. Первый голосъ въ пользу этого суда подалъ Сіесъ (Siéyes) въ своей пресловутой брошюрѣ: Qu 'est ce que le tiers-état? Затѣмъ появилось сочиненіе неизвѣстнаго автора подъ заглавіемъ: Offrande à la patrie ou discours an tiers-état en France, въ которомъ говорилось, что лучшій способъ искоренить злоупотребленія было бы ввести уголовную юриспруденцію англичанъ; если же этого не будетъ сдѣлано, въ такомъ случаѣ необходимо, чтобы производство было публичное, чтобы обвиняемый имѣлъ адвоката и чтобы судъ творился предъ лицомъ земли и неба. Но въ декларацiи человѣческихъ правъ, первомъ рѣшительномъ документѣ Національнаго собранія, не упоминалось еще о судѣ присяжныхъ. Было положено только, что никто не можетъ быть подвергнутъ уголовному преслѣдованію иначе, какъ въ случаяхъ и формахъ, опредѣленныхъ закономъ. Между тѣмъ сдѣланы были временныя, самыя настоятельныя перемѣны. Эти перемѣны, изложенныя въ декретахъ 8 и 9 Октября 1789 г., заключались въ томъ, что при предварительномъ слѣдствіи должны были присутствовать двое почетныхъ гражданъ (citoyens notables), въ качествѣ помощниковъ (adjoints); обвиняемому предоставлялось выбрать себѣ совѣтника (conseil), который бы присутствовалъ при допросахъ свидѣтелей; окончательное сужденіе дѣла должно было производиться публично, по выслушаніи государственнаго прокурора, показаній обвиняемаго и защиты адвоката.

Наконецъ въ 1790 году, во время происходившихъ преній объ организаціи судебной власти (organisation du pouvoir judiciaire), подвергнутъ былъ въ Національномъ собраніи разсмотрѣнію и вопросъ о присяжныхъ. Разсужденіе открылось чтеніемъ донесенія назначенной прежде на

этотъ предметъ коммиссіи, въ которомъ одинъ изъ ея членовъ Туре (Thouret), изложивъ злоупотребленія тогдашнихъ судовъ, предложилъ совершенное преобразованіе судебной части. Главные вопросы, подлежавшіе рѣшенію, были: 1., слѣдуетъ ли ввести судъ присяжныхъ? и 2., слѣдуетъ ли вѣдать ему дѣла какъ уголовныя, такъ и гражданскія? По этимъ вопросамъ произошли различныя мнѣнія. Дюпоръ (Duport) въ рѣчи своей требовалъ присяжныхъ какъ въ уголовныхъ, такъ и въ гражданскихъ процессахъ. Объяснивъ различіе факта и права, сужденіе которыхъ, по свойству того и другого, должно быть предоставлено разнымъ лицамъ, ораторъ указывалъ на слѣды подобнаго порядка въ древнѣйшія времена французской монархіи, и въ опроверженіе возраженія, что было бы трудно присяжнымъ рѣшать запутанные фактическіе вопросы, особенно при существовавшихъ законахъ, приводилъ примѣры Рима, Англіи и Сѣверной Америки. Другіе принимали судъ присяжныхъ по дѣламъ уголовнымъ, не желая вводить его въ дѣла гражданскія, по той причинѣ, что отдѣлить фактъ отъ права въ гражданскихъ дѣлахъ гораздо труднѣе, чѣмъ въ уголовныхъ процессахъ, и что кромѣ того это повело бы къ слишкомъ большому усложненію гражданскаго законодательства. Этотъ взглядъ нашелъ самыхъ многочисленныхъ приверженцевъ, и между ними былъ Туре. Третье мнѣніе принадлежитъ Сіесу и выражено было первоначально въ изданномъ имъ въ 1790 г. сочиненіи: Aperçu d'une nouvelle organisation de la justice et de la police en France. Онъ рекомендуетъ присяжныхъ какъ для дѣлъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ, и впредь до упрощенія системы законодательства, предлагаетъ составлять въ каждомъ департаментѣ по два списка присяжныхъ, съ тѣмъ, чтобы въ одинъ изъ этихъ списковъ вносить, по выбору избирателей, людей свѣдущихъ въ законахъ, юристовъ (gens

de loi), а въ другой образованнѣйшихъ гражданъ (citoyens recommendables par leurs lumières et leur sagesse). Составленный такимъ образомъ судъ присяжныхъ долженъ былъ уже рѣшать и фактическіе, и юридическіе вопросы въ дѣлѣ, и предсѣдательствующему судьѣ оставалось только произнести окончательный приговоръ. Къ этому проекту пристали нѣкоторые члены Національнаго собранія; но онъ встрѣтилъ сильныхъ противниковъ въ лицѣ Дюпора и Туре. Первый изъ нихъ замѣчалъ, что предложеніе Сіеса не заключаетъ въ себѣ той гарантіи, которую доставляетъ судъ присяжныхъ, различая присяжныхъ отъ судей въ собственномъ смыслѣ, а послѣдній прибавлялъ, что въ этомъ различіи двухъ элементовъ, въ правѣ рѣшать спорные факты дѣла, и состоитъ именно смыслъ суда присяжныхъ, какъ народнаго института. Наконецъ нашлись и противники этого порядка суда, которые говорили, что отсутствіе точнаго взгляда, предразсудки, соперничество и esprit de corps неблагопріятно вліяютъ на рѣшенія присяжныхъ, и что сдѣланныя въ уголовномъ судопроизводствѣ временныя преобразованія служатъ достаточнымъ ручательствомъ правильнаго и безпристрастнаго отправленія правосудія. Но противниковъ суда присяжныхъ было немного (Саваренъ, Тронше,). и потому возраженія ихъ остались безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Результатъ дебатовъ былъ тотъ, что принципъ суда присяжныхъ по дѣламъ уголовнымъ былъ признанъ огромнымъ большинствомъ голосовъ, и особенному комитету (Comité de constitution et de jurisprudence criminelle) поручено составить проектъ закона объ организаціи судовъ присяжныхъ во Франціи, по образцу англійскаго института, при чемъ подразумѣвались и обвинительные присяжные (jury d' accusation). Изготовленный на этомъ основаніи законъ подтвержденъ былъ постановленіями и конституціею 1791 г., и существованіе во Франціи какъ большого или обвини-

тельнаго, такъ и малаго или окончательнаго суда присяжныхъ, казалось, получило прочное основаніе. Но судъ этотъ въ скоромъ времени сдѣлался однимъ лишь посмѣшищемъ; ибо хотя въ 1793 г. и было узаконено, что установленныя тогда чрезвычайные или экстраординарные суды должны рѣшать дѣла не иначе, какъ по приговору присяжныхъ; но суды эти, во времена терроризма, не замедлили превратиться въ постоянныя коммиссіи, которыя пренебрегали самою формою суда присяжныхъ и совершали, такъ сказать, убійства гуртомъ, отказывая даже обвиняемому въ защитѣ адвоката. Когда миновалъ этотъ періодъ французской исторіи, судъ присяжныхъ воскресъ снова во Франціи, и въ системѣ его послѣдовали разныя перемѣны, при чемъ было постановлено, что приговоръ присяжныхъ, если мнѣнія ихъ не были единогласны, можетъ быть произнесенъ не прежде, какъ послѣ 24 часовъ разсужденія.

Въ 1801 г., вознамѣрившись дать Франціи кодексъ законовъ, Наполеонъ приказалъ, чтобы начертанный особою коммиссіею проектъ устава уголовнаго судопроизводства былъ сообщенъ во всѣ судебныя мѣста королевства, для доставленія правительству замѣчаній на этотъ проектъ. Таковыхъ замѣчаній поступило 75. Изъ нихъ 22 были въ пользу суда присяжныхъ, 30 требовали его уничтоженія и 23 не выражали никакого опредѣленнаго мнѣнія. Вообще во всѣхъ замѣчаніяхъ проглядывало убѣжденіе, что юстиція, ослабленная въ своемъ дѣйствіи, нуждается въ обезпеченіи и упроченіи со стороны новаго положительнаго законодательства. Противники же суда присяжныхъ замѣчали, что судъ этотъ хорошъ для Англіи, которая къ нему привыкла, но не подходитъ къ характеру и привычкамъ французской націи, гдѣ рабочее населеніе не имѣетъ достаточно ни времени, ни образованія для исполненія обязанностей присяжныхъ; что среднее сословіе, откуда

они единственно могли бы быть выбираемы, не расположено принять на себя такую тягостную должность и судить своихъ согражданъ, и что это чувство будетъ имѣть послѣдствіемъ оправданіе виновнаго и оставленіе преступленія безнаказаннымъ. При этомъ кассаціонный судъ и многіе другіе трибуналы прямо выражали желаніе возвратиться къ постановленію 1670 и къ тѣмъ измѣненіямъ въ уголовномъ судопроизводствѣ, которыя сдѣланы Національнымъ собраніемъ въ Октябрѣ 1789 года.

Однако Наполеонъ рѣшился удержать судъ присяжныхъ. Онъ считалъ неудобнымъ предоставлять рѣшеніе уголовныхъ дѣлъ тѣмъ самымъ судьямъ, которые рѣшаютъ гражданскіе процессы; признавалъ, что присяжные находятъ въ совѣсти своей достаточное мѣрило для оцѣнки фактическихъ обстоятельствъ, и что легче имѣть вліяніе на присяжныхъ, чѣмъ на судей, которые и въ прежнія времена уже неоднократно и съ успѣхомъ противодѣйствовали незаконнымъ мѣрамъ исполнительной власти. Но удерживая присяжныхъ, Наполеонъ въ то же время озаботился, чтобы выборъ ихъ, въ извѣстной степени, подчинялся контролю и вліянію этой власти, ибо онъ очень хорошо сознавалъ, что отъ способа производства этого выбора зависитъ и большая или меньшая степень обезпеченія, необходимаго для того, чтобы судъ присяжныхъ соотвѣтствовалъ значенію суда разумнаго, независимаго и безпристрастнаго. Съ этою цѣлію, въ изданномъ въ 1808 г. кодексѣ (Code d'instruction criminelle), составленіе списковъ лицамъ, которыя могли быть присяжными, поручалось въ каждомъ департаментѣ префекту, т. е. безотвѣтственному агенту правительства, который, за 15 дней предъ открытіемъ засѣданія суда ассизовъ, изготовлялъ списокъ 60 человѣкъ, избранныхъ имъ по своему усмотрѣнію, и одинъ экземпляръ списка препровождалъ къ министру юстиціи, а другой къ предсѣдателю суда

ассизовъ. Послѣдній уменьшалъ число избранныхъ лицъ, по своему произволу, до 36 человѣкъ, и изъ этихъ-то уже лицъ, за ограниченнымъ правомъ отвода, коимъ пользовались публичный обвинитель и обвиняемый по дѣлу, производился, по жребію, выборъ 12 присяжныхъ, рѣшавшихъ данный уголовный случай. Очевидно, что этотъ порядокъ исказилъ правильное понятіе о судѣ присяжныхъ и сдѣлалъ изъ этого учрежденія родъ какой-то заранѣе составленной коммисіи для сужденія извѣстныхъ лицъ и дѣлъ, согласно съ намѣреніями и видами правительства.

Какъ бы то ни было впрочемъ, въ правильной или искаженной формѣ, но окончательный или малый судъ присяжныхъ, не смотря на вышеозначенныя обстоятельства, угрожавшія его существованію, остался на французской почвѣ, хотя и ограниченный вообще только уголовными преступленіями (crimes). Что же касается большого или обвинительнаго суда присяжныхъ, заимствованнаго изъ Англіи конституціею 1791 г., то во время дебатовъ, происходившихъ въ Январѣ и Февралѣ 1808 г. въ государственномъ совѣтѣ по начертанію проекта новаго кодекса уголовнаго судопроизводства, большинство членовъ совѣта объявило себя противъ обвинительныхъ присяжныхъ, съ чѣмъ и императоръ согласился, по тому, между прочимъ, поводу, что это учрежденіе ослабляетъ силу судебной власти и что присяжные въ этомъ случаѣ ложно понимаютъ свое призваніе, полагая, что и тутъ идетъ рѣчь о произнесеніи приговора о виновности или невинности обвиняемаго. Такимъ образомъ обвинительный судъ присяжныхъ былъ уничтоженъ упомянутымъ кодексомъ, и обязанности его возложены на двухъ различныхъ должностныхъ лицъ, а именно королевскаго прокурора (procureur du roi) и судью-слѣдователя (juge d'instruction). Прокуроръ, въ качествѣ государственнаго обви-

нителя, назначался состоять при судебномъ мѣстѣ того округа, на который распространялось вѣдомство этого суда. Всѣмъ окружнымъ чиновникамъ повелѣвалось доносить прокурору о всякомъ сдѣлавшемся имъ извѣстнымъ преступленіи. Въ важныхъ случаяхъ, прокуроръ долженъ былъ самъ отправиться на мѣсто, для собранія доказательствъ и свѣдѣній о преступленіи и образѣ его совершенія, для спроса обвиняемаго и свидѣтелей, и записанія ихъ показаній. Ему принадлежало право подвергнуть обвиняемаго аресту. Обо всемъ этомъ надлежало составить актъ (procès-verbal). Актъ этотъ препровождался, за надлежащимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ всѣхъ бумагъ и документовъ по дѣлу, къ судьѣ-слѣдователю, котораго въ каждомъ округѣ (arrondissement) назначало правительство въ эту должность на 3 года, изъ числа судей мѣстнаго гражданскаго трибунала. Въ Парижѣ полагалось 6 такихъ судей-слѣдователей. Кодексъ именно узаконялъ, что эти должностныя лица, въ исполненіи своихъ обязанностей по части судебной полиціи, находятся подъ надзоромъ генеральнаго прокурора королевскаго суда (procureur général de la cour royale); но по дѣламъ особенно важнымъ и нетерпящимъ отлагательства, а равно для изслѣдованія преступленія по горячимъ слѣдамъ, уполномочиваются дѣйствовать собственною властію, на томъ же основаніи, какъ и королевскіе прокуроры, однако могутъ требовать, въ помощь себѣ, присутствія сихъ послѣднихъ. Въ прочихъ же случаяхъ судьи-слѣдователи должны совѣщаться съ генеральнымъ прокуроромъ и поступать согласно съ его наставленіями.

Право дѣлать постановленія на счетъ исхода или дальнѣйшаго направленія произведеннаго слѣдствія, а равно рѣшать возникающіе при производствѣ послѣдняго вопросы и сомнѣнія ввѣряется кодексомъ такъ называемымъ совѣщательнымъ камерамъ (chambres du conseil), состоящимъ изъ

трехъ членовъ окружнаго суда, въ томъ числѣ и самаго судьи-слѣдователя. Онъ обязанъ, отъ времени до времени, по меньшей мѣрѣ одинъ разъ въ недѣлю, докладывать камерѣ свои изслѣдованія. Если камера находитъ, что обвиняемый не подлежитъ суду, то дѣлаетъ распоряженіе объ освобожденіи его отъ суда или о передачѣ обвиняемаго въ вѣдѣніе исправительной полиціи, когда, по ея мнѣнію, дѣло подлежитъ разбирательству полицейскимъ порядкомъ. Если же она того мнѣнія, что обвиняемый, по роду преступленія, долженъ быть отосланъ къ суду присяжныхъ, въ такомъ случаѣ все дѣло препровождаетъ къ генеральному прокурору королевскаго суда, который, въ теченіе 5-ти дневнаго срока, докладываетъ его особо учрежденному при каждомъ королевскомъ судѣ отдѣленію по дѣламъ слѣдственнымъ, подъ названіемъ обвинительной камеры (chambre d'accusation), которая окончательно рѣшаетъ, слѣдуетъ ли или не слѣдуетъ подвергнуть суду обвиняемаго.

Въ первомъ случаѣ дѣло передается въ судъ ассизовъ, и генеральный прокуроръ составляетъ обвинительный актъ (acte d'accusation), гдѣ излагаетъ подробно (какъ это и нынѣ дѣлается) всѣ обстоятельства содѣяннаго преступленія, заключая словами: «En conséquence N. est accusé d'avoir commis tel meurtre, tel vol, ou tel autre crime, avec telle et telle circonstance».

Таковы общія черты предварительнаго процесса, посредствомъ котораго лицо, обвиняемое въ преступленіи, привлекается во Франціи къ формальному суду, на основаніи кодекса 1808 г. Замѣчательно, что для преданія суду обвиняемаго, достаточно по кодексу однѣхъ уликъ (indices) въ совершеніи дѣянія, признаваемаго по закону преступленіемъ. Если же, сказано въ кодексѣ, обвинительная камера не усмотритъ никакого *слѣда* (aucune trace) преступленія, или не найдетъ достаточныхъ уликъ

виновности (des indices suffisants de culpabilité), въ такомъ случаѣ распоряжается объ освобожденіи обвиняемаго. Въ Англіи, говоритъ Филипсъ, большой судъ присяжныхъ долженъ быть вполнѣ убѣжденъ въ справедливости того, что̀ излагается въ жалобѣ, не полагаясь ни на вѣроятность, ни на отдаленную возможность преступленія. Быть публично посаженнымъ на скамью обвиняемыхъ есть для всякого дѣло весьма серіозное. По сему и какъ большой судъ присяжныхъ выслушиваетъ однихъ лишь свидѣтелей, показывающихъ противъ обвиняемаго, — жалоба можетъ быть тогда только признана основательною, когда обвинитель докажетъ ее яснымъ и неопроверживымъ образомъ.

Но одна изъ причинъ, по которымъ Наполеонъ уничто жилъ большой судъ присяжныхъ, именно и состояла въ томъ, что присяжные не подвергали обвиняемаго суду, если изъ приведенныхъ жалобщикомъ и публичнымъ обвинителемъ фактовъ можно было вывести однѣ только улики. «Трудность оцѣнить эти улики» — говорилъ въ законодательномъ корпусѣ членъ государственнаго совѣта Форъ (Faure) — «заставляетъ присяжныхъ искать *доказательствъ, въ которыхъ они не имѣютъ надобности;* а какъ они не находятъ этихъ доказательствъ, то нерѣдко случается, что, *не смотря на улики*, оправдываютъ обвиняемаго, вмѣсто того, чтобъ отослать его къ суду». Изъ этого слѣдуетъ, что учрежденіе имѣнно потому и было уничтожено, что оно было хорошо и разумно.

На основаніи англійскихъ законовъ, всякій изъ членовъ большого суда присяжныхъ вправѣ дѣлать вопросы свидѣтелямъ, показывающимъ противъ обвиняемаго, чтобъ убѣдиться совершенно въ справедливости обвиненія. Члены же обвинительной камеры не обязываются Наполеоновымъ кодексомъ ни видѣть, ни выслушивать

свидѣтелей. Этой обязанности не имѣютъ и члены совѣщательной камеры. Тѣ и другіе довольствуются письменнымъ донесеніемъ должностнаго лица, избраннаго не ими, но тою самою властію, во имя которой преслѣдуется обвиняемый. Это лицо допрашиваетъ свидѣтелей тайно и по одиначкѣ; отъ него зависитъ дѣлать имъ какіе угодно вопросы и оставить безъ записки въ procès-verbal отвѣты, которые ему не нравятся.

Отсутствіе трибунала, соотвѣтствующаго англійскому большому суду присяжныхъ, сильно чувствовалось и было предметомъ сожалѣній нѣкоторыхъ весьма замѣчательныхъ французскихъ юристовъ. Между ними Беранже, въ книгѣ своей: Du jury tel qu'il doit être en France, говоритъ, что обвинительный судъ присяжныхъ доставилъ бы Франціи неоцѣненныя преимущества, изъ коихъ главное было бы уничтоженіе тайныхъ изслѣдованій, наносящихъ позоръ французскому законодательству. Свидѣтели, вмѣсто того, чтобы давать свои показанія въ запертой комнатѣ судьи-слѣдователя, были бы допрашиваемы въ присутствіи присяжныхъ; дѣло производилось бы словесно и непродолжительно, и обвиняемый освободился бы отъ массы документовъ, искусно составленныхъ съ цѣлію доказать его виновность. Беранже прибавляетъ, что уничтоженіе въ 1808 г. института обвинительныхъ присяжныхъ сдѣлало необходимымъ удвоить судейскій штабъ, покрыло Францію цѣлымъ войскомъ прокурорскихъ помощниковъ и субститутовъ, умножило число судей первой инстанціи, словомъ до того усложнило механизмъ правосудія, что исказило и почти задержало всѣ его отправленія.

Вообще нѣтъ достаточной причины отвергать учрежденіе обвинительныхъ присяжныхъ въ странѣ, гдѣ введенъ окончательный судъ присяжныхъ. Безопасность гражданъ, замѣчаетъ Шарль Контъ (Comte) въ своихъ *Сооб-*

ражеиіяхъ къ переводу книги вышеупомянутаго англійскаго писателя Филипса: *о власти и обязанностяхъ присяжныхъ*, можетъ быть поставлена въ опасность съ двухъ сторонъ: возможностію, съ одной стороны, осужденія невинныхъ, а съ другой оправданія виновныхъ, или воспрепятствованія ихъ преслѣдованію. Очевидно, что никто не находился бы внѣ опасности, еслибы всякому, кто сдѣлался жертвою преступленія, не былъ предоставленъ способъ преслѣдовать и заставить наказать преступника. Окончательный судъ присяжныхъ, если онъ хорошо организованъ, есть конечно гарантія противъ несправедливыхъ осужденій, но не противъ пристрастныхъ оправданій. Онъ судитъ только по тѣмъ обвиненіямъ, которыя ему представлены, и если надъ нимъ стоитъ магистратура, которая имѣетъ возможность устранить самыя основательныя жалобы, въ такомъ случаѣ нѣтъ ни для кого надежнаго правосудія. Покушенія, которыхъ нельзя совершить путемъ беззаконнымъ приговоровъ, будутъ совершаемы посредствомъ частныхъ насилій, и въ случаѣ обжалованія виновныхъ, можно будетъ признать жалобу неосновательною. Писатель, котораго нельзя сразить судебнымъ рѣшеніемъ, будетъ пораженъ рукою убійцы, и если найдется кто либо, который осмѣлится принести жалобу, ему будетъ объявлено, что жалоба его не заключаетъ въ себѣ никакого предмета обвиненія. Власть оставлять виновныхъ безъ преслѣдованія равносильна власти осуждать невинныхъ, и какъ между постоянными членами магистратуры, особенно между тѣми, которые несутъ обязанности одинаковаго рода, существуетъ взаимная симпатія, взаимная снисходительность, услужливо прикрывающая ихъ ошибки и заблужденія, то во Франціи общество находится безпрестанно въ опасности видѣть въ своихъ нѣдрахъ цѣлый классъ привиллегированныхъ злодѣевъ.

Что касается окончательнаго или малаго суда присяжныхъ, то по законамъ Національнаго собранія 1791 г. составленіе списковъ лицамъ, призывавшимся къ отправленію обязанности присяжныхъ, находилось въ рукахъ должностныхъ лицъ, назначавшихся временно избирателями и слѣдовательно независѣвшихъ отъ исполнительной власти. Каждое изъ этихъ лицъ должно было, предъ наступленіемъ 15 Декабря, записать свое имя въ реестрѣ, хранившемся у секретаря-письмоводителя (Secrétaire-greffier) каждаго округа, подъ опасеніемъ лишенія, въ теченіе 2 лѣтъ, права голоса въ политическихъ собраніяхъ. Эти частные списки или реестры отсылались прокуроромъ-синдикомъ (procureur syndic), т. е. главнымъ администраторомъ округа, лицемъ избирательнымъ, къ генеральному прокурору-синдику, лицу также избирательному, который составлялъ изъ нихъ общій реестръ или списокъ по всѣмъ округамъ ввѣреннаго ему департамента. Для изготовленія изъ этого общаго реестра частнаго списка 12 присяжныхъ для каждаго засѣданія, предоставлялась генеральному прокурору-синдику власть подобная той, которою пользуются англійскіе шерифы, съ тою разницею, что вмѣсто 48 человѣкъ, избираемыхъ шерифами, онъ долженъ былъ избрать для этого 200 человѣкъ. Списокъ этихъ 200 очередныхъ присяжныхъ (liste de service) утверждался, кромѣ того, директоріею или административнымъ совѣтомъ департамента (directoire du département), безъ чего не имѣлъ законной силы, и препровождался, по утвержденіи, къ президенту уголовнаго суда, который предъявлялъ его публичному обвинителю, имѣвшему право отвести десятую часть изъ числа внесенныхъ въ него именъ, т. е. 20 человѣкъ, безъ объясненія причинъ отвода, такъ, что предъ открытіемъ засѣданій списокъ могъ быть сокращенъ до 180 присяжныхъ. Изъ этихъ присяжныхъ, задолго предъ открытіемъ судебныхъ преній, выбирались,

по жребію въ присутствіи президента и нѣкоторыхъ другихъ должностныхъ лицъ, 12 человѣкъ для участвованія въ дебатахъ, и имена ихъ предъявлялись обвиняемому, который имѣлъ право отвести, по своему усмотрѣнію, (péremptoirement), какъ этихъ 12, такъ и послѣдующихъ за тѣмъ, на коихъ выпалъ бы жребій, въ случаѣ отвода первыхъ, продолжая отводъ до тѣхъ поръ, пока оставалось не болѣе 20 присяжныхъ. Этимъ не ограничивалось право обвиняемаго. Онъ могъ еще, въ теченіе 24 часовъ, отводить присяжныхъ съ объясненіемъ основаній отвода; если же отвода не послѣдовало, то тогда же судъ присяжныхъ почитался составленнымъ.

Мы видѣли выше, что сдѣлалъ изъ этого порядка и какъ измѣнилъ его Наполеонъ, съ цѣлію подчинить судъ присяжныхъ своему вліянію; какъ онъ ввѣрилъ составленіе списковъ присяжныхъ слугамъ своимъ префектамъ, которые, за 15 дней предъ открытіемъ ассизовъ, т. е. тогда, когда имъ были уже извѣстны и дѣла и имена подсудимыхъ, назначали въ присяжные тѣхъ, кого хотѣли; какъ списки эти сокращались произвольно министромъ юстиціи почти на половину, и какъ чрезъ то самое стѣснено было право отвода, принадлежащее обвиняемому.

Теперь посмотримъ, какія собственно лица могли быть назначаемы въ присяжные. Національное собраніе признало, что званіе присяжнаго принадлежитъ всякому гражданину, *удовлетворяющему условіямъ, требующимся отъ избирателя*. Мы настаиваемъ на этихъ послѣднихъ словахъ, потому что было бы неправильно и мало сказать, что присяжными могли быть избиратели. На основаніи конституціи 1791 г., выборы имѣли двѣ степени: сначала выбирались не прямо члены законодательныхъ собраній, а избиратели; они выбирались изъ гражданъ, достигшихъ 25-ти лѣтняго возраста и подходившихъ подъ установленный цензъ, который опредѣлялся въ городахъ, имѣв-

шихъ болѣе 6000 жителей, 200 ливрами, а въ городахъ, менѣе населенныхъ, 150 ливрами годоваго дохода. Хотя первоначальныя собранія (assemblées primaires) могли выбирать, въ этой категоріи гражданъ, только число избирателей, пропорціональное мѣстному населенію; но по началу, выраженному Національнымъ собраніемъ, присяжные брались не только изъ среды уже выбранныхъ избирателей, но и изъ среды всѣхъ лицъ, которыя *могли бы быть* выбраны въ избиратели, т. е. которыя достигли 25 лѣтъ и пользовались вышеозначеннымъ количествомъ годоваго дохода. Изъ этого видно, какое обширное основаніе дано было Національнымъ собраніемъ условіямъ, опредѣлявшимъ возможность быть избраннымъ въ присяжные.

Наполеонъ посмѣялся надъ этимъ порядкомъ, и въ кодексѣ 1808 г. опредѣлилъ тѣ качества, которыми, по мнѣнію его, императора, должны были отличаться лица, призываемыя къ отправленію должности присяжнаго. Не входя въ подробности относящихся сюда постановленій, замѣтимъ только, какъ характеристическое обстоятельство, что присяжными, на основаніи 382 ст. кодекса, могли быть гражданскіе чиновники, служители администраціи, но не всѣ, а лишь тѣ, которые получали не менѣе 4,000 франковъ жалованья. Такимъ образомъ исполнительная власть присвоивала себѣ право создавать людей, способныхъ къ исполненію обязанностей присяжныхъ, и отъ нея зависѣло внести въ списокъ, или исключить изъ него кого ей было угодно, тѣмъ болѣе, что въ видѣ исключенія изъ общаго правила, по которому никто не могъ быть присяжнымъ, если не удовлетворялъ опредѣленнымъ для этого условіямъ, но въ сущности къ совершенному уничтоженію этого правила, въ ст. 386 было постановлено, что всякій гражданинъ можетъ просить префекта и получить отъ начальства, въ видѣ милости,

разрѣшеніе быть внесеннымъ въ списокъ присяжныхъ, хотя бы качества его и не соотвѣтствовали означеннымъ условіямъ.

Достойно вниманія, что въ Наполеоновомъ кодексѣ способность быть присяжнымъ разсматривается, между прочимъ, какъ привилегія или дарованное преимущество, тогда какъ въ Англіи считаютъ ее гражданскою тягостію, отъ которой всякій радъ освободиться. «Не трудно объяснить это различіе, — говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ англійскихъ юристовъ. Въ Англіи, благодаря опыту столѣтій, до того привыкли къ суду присяжныхъ, что смотрятъ на него почти съ равнодушіемъ, и довѣріе къ совершенно честному отправленію уголовной юстиціи столь прочно и глубоко, что никому не приходитъ въ голову воображать себѣ, что онъ можетъ своею личностію способствовать дѣлу правосудія, или что его призываютъ къ участію въ судѣ присяжныхъ для защиты своего согражданина. Мы смотримъ на призваніе быть присяжнымъ, — продолжаетъ тотъ же писатель, — какъ на непріятную помѣху въ нашихъ частныхъ занятіяхъ, будучи твердо увѣрены, что обвиняемый, подъ руководствомъ предсѣдательствующаго судьи, будетъ судимъ и справедливо, и снисходительно, каковъ бы ни былъ составъ присяжныхъ. Но во Франціи этотъ родъ суда былъ новостію. Приглашеніе рѣшать вопросы о жизнѣ и свободѣ и отправлять должность, принадлежавшую дотолѣ исключительно судьямъ и парламентамъ, считалось лестнымъ и почетнымъ, и возвышало участника въ этомъ правѣ не только въ его собственныхъ глазахъ, но и въ глазахъ его согражданъ. По этому и на самую должность присяжнаго смотрѣли какъ на особенную честь и отличіе.»

Хотя въ хартіи 1814 года и дано было косвенно обѣщаніе преобразовать систему суда присяжныхъ во Франціи согласно съ указаніями дальнѣйшаго опыта, и хотя

и безъ этого опыта можно было убѣдиться, что въ кодексѣ 1808 г. судъ присяжныхъ существовалъ только по имени, но до 1827 года не было сдѣлано по этому предмету никакихъ существенныхъ улучшеній. Въ этомъ же году, и именно 2 Мая, парламентское правительство издало законъ о судѣ присяжныхъ (loi sur le jury), который былъ дѣйствительнымъ, хотя и относительнымъ успѣхомъ въ ходѣ французскаго уголовнаго судопроизводства. Начала, принятыя въ основаніе этого закона, приблизились болѣе къ первоначальной идеѣ суда присяжныхъ во Франціи и, такъ сказать, воскресили смыслъ и достоинство этого установленія. Право быть присяжнымъ, главнымъ образомъ, обусловлено было званіемъ избирателя, которое, въ свою очередь, зависѣло отъ количества ценса. Ценсъ, опредѣлявшійся первоначально въ 300 франковъ, былъ понижен закономъ 29 Апрѣля 1831 г. до 200 франковъ. Кромѣ членовъ избирательныхъ сословій, т. е. лицъ, пользовавшихся правомъ избранія, законъ 1827 г. допускалъ къ участію въ судѣ присяжныхъ нѣкоторыхъ должностныхъ и другихъ лицъ, заслужившихъ довѣріе и доброе имя въ обществѣ, какъ напр. отставныхъ военныхъ и морскихъ офицеровъ, если они прожили, по отставкѣ, 5 лѣтъ въ департаментѣ и слѣдовательно достаточно отвыкли отъ пассивной лагерной жизни, докторовъ и лиценціатовъ правъ, медицины и прочихъ факультетовъ, нотаріусовъ, исполнявшихъ должность свою въ продолженіе 3 лѣтъ и т. п. Наконецъ, и что̀ еще важнѣе, законъ опредѣлилъ съ надлежащею точностію порядокъ составленія списковъ присяжнымъ, какъ общаго, постояннаго, отъ времени до времени дополнявшагося и исправлявшагося списка, въ который должны были вписываться имена всѣхъ лицъ въ департаментѣ, имѣвшихъ право быть выбранными въ присяжные, а равно годоваго тѣмъ изъ нихъ, которыя могли быть дѣйствительно призваны

къ этой должности въ теченіе каждаго года, такъ и частныхъ списковъ, одного на все время засѣданія суда ассизовъ, а другого для каждаго отдѣльнаго дѣла.

Въ томъ же духѣ изданы были дополнительныя постановленія 2 Іюля 1828 г. (loi sur la révision des listes électorales et du jury), 19 Апрѣля 1831 г. (loi sur les élections), и 7 Августа 1848 г. (décret sur le jury), примѣненныя, разумѣется, къ перемѣнамъ, происшедшимъ въ промежуткѣ этого времени въ политическомъ устройствѣ французскаго государства. Наконецъ 10 Іюня 1853 г. послѣдовалъ законъ (loi sur la composition du jury), который согласилъ вышеупомянутыя отдѣльныя постановленія съ настоящимъ политическимъ положеніемъ Франціи и далъ образованію суда присяжныхъ въ этой странѣ тотъ видъ, ту форму, въ которой онъ и нынѣ представляется *).

Приступая затѣмъ къ изложенію содержанія этого закона, замѣтимъ, что въ немъ заключаются, съ одной стороны, постановленія, которыми опредѣляются условія, необходимыя для призываемыхъ къ участію въ этомъ судѣ вообще, съ другой—правила составленія годоваго списка присяжнымъ, и наконецъ правила о порядкѣ составленія этого списка для каждаго отдѣльнаго засѣданія суда ассизовъ.

1.) Въ прежнее время, какъ уже отчасти и изъ предыдущаго видно, званіе присяжнаго разсматривалось во Франціи не только какъ обязанность, но и главнымъ образомъ какъ право политическое, принадлежавшее вся-

*) Въ 4. титулѣ закона 1853 г., подъ заглавіемъ: dispositions générales, именно сказано, что прежнія узаконенія, насколько они не противны тому закону, сохраняютъ свою силу; почему для правильнаго уразумѣнія существующаго теперь во Франціи порядка составленія суда присяжныхъ, необходимо имѣть постоянно въ виду и современные и прежніе источники французскаго положительнаго права по сему предмету.

кому, кто достигъ извѣстнаго возраста и пользовался извѣстнымъ доходомъ. Нарушеніе или непризнаніе этого права могло быть преслѣдуемо и отыскиваемо въ судебномъ порядкѣ, и шло рука объ руку съ электоральнымъ правомъ. Но съ 1853 г. допущеніе къ отправленію должности присяжнаго не составляетъ ни для кого предмета права. Тѣ, которые удовлетворяютъ общимъ законнымъ требованіямъ въ этомъ отношеніи, почитаются *способными по закону* (aptes légalement) участвовать въ отправленіи должности присяжнаго, если они притомъ имѣютъ необходимыя для этого личныя индивидуальныя свойства. Засимъ изъ числа признаваемыхъ законноспособными, подлежащая власть призываетъ къ участію въ судѣ присяжныхъ того, кого она заблагоразсудитъ, безъ всякаго права со стороны непризванныхъ требовать или домогаться этого назначенія.

Общія условія для того, чтобъ быть присяжнымъ, суть полный тридцати-лѣтній возрастъ и пользованіе политическими, гражданскими и семейственными правами.

Почитаются *неспособными* къ тому: 1., приговоренные къ наказаніямъ уголовнымъ (peines afflictives et infamantes), 2., или исправительнымъ за дѣянія, признаваемыя по закону преступленіемъ (crime); 3., лица военнаго званія, присужденныя къ тяжкимъ арестантскимъ особаго рода (boulet) или общественнымъ работамъ; 4., приговоренные къ тюремному заключенію на время не менѣе 3 мѣсяцевъ; 5., тѣ, кои приговорены къ этому заключенію, на какой бы то ни было срокъ, за кражу, мошенничество, злоупотребленіе довѣренности, похищеніе ввѣренной общественной собственности, за преступленія противъ вѣры и общественной нравственности, означенныя въ ст. 330 и 334 уголовнаго уложенія (Code pénal), за нападки противъ принципа права собственности и

правъ семейственныхъ, за нищенство или бродяжество, нарушеніе постановленій ст. 38, 41, 43 и 45 рекрутскаго устава 21 Марта 1832 г., а равно ст. 318 и 42 уголовнаго уложенія и ст. 1 закона 27 Марта 1851 г.; 6., ростовщики, осужденные за это преступленіе; 7., преданные суду и скрывшіеся отъ суда; 8., нотаріусы, письмоводители судебныхъ мѣстъ (greffiers) и тому подобныя должностныя лица (officiers ministeriels), лишенныя своего званія; 9., банкроты, не возстановленные въ своихъ правахъ; 10., тѣ, коимъ воспрещено быть присяжными въ силу ст. 396 устава уголовнаго судопроизводства (Code d' Instr. crimin.) и ст. 42 угол. уложенія; 11., тѣ, кои подверглись задержанію или аресту.

Сверхъ того, почитаются не способными, но лишь въ теченіе пяти лѣтъ, со дня истеченія срока наказанія, приговоренные къ тюремному заключенію на время не менѣе 1 мѣсяца.

Должность присяжнаго почитается *несовмѣстною* съ званіемъ министра, президента сената, предсѣдателя законодательнаго собранія, члена государственнаго совѣта, помощника статсъ-секретаря или генеральнаго секретаря министерства, префекта и помощника префекта, совѣтника префектуры, судьи, прокурора судебныхъ инстанцій 1-й степени, полицейскаго коммисара, священнослужителя какого-либо изъ признанныхъ въ государствѣ вѣроисповѣданій, лицъ, находящихся при должности въ военно-сухопутной или морской дѣйствительной службѣ, чиновниковъ таможеннаго, финансоваго, лѣснаго и телеграфнаго вѣдомствъ, и содержателя начальнаго общиннаго училища.

Независимо отъ того, законъ предусматриваетъ обстоятельства, которыя препятствуютъ быть присяжнымъ, или освобождаютъ отъ этой должности, а именно:

Не могутъ быть присяжными: а., домашніе слуги и вообще лица, находящіяся въ услуженіи по найму; б., неумѣющіе читать и писать по французски, и в., содержащіеся въ домахъ умалишенныхъ, по закону 30 Іюня 1838 г.

Освобождаются отъ должности присяжнаго: а., достигшіе 70 лѣтняго возраста, и б., тѣ, которые должны пропитываться дневными трудами рукъ своихъ.

Освобождаются также, *по прошенію*, отъ этой должности: а., сенаторы и члены законодательнаго собранія, но лишь на время продолженія засѣданій, и б., тѣ, которые отправляли эту должность въ теченіе текущаго и прошедшаго года.

Наконецъ, на основаніи 392 ст. Code d' instr. crim., никто не можетъ быть присяжнымъ по тому же дѣлу, по которому онъ былъ агентомъ судебной полиціи, или свидѣтелемъ, переводчикомъ, экспертомъ или стороною, участвующею въ дѣлѣ.

Къ вышеизложеннымъ законнымъ причинамъ практика присовокупляетъ еще нѣкоторыя причины естественной неспособности, каковы: доказанная глухота или совершенная слѣпота.

2.) Рядъ дѣйствій, предпринимаемыхъ по составленію списковъ лицамъ, могущимъ быть присяжными, направленъ къ той окончательной цѣли, чтобы выбрать 12 человѣкъ, необходимыхъ для составленія суда присяжныхъ (jury) по каждому дѣлу. Выборъ этотъ, по закону 1853 г., представляется результатомъ послѣдовательныхъ болѣе, или менѣе сложныхъ операцій, имѣющихъ цѣлію прежде всего составленіе въ каждомъ департаментѣ списка лицамъ, которыя могутъ быть призваны къ участію въ судѣ ассизовъ въ теченіе цѣлаго года (liste annuelle).

Списокъ этотъ составляется для Сенскаго департамента изъ 2,000, для департаментовъ, гдѣ болѣе 300 т. жи-

телей, изъ 500, для департаментовъ, имѣющихъ населеніе отъ 200 т. до 300 т. жителей, изъ 400, и наконецъ для департаментовъ, гдѣ менѣе 200 т. жителей,— изъ 300 человѣкъ. Распредѣленіе присяжныхъ въ годовомъ спискѣ, по округамъ и по кантонамъ, соотвѣтственно оффиціальной табели народонаселенію, дѣлается въ первой половинѣ Октября каждаго года, префектомъ, который, препровождая къ мировому судьѣ постановленіе свое по этому предмету, состоявшееся въ совѣтѣ префектуры, сообщаетъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ имена присяжныхъ въ кантонѣ, на которыхъ выпалъ жребій въ прошедшемъ и текущемъ году. Засимъ составляется, въ теченіе первыхъ 8 дней Ноября мѣсяца, подъ предсѣдательствомъ мирнаго судьи, изъ муниципальныхъ чиновниковъ, коммиссія, которая изготовляетъ предварительные списки, подписываетъ ихъ и отсылаетъ къ префекту или помощнику префекта, который, въ свою очередь, составляетъ изъ всѣхъ мирныхъ судей въ округѣ, подъ своимъ предсѣдательствомъ, другую коммиссію для выбора, по этимъ предварительнымъ спискамъ, въ теченіе 15 дней по полученіи оныхъ, числа присяжныхъ, необходимаго для составленія списка по цѣлому округу, сообразно сдѣланному распредѣленію. Коммисія можетъ впрочемъ, по большинству голосовъ членовъ своихъ, увеличить или уменьшить, для каждаго кантона, пропорціальную долю присяжныхъ, опредѣленную префектомъ, съ тѣмъ только, чтобы это увеличеніе или уменьшеніе не превосходило четвертой части присяжныхъ, назначенныхъ для кантона, и не измѣняло участка, причитающагося на цѣлый округъ. Окончательно изготовленный такимъ образомъ списокъ по округу отсылается, за надлежащимъ подписаніемъ, безъ промедленія времени, въ генеральный секретаріатъ префектуры, гдѣ и остается для храненія.

Независимо отъ годового списка, составляется ежегодно, въ особой коммисіи, спеціальный списокъ добавочнымъ или дополнительнымъ присяжнымъ (liste spéciale annuelle de jurés suppléants), которые берутся изъ числа присяжныхъ того города, гдѣ происходитъ засѣданіе ассизовъ. Для г. Парижа списокъ этотъ составляется изъ 200, а для прочихъ департаментовъ изъ 50 человѣкъ.

Затѣмъ по полученіи окружныхъ списковъ, префектъ изготовляетъ по нимъ годовой списокъ по департаменту и спеціальный дополнительный списокъ присяжнымъ, и передаетъ оба эти списка, предъ наступленіемъ 15 числа Декабря, въ протоколъ того судебнаго мѣста, на которое возложено производство суда ассизовъ въ департаментѣ. Еслибы случилось, что по окончательномъ изготовленіи списковъ, кто нибудь, изъ числа присяжныхъ, внесенныхъ въ оные, подвергся смерти или какимъ либо причинамъ законной неспособности, препятствующимъ исполнять должность присяжнаго, то о семъ обязанъ префектъ немедленно довести до свѣдѣнія президента означеннаго судебнаго мѣста.

3.) Всѣ объясненныя дѣйствія разнородныхъ властей по составленію годоваго списка присяжнымъ, дѣйствія коллегіальныя, представляющія во всякомъ случаѣ болѣе гарантіи для правосудія, чѣмъ произвольныя самоличныя распоряженія префекта по кодексу 1808 г., имѣютъ характеръ исключительно административный. Судебныя же дѣйствія начинаются собственно приготовленіемъ, по этому первому годовому списку, другого списка изъ 36 лицъ, которыя обязаны отправлять должность присяжныхъ въ продолженіе всего времени засѣданія ассизовъ. Выборъ этихъ лицъ производится, по жребію, первымъ президентомъ императорскаго суда, а въ городахъ, гдѣ нѣтъ апелляціонной инстанціи, предсѣдателемъ главнаго мѣстнаго суда, публично, по крайней мѣрѣ за десять дней до от-

крытія суда ассизовъ. Имена избранныхъ такимъ образомъ 36 человѣкъ присяжныхъ и составляютъ то, что называется спискомъ засѣданія — la liste de la session. Кромѣ того выбираются для каждаго засѣданія, изъ вышеозначеннаго годоваго-спеціальнаго списка, тѣмъ же порядкомъ, 4 добавочныхъ присяжныхъ.

Послѣ изготовленія списка для засѣданія ассизовъ, слѣдуетъ извѣщеніе о томъ всякого, кто внесенъ въ этотъ списокъ, а равно всякого обвиняемаго по дѣлу.

Для извѣщенія лицъ, избранныхъ въ прясяжные, префектъ посылаетъ къ каждому изъ нихъ не цѣлый списокъ засѣданія, но извлеченіе изъ списка, удостовѣряющее, что имя его дѣйствительно внесено въ этотъ списокъ. Извѣщеніе это (notification) должно быть сдѣлано по крайней мѣрѣ за 8 дней до того дня, когда имѣетъ быть употребленъ самый списокъ въ дѣло, каковой день означается въ извѣщеніи, съ приглашеніемъ явиться къ этому дню въ надлежащее судебное мѣсто, подъ опасеніемъ взысканій, въ законѣ опредѣленныхъ. Въ случаѣ невозможности личнаго извѣщенія, оно посылается къ призываемому лицу на домъ, а равно къ мѣстному мэру или помощнику мэра, который обязанъ поставить о семъ это лицо въ извѣстность.

Что же касается извѣщенія всякого обвиняемаго по дѣлу, то въ этомъ отношеніи наблюдается, съ одной стороны, чтобы обвиняемый, послѣ извѣщенія о составленномъ спискѣ присяжныхъ, имѣлъ достаточно времени собрать свѣдѣнія о тѣхъ изъ числа присяжныхъ, въ разсужденіи коихъ онъ могъ бы сдѣлать возраженія или воспользоваться правомъ отвода, еслибы жребій сдѣлалъ ихъ его судьями,—на каковой предметъ предписывается извѣщать о семъ обвиняемаго не позже, чѣмъ наканунѣ дня, назначеннаго для сужденія дѣла,—а съ другой, чтобы въ теченіе этого времени онъ не успѣлъ расположить при-

сяжныхъ въ свою пользу или вообще употребить на нихъ какое либо вліяніе. Но эта послѣдняя предосторожность лишена теперь всякого практическаго значенія, потому что, на основаніи вышеупомянутаго закона 2 Мая 1827 г., выборъ присяжныхъ, составляющихъ списокъ засѣданія, производится публично и имена ихъ публикуются въ газетахъ.

Изложивъ такимъ образомъ порядокъ составленія обоихъ списковъ, годового и отдѣльнаго для каждаго засѣданія ассизовъ, остается прибавить, что изъ этого послѣдняго списка, посредствомъ новой балотировки по жребію, выбираются тѣ двѣнадцать человѣкъ присяжныхъ, которые призываются къ рѣшенію дѣла въ данномъ случаѣ, и имена которыхъ составляютъ такъ называемую во французскомъ правѣ таблицу присяжныхъ — tableau des jurés. Выборъ означенныхъ 12 присяжныхъ производится въ день, опредѣленный для дебатовъ или судебныхъ преній, по каждому дѣлу, предсѣдателемъ суда ассизовъ, при помощи письмоводителя (greffier), въ присутствіи генеральнаго прокурора, обвиняемаго и его защитника, для чего, предъ открытіемъ засѣданія, вызываются всѣ наличные присяжные, не изъятые и не освобожденные отъ этой обязанности, и имя всякого присяжнаго, отвѣчающаго на вызовъ, кладется въ урну.

Присяжный, который, безъ достаточной и доказанной причины, не явится на мѣсто по приглашенію, или, явившись, удалится прежде исполненія своихъ обязанностей, приговаривается судомъ ассизовъ къ денежному взысканію: въ 1-й разъ 500, во 2-й 1000, а въ 3-й—1500 франковъ, съ объявленіемъ его притомъ, въ семъ послѣднемъ случаѣ, печатно и на его счетъ, неспособнымъ отправлять впредь должность присяжнаго. Впрочемъ по закону 1853 г., денежное взысканіе за первую неявку можетъ быть уменьшено судомъ до 200 франковъ.

По мѣрѣ того, какъ имена присяжныхъ вынимаются изъ урны, предоставляется обвиняемому или его адвокату, а за ними генеральному прокурору отводить присяжныхъ, по своему усмотрѣнію, съ нижеизложенными ограниченіями, не объясняя причинъ отвода; когда же вынуты изъ урны 12 неотведенныхъ присяжныхъ, то въ ту же минуту судъ присяжныхъ почитается составленнымъ. Отводъ, дѣлаемый обвиняемымъ и прокуроромъ, прекращается, коль скоро осталось не болѣе 12 присяжныхъ. Прокуроръ и обвиняемый имѣютъ право на одинаковое число отводовъ; но въ случаѣ нечетнаго числа присяжныхъ, право на лишній отводъ принадлежитъ обвиняемымъ.

Для составленія суда присяжныхъ по каждому дѣлу необходимо, чтобы въ жеребьевой урнѣ было не менѣе 30 именъ присяжныхъ, такъ что, если изъ 36 лицъ, составляющихъ списокъ засѣданія (liste de la session), не явилось къ назначенному дню болѣе 6 человѣкъ, по той или другой причинѣ, то остающееся число почитается недостаточнымъ для избранія изъ онаго 12 присяжныхъ и пополняется 4-мя вышеупомянутыми добавочными присяжными, которые на этотъ случай обязаны присутствовать при избраніи и замѣнять собою недостающихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они внесены въ дополнительный списокъ засѣданія. Если же и дополнительными присяжными число ихъ не пополнится до требуемыхъ закономъ 30, то недостающее число избирается, по жребію, для скорости и большаго удобства, изъ внесенныхъ въ годовой списокъ присяжныхъ того города, гдѣ происходитъ засѣданіе ассизовъ.

Наконецъ, можетъ случиться, что уже послѣ назначенія и вступленія 12 присяжныхъ въ отправленіе своей должности, кого нибудь изъ нихъ недостанетъ, прежде окончанія процесса, по случаю смерти, болѣзни или по иной какой либо причинѣ. На этотъ случай законъ упол-

номочиваетъ судъ ассизовъ, когда дѣло такого рода, что можно ожидать продолжительныхъ преній по оному, постановить, чтобы, независимо отъ 12 присяжныхъ, избраны были, по жребію, таковыхъ еще одинъ или двое, для присутствованія при дебатахъ и судебныхъ дѣйствіяхъ по разсматриваемому дѣлу, и замѣщенія въ порядкѣ, жребіемъ указанномъ, тѣхъ изъ 12 присяжныхъ, которые были бы не въ состояніи присутствовать въ судѣ до постановленія окончательнаго опредѣленія.

Таковъ существующій нынѣ во Франціи порядокъ составленія суда присяжныхъ. Отдавая справедливость этому порядку въ отношеніи полноты и точности, съ какими опредѣлены дѣйствія коллегій и лицъ, участвующихъ въ изготовленіи списковъ присяжнымъ, не можемъ, однакоже, не замѣтить, что порядокъ этотъ слишкомъ сложенъ, и что исполненіе опредѣляющихъ его постановленій, а за симъ и обязанностей, возлагаемыхъ этими постановленіями на означенныя коллегіи и лица, ничѣмъ не обезпечивается со стороны закона.

О различіи между положеніемъ и значеніемъ англійскаго шерифа, лица независимаго и неполучающаго отъ короны никакого содержанія, и положеніемъ французскаго префекта, который можетъ быть во всякое время лишенъ своего мѣста и сопряженныхъ съ нимъ матеріальныхъ выгодъ и на долю котораго все таки выпадаетъ наибольшее вліяніе въ составленіи вышеозначенныхъ списковъ,— объ этомъ различіи мы не считаемъ нужнымъ распространяться. Не говоримъ также о способѣ составленія списковъ присяжнымъ въ Англіи, такъ какъ это повлекло бы насъ за предѣлы настоящей статьи, которая не имѣетъ въ виду представить полное, подробное сравненіе французскаго и англійскаго законодательствъ по этому предмету. Ограничиваемся только слѣдующимъ замѣчаніемъ, которое касается самаго существеннаго различія, составляющаго силу одной и слабость другой системы.

Одна изъ коренныхъ юридическихъ истинъ заключается въ томъ, что предписаніе или повелѣніе общественной власти имѣетъ дѣйствительный характеръ закона тогда только, когда лица, которымъ дается это предписаніе, поставлены въ неизбѣжность или исполнить предписаніе, или подвергнуться, за неисполненіе его, законному наказанію. Наказаніе, въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, составляетъ то, что называютъ *санкціею* закона. Предписанія или запрещенія, съ которыми не связана такая санкція, собственно говоря, не суть законы. Это не болѣе, какъ мнѣнія или совѣты, которые исполняются или не исполняются, смотря потому, что кому совѣтуютъ его интересъ или благоразуміе. Чтобъ уничтожить законъ, достаточно уничтожить его санкцію, т. е. отмѣнить наказаніе, которое опредѣлено за его нарушеніе. Это даетъ всякому свободу сообразоваться въ исполненіи своихъ обязанностей съ личными своими побужденіями. Какъ ни просты и даже тривіальны подобныя истины, но онѣ въ дѣлѣ законодательства имѣютъ первостепенную важность. На нихъ основаны всѣ парламентскіе акты, которыми измѣнялись или утверждались законы, касающіеся составленія суда присяжныхъ въ Англіи. Въ этихъ законахъ нѣтъ ни одного запрещенія, ни одного повелѣнія, котораго нарушеніе не влекло бы за собою наказанія, соразмѣрнаго со степенью важности самаго нарушенія. Отъ этого наказанія не освобождается ни частный человѣкъ, ни должностное лицо, кѣмъ бы оно ни назначалось.

Напротивъ, изложенные французскіе законы не содержатъ въ себѣ ни одного постановленія, которое не могло бы быть нарушено безнаказанно; при всей сложности обязанностей, возлагаемыхъ ими на должностныхъ лицъ, коимъ ввѣряется составленіе списковъ и выборъ присяжныхъ, ни одна не освящена угрозою наказанія.

Правда, министры властны удалить тѣхъ изъ своихъ агентовъ, которые не исполняютъ законовъ; зато они имѣютъ эту власть и въ отношеніи къ тѣмъ изъ нихъ, которые исполняютъ слишкомъ точно эти законы. Если простой гражданинъ или присяжный уклонится отъ исполненія своей обязанности, онъ подвергается, какъ мы видѣли, взысканію отъ 200—до 1,500 франковъ. Если же префектъ нарушитъ долгъ свой, тѣмъ или инымъ образомъ, если онъ, напр., внесетъ въ списокъ такихъ лицъ, которыхъ вносить туда не слѣдуетъ, или не внесетъ такихъ, которыя должны находиться въ спискѣ, никто не можетъ на него жаловаться, и законъ за то съ него не взыскиваетъ.

Дальнѣйшее теченіе французскаго процесса, при производствѣ суда присяжныхъ, существенно заключается въ слѣдующемъ.

Президентъ суда ассизовъ, при открытіи засѣданія, обращаясь къ присяжнымъ, говоритъ: «Вы клянетесь и обѣщаете предъ Богомъ и людьми разсмотрѣть съ самымъ строгимъ вниманіемъ обвиненія, которыя будутъ представлены противъ N, не измѣняя интересамъ ни обвиняемаго, ни общества, которое его обвиняетъ; клянетесь, что не будете имѣть ни съ кѣмъ сообщенія до произнесенія вами приговора, не будете увлекаться ни злобою, ни ненавистію, ни страхомъ, ни расположеніемъ; но будете судить согласно силѣ и роду обвиненія и оправданія, слѣдуя внушеніямъ вашей совѣсти и вашего искренняго убѣжденія, съ безпристрастіемъ и твердостію, приличными людямъ справедливымъ и свободнымъ!» Затѣмъ всякій присяжный приглашается президентомъ къ принятію присяги, которую и исполняетъ, поднимая руку и произнося слова: «*je le jure.*» По окончаніи судебныхъ преній и по выслушаніи доказательствъ въ пользу и противъ обвиняемаго, президентъ излагаетъ дѣло въ сокра-

щенномъ видѣ, обращая вниманіе присяжныхъ на главнѣйшія его обстоятельства, и потомъ предлагаетъ вопросъ, который они должны рѣшить, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: обвиняемый виновенъ ли въ совершеніи такого-то преступленія, со всѣми обстоятельствами, содержащимися въ заключеніи обвинительнаго акта (L'accusé est-il coupable d'avoir commis tel crime, avec toutes les circonstances comprises dans le résumé de l'acte d'accusation)? Таковъ вопросъ, который долженъ быть предлагаемъ по содержанію 337 ст. Code d'instruction criminelle. Но такъ какъ трудно ожидать одного удовлетворительнаго отвѣта на такой сложный вопросъ, то на практикѣ принято и закономъ дозволено раздѣлять вопросы, а вслѣдствіе того и отвѣты по пунктамъ, касающимся: 1.) главнаго факта въ дѣлѣ, главныхъ составныхъ элементовъ преступленія (le fait principal); 2.) обстоятельствъ, увеличивающихъ вину подсудимаго (circonstances aggravantes), и притомъ какъ содержащихся въ обвинительномъ актѣ, такъ и обнаруженныхъ во время дебатовъ; 3.) обстоятельствъ, извиняющихъ или оправдывающихъ виновнаго (excuses légales); 4.) вопроса о разумѣніи въ отношеніи къ подсудимымъ, недостигшимъ 16-ти лѣтняго возраста (question de discernement), и наконецъ 5.) вспомогательныхъ вопросовъ (questions subsidiaires), если при производствѣ дѣла оказалось, что фактъ, составляющій предметъ обвиненія, имѣетъ другой характеръ или можетъ быть разстатриваемъ съ иной законной точки зрѣнія.

По предложеніи этихъ вопросовъ, президентъ объявляетъ присяжнымъ, что если большинство ихъ признаетъ существованіе обстоятельствъ, уменьшающихъ вину подсудимаго или подсудимыхъ, то имъ слѣдуетъ означить это словами: «A la majorité, il y a des circonstances atténuantes.» Затѣмъ президентъ даетъ присяжнымъ письменные вопросы, съ приложеніемъ обвинительнаго акта, прото-

коловъ (procés verbaux) и прочихъ документовъ, къ процессу относящихся (т. е. всего того, что̀ служитъ къ обвиненію подсудимаго), *за исключеніемъ свидѣтельскихъ показаній*, и предваряетъ присяжныхъ, что они должны подавать голоса посредствомъ тайной балотировки, и въ случаѣ признанія виновности подсудимаго простымъ большинствомъ голосовъ, объяснить это въ своемъ приговорѣ. Тогда обвиняемый выводится изъ присутствія и присяжные удаляются въ свою комнату, называемую chambre des déliberations du jury, въ сопровожденіи судебнаго пристава, и избираютъ старшаго или главнаго присяжнаго, называемаго chef du jury, который есть не кто другой, какъ первый изъ присяжныхъ, на котораго выпалъ жребій. Ему вмѣняется въ обязанность прочесть вслухъ своимъ товарищамъ слѣдующую формулу или инструкцію, сохранившуюся до нынѣ со временъ Національнаго собранія и которая находится всегда на виду въ совѣщательной комнатѣ присяжныхъ: «Законъ не требуетъ отъ присяжныхъ отчета въ средствахъ, путемъ которыхъ они получили убѣжденіе, и не предписываетъ имъ правилъ, отъ коихъ они должны въ особенности поставлять въ зависимость полноту и достаточность доказательства; законъ только предписываетъ присяжнымъ вопрошать самихъ себя въ тишинѣ и уединеніи, и изслѣдовать, въ глубинѣ своей совѣсти, какое впечатлѣніе произвели на ихъ разсудокъ доказательства, предъявленныя противъ обвиняемаго, и способъ его оправданія. Законъ не говоритъ имъ: *вы сочтете за истину всякій фактъ, подтвержденный такимъ-то или такимъ-то числомъ свидѣтелей;* ниже того: *вы не признаете достаточнымъ доказательства, которое не будетъ заключаться въ такомъ-то протоколѣ, въ такихъ-то документахъ, въ такомъ-то числѣ свидѣтельскихъ показаній или уликъ;* онъ дѣлаетъ присяжнымъ только слѣдующій вопросъ, со-

держащій въ себѣ полную мѣру ихъ обязанностей: *имѣете ли вы внутреннее непосредственное убѣжденіе* (avez-vous une intime conviction)?»

Хотя присяжные обязываются судить этою формулою объ однихъ лишь фактахъ, не принимая въ соображеніе законныхъ слѣдствій своего приговора; хотя ихъ призываютъ единственно для разрѣшенія фактическаго вопроса: изобличается ли или не изобличается подсудимый во взводимомъ на него обвиненіи, но нельзя скрыть, что они обращаютъ вниманіе и на тяжесть наказанія, положеннаго закономъ за преступленіе. «Le jury — сказалъ въ 1831 году въ палатѣ депутатовъ одинъ изъ ея членовъ— n'ignore pas la peine, il la prend en considération, et plus la peine est grande, plus il est difficile avec lui-même pour résoudre contre un accusé la question qui lui est soumise. Впрочемъ это отнюдь не составляетъ особенности Франціи. «Если чувство сожалѣнія иногда превозмогаетъ въ присяжныхъ чувство долга, то это объясняется—замѣчаетъ англійскій юристъ Форситъ — свойствомъ человѣческой природы, особенно въ людяхъ того класса, изъ котораго обыкновенно берутся присяжные по дѣламъ уголовнымъ. То же самое существуетъ въ Англіи и должно существовать вездѣ, гдѣ введенъ судъ присяжныхъ. Явленіе это имѣетъ весьма важное практическое послѣдствіе. Оно научаетъ насъ, что уголовные законы не должны быть слишкомъ строги, не должны возмущать неумѣренною строгостію своею чувствъ народныхъ: иначе законы эти будутъ обезсиливаться оправдывающими обвиняемаго приговорами.» Такое же мнѣніе выражаетъ Миттермайеръ въ своемъ трактатѣ: *О доказательствахъ въ дѣлахъ уголовныхъ.*

Подача голосовъ присяжными, какъ сказано выше, производится тайно; но это не мѣшаетъ присяжнымъ входить до тѣхъ поръ въ словесныя пренія или объясненія другъ

съ другомъ, не мѣшаетъ даже объясняться съ тѣми, кого президентъ велитъ пустить въ ихъ комнату, вообще недоступную. Законъ 13 Мая 1836 г. (loi sur le mode du vote du jury au scrutin secret), измѣненный отчасти закономъ 9 Іюня 1853 г. установилъ самую форму, въ которой должна совершаться подача присяжными своихъ мнѣній.

На этотъ конецъ каждый изъ присяжныхъ получаетъ отъ перваго присяжнаго (chef du jury) открытую записку за штемпелемъ суда ассизовъ и съ слѣдующею надписью: Sur mon honneur et ma conscience, ma declaration est..... Послѣ этихъ словъ, каждый присяжный долженъ написать самъ, или поручить секретно написать за себя другому присяжному, по своему выбору, слово oui или слово non на столѣ, расположенномъ такимъ образомъ, чтобы никто не могъ видѣть написаннаго, и, закрывъ записку, вручить ее первому присяжному, который кладетъ ее въ назначенный для того ящикъ. Подобный порядокъ соблюдается поочередно по всѣмъ вопросамъ, подлежащимъ рѣшенію присяжныхъ; послѣ чего первый присяжный открываетъ каждую записку въ присутствіи прочихъ присяжныхъ, которымъ предоставляется повѣрять записки, и немедленно отмѣчаетъ на поляхъ письменныхъ вопросовъ или въ концѣ всякаго рѣшеннаго вопроса результатъ рѣшенія. Дабы не обременять участи подсудимаго, положено, что присяжные въ такомъ только случаѣ объявляютъ мнѣніе свое на счетъ облегчительныхъ обстоятельствъ, когда мнѣніе это утвердительно. Если бы случилось, что въ нѣкоторыхъ запискахъ не объявлено никакого мнѣнія, или еслибы нашлись такія записки, которыхъ, по отзыву по крайней мѣрѣ 6 присяжныхъ, нельзя было бы прочитать, то и тѣ и другія слѣдуетъ считать содержащими въ себѣ голоса въ пользу обвиняемаго. Немедленно по открытіи записокъ, онѣ должны быть сожжены въ присутствіи присяжныхъ.

Число голосовъ, необходимое для постановленія присяжными приговора, подвергалось съ 1791 г. весьма частымъ перемѣнамъ. По примѣру Англіи и Сѣверной Америки, существовало даже во Франціи правило на счетъ единогласнаго приговора. Но ни единогласія, ни близкаго къ нему большинства голосовъ 10 противъ 2 Наполеонъ не призналъ удобнымъ для отправленія суда въ томъ смыслѣ, какъ онъ разумѣлъ этотъ судъ. Онъ находилъ, что жизнь человѣка не стоитъ того, чтобы объ ней разсуждать долго; что будутъ ли нѣсколько невинныхъ осуждены напрасно, или виновные возвращены въ общество, — въ этомъ большой бѣды нѣтъ, лишь бы дѣло шло скорымъ, военнымъ шагомъ. По этому признано имъ достаточнымъ для обвиненія простое большинство голосовъ, т. е. семи противъ пяти присяжныхъ, которое ближе всего соотвѣтствовало главной его цѣли: la promptitude de la justice. Это-то простое большинство голосовъ (majorité simple) составляетъ и нынѣ коренное правило въ рѣшеніяхъ французскаго суда присяжныхъ. По закону 7 Мая 1833 года, присяжные постановляютъ, на основаніи этого правила, какъ обвинительные, такъ и признающіе существованіе облегчительныхъ обстоятельствъ приговоры,—что и должно быть непремѣнно означаемо первымъ присяжнымъ послѣ всякаго отвѣта, словами: á la majorité. Но при этомъ число голосовъ не объявляется, хотя бы приговоръ былъ единогласный, дабы, съ одной стороны, не нарушить косвенно принципа тайной подачи мнѣній, а съ другой устранить различныя оттѣнки факта въ рѣшеніяхъ, долженствующихъ имѣть одинъ и тотъ же легальный характеръ.

По постановленіи рѣшенія, присяжные возвращаются въ присутствіе суда и садятся на свои мѣста. Президентъ спрашиваетъ ихъ, къ какому они пришли результату. Первый присяжный, вставая и кладя руку на сердце,

говоритъ: Sur mon honneur et ma conscience, devant Dieu et devant les hommes, la déclaration du jury est: (читаетъ публично приговоръ) Oui, l'accusé etc., Non, l'accusé, etc., и затѣмъ подписываетъ приговоръ, въ присутствіи присяжныхъ, и отдаетъ его президенту, который также его подписываетъ вмѣстѣ съ письмоводителемъ (greffier). Этотъ приговоръ и есть то, что, по англійскому выраженію, называется le verdict du jury (отъ латинскихъ словъ: vere dictum).

Если судьи убѣждены, что присяжные, при соблюденіи всѣхъ формъ, ошиблись въ сущности приговора, то не произносятъ никакого рѣшенія, и тогда дѣло отлагается до слѣдующаго засѣданія и предлагается на разрѣшеніе другимъ присяжнымъ. Впрочемъ такое чрезвычайное право предоставляется суду только въ случаѣ признанія подсудимаго виновнымъ, и при томъ съ тѣмъ, что приговоръ, данный въ новомъ составѣ присяжныхъ, остается уже неизмѣннымъ, хотя бы онъ былъ тождественъ съ прежнимъ приговоромъ. Равномѣрно судъ не можетъ воспользоваться этимъ правомъ, когда подсудимый объявленъ невиннымъ, будетъ ли то согласно съ убѣжденіемъ членовъ суда или нѣтъ. Если же присяжные отступили отъ предписанныхъ формъ, или постановили приговоръ неполный, или противорѣчащій, или сомнительный, въ такомъ случаѣ принято на практикѣ отсылать присяжныхъ, по заключенію суда, обратно въ совѣщательную комнату, для исправленія, или для дополненія, или для соглашенія, или наконецъ, для разъясненія въ чемъ слѣдуетъ означеннаго приговора.

Оба эти случая принадлежатъ впрочемъ къ исключеніямъ и встрѣчаются весьма рѣдко. Общее же правило заключается въ томъ, что послѣ публичнаго прочтенія приговора, постановленнаго присяжными, и передачи его на письмѣ президенту суда ассизовъ, обвиняемый ввo-

дится въ присутствіе, и письмоводитель читаетъ при немъ состоявшееся рѣшеніе. За тѣмъ слѣдуетъ вторая, такъ сказать, юридическая часть приговора, т. е. приложенія судьями закона къ факту, рѣшенному присяжными, опредѣленія наказанія и прочія судебныя дѣйствія, указанныя въ 358 и слѣдующихъ статьяхъ Code d'instruction criminelle.

Обвиненный имѣетъ право апеллировать *Кассаціонному Суду* (cour de cassation) и требовать отмѣны рѣшенія (pourvoi en cassation), если какой либо *законъ*, или же формы или обряды, предписанные *закономъ*, были несоблюдены или нарушены при производствѣ надъ нимъ суда; но отмѣна эта, еслибы она и послѣдовала, не есть оправданіе, ибо дѣло обращается снова къ судебному разсмотрѣнію.

Въ нѣкоторыхъ, именно закономъ опредѣленныхъ случаяхъ, обвиненному предоставлено право домогаться пересмотра состоявшагося о немъ приговора (pourvoi en révision), хотя бы апелляція его оставлена была Кассаціоннымъ судомъ безъ уваженія. Таковы случаи: 1) когда въ одномъ и томъ же преступленіи обвинены двое, въ разное время и двумя различными приговорами, которыхъ согласить невозможно; 2) когда представлены доказательства, что лицо, въ мнимомъ убійствѣ котораго обвиненъ подсудимый, находится въ живыхъ; и 3) когда кто-либо изъ свидѣтелей, показавшихъ противъ обвиненаго, уличенъ въ клятвопреступленіи по тому же самому дѣлу. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, дѣло, по приказанію министра юстиціи, передается въ Кассаціонный судъ, который, по повѣркѣ его, уничтожаетъ рѣшеніе: во 2-мъ случаѣ окончательно (sans renvoi), такъ-какъ тутъ судебная ошибка доказана матеріальнымъ образомъ, а въ 1-мъ и 3-мъ случаяхъ съ обращеніемъ дѣла къ новому производству и для разъясненія истины въ *другое* судебное мѣсто.

Такова вообще система суда присяжныхъ во Франціи. Что касается обыкновенныхъ нарушеній противъ частныхъ лицъ и общества, въ отличіе отъ преступленій государственныхъ, система эта, по отзыву французскихъ юристовъ, привела, сравнительно, къ хорошимъ результатамъ. Но, съ другой стороны, слышны жалобы, что исполнительная власть, посредствомъ агентовъ своихъ префектовъ, незаконно вліяетъ на выборъ присяжныхъ, особенно въ дѣлахъ, которыя ближе всего ее интересуютъ. Извѣстно, какимъ послушнымъ орудіемъ администраціи являлись французскіе присяжные, осуждая въ 1851 году множество газетъ и журналовъ. Не менѣе неблагопріятно дѣйствуютъ на присяжныхъ президенты судовъ ассизныхъ, а отчасти даже и генеральные прокуроры. Первые въ особенности, по свойству своей должности и власти, которою пользуются, способствуютъ обвиненію подсудимыхъ, которыхъ оправданіе былобы несогласно съ видами правительства.

Дѣйствіе суда присяжныхъ во Франціи ограничивается только *уголовными* преступленіями (crimes); полицейскихъ преступленій (délits) онъ не судитъ, хотя за нихъ можетъ быть назначено 5-ти и даже 10-ти лѣтнее тюремное заключеніе. Изъ этого правила допущено было въ 1819 году исключеніе для проступковъ противъ постановленій о книгопечатаніи, которые признано необходимымъ подчинить суду присяжныхъ. Послѣдующее законодательство хотя и сдѣлало въ этомъ отношеніи шагъ назадъ и измѣнило подсудность этихъ проступковъ, на прежнемъ основаніи, но законъ 8 Октября 1830 г. и 8 Марта 1848 г. утвердили упомянутое исключеніе. «C'était — говоритъ одинъ изъ современныхъ французскихъ публицистовъ — une garantie donnée au pays par les constitutions antérieures, que, sous prétexte de réprimer les diffamations, publications obscénes et autres méfaits de ce genre, commis

par la voie de la presse, le gouvernement ne portait pas atteinte à la liberté d'écrire, reconnue à tous les Francais.» — Декретъ 17 Февраля 1852 года уничтожилъ этотъ порядокъ, и означенные проступки вѣдаются теперь судами исправительной полиціи. «Le philosophe — замѣчаетъ тотъ же писатель, — l'homme qui s'aventure dans les ténébres du préjugé à la recherche du vrai, assimilé maintenant aux vagabonds et aux tapageurs nocturnes, pour l'expedition desquels il suffit des tribunaux de police, a perdu la garantie qu' il pouvait trouver, contre la mauvaise volonté du gouvernement, dans la conscience du jury.»

Гласность и публичность составляли необходимое условіе уголовнаго судопроизводства въ Франціи. Это условіе всегда разумѣлось само собою, съ самаго начала теперешнихъ французскихъ учрежденій, и положительно выражено послѣдующимъ законодательствомъ, которое требовало его, à peine de nullité, для производства дѣлъ не только въ судахъ ассизныхъ, но и во всѣхъ вообще *судебныхъ* инстанціяхъ. Правда, хартіи 1814 и 1830 г. г. и даже конституція 1848 года ограничили принципъ гласности и публичности въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ примѣненіе его было бы небезопасно для порядка и нравственности общественныхъ; но ограниченіе это касалось только дебатовъ, за исключеніемъ которыхъ всѣ прочія судебныя функціи, какъ напр. изложеніе дѣла президентомъ, произнесеніе приговора и т. п., подлежали дѣйствію общаго правила. Притомъ, чтобъ такое ограниченіе публичности могло имѣть мѣсто, требовалось постановленіе или заключеніе суда, подкрѣпленное уваженіями (arrêt motivé). Вышеупомянутый декретъ 1852 года не требуетъ нынѣ никакихъ уваженій, и судъ, или правильнѣе сказать, президентъ суда поступаетъ въ этомъ случаѣ единственно по своему произволу.

Кромѣ гласности процессовъ въ судебныхъ аудиторіяхъ, журналы и газеты были до 1852 года ея неизмѣнными проводниками. Тамъ, по общему закону, могли быть передаваемы уголовные процессы во всѣхъ подробностяхъ ихъ хода и содержанія. Со времени же декрета 17 Февраля, отчеты о судебныхъ преніяхъ дозволено передавать неполно и съ сокращеніями, а по нѣкоторымъ дѣламъ, даже не касающимся нарушеній правилъ печати и вообще проступковъ, этимъ путемъ совершаемыхъ, отъ произвола судовъ зависитъ и вовсе не допускать гласности. По дѣламъ же о сихъ послѣднихъ проступкахъ отсутствіе всякой гласности, не только журнальной, но и судебной, сдѣлалось общимъ правиломъ.» Hors une centaine de spectateurs — говоритъ упомянутый публицистъ—qui tous encore peuvent être choisis par le président du tribunal, le citoyen que le pouvoir poursuit pour l'émission de sa pensée est jugé à huis clos: ainsi le veut la législation de salut du 2 décembre.«

По дѣламъ гражданскимъ, во Франціи не существовало никогда суда присяжныхъ. Въ началѣ настоящей статьи изложены главнѣйшія основанія, которыя приведены были въ Національномъ собраніи, въ 1790 году, противъ примѣненія системы этого суда къ гражданскимъ процессамъ. Прибавимъ, что въ 1848 году снова возбужденъ былъ вопросъ по этому предмету; но вопросъ этотъ не нашелъ никакого сочувствія въ публикѣ и оставленъ безъ послѣдствій.

К. Яневичъ-Яневскій.

II.

О РИМСКОМЪ КОЛОНАТѢ.

(По Савинью).

Въ разныя времена и у разныхъ народовъ воздѣлываніе земли поставило въ особенныя отношенія крестьянское сословіе. Въ большей части Европы, они въ наше время подверглись то насильственнымъ, то мирнымъ преобразованіямъ, что̀ и обратило на нихъ всеобщее вниманіе. И въ Римской имперіи, при христіанскихъ императорахъ, мы находимъ подобныя отношенія весьма распространенными. Подлѣ сословія рабовъ, существуетъ колонатъ, который мало по малу его ограничиваетъ и наконецъ совершенно вытѣсняетъ. Изложеніе этихъ новоримскихъ крестьянскихъ отношеній я считаю не безполезнымъ, потому что они въ новѣйшія времена оставлены почти безъ всякаго вниманія.

Источники для нашего изслѣдованія содержатся въ кодексѣ Ѳеодосія и принадлежащихъ къ нему новеллахъ; но гораздо обильнѣе кодексъ и новеллы Юстиніановы. Важныя извѣстія сообщаютъ также нѣкоторыя письма Григорія Великаго *). Въ новѣйшія времена, ученые, систематически

*) Всѣхъ ихъ четыре; первое изъ нихъ — самое обильное по содержанію. Четвертое, повелѣвающее сиракузанскимъ колонамъ Римской церкви повиноваться новому дефензору (defensor), принято почти слово въ слово, съ незначительными только измѣненіями, въ Liber diurnus romanorum pontificum. Эти важныя памятники сообщены Нибуромъ.

обработавшіе римское право, не обращали на нихъ почти никакого вниманія, чему причины будутъ указаны ниже. То, что находится у экзегетическихъ писателей, также очень скудно. Сочиненія глоссаторовъ для этого предмета вовсе не годятся, потому что они произвели великую сбивчивость, принявъ, совершенно произвольно и безъ всякаго основанія, множество родовъ колоновъ.

Куяцій понялъ основную мысль правильно, но не провелъ ея по всѣмъ частностямъ и не остался свободенъ отъ нѣкоторыхъ ложныхъ понятій. Яковъ Готофредъ, на котораго обыкновенно ссылаются, какъ на главнаго писателя по этому предмету, собралъ много матеріаловъ, но нисколько не разработалъ ихъ ;о томъ, что его историческій взглядъ на нашъ предметъ не имѣетъ никакого основанія, я буду говорить ниже. Еще менѣе удовлетворителенъ трудъ Геральда, который имѣетъ совершенно ложное воззрѣніе на это юридическое отношеніе; вслѣдствіе чего, и его толкованія отдѣльныхъ мѣстъ источниковъ большею частью неудачны. Въ новѣйшее время Виспиръ (Winspeare) представилъ сущность колоната правильнѣе, чѣмъ кто либо изъ прежнихъ писателей.

Это юридическое отношеніе носитъ слѣдующія названія: coloni, rustici, originarii, adscripticii, inquilini, tributarii, censiti. Ближайшее опредѣленіе этихъ названій возможно только ниже.

Я представляю сначала самое юридическое отношеніе, въ томъ видѣ, въ какомъ оно содержится въ нашихъ источникахъ; потомъ прибавлю нѣкоторыя историческія изслѣдованія.

Къ изложенію самаго юридическаго отношенія принадлежатъ: 1, происхожденіе его для каждаго отдѣльнаго лица; 2, проистекающія изъ него права и обязанности, и наконецъ 3, его прекращеніе.

Происхожденіе колоната было возможно троякимъ образомъ: рожденіемъ, давностью и договоромъ.

Происхожденіе посредствомъ рожденія было самое обыкновенное, и на немъ основано названіе originarius. Если родители принадлежали оба къ этому сословію и притомъ одному господину, то состояніе дитяти не было подвергнуто никакому сомнѣнію; напротивъ того, слѣдующіе случаи должны быть опредѣлены ближе.

1) Если отецъ былъ колонъ, а мать раба, или на оборотъ. Здѣсь сословіе матери рѣшало все *): и юридическое состояніе дитяти вообще, и возможныя притязанія различныхъ господъ. Судя по выраженіямъ конституціи Юстиніана, можно бы подумать, что онъ первый постановилъ такое правило; но это невѣроятно, потому что и на основаніи самыхъ древнихъ юридическихъ началъ, едвали можно было рѣшить иначе **).

2) Если отецъ былъ свободенъ, мать—colona, то дѣти всегда были колоны и принадлежали господину матери ***)

3) Если отецъ былъ колонъ, мать свободна. Въ отношеніи къ этому случаю, законодательство очень не постоянно. До Юстиніана, дитя, слѣдуя отцу, дѣлалось также колономъ, такъ что къ этому предъидущему случаю можно бы приложить выраженіе германскаго права, употребляемое для подобныхъ отношеній: das Kind folgt der ärgeren Hand. Юстиніанъ уничтожилъ этотъ законъ

*) L. 21 C. I. de agric. (II. 47): matris suae ventrem sequator.

**) Гай приводитъ нѣсколько исключеній изъ правила, по которому дѣти родителей, не имѣющихъ jus connubii, должны принадлежать сословію матери. Конституція Юстиніанова ничего не упоминаетъ о такомъ исключеніи, но предполагаетъ, повидимому, что этотъ случай прежде не былъ еще рѣшенъ.

***) Только въ томъ случаѣ, когда служебное отношеніе привязывало отца къ какому нибудь городу или корпораціи, дѣтей можно было раздѣлять въ первыя сорокъ лѣтъ.

и объявилъ дитя совершенно свободнымъ. Только господину мужа онъ далъ право вынудить расторженіе брака. Впослѣдствіи онъ опять ограничилъ свободу дѣтей слѣдующимъ образомъ. Они могли имѣть свою собственность, но лично были обязаны оставаться въ имѣніи и обработывать землю; впрочемъ, если хотѣли жить въ своемъ собственномъ имѣніи и воздѣлывать его, то это имъ дозволялось. Въ позднѣйшей конституціи, онъ лишилъ дѣтей даже этой ограниченной свободы и подчинилъ ихъ вполнѣ колонату. Но нѣсколько времени спустя, въ конституціяхъ Юстина II и Тиберія, прежняя ограниченная свобода дѣтей предполагается извѣстною и дѣйствующею, а о послѣднемъ строгомъ постановленіи Юстиніана вовсе не упоминается.

4) Родители были оба колоны, но служили различнымъ господамъ. Здѣсь не было никакого сомнѣнія, что дѣти дѣлались также колонами; но которому господину должны принадлежать? — законодательство не могло дойти до твердаго правила. Прежде господинъ матери получалъ третью часть дѣтей. Потомъ всѣ дѣти должны были принадлежать ему. Наконецъ было постановлено, чтобы каждый господинъ бралъ половину дѣтей; при неровномъ числѣ, большая половина доставалась господину матери. Этому противорѣчитъ другое постановленіе Юстиніана, которое позволяетъ господину мужа удержать всѣхъ дѣтей, даже жену; но это постановленіе (принадлежащее неизвѣстно къ какому времени), по правильному толкованію Куяція, есть только мѣстное и временное, т. е. оно было издано не какъ постоянное правило для будущаго времени, а только для существовавшихъ тогда браковъ.

Посредствомъ давности, колонатъ происходилъ въ двухъ различныхъ случаяхъ: надъ свободными и надъ чужими колонами. 1) Когда свободный человѣкъ жилъ 30 лѣтъ

какъ колонъ, тогда землевладѣлецъ пріобрѣталъ на него и на его потомковъ право колоната; но въ отношеніи къ имуществу, законъ покровительствовалъ колону и его потомкамъ; значеніе этого покровительства будетъ объяснено ниже. 2) Владѣніе чужимъ колономъ, по истеченіи срока давности, было защищаемо противъ притязаній первоначальнаго господина; слѣдовательно въ этомъ случаѣ, раждалось посредствомъ давности право колоната для новаго господина. И это правило получитъ полное объясненіе ниже.

Для добровольнаго подчиненія посредствомъ договора, первоначально постановлено было слѣдующее правило: Свободные, мущины или женщины, дѣлались колонами, если объявляли это намѣреніе въ судѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ вступали въ бракъ съ лицомъ, состоящимъ въ колонатѣ. Такъ постановилъ Валентиніанъ III. Юстиніанъ не принялъ въ свой кодексъ ни этого, ни какого либо другого опредѣленія касательно такихъ договоровъ, такъ что можно бы думать, что они болѣе не допускались, и рожденіе съ давностью остались единственными способами происхожденія. Впрочемъ, есть одна Юстиніанова конституція, говорящая, повидимому, о другомъ предметѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и преимущественно имѣющая въ виду такіе договоры. Въ этой конституціи говорится о доказательствѣ колоната: она постановляетъ, что одно какое либо доказательство, напр. письменный договоръ, судебное признаніе, внесеніе въ податныя книги, недостаточно; требуются непремѣнно по крайней мѣрѣ два. То, что здѣсь называется доказательствомъ существующаго уже колоната, безъ сомнѣнія можно было употреблять какъ форму договора, когда свободный человѣкъ хотѣлъ вновь поступить въ это отношеніе; потому что, если онъ заключилъ письменный контрактъ и потомъ признавалъ содержаніе его въ судѣ, то всѣ требованія за-

конно были выполнены, и онъ не могъ болѣе освободиться отъ колоната. Можетъ быть, приведенный законъ имѣлъ въ виду именно этотъ способъ происхожденія; если же онъ, повидимому, говоритъ объ однихъ доказательствахъ, то это должно приписать неточности выраженія.

Права и обязанности, проистекающія изъ колоната, троякаго рода: однѣ касаются личнаго состоянія колона, другія его отношенія къ земли, наконецъ третьи прочаго имущества и податей. Личное состояніе колоновъ можетъ быть опредѣлено слѣдующимъ образомъ: они были свободны, т. е. отличны отъ рабовъ; но съ другой стороны, состояніе ихъ имѣло сходство съ рабами. Этотъ общій взглядъ я теперь докажу въ частности и опредѣлю ближе. Различіе ихъ отъ рабовъ видно изъ слѣдующихъ доказательствъ. Въ нѣкоторыхъ императорскихъ конституціяхъ, они приводятся подлѣ рабовъ и противополагаются имъ *); въ другихъ они называются ingenui (свободнорожденные **). Далѣе, они могли вступать въ истинный римскій бракъ, который, какъ извѣстно, для рабовъ считался вовсе невозможнымъ. То же самое видно изъ наказанія, назначеннаго однажды на случай побѣга, а именно: велѣно было бѣглыхъ колоновъ заключать въ оковы и поступать съ ними, *какъ съ рабами* ***), — выраженіе, очевидно доказывающее существенное ихъ различіе отъ рабовъ. Григорій Великій также очень ясно подтверждаетъ это различіе. Въ городѣ Лунѣ нѣсколько евреевъ владѣли христіанскими рабами. Григорій поручаетъ епископу города дать этимъ рабамъ свободу, со-

*) L. 21 C. I de agric. (11 47);« . . . если кто рожденъ отъ колоны и свободнаго, или отъ колоны и раба, или отъ колоны и рабы» и. т. д.

**) L. un. C. I de colonis thracensibus (11 51);« . . . и хотя они свободны по своему состоянію (licet conditione videantur ingenui)» . . . . . ,

***) «In servilem conditionem ferro ligari» и проч.

гласно предписанію закона; если же они были употребляемы для земледѣлія, то оставить ихъ и впредь на этой землѣ, какъ колоновъ. Но когда господинъ хотѣлъ такого колона свести съ земли или взять въ личную службу, то колонъ долженъ былъ получить полную свободу; потому что теперь прежній господинъ лишался собственности, впослѣдствіе общаго предписанія закона, a jus colonarium терялъ чрезъ собственный самовольный поступокъ.

Съ другой стороны, свобода колона была такъ ограничена, что имѣла большое сходство съ состояніемъ рабовъ *). Это сходство признано во многихъ мѣстахъ источниковъ **). По этому они называются servi terrae и выраженіе liberi иногда противополагается не только рабамъ, но и колонамъ ***). Они, подобно рабамъ, были подвержены тѣлеснымъ наказаніямъ. Равнымъ образомъ, на нихъ простиралось правило, дѣйствующее для рабовъ, вслѣдствіе котораго они не имѣли иска противъ господина, впрочемъ съ двумя исключеніями: въ случаѣ самовольнаго возвышенія канона (superexactio) и когда они хотѣли обвинить господина въ преступленіи ****). Еще болѣе странно то, что къ нимъ было приложено начало, по

*) Гейнекцій (Antiquit. Lib I. Tit 3 § 8.) не останавливается на этомъ вопросѣ; онъ всѣхъ колоновъ объявляетъ за рабовъ и упоминаетъ только мимоходомъ, что нѣкоторые ученые сомнѣвались въ этомъ.

**) L. 21. C. I de agric. (11. 47.) « . . . Какое различіе существуетъ между рабами и колонами, когда тѣ и другіе подчинены власти своего господина (cum uterque in domini sui positus sit potestate . . .)».

***) Иногда это выраженіе употребляется для означенія между самими колонами болѣе свободнаго класса, въ противоположность менѣе свободному. Объ этомъ говорено будетъ ниже.

****) Само собою разумѣется, что искъ допускается также при рѣшеніи вопросовъ: колоны ли они; состоитъ ли земля въ ихъ собственности или принадлежитъ господину? И рабы имѣли liberale judicium.

которому на бѣглаго раба смотрѣли, какъ на вора, укравшаго у господина самого себя. Это, конечно, противорѣчитъ признанію ихъ свободнорожденными, но можетъ быть оправдано аналогіею древняго права. Отношеніе хозяина земли къ колону, при недостаткѣ техническаго выраженія, означалось названіемъ патрона (patronus) *).

Отношеніе къ землѣ состояло, во-первыхъ, въ томъ, что колонъ былъ неотлучно прикрѣпленъ къ ней, такъ что ни самъ онъ, ни господинъ не могъ отдѣлить его отъ земли **). И такъ если колонъ оставлялъ землю, хозяинъ могъ требовать его назадъ. Этотъ искъ (vindicatio) простирался на третьяго владѣльца, если колонъ жилъ на чужой землѣ (причемъ недобросовѣстно владѣющій чужимъ колономъ подвергался значительной денежной пени). Онъ простирался на самаго колона, когда онъ жилъ, какъ свободный человѣкъ. Никакое состояніе, никакой санъ не могъ защитить его, ни даже пребываніе въ военномъ сословіи. Что касается сословія духовенства, то первоначально было предписано, чтобы колонъ не былъ посвящаемъ въ него внѣ его отчизны и продолжалъ лично платить поголовную подать. Потомъ посвященіе было дозволено, но только съ согласія господина земли; въ противномъ случаѣ, онъ могъ требовать колона изъ ду-

*) Названія dominus и possessor, которыя также встрѣчаются, означаютъ не личное отношеніе къ колону, а право собственности на землю.

**) «Servi terrae ipsius;...glebis inhaerere praecipimus.» Впрочемъ, эта нераздѣльность не должна быть принимаема буквально: она служила только къ воспрепятствованію безпрестанныхъ перемѣнъ жилища и занятій; временныя перемѣны позволялись; по крайней мѣрѣ господинъ не противился этому. Такъ на прим. Григорій упоминаетъ объ одномъ колонѣ, который три года работалъ при постройкѣ церкви въ Катанеѣ, и это продолжительное отсутствіе предполагается совершенно законнымъ.

ховнаго званія (равно какъ и изъ монашескаго). Наконецъ Юстиніанъ возвратился къ прежнему правилу, такъ что колонъ въ своей отчизнѣ могъ быть посвященъ въ духовенство и безъ согласія господина, исполняя впрочемъ всѣ свои обязанности по землѣ. Санъ епископа, по повелѣнію Юстиніана, совершенно освобождалъ отъ колоната.

Съ другой стороны, и господину не было позволено отдѣлять колона отъ земли. Вмѣстѣ съ землею онъ могъ его отчуждать неограниченно, но безъ нея никакимъ образомъ. Такая продажа была ничтожна: продавецъ могъ требовать колона назадъ и покупщикъ терялъ заплаченныя деньги, что̀ имѣло мѣсто и тогда, когда при продажѣ данъ былъ для вида небольшой участокъ земли, съ цѣлью обойти законъ. По одной конституціи Валентиніана III, была впрочемъ позволена мѣна одного колона на другого; но это не перешло въ кодексъ Юстиніана. Равнымъ образомъ запрещено было хозяину земли отчуждать имѣніе, а колона удерживать себѣ *). Напротивъ того, владѣлецъ нѣсколькихъ помѣстьевъ, въ томъ случаѣ, когда одно изъ нихъ имѣло излишество, другое же недостатокъ въ колонахъ, могъ перемѣщать часть ихъ, и это перемѣщеніе оставалось неизмѣннымъ, хотя бы впослѣдствіи одно изъ помѣстьевъ и было отчуждено. Причину такого ограниченія землевладѣльца можно бы искать въ правѣ, принадлежащемъ самому колону; въ такомъ случаѣ, его согласіе освобождало бы господина отъ всякаго ограниченія. Но о такомъ согласіи нигдѣ не говорится; и въ самомъ дѣлѣ, колонъ не имѣлъ никакого права на землю. Что онъ не былъ хозяинъ земли и слѣдовательно не могъ ее отчуждать, — это разумѣлось само

*) L. 2. C. I de agric. (II. 47): «Если кто хочетъ продать или подарить землю, то онъ не можетъ удержать колоновъ, для перевода въ другія мѣста».

собою; но и ограниченнаго вещнаго права на землю ему нигдѣ не приписывается. Что оно не существовало, слѣдуетъ даже необходимо изъ приведенныхъ правъ господина, промѣнивать или перемѣщать колона. И такъ одна общественная польза была причиною всѣхъ ограниченій, хотя колоны такимъ образомъ пріобрѣтали такую же защиту противу произвола хозяина земли, какую могло бы имъ доставить собственное право на землю. Общественный же интересъ состоялъ, во-первыхъ и преимущественно, въ полицейскомъ надзорѣ за воздѣлываніемъ земли, которое думали усовершенствовать, покровительствуя колонату *). Къ этому присоединился казенный интересъ, о которомъ говорено будетъ ниже. Благосостояніе самихъ колоновъ принималось въ соображеніе только при нѣкоторыхъ второстепенныхъ постановленіяхъ, которыя, конечно, основаны были на чувствѣ человѣколюбія, но вмѣстѣ съ тѣмъ неоспоримо доказываютъ, что сами колоны не имѣли никакого права на землю. Такъ напр. при раздѣленіи земли, состоящей въ общей собственности, къ которой принадлежали колоны, нельзя было разлучать супруговъ и родственниковъ другъ отъ друга. Если колоны были переведены съ одной земли на другую, и потомъ одна земля была продана, то дѣти также должны были оставаться у своихъ родителей **). Особенно замѣчательно, что какъ полицейскій надзоръ за земледѣліемъ, такъ и человѣколюбивая пощада семейныхъ отношеній не ограничивались одними колонами, но распространялись и

---

*) . . . «Чтобы чрезъ передачу покупщику малаго участка земли, остальное помѣстье не лишилось обработки». (L. 7 C. I de agric. (II. 47).

**) Уже прежде позволено было при востребованіи (vindicatio) предотвращать раздѣленіе отъ супруга или отъ дѣтей посредствомъ викаріевъ (выдачею другого лица, вмѣсто требуемаго).

на рабовъ, какъ скоро они были назначены для сельскаго хозяйства и, съ этою цѣлью, внесены въ податныя книги. Это уравненіе съ рабами также доказываетъ, что колоны не имѣли собственнаго права на землю, потому что у рабовъ оно вовсе невозможно.

Объяснивъ такимъ образомъ нераздѣльную связь колона съ землею, мы должны допустить, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма естественное ограниченіе ея. Если высшій общественный интересъ требовалъ отдѣленія, и хозяинъ земли былъ согласенъ, то оно позволялось. Это имѣло мѣсто въ слѣдующемъ важномъ и частомъ случаѣ: поставка рекрутовъ для войска требовалась отъ земледѣльцевъ, соразмѣрно цѣнѣ ихъ земель. Такъ какъ рабы не были принимаемы, то безъ всякаго сомнѣнія, главный расчетъ основывался на томъ, что владѣльцы будутъ ставить своихъ колоновъ. Въ такомъ случаѣ, земледѣлецъ обязанъ былъ давать свое согласіе: попеченіе о войскѣ брало верхъ надъ заботою о воздѣлываніи земли и о податяхъ. *) Вышеприведенныя же мѣста, по которымъ можно востребовать колона даже изъ военнаго сословія, говорятъ объ однихъ бѣглыхъ колонахъ, т. е. оставившихъ землю противъ воли господина.

Съ другой стороны, колоны были обезпечены также непосредственнымъ, собственнымъ правомъ. Они платили хозяину земли ежегодный кànонъ (оброкъ) за пользованіе крестьянскимъ дворомъ, на которомъ жили (annuae functiones; reditus). Обыкновенно этотъ оброкъ должно было взносить плодами, наличныхъ денегъ нельзя было требовать; но и денежная плата допускалась, безъ сомнѣнія

*) Какъ скоро рекрутъ былъ поставленъ, земля освобождалась отъ поголовной подати. Собственно эта подать падала теперь на него самаго; но онъ принадлежалъ къ числу лицъ, свободныхъ отъ ея платежа, и законъ подробно опредѣлялъ, въ какихъ случаяхъ этимъ изъятіемъ могъ пользоваться онъ одинъ, или вмѣстѣ съ своимъ семействомъ.

на основаніи договора или обычая. Касательно кàнона, существовало важное правило, запрещавшее господину возвышать его противъ обычной мѣры, и это постановленіе безспорно много смягчало строгое право колоната.

Кàнонъ съ земель, заселенныхъ колонами—безспорно одна изъ самыхъ важныхъ сторонъ всего юридическаго отношенія — мало дѣлается наглядным изъ юридическихъ источниковъ; тѣмъ важнѣе извѣстія, находящіяся въ одномъ письмѣ Григорія Великаго о кàнонѣ Римской церкви въ Сициліи; я постараюсь изложить ихъ въ связи.

Церковь обработывала свои земли не на собственный счетъ, но отдавала ихъ въ оброчное содержаніе наемщикамъ (conductores) *). Слѣдовательно такому наемщику были подчинены и всѣ колоны, живущіе на меньшихъ крестьянскихъ дворахъ **), т. е. они должны были платить кàнонъ не церкви, а наемщику, такъ что предписанія папы, содержащіяся въ письмѣ, должны быть разсматриваемы, какъ законодательство для оброчнаго владѣльца и колоновъ церкви. Кàнонъ состоялъ тамъ исключительно изъ части плодовъ, впрочемъ такъ, что эта часть была отдаваема то натурою, то деньгами. Въ первомъ случаѣ, если надобно было везти плоды моремъ, колоны брали этотъ перевозъ на свой страхъ, и на нихъ же падали неизбѣжные на корабляхъ траты, за которыя они вознаграждали корабельщиковъ извѣстною суммою по среднимъ цѣнамъ. Для второго случая, папа постановляетъ, чтобы всегда принимали мѣриломъ настоящую, истинную, рыночную цѣну, между тѣмъ какъ до того

*) Они составляли нѣкоторымъ образомъ особое сословіе; по крайней мѣрѣ нѣкоторые утверждали, что по смерти ихъ имѣніе должно доставаться не родственникамъ, а церкви. Папа не одобряетъ этого и вводитъ обыкновенный порядокъ наслѣдія.

**) Въ этомъ смыслѣ сказано: какъ скоро наемщикъ несправедливымъ образомъ отниметъ что-нибудь *у своего колона*.

времени, въ дешевые годы, колоновъ отягощали произвольно высшими цѣнами. Особенно же важно и трудно то мѣсто въ письмѣ, которое содержитъ общее правило о количествѣ канона. Григорій говоритъ, что доселѣ взимали съ колоновъ, на нѣкоторыхъ земляхъ, тягостную подать $3^1/_2$ мѣръ на каждыя 70 мѣръ *) и возвышали даже эту подать разными побочными налогами. Онъ запрещаетъ взимать болѣе двухъ мѣръ съ 70, равно какъ и всѣ постороннія подати. Но чтобы колоны не были лишены этого благодѣянія по смерти папы, то онъ повелѣваетъ совершать акты о величинѣ канона и выдавать ихъ колонамъ. Этотъ канонъ конечно чрезвычайно малъ; но такое явленіе объясняется нѣсколько слѣдующими замѣчаніями. Во-первыхъ, упомянутое запрещеніе побочныхъ налоговъ не должно принимать во всей точности; не извѣстно, сколько изъ нихъ были еще оставлены; величина канона такимъ образомъ, безъ сомнѣнія, возвышалась. Такъ напр. каждый колонъ долженъ былъ платить владѣльцу земли пошлину за позволеніе вступить въ бракъ; только она не должна была превышать одного солида. Далѣе папа запрещаетъ, съ большимъ негодованіемъ, взимать канонъ бо́льшимъ модіусомъ, и присовокупляетъ, чтобы на каждый модіусъ считалось никакъ не болѣе 18 секстаріевъ. Но такъ какъ настоящій модіусъ содержитъ въ себѣ 16 секстаріевъ, то здѣсь все еще дозволяется произвольная, безъ сомнѣнія утвержденная обычаемъ, надбавка двухъ секстаріевъ на модіусъ, т. е. восьмой части всего канона, и слѣдовательно запрещается не столько самое злоупотребленіе, сколько чрезмѣрное пользованіе имъ. Еще важнѣе то обстоятельство, что колоны должны были брать на себя поземельную подать,

*) Т. е. $^1/_{20}$ получаемыхъ плодовъ. Впредь канонъ не долженъ превышать $^1/_{35}$ плодовъ.

падающую на ихъ крестьянскіе дворы. Если принять (что очень вѣроятно по другимъ причинамъ), что поземельная подать была въ то время очень велика, то легко объясняется, что кромѣ ея, нельзя было платить большихъ податей хозяину земли. Важный же фактъ, что колоны дѣйствительно должны были вносить въ казну поземельную подать съ своихъ дворовъ, видѣнъ изъ слѣдующаго мѣста приведеннаго письма. Папа говоритъ, что самое тяжкое время для колоновъ — первый срокъ взноса, потому что, не продавъ еще въ то время своихъ плодовъ *), они принуждены занимать деньги у чиновниковъ, собирающихъ подати, за лихвенные проценты. Папа повелѣваетъ, чтобъ этотъ заемъ дѣлался изъ церковной казны (безъ сомнѣнія, безъ процентовъ), и взимался назадъ съ колоновъ мало по малу. Вотъ все это мѣсто. «Кромѣ того, мы узнали, что первое взиманіе подати особенно тягостно для нашихъ колоновъ, потому что они принуждены взносить подати, не продавъ еще трудовъ своихъ. Посему не имѣя для платы собственныхъ денегъ, они берутъ ихъ въ долгъ у чиновниковъ, собирающихъ подати, и платятъ за это благодѣяніе огромные проценты. Такимъ образомъ они терпятъ значительные убытки. Посему мы, въ настоящемъ законѣ, предписываемъ, чтобы деньги, которыя они доселѣ брали въ заемъ отъ посторонихъ лицъ, отпускались имъ изъ казны церковной, и уплачивались обратно церкви мало по малу, дабы они, побужденные мгновенною нуждою, не продавали слишкомъ де-

*) Поземельная подать каждаго года уплачивалась въ три срока: 1-го Января, 1 Мая и 1-го Сентября. Перваго Января маслины едва были собраны, и масло, коего продажа доставляла вѣроятно главный доходъ, не могло быть продано, если колоны не рѣшались изъ нужды (какъ говоритъ папа) сбыть его за низкую цѣну. Для одной пахатной земли, это мѣсто не имѣло бы смысла, потому что плоды ея могуть быть легко проданы до 1 Января.

шево того, что впослѣдствіи могло бы быть достаточно для платежа податей, теперь же выручаетъ только небольшую сумму.»

Въ отношеніи къ имуществу, колоны, съ перваго взгляда, стоятъ на одной степени съ рабами. Все, чѣмъ они владѣютъ, называется, какъ и у рабовъ, peculium; искъ господина простирается не только на лицо колона, но и на это peculium; даже все, что они пріобрѣтаютъ, принадлежитъ не имъ, а господину. Но при внимательномъ разсмотрѣніи, можно убѣдиться, что эти выраженія не должны быть принимаемы во всей точности. Напротивъ того, колоны могли имѣть собственность, и только отчужденіе ея безъ согласія землевладѣльца было имъ запрещено, потому что богатый колонъ былъ полезнѣе для самаго помѣстья и для хозяина земли, чѣмъ бѣдный. Одно это запрещеніе должно разумѣть подъ приведенными выше неточными выраженіями, и слѣдовательно различіе колоновъ и рабовъ въ этомъ отношеніи было очень значительно. Рабъ дѣйствительно не имѣлъ никакой собственности; господинъ могъ у него отнять все, чѣмъ онъ владѣетъ; колонъ же имѣлъ собственное имущество, котораго никто не могъ у него отнять, и только произвольное отчужденіе было ему запрещено. Существованіе означеннаго начала видно въ особенности изъ слѣдующихъ частныхъ примѣненій его. Колоны, которые были донатисты, въ наказаніе за ересь, теряли треть своего peculium,— наказаніе, очевидно предполагающее имущественныя права. Далѣе былъ общій законъ, чтобы лицамъ духовнаго званія или монахамъ, умершимъ безъ завѣщанія и не оставившимъ по себѣ родственниковъ, наслѣдовали церковь или монастырь, къ которому они принадлежали. Изъ этого правила были слѣдующія три исключенія: если умершій былъ вольноотпущенный, или колонъ, или куріалъ; въ такомъ случаѣ, наслѣдство шло къ патрону, къ землевладѣльцу или въ

курію. Это предписаніе само по себѣ, равно какъ и сравненіе съ вольноотпущенными и куріалами, доказываетъ, что колоны могли имѣть собственность, подлежащую наслѣдованію. Ограниченное право распоряженія собственнымъ своимъ имѣніемъ составляло у колоновъ правило, но съ двумя уже выше приведенными исключеніями. Колоны, вступившіе въ свое служебное состояніе чрезъ давность, имѣли совершенно свободное имущество, равно какъ лица, происшедшія отъ брака колона со свободною женщиною. Посему, на основаніи этого различія, можно вообще принять два класса колоновъ: одинъ свободный, другой менѣе свободный. *)

Одна изъ самыхъ темныхъ сторонъ колоната есть отношеніе его къ общественнымъ податямъ. Теперь оно можетъ быть показано только въ общихъ чертахъ, потому что подробнѣйшее его развитіе и подтвержденіе историческими свидѣтельствами возможно только въ связи съ цѣлою податною системою.

Во время полнаго развитія колоната и еще гораздо прежде, въ Римской имперіи существовали, одна подлѣ другой, двѣ прямыя подати: поземельная и поголовная. Первую платили всѣ земледѣльцы (possessores), а послѣднюю тѣ, которые не имѣли поземельной собственности, и то тогда только, когда не были свободны отъ нея ни по своему состоянію (plebeji), ни по какимъ либо другимъ законнымъ причинамъ. Изъ этого кореннаго характера податной системы истекаетъ слѣдующее послѣдствіе для колоната: Поземельная подать съ крестьянскаго двора

*) Такъ напр. въ L. 23 § 1 C. 1 de agric. (II 47) свободные колоны, въ противоположность прочимъ, называются liberi. Напротивъ того, выраженіе liberi coloni въ L. un. C. I de coll. illyr. (II 52) означаетъ, вѣроятно, колоновъ вообще, въ противоположность рабамъ, а въ L. 1 C. I de praed taetiacis (II 68) даже свободныхъ крестьянъ, въ противоположность настоящимъ колонамъ, которые называются тамъ adscriptitii.

лежала на господинѣ, потому что ему принадлежало право собственности на землю. Въ самой обязанности не могло быть никакихъ существенныхъ различій; все различіе состояло въ томъ, кто платилъ, въ самомъ дѣлѣ, поземельную подать: непосредственно ли самъ господинъ или его колонъ; для казны это было конечно все равно. Напротивъ того, всѣ колоны подлежали обыкновенно поголовной подати, потому что всѣ они, безъ исключенія, были плебеи; въ качествѣ же землевладѣльцевъ, они рѣдко были свободны, потому что крестьянскіе дворы, гдѣ они жили, никогда не принадлежали имъ по праву собственности (см. выше), а земель, лежащихъ въ другихъ мѣстахъ, они имѣли также немного. Вообще они, въ отношеніи къ поголовной подати, были самый многочисленный и доходный классъ народа, особенно съ того времени, когда города были освобождены отъ этой подати. Потому и связь поголовной подати съ колонатомъ считалась чѣмъ-то необходимымъ, лежащимъ въ порядкѣ вещей, хотя она не лежала въ самомъ существѣ колоната и не принадлежала ему одному исключительно. Посему когда въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, поголовная подать была уничтожена, императоры сочли нужнымъ именно присовокупить, что колонатъ, не смотря на то, продолжается.

Представительство колоновъ въ отношеніи къ поголовной подати было возложено на господина слѣдующимъ образомъ. Поголовная подать была записана въ податныхъ книгахъ, вмѣстѣ съ поземельною; господинъ вносилъ ее въ казну, и ему предоставлялось право сбирать заплаченное, на собственную опасность и на собственный счетъ, съ колоновъ.

На обыкновенной обязанности колоновъ, платить поголовную подать, основаны были слѣдующія названія ихъ: tributarii; посему этого названія никакъ не должно про-

изводить отъ кàнона, платимаго господину; *) далѣе censiti или censibus obnoxii; **) наконецъ такъ часто употребляемыя названія: adscriptitii, adscriptitiae conditionis, censibus adscripti. Эти послѣднія въ особенности не относятся (какъ бы можно было думать) къ особенному отношенію поголовной подати, платимой колонами, къ поземельной подати, къ которой первая была приписана въ видѣ дополненія: они говорятъ только, что колонъ былъ внесенъ въ податной листъ и слѣдовательно (лично) подлежалъ подати. Выраженіе adscriptio употребляется только для самыхъ земель, и слѣдовательно означаетъ только вообще внесеніе какого-либо предмета въ податной листъ, или, что̀ все равно, обязанность его къ платежу подати.

Упомянутое представительство господина составляло второй общественный интересъ, для котораго старались покровительствовать колонату и упрочить его по возможности; по этой же причинѣ, господину было запрещено произвольное отдѣленіе колона отъ земли. Изъ другихъ выраженій можно бы даже думать, что все это учрежденіе произошло изъ распредѣленія неимущей толпы между землевладѣльцами, единственно для платежа податей вмѣсто нихъ; но это, по другимъ причинамъ, не вѣроятно, и можетъ быть принято развѣ для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ странъ и періодовъ времени.

Наконецъ должно сказать о прекращеніи колоната для отдѣльныхъ лицъ. По аналогіи рабовъ, здѣсь также можно

---

*) Названіе tributarius происходитъ, въ самомъ дѣлѣ, отъ поголовной подати, взимаемой государствомъ, а не отъ кáнона, платимаго господину. Это слѣдуетъ неоспоримо изъ законовъ объ уничтоженіи поголовной подати въ нѣкоторыхъ провинціяхъ. Здѣсь сказано, что колоны свободны впредь отъ обязанности платить поголовную подать, (tributarius nexus), но что колонатъ, не смотря на то, не прекращается.

*) Также capite censiti. И рабы могли, на томъ же основаніи, называться и быть censiti.

было бы принять отпущеніе на волю, или по произволу господина, или, по крайней мѣрѣ, съ согласія колона. Не смотря на то, о такомъ способѣ прекращенія нигдѣ не говорится — обстоятельство, которое легко объясняется изъ выше приведеннаго запрещенія отдѣлять колоновъ отъ земли. Тѣ же причины, которыя препятствовали отчужденію колоновъ, не дозволяли и отпущенія на волю; притомъ же въ немъ не было здѣсь такой потребности, какъ у рабовъ. Напротивъ того, упоминается о двоякой давности, которою колонатъ могъ быть уничтоженъ, именно когда колонъ, въ продолженіе нѣкотораго времени, жилъ или какъ свободный, или въ чужомъ владѣніи. Для обоихъ случаевъ, первоначально предписано было для мужскаго пола 30, для женскаго 20 лѣтъ; для второго случая было, кромѣ того, опредѣлено, чтобы изъ многихъ потомственныхъ владѣльцевъ, тотъ удерживалъ колона, чье владѣніе продолжалось всего долѣе, а при равномъ пространствѣ времени — послѣдній. Юстиніанъ уничтожилъ первый родъ давности, которою колонъ самъ пріобрѣталъ свободу, такъ что съ этого времени искъ господина противъ колона никогда не прекращался. О второмъ родѣ (давность третьяго владѣльца) онъ не постановилъ ничего и не принялъ также законовъ прежнихъ императоровъ. Намъ кажется, что въ этомъ случаѣ дѣйствовало общее правило о погашеніи исковъ, по которому 30-ти лѣтнее владѣніе было защищаемо противъ востребованія господина, не обращая вниманія на упомянутыя отступающія постановленія. Послѣ этого подробнаго изложенія, состояніе колоновъ можетъ быть выражено въ слѣдующемъ общемъ обзорѣ.

Рожденіемъ они были привязаны къ землѣ, не какъ поденщики, а какъ наемщики, которыя на свой счетъ воздѣлывали участокъ земли и за то платили канонъ, плодами или деньгами; о томъ, что они справляли ра-

боты на господскомъ помѣстьѣ, не упоминается. Права на землю они собственно не имѣли; но такъ какъ государство, изъ полицейскихъ и финансовыхъ видовъ, старалось о томъ, чтобъ они оставались на одной землѣ, и такъ какъ ихъ капонъ не могъ быть возвышаемъ, то состояніе ихъ было почти такъ же обезпечено, какъ будто они имѣли собственное право на землю. Они могли имѣть собственность, и только свободное отчужденіе ея было имъ запрещено; впрочемъ, нѣкоторые классы были свободны даже отъ этого ограниченія. Обыкновенно они платили поголовную подать; гдѣ же ея не было, тамъ отношеніе колоната, не смотря на то, оставалось неизмѣннымъ *). Если сравнимъ ихъ состояніе съ прежнимъ раздѣленіемъ всѣхъ свободныхъ жителей Имперіи на cives, latini и peregrini, то нѣтъ сомнѣнія, что они могли, по обстоятельствамъ, принадлежать къ каждому изъ этихъ трехъ сословій. Но какъ въ позднѣйшее время, latini и peregrini составляли, кажется, только рѣдкія исключенія, то и большая часть колоновъ пользовалась, вѣроятно, правомъ гражданства. Въ такомъ случаѣ, они вступали въ истинный бракъ (connubium), не только между собою, но и со свободными. Хотя Юстиніанъ запретилъ и объявилъ недѣйствительнымъ бракъ свободной женщины съ чужимъ, не принадлежащимъ ей колономъ; но вѣрно не потому, что этотъ колонъ не имѣлъ connubium (иначе бракъ свободной женщины съ собственнымъ своимъ колономъ, равно какъ и бракъ свободнаго человѣка съ колоною, былъ

*) Изъ этого слѣдуетъ, что колоны могли также имѣть право отчужденія и свободу отъ податей, какъ исключенія изъ общаго правила. То и другое право могло существовать и отдѣльно одно отъ другого, и Куяцій несправедливо утверждаетъ, будто они всегда были соединены вмѣстѣ L. un. C. I de Col. thrac. (II 47) говоритъ прямо, что ѳракійскіе колоны были свободны отъ податей, но искъ господина простирался на нихъ вмѣстѣ съ ихъ peculium.

бы также недѣйствительнымъ), но единственно съ тою цѣлью, чтобы тѣмъ вѣрнѣе, такимъ чисто положительнымъ запрещеніемъ, оградить землю отъ потери колона и его потомковъ. Названія этихъ крестьянъ, находящихся въ потомственной зависимости, взяты были частью отъ наслѣдственности ихъ службы (originarii), частью отъ поголовной подати (adscriptitii, tributarii, censiti), частью отъ ихъ отношенія къ землѣ, на которой они жили и которую воздѣлывали. Сюда принадлежитъ общее, въ этой статьѣ постоянно употребляемое названіе coloni; далѣе общее названіе rustici, встрѣчающееся такъ же, какъ техническое названіе этого отдѣльнаго класса *); наконецъ названіе inquilini, коего значеніе впрочемъ спорно. Почти во всѣхъ мѣстахъ оно употребляется такъ неопредѣленно, что нельзя знать, означаетъ ли оно какой либо особый классъ всего сословія, или есть просто синонимическое выраженіе; но послѣднее ясно изъ одного мѣста **), и вѣроятно по различію странъ, то или другое названіе было употребительно для одного и того же юридическаго отношенія.

Наконецъ должно присовокупить нѣкоторыя общія замѣчанія объ историческомъ развитіи колоната. Эта сторона нашего предмета самая темная. Въ источникахъ мы находимъ колонатъ со временъ Константина, притомъ тотчасъ распространеннымъ во всѣхъ частяхъ Импе-

*) Григорій Великій называетъ ихъ всего чаще rustici ecclesiae или rustici nostri, иногда также coloni.

**) L. 13 C. I de agric. (II 47) «мы постановляемъ, чтобы между инквилинами и колонами, которые, въ отношеніи къ судебному отыскиванію дѣтей, имѣютъ почти одни и тѣ же права, хотя они и различаются названіемъ и проч.» Никакого основанія не имѣетъ мнѣніе Куяція, что colonus и inquilinus означали собственно болѣе свободные классы крестьянъ, находящихся въ потомственной зависимости, въ противоположность adscriptitiis.

ріи, даже въ Галліи и Италіи. Съ этого времени колонатъ всегда считался важнымъ предметомъ законодательства, даже въ сборникахъ и въ собственныхъ законахъ Юстиніана. Въ Институціяхъ онъ не излагается, потому что его нѣтъ въ Гаѣ; но это обстоятельство имѣло и то послѣдствіе, что новѣйшіе юристы, на воззрѣнія которыхъ система Институцій имѣла всегда рѣшительное вліяніе, оставили его почти безъ всякаго вниманія. До времени Константина мы находимъ только сомнительные слѣды. Въ одномъ мѣстѣ Пандектовъ, Марціанъ говоритъ о завѣщаніи, въ которомъ inquilini были отказаны безъ земли, къ коей принадлежали: «этотъ отказъ, говоритъ онъ, въ отношеніи къ предмету, въ немъ выраженному, недѣйствителенъ; но можно требовать цѣну его деньгами, если это было намѣреніе завѣщателя». Это мѣсто, конечно, можетъ быть легко объяснено изъ колоната новѣйшаго права, о которомъ мы говорили выше; но оно допускаетъ также другое толкованіе: можно разумѣть подъ нимъ обыкновенные договоры найма, коего право или доходъ могли быть отказаны. Еще съ большею рѣшительностью это можно сказать объ одномъ мѣстѣ Ульпіана, о объявленіяхъ податныхъ лицъ: «кто не объявляетъ своего колона или инквилина, тотъ отвѣчаетъ за нихъ.» Это мѣсто должно разумѣть о обыкновенныхъ наемщикахъ или эмфитевтахъ, которыхъ хозяинъ земли долженъ былъ объявить, потому что иначе они могли бы ускользнуть отъ вниманія чиновниковъ, собирающихъ подати, и остаться безъ платежа поголовной подати; еще болѣе: это мѣсто не можетъ относиться къ потомственнымъ колонамъ новѣйшаго права, потому что они и безъ того должны были стоять въ податныхъ книгахъ, и доходили до свѣдѣнія мѣста, завѣдывающаго сборомъ податей, не чрезъ объявленіе хозяина земли. Если даже будемъ разсматривать эти мѣста Пандектовъ, какъ древнѣйшіе слѣды колоната,

то онъ, во всякомъ случаѣ, имѣлъ въ то время только ограниченное бытіе. Это слѣдуетъ изъ того, что древніе юристы говорятъ о немъ мало, неясно, и что нѣтъ для него постояннаго техническаго названія: названія colonus и inquilinus, которыя впослѣдствіи почти исключительно употреблялись для колоновъ, тогда означали совсѣмъ другое, именно обыкновенныхъ свободныхъ эмфитевтовъ и наемщиковъ, не состоявшихъ ни въ какой личной зависимости. Еще должно упомянуть объ одномъ мѣстѣ Варрона, принадлежащемъ еще древнѣйшему времени: «Всѣ земли воздѣлываются или рабами, или свободными людьми, или же тѣми и другими вмѣстѣ. Свободные воздѣлываютъ землю или сами (напр. большая часть бѣдныхъ со своимъ потомствомъ), или чрезъ вольнонаемныхъ работниковъ; послѣдній способъ они употребляютъ въ болѣе важныхъ отрасляхъ хозяйства, напр. при собираніи винограда и сѣнокосахъ; это суть тѣ, которыхъ наши предки называли obaerarii и которыхъ еще теперь много въ Азіи, Египтѣ и Иллирикѣ» *). Вмѣсто obaerarios, нѣкоторые рукописи читаютъ obaeratos, и ученые хотѣли разумѣть подъ этимъ неоплатныхъ должниковъ (nexi obaerati). Но эти послѣдніи были во времена Варрона такъ рѣдки и незначительны, что не могли никакъ быть упомянуты въ сочиненіи о сельскомъ хозяйствѣ; при томъ очевидно этотъ классъ не есть третій, различный отъ pauperculi и mercenarii, а только особенный эпитетъ для mercenarii (iique вмѣсто iique sunt). И такъ самое естественное толкованіе то, по которому operarius есть только другое названіе для mercenarius, все

*) «Omnes agri coluntur hominibus servis aut liberis aut utrisque. Liberis aut cum ipsi colunt, ut plerique pauperculi cum sua progenie: aut mercenariis, cum conducticiis liberarum operis res majores, ut vindemias et foenificia administrant: iique quos obaerarios nostri vocitarunt et etiam nunc sunt in Asia, et Aegypto et in Illyrico complures.» (Varro de re rustica L. 1 C. 17).

равно, принять ли, что посредствомъ obaerarios означается происхожденіе этого слова отъ operarios, или включить operarios въ самый текстъ. Слѣдовательно это мѣсто никакъ не относится къ потомственному колонату. Куяцій другого мнѣнія: онъ (безъ сомнѣнія, только вслѣдствіе произвольнаго соединенія этого мѣста съ приведенными мѣстами Пандектовъ) съ увѣренностію утверждаетъ, что римляне всегда имѣли крестьянъ, находящихся въ потомственной зависимости, сперва подъ названіемъ operarii, потомъ inquilini или coloni, наконецъ adscriptitii. Правда, что въ древнѣйшія времена, было подобное отношеніе. Кліенты, въ первоначальномъ устройствѣ Рима, были также крестьяне, не имѣвшіе собственности, и жили также въ наслѣдственной зависимости. Не смотря на то, никто не будетъ утверждать, что древнее кліенство находится въ какой-либо исторической связи съ колонатомъ. Въ срединѣ между ними лежитъ пространство нѣсколькихъ вѣковъ, въ которомъ простое, строгое рабство заступило мѣсто всѣхъ прочихъ родовъ личной зависимости. Земледѣліемъ занимались также почти одни рабы; если же впослѣдствіи введены были для него опять другія учрежденія, сходныя съ древнѣйшими, то это вѣрно не было подражаніе юридическому отношенію, давно исчезнувшему, ни вообще изобрѣтеніе законодателя: выгода хозяевъ земли сама привела къ этому. Теперь рабство и колонатъ существовали одно подлѣ другого; но первое отчасти сблизилось съ послѣднимъ, какъ болѣе соотвѣтствующимъ понятіямъ, а можетъ быть, и потребностямъ времени. Впрочемъ, трудно объяснить, какимъ образомъ колонатъ зачался. Мы знаемъ, что каждое отдѣльное лицо вступало въ него посредствомъ рожденія; но какимъ образомъ цѣлое сословіе колоновъ зачалось первоначально? — объ этомъ источники наши не говорятъ ни слова. Совершенно произвольное вступленіе въ это

отношеніе, по крайней мѣрѣ впослѣдствіи, кажется, не допускалось, и мы должны принять, что когда нибудь, въ неизвѣстное намъ время, было поселено множество такихъ колоновъ; потомъ число ихъ было замкнуто или, по крайней мѣрѣ, новыя поселенія затруднены и ограничены. Такое произвольное подчиненіе не соотвѣтствовало также началамъ древняго права. Не смотря на то, оно-то высказывается въ единственномъ историческомъ извѣстіи, которое мы имѣемъ, именно въ одномъ мѣстѣ сочиненія Салвіана, писаннаго имъ въ половинѣ пятаго вѣка (De gubernatione Dei). Онъ жалуется на несносную тягость поземельной подати, лежащей преимущественно на бѣдныхъ, потому что богатые умѣли присвоить себѣ исключительно всѣ облегченія. Послѣдствія этой тягости онъ представляетъ въ слѣдующей постепенности. Одни, говоритъ онъ, прибѣгаютъ къ защитѣ богатыхъ, предоставляютъ имъ свои земли и дѣлаются ихъ эмфитевтами, но они такъ отягощены высокимъ канономъ, что продолжаютъ несть на себѣ бремя поземельной подати, отъ которой хотѣли избавиться. Другіе оставляютъ свои земли и дѣлаются колонами на земляхъ богатыхъ. Наконецъ, третіе терпятъ самую жестокую участь: они сначала принимаются, какъ свободные чужестранцы, а потомъ дѣлаются настоящими рабами. Сюда принадлежитъ второй классъ, предполагающій, очевидно, возможность добровольнаго вступленія въ колонатъ. Впрочемъ, при этомъ не сказано, подъ какими условіями, съ какими ограниченіями возможно такое вступленіе; въ особенности же остается сомнительнымъ, говорится ли здѣсь о колонатѣ, какъ о юридическомъ учрежденіи, или только о фактическомъ злоупотребленіи, которое чрезъ одну давность можетъ получить юридическій характеръ. По крайней мѣрѣ третій классъ несчастныхъ, упомянутыхъ Салвіаномъ, безспорно указываетъ на фактическое присвоеніе права,

слѣдовательно на очевидную несправедливость, а не на законное дѣйствіе. Весьма естественно было бы принять, что первоначальные колоны (всѣ или только часть) были рабы, отпущенные на волю съ этимъ ограниченіемъ, и названіе patronus, употребляемое для хозяина земли, могло бы служить подтвержденіемъ этого мнѣнія. Только въ отпущеніи, измѣненномъ такимъ образомъ, лежало бы нѣчто новое, совершенно несвойственное древнему праву. Самое простое и естественное объясненіе происхожденія колоната было бы дано тогда, когда бы можно было доказать, что въ нѣкоторыхъ провинціяхъ искони существовало такое наслѣдственное крѣпостное состояніе. Въ такомъ случаѣ, оно, подъ владычествомъ римлянъ, могло не только продолжаться, но и распространиться на другія части Имперіи *). Но историческихъ свидѣтельствъ, подтверждающихъ это мнѣніе, мы вовсе не имѣемъ. Готофредъ принимаетъ о происхожденіи колоновъ слѣдующую, ненмѣющую никакого основанія гипотезу. Они произошли, говоритъ онъ, частью изъ римлянъ (inquilini), частью изъ чужестранцевъ (coloni), добровольно вступившихъ въ римское подданство подъ этимъ условіемъ; вслѣдствіе такого подданства, ихъ должно считать за dedititii. Кромѣ того, что онъ ничѣмъ не подтверждаетъ своего мнѣнія, въ немъ смѣшаны еще, кажется, времена и понятія. Во времена республики, dedititii назывались тѣ побѣжденные народы, которые сдавались безусловно, для чего были введены особенныя торжественныя формулы Законъ Элія Сенція (lex Aelia Sentia) ввелъ это названіе, какъ техническое выраженіе для такихъ вольноотпущенныхъ, которые, во время своего рабства, подверглись безчестнымъ наказаніямъ и потому дѣлались, послѣ отпущенія, не cives, а только peregrini съ самыми огра-

(*) Это мнѣніе принадлежитъ Рудорфу. Впрочемъ, онъ самъ видитъ въ немъ не болѣе, какъ гипотезу.

ничеными правами. Ни то, ни другое не подходитъ къ случаю, который предполагалъ Готофредъ; но онъ, при выборѣ выраженія, думалъ, кажется, о обоихъ древнихъ значеніяхъ въ одно и то же время, не уяснивъ себѣ достаточно ни того, ни другого. Виніпіръ принимаетъ внутреннюю связь между правомъ древнихъ римскихъ колоній, провинціальными землями и эмфитевзисомъ: всѣ эти учрежденія были, по его мнѣнію, въ существѣ своемъ, одно и то же, именно: зависимая, ограниченная, отягощенная повинностями собственность. Самый колонатъ позднѣйшаго времени есть не что иное, какъ дальнѣйшее развитіе этой собственности, потому что личное состояніе крестьянъ считалось низкимъ состояніемъ, по сходству ихъ занятій съ занятіями рабовъ. Но я ни въ одномъ пунктѣ не согласенъ съ этимъ мнѣніемъ, хотя не могу теперь подвергнуть его подробнѣйшей критикѣ.

Замѣчательное извѣстіе для исторіи колоната содержится въ недавно открытой конституціи Ѳеодосіева кодекса *). Въ ней императоры говорятъ, что варварская нація Сципровъ покорена силою оружія римскому владычеству. Каждый землевладѣлецъ **) можетъ просить у префекта преторіо работниковъ для своей земли изъ этого народа; такіе работники должны принадлежать ему на правѣ колоната, и отнюдь не терпѣть одинаковаго обращенія съ рабами. Но ихъ можно брать только въ заморскія провинціи, а именно: не въ Ѳракію и Иллирикъ. Вотъ замѣчательный, единственно извѣстный намъ примѣръ, который можетъ объяснить первоначальное происхожденіе колоновъ въ большомъ объемѣ. Императоры

*) Конституція принадлежитъ императорамъ Гоноріо и Ѳеодосію, и публикована изъ Константинополя въ 409 году.

**) Это мѣсто находится въ титулѣ de bonis militum; посему можетъ быть, что выгоды, даруемыя конституціею, распространялись на однихъ солдатъ, имѣющихъ недвижимую собственность.

могли находящихся въ ихъ власти варваровъ продавать какъ рабовъ, но предпочитали (безъ сомнѣнія, изъ экономическихъ видовъ) раздавать ихъ, какъ колоновъ. Можно бы принять, что всѣ вообще колоны происходили первоначально такимъ образомъ, такъ что этотъ случай есть только повтореніе прежнихъ, ему подобныхъ. Но эту гипотезу отнюдь не должно считать необходимою; точно также можетъ быть, что первоначальное происхожденіе колоната было совершенно другое, и что здѣсь давно извѣстное и развитое юридическое отношеніе приложено только произвольно къ большому числу плѣнныхъ варваровъ.

Въ заключеніе должно еще упомянуть объ отношеніи римскаго колоната къ германской Hörigkeit, которая уже съ самаго древняго времени встрѣчается въ различныхъ степеняхъ. Общее сходство между ними видно съ перваго взгляда; но принимать между ними историческую связь, нѣтъ, кажется, ни малѣйшаго основанія. Такъ напр. я не думаю, чтобы можно было объяснить происхожденіе римскаго колоната изъ подражанія германской Hörigkeit, хотя о существованіи ея у германцевъ римляне уже давно знали *). Еще неосновательнѣе принимать обратно происхожденіе германской Hörigkeit изъ римскаго колоната, хотя латинская редакція германскихъ народныхъ законовъ, здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, употребляла римскія техническія выраженія для означенія германскихъ юридическихъ понятій. Впрочемъ, должно замѣтить важное различіе въ происхожденіи того и другого отношенія. Развитіе римскаго колоната принадлежитъ временамъ паденія народа; онъ введенъ былъ произвольно для одной, отдѣльной потребности, и никогда не могъ пріобрѣсти особенной политической важности. Германская Hörigkeit совпадаетъ съ первоначальнымъ образова-

*) Тацитъ Germania cap. 25.

ніемъ сословій народа, и потому пріобрѣла важнѣйшее вліяніе на устройство и гражданское право. Въ этомъ отношеніи древнее кліенство, безъ сомнѣнія, скорѣе можно сравнить съ нею, чѣмъ колонатъ, хотя она съ послѣднимъ совпадала по времени.

Послѣ покоренія Западной имперіи германскими народами, колонатъ и Hörigkeit пришли въ непосредственное соприкосновеніе, и смѣшеніе ихъ было неизбѣжно. Это ускорило паденіе древняго рабства, пріуготовленное уже введеніемъ колоната.

III.

О СУДЕБНЫХЪ ИЗДЕРЖКАХЪ.

(Практическая Замѣтка).

Къ числу невыгодъ, испытываемыхъ тяжущимися, вовлеченными въ гражданскій процессъ, по необходимости отыскивать ли свое право — быть истцомъ, или защищать его отъ неправильныхъ притязаній — быть отвѣтчикомъ, принадлежитъ, конечно, обязанность вести самый искъ.

Немного бываетъ такихъ исключительныхъ положеній, въ которыхъ тяжущемуся представляется возможность вести процессъ самому. Два условія: свобода располагать своимъ временемъ, не быть связаннымъ ни служебными обязанностями, ни устройствомъ и заботливостью о своихъ частныхъ и домашнихъ дѣлахъ, и при этомъ знаніе законовъ и судебныхъ формъ выдаются весьма рѣдко. Но положимъ, что тяжущійся — и человѣкъ свободный по своему положенію, и способный вести процессъ самъ, по знанію гражданскаго судопроизводства. Во все продолженіе процесса, онъ дѣлается прикованнымъ къ мѣсту его производства: уѣздный городъ, губернскій городъ и наконецъ столица становятся необходимыми мѣстами его пребыванія. Присутствіе его здѣсь неизбѣжно, какъ по требованію закона для дачи отвѣтовъ и объясненій, прочтенія записки, выслушанія рѣшенія, такъ и для личныхъ просьбъ и настапваній, чтобы дѣло шло своимъ обычнымъ, хотя и медленнымъ ходомъ, не затяги-

валось, не загружалось судебными отписками и справками. А окончанія процесса надо дожидаться нѣсколько, иногда и много лѣтъ. Продолжительность судебныхъ сроковъ, неограниченное число взаимныхъ объясненій, которыя могутъ представлять стороны по спорнымъ дѣламъ, медленное исполненіе полиціею судебныхъ распоряженій, все это на долго останавливаетъ ходъ процесса, даже при самой успѣшной дѣятельности судовъ. Наконецъ дѣло пришло къ концу; рѣшеніемъ суда оправданный возстановленъ или утвержденъ въ своемъ правѣ, — а время, употребленное на веденіе процесса, издержки на прожитокъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ производился, на переѣзды изъ одного мѣста въ другое — всѣ эти потери должны же быть также вознаграждены. Вѣдь тяжущійся не добровольно взялся за искъ: онъ былъ вынужденъ защищать свое право.

Мы коснулись веденія процесса при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ для тяжущагося. Но если онъ человѣкъ, обязанный службою или своими частными дѣлами и семейными отношеніями, что̀ дѣлать ему тогда, въ случаѣ необходимости предстать предъ судъ? Остается одно средство — прибѣгнуть къ повѣренному. Здѣсь-то начинается для тяжущагося рядъ безчисленныхъ издержекъ, который, отъ начала процесса до окончанія его, возрастаетъ въ быстрой, невѣроятной прогрессіи. Довѣритель дѣлается банкиромъ своего повѣреннаго, и нерѣдко случается такъ, что когда, по судебному рѣшенію, процессъ выигрываетъ довѣритель, то въ дѣйствительности, вся вещественная выгода достается одному повѣренному.

Чѣмъ же вознаграждаетъ судъ оправданнаго тяжущагося за понесенные имъ по дѣлу убытки и издержки? Онъ присуждаетъ ему взысканіе проѣстей и волокитъ, и предоставляетъ ему право начать искъ объ убыткахъ.

Разсмотримъ, въ какой мѣрѣ удовлетвореніе это соотвѣтствуетъ своему назначенію.

Проѣсти и волокиты установлены Судебникомъ Іоанна IV (ст. 49, 50), по дѣламъ между крестьянами, въ вознагражденіе оправданнаго. Мѣра этого вознагражденія назначалась по три деньги на день, что̀ равнялось поденной платѣ, которую могъ заработать въ то время крестьянинъ и которая была достаточна, чтобы пропитать себя (проѣсть) на одинъ день. *) Законъ этотъ въ то время, значитъ, вполнѣ имѣлъ практическое значеніе. По Уложенію, проѣсти опредѣлены по всѣмъ гражданскимъ дѣламъ, какъ по судным (исковымъ), такъ и по вотчинным; по первымъ назначена гривна, по вторымъ двѣ гривны на день (гл. X ст. 18.; гл. XVI, ст. 26). Такимъ образомъ, съ одной стороны сознана была необходимость вознаграждать оправданныхъ тяжущихся, за убытки и потери по производству иска по всѣмъ вообще гражданскимъ дѣламъ; но съ другой стороны, мѣра вознагражденія не имѣла уже той практической вѣрности и достоинства, которыя выражены были въ Судебникѣ; со всѣмъ тѣмъ, проѣсти и волокиты, со своею неизмѣнною гривною, прожили два столѣтія съ половиною. Въ 1799 году правительство обратило вниманіе на этотъ вѣковой юридическій анахронизмъ: выставлена была необходимость сообразить взысканіе проѣстей и волокитъ съ существомъ и цѣною дѣлъ, и предметъ этотъ порученъ былъ Коммисіи о составленіи законовъ; но мысль осталась безъ исполненія, а потому въ 1801 году снова опредѣлено было руководствоваться прежними законами о проѣстахъ и волокитахъ. (1801 Янв. 10. (19,712) что̀ продолжается и до настоящаго времени. Нѣтъ надобности объяснять, что присуждаемое законами о проѣстахъ и

*) Судебникъ Татищева стр. 35.

волокитахъ, въ пользу оправданнаго тяжущагося, удовлетвореніе — по шести копѣекъ серебромъ на день въ дѣлахъ о недвижимыхъ имѣніяхъ и по три копѣйки серебромъ въ дѣлахъ исковыхъ (ст. 1810 ч. II т. X Св. Зак. изд. 1857) *), не содержитъ въ себѣ и тѣни вознагражденія тяжущагося за тѣ убытки и издержки, которыя онъ несетъ по производству процесса.

Обратимся теперь къ другому введенному судебною практикою способу вознагражденія оправданнаго тяжущагося, предоставленіемъ ему права начать искъ о убыткахъ и судебныхъ издержкахъ, понесенныхъ въ продолженіе тяжбы. Здѣсь уже, кромѣ одной судебной фразы, тяжущійся не получаетъ въ дѣйствительности никакого удовлетворенія. Начатіе новаго иска требуетъ тѣхъ же условій, которыя необходимы были для веденія первоначальнаго иска, а мы видѣли, какъ они трудно исполнимы. Если и предположимъ, что эти условія возможны, какой будетъ результатъ процесса о убыткахъ и издержкахъ? Законъ не полагаетъ и не опредѣляетъ никакого числительнаго, точнаго вознагражденія за судебные убытки и издержки, даже не поименовываетъ ихъ, исключая самыхъ ничтожныхъ расходовъ, указанныхъ въ 1725 ст. ч. II Т. X Св. Зак. (*); о другихъ же существенныхъ для тяжущихся убыткахъ и тратахъ: платѣ повѣреннымъ, потерѣ времени во все продолженіе процесса, проживательствѣ или пріѣздѣ въ тотъ городъ, гдѣ производился судъ, въ законѣ не говорится; значитъ, нельзя и требо-

---

*) По дѣламъ рѣшеннымъ полагается проѣстей и волокитъ по шести копѣекъ серебромъ на день.

*) Въ статьѣ 1725-й сказано: Судебныя издержки по дѣламъ тяжебнымъ суть: 1) пошлины съ прошеній, въ судебныя мѣста приносимыхъ; 2) деньги за перенось тяжбы по апелляціи въ высшее мѣсто; 3) деньги за напечатаніе объявленій; 4) пошлины съ гербовой бумаги.

вать себѣ за то вознагражденія. Оцѣнка предметовъ этихъ, столь нераздѣльныхъ съ практическимъ веденіемъ процессовъ, еще чужда нашему законодательству.

Только въ одномъ случаѣ законъ сочувственно соприкасается этимъ практическимъ потребностямъ и присуждаетъ соразмѣрное удовлетвореніе: въ дѣлахъ о золотыхъ пріискахъ, оправданная сторона получаетъ половину взыскиваемаго съ обвиненнаго штрафа, что̀ составляетъ десять копѣекъ съ рубля, съ суммы иска (ст. 671 ч. 2 Т. X).

Между тѣмъ, законность вознагражденія оправданнаго тяжущагося, за убытки и издержки по веденію процесса, основана на идеѣ справедливаго возмездія; несомнѣнность ея подверждается явными практическими доказательствами; со временъ Судебника, она проговорилась и въ нашемъ законодательствѣ; законодательная власть готова была признать ее *); остается только досказать ее, сообразно современнымъ требованіямъ — переложить цѣнность вышедшей изъ употребленія крестьянской гривны на теперешній курсъ монеты, по мысли, руководившей составителя Свода: *Structura nova veterum legum.*

П. Владиславлевъ.

*) Въ 1799 г.

IV.

ОБЪ ОСНОВАНІЯХЪ ДЛЯ ОПРЕДѢЛЕНІЯ ЦѢННОСТИ ЗЕМЕЛЬ.

Желая опредѣлить цѣнность земель въ разныхъ мѣстностяхъ, надобно прежде всего разрѣшить вопросъ: существуютъ ли въ Россіи, въ настоящее время, сколько-нибудь опредѣленныя цѣны земель?

Въ обществахъ, гдѣ продажа земель не стѣснена ни правительственными учрежденіями, ни экономическими послѣдствіями учрежденій, цѣны земель, преимущественно и постоянно, зависятъ отъ большей или меньшей густоты народонаселенія. Къ этой главной причинѣ возвышенія и упадка цѣнъ присоединяется вліяніе степени существующаго въ обществѣ стремленія къ продажѣ и покупкѣ земель. Наконецъ, при каждой отдѣльной сдѣлкѣ, является случайное вліяніе относительнаго положенія покупателя и продавца. Чѣмъ болѣе предоставлено въ обществѣ свободы въ продажѣ земель, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на цѣны отношеніе народонаселенія къ пространству земли.

При достаточной свободѣ, случайныя причины дѣйствуютъ въ предѣлахъ *maximum* и *minimum*, допускаемыхъ постоянною причиною, и эти двѣ крайности очень мало отдѣляются одна отъ другой. Напротивъ того, когда продажа земли сдѣлана законами или экономическими слѣдствіями законовъ, тогда случайныя причины дѣлаются всемогущими; *maximum* и *minimum* цѣнъ земли, въ данное

время, въ данной мѣстности и одного качества, отдѣляются на большое разстояніе.

Примѣнимъ эти общія основанія къ Россіи вообще и въ особенности къ Полтавской и Черниговской губерніямъ.

Почти всѣ земли въ Россіи принадлежатъ или казнѣ, или владѣльцамъ населенныхъ имѣній; самая малая затѣмъ часть—всѣмъ другимъ сословіямъ. Государственныя земли почти вовсе не продаются. Помѣщики почти всегда продаютъ земли съ крестьянами, на нихъ живущими, и съ хозяйственными заведеніями; а при такихъ продажахъ, невозможно опредѣлить, во что оцѣнена земля, отдѣльно отъ прочихъ составныхъ частей имѣнія. Очень рѣдко помѣщикъ, побуждаемый крайнею нуждою, отдѣляетъ и продаетъ часть земли изъ своего имѣнія; но въ такомъ случаѣ, эта самая нужда поставляетъ его въ совершенную зависимость отъ покупателя; напр. я знаю одного помѣщика Черниговской губерніи, который продалъ евреямъ сто десятинъ земли по 25 р. с., а чрезъ годъ евреи перепродали нѣмецкимъ колонистамъ по 45 р. с.; какъ же слѣдуетъ оцѣнить эту землю? Духовенство почти никогда не продаетъ своихъ земель, потому что священникъ или причетникъ можетъ пережить свою нужду, пользуясь доходами отъ прихода. Мѣщане и чиновники свободно продаютъ свои земли; но кромѣ ограниченности пространства этихъ земель, бо́льшею частью онѣ расположены возлѣ городовъ, продаются вообще дороже чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ, а потому и не могутъ слу́жить мѣриломъ для опредѣленія цѣнности земель въ уѣздѣ или въ губерніи.

Въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ, сословіе малороссійскихъ казаковъ владѣетъ обширными землями на правѣ полной частной собственности. Но за 25 лѣтъ предъ симъ, это сословіе лишено права продавать свои

земли лицамъ другаго званія. Само собою разумѣется, что, при уменьшеніи конкурренціи, между покупателями разныхъ сословій, казаки продаютъ свои земли другимъ казакамъ гораздо дешевле, чѣмъ могли бы продавать при участіи всѣхъ сословій въ покупкѣ. Такимъ образомъ, когда земли почти вовсе не продаются, а рѣдкія продажи стѣсняются разными ограниченіями, то можно смѣло сказать, что опредѣленная цѣна земли, т. е. болѣе зависящая отъ густоты народонаселенія, чѣмъ отъ случайностей, не существуетъ, а существуютъ только случайныя цѣны, зависящія преимущественно отъ случайныхъ отношеній продавца и покупателя.

При такихъ обстоятельствахъ, оффиціальныя лица, къ которымъ обращается правительство съ запросами о цѣнѣ земель, не имѣя никакихъ опредѣлительныхъ данныхъ, большею частью основываютъ отвѣты свои на соображеніяхъ другого рода. Прежде всего они задаютъ себѣ вопросъ: для чего правительство требуетъ эти свѣдѣнія? Если кому покажется, что эти свѣдѣнія нужны для раскладки поземельнаго сбора, то цѣнность земель опредѣляется самая низкая; напротивъ того, если предполагается, что свѣдѣнія требуются для опредѣленія степени выгодности пріема въ залогъ земель,—цѣны показываются самыя высокія.

Съ тѣхъ поръ, какъ предпринято улучшеніе крестьянскаго быта, оффиціальныя цѣны земель будутъ постоянно возвышаться. Всѣ эти показанія совершенно произвольны, и оттого въ мѣстностяхъ сосѣдственныхъ и совершенно однородныхъ показываются цѣны, такъ далеко отстоящія одна отъ другой, напр. въ вѣдомости за 1855—56 годы показаны въ Переяславкомъ уѣздѣ Полтавской губерніи цѣна десятины пахатной земли высшаго качества 15 р., а въ Прилукскомъ — 35 р., въ Козелецкомъ Черниговской губерніи средняя земля и въ Остерскомъ высшая

оцѣнена въ 15 р., въ Нѣжинскомъ же высшая оцѣнена 30 р., въ Городницкомъ уѣздѣ 10 р., въ Черниговскомъ средняя 30 р.

Но отказываясь отъ опредѣленія несуществующихъ постоянныхъ цѣнъ земли, нельзя ли по крайней мѣрѣ опредѣлить maximum и minimum, между которыми движется вліяніе случайностей, и потомъ сдѣлать изъ нихъ средній выводъ?

Я думаю, что самое лучшее къ тому средство — сводъ цѣнъ, которыя опредѣлены въ актахъ продажи. Но этимъ источникомъ надобно также пользоваться съ большою осторожностью. Цѣны въ актахъ большею частью уменьшаются, чтобы менѣе платить пошлины, а иногда увеличиваются, чтобы обеспечить покупателя отъ выкупа земли родственниками продавца.

Для избѣжанія ошибки отъ вызвышенія цѣнъ, надобно принимать въ соображеніе, во всѣхъ губерніяхъ, кромѣ Черниговской и Полтавской, гдѣ выкупъ не существуетъ, только продажи благопріобрѣтенныхъ земель, а наслѣдственныхъ въ такомъ только случаѣ, если онѣ переходятъ отъ лица одного сословія къ лицамъ другого, потому что при такихъ обстоятельствахъ, земли не подлежатъ выкупу.

Но нѣтъ никакихъ средствъ совершенно устранить ошибки отъ пониженія цѣнъ; можно только уменьшить ошибки, принимая всегда самую высшую цѣну изъ найденныхъ въ актахъ для каждой мѣстности, и повѣряя показанія одной мѣстности показаніями другой.

Можно также опредѣлить цѣнность земли по доходу, получаемому владѣльцами при наймѣ земель. Пользованіе землею предоставляется наемщику или за часть произведеній, которыя съ нея будутъ собраны, или за опредѣленную ежегодную плату. Въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ, большею частью предоставляется соб-

ственнику третья часть произведеній пахатной земли и половинная сѣнокосной. Главная трудность встрѣчается здѣсь въ денежной оцѣнкѣ этой третьей части или половины произведеній съ одной десятины. Для того надобно знать съ точностью урожай каждаго продукта въ той мѣстности за 10 или 12 лѣтъ, и среднія цѣны продуктовъ за столько же лѣтъ; но при извѣстной невѣрности и неполнотѣ оффиціальныхъ данныхъ, едва ли можно опредѣлить для каждаго уѣзда среднія цѣны продуктовъ, а тѣмъ менѣе средній урожай.

Обращаясь къ цѣнамъ найма земли за опредѣленную денежную плату, мы убѣждаемся, что эти самыя вѣрныя данныя для опредѣленія владѣльческаго дохода, тѣмъ болѣе вѣрныя, что при такомъ наймѣ земли, весь рискъ предпріятія переходитъ къ наемщику, а собственнику остается чистая рента, безъ всякой примѣси дохода за рискъ потерять ренту чрезъ нерадѣніе и неискусство наемщика, или чрезъ естественное бѣдствіе. Но здѣсь встрѣчаются новыя трудности для опредѣленія цѣны земель.

1) Земли очень рѣдко отдаются въ наемъ, какъ по недостатку у земледѣльцевъ капиталовъ, такъ и потому что помѣщики обработываютъ землю барщиною, а казенныя земли надѣляются обществамъ по мѣрѣ потребностей.

2) Трудно рѣшить, за какой процентъ капитала принять этотъ доходъ собственника, т. е. во сколько разъ умножить этотъ доходъ, чтобы получить цѣну земли. Обыкновенно оцѣниваютъ земли по 10-ти лѣтней сложности дохода; но при 3% платимыхъ кредитными установленіями, при указныхъ процентахъ и слабомъ частномъ кредитѣ, владѣлецъ земли очень часто довольствуется 6% на свой капиталъ. Здѣсь опять полный просторъ произвола.

Чтобы сдѣлать выводъ, хотя приблизительно вѣрный, надобно повѣрять взаимно показанія актовъ продажи и

опредѣленія цѣны земель по доходу владѣльца при отдачѣ въ наемъ; напр. положимъ вы имѣете нѣсколько вѣрныхъ показаній цѣнъ, взятыхъ изъ актовъ продажи въ какомъ-нибудь уѣздѣ, и вамъ вѣрно извѣстно, что эти цѣны не уменьшены; положимъ, что десятина по 40 р. Въ то же время вамъ извѣстно, что въ этомъ уѣздѣ десятина нанимается по 2 р. сер. Тогда вы дѣлаете выводъ, что рента въ этомъ уѣздѣ составляетъ 5% на капиталъ. Потомъ вы можете дѣлать обратную повѣрку сомнительныхъ чиселъ, извлеченныхъ изъ актовъ, цѣнами, выведенными изъ платы при наймѣ земли. Положимъ вы знаете, что въ извѣстной мѣстности, земля нанимается 1 р. 50 к. за десятину, рента составляетъ 5% и вы дѣлаете выводъ, что десятина тамъ 30 р., а показанная въ актѣ 20 р. уменьшена. Такія повѣрки можно дѣлать различными способами.

Все сказанное объясняетъ трудности опредѣлить даже такія, зависящія отъ случайностей цѣны земель, какія у насъ только существуютъ. Чтобы достигнуть даже приблизительной вѣрности, необходимо въ каждой губерніи устроить оцѣночныя коммиссіи, состоящія изъ членовъ отъ дворянства и отъ нѣсколькихъ министерствъ.

По крайней мѣрѣ цѣны земель, извлеченныя изъ актовъ, могутъ быть признаны юридически истинными, тѣмъ болѣе, что при составленіи каждаго акта, дается подписка въ томъ, что извѣстны законы о неутайкѣ цѣны.

В. Тарновскій.

V.

ОБЪ УКАЗНЫХЪ ЗНАКАХЪ.

Къ числу опозоривающихъ наказаній, противъ которыхъ наиболѣе возстаютъ криминалисты, принадлежатъ вещественные знаки, дѣлаемые на тѣлѣ преступника, тѣмъ или инымъ орудіемъ, въ видѣ эмблематическихъ изображеній или начальныхъ буквъ, указывающихъ на преступленіе или на понесенную казнь, съ цѣлію навлечь на осужденнаго всеобщее презрѣніе и безчестіе (la marque, *клейма, штемпельные, указные знаки*).

Употребленіе этихъ знаковъ встрѣчается у разныхъ народовъ, въ разныя, преимущественно невѣжественныя эпохи. Оно вводилось обычаями, изъ которыхъ перешло въ писанные законы. На востокѣ знаки эти имѣютъ болѣе символическое значеніе. Прелюбодѣя пятнаютъ на лбу изображеніемъ женскихъ дѣторождныхъ частей; похитителя золота у жреца — изображеніемъ собачьей ноги; убійцу брамана — изображеніемъ обезглавленнаго человѣка. Сѣверные завоеватели, въ глазахъ которыхъ побѣжденные были преступники, дѣлали на тѣлѣ ихъ парѣзки въ формѣ совы или орла. По древнему германскому праву, вору стригли голову, обливали ее горячею смолою и обсыпали мелкими перьями. Въ Швейцаріи существовалъ обычай клеймить богохульниковъ на губахъ раскаленнымъ желѣзомъ *). Въ средніе вѣка употребленіе болѣзненныхъ

*) Grimm, Deutsche Rechtsalterth. 691, 699, 725. — Michelet, Origines du droit français etc. 372 — 388.

опозоривающихъ знаковъ поддерживалось инквизиціонною уголовною практикою и было суррогатомъ усиленныхъ мѣръ тѣлесныхъ казней. Законодательства современныхъ просвѣщеннѣйшихъ націй освящали употребленіе штемпельныхъ знаковъ, и много вѣковъ протекло до того времени, пока развитіе человѣческихъ идей о наказаніи, чувство гуманности, милосердія и вѣры въ исправимость самаго закоснѣлаго злодѣя взяли верхъ надъ грубыми матеріальными понятіями о преступленіи и цѣли общественнаго возмездія. Клейменіе каторжниковъ на правомъ плечѣ удерживается еще Наполеоновымъ кодексомъ 1808 г. и отмѣнено во Франціи только въ 1832 году.

Русскимъ славянамъ не было извѣстно употребленіе клеймъ, какъ средства или принадлежности наказанія. Ни въ Русской Правдѣ, ни въ послѣдующихъ древнѣйшихъ памятникахъ нашего законодательства объ нихъ не упоминается. Новгородцы не соглашаются на предложеніе ганзейскихъ гостей подвергать русскаго за кражу у нѣмца сѣченію и заклейменію на щекѣ, и въ договорѣ 1270 г. постановляютъ, что виновнаго должно судить по его *пошлинѣ* (закону), а по этой пошлинѣ воръ откупался деньгами *). Путь ко введенію клеймъ и другихъ унизительныхъ наказаній открыли намъ татары, при содѣйствіи отчасти византійской цивилизаціи. Вотъ какъ объясняетъ это Карамзинъ въ своей исторіи **):

«Отъ временъ Василія Ярославича до Іоанна Калиты отечество наше походило болѣе на темный лѣсъ, нежели на государство: сила казалась правомъ; кто могъ, грабилъ: не только чужіе, но и свои; не было безопасности ни въ пути, ни дома; татьба сдѣлалась общею язвою собственности. Когда же сія ужасная тьма неустройства

*) Андреевскаго, О договорѣ Новгород. съ нѣмец. городами и Готланд. Спб. 1855. стр. 13, 22 и 23.

**) Изд. Эйнерл., т. V, стр. 217.

начала проясняться, оцѣпененіе миновало, и законъ, душа гражданскихъ обществъ, воспрянулъ отъ мертваго сна: тогда надлежало прибѣгнуть къ строгости, неизвѣстной древнимъ россіянамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что жестокія судныя казни означаютъ ожесточеніе сердецъ и бываютъ слѣдствіемъ частныхъ злодѣяній..... Легкія денежныя пени могли нѣкогда удерживать нашихъ предковъ отъ воровства; но въ XIV столѣтіи уже вѣшали татей. Россіянинъ Ярославова вѣка зналъ побои единственно въ дракѣ; иго татарское ввело тѣлесныя наказанія: за первую кражу клеймили, за вины государственныя сѣкли кнутомъ. Былъ ли дѣйствителенъ стыдъ гражданскій тамъ, гдѣ человѣкъ съ клеймомъ вора оставался въ обществѣ?... Чувство угнетенія, страхъ, ненависть, господствуя въ душахъ, обыкновенно производятъ мрачную суровость въ правахъ. Свойства народа изъясняются всегда обстоятельствами; однакожъ дѣйствіе часто бываетъ долговременнѣе причины: внуки имѣютъ нѣкоторыя добродѣтели и пороки своихъ дѣдовъ, хотя живутъ и въ другихъ обстоятельствахъ. Можетъ быть, самый нынѣшній характеръ россіянъ еще являетъ пятна, возложенныя на него варварствомъ монголовъ.»

Въ уставной грамотѣ, данной великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ жителямъ Двинской области въ 1398 году, *законъ*, кажется, въ первый разъ установляетъ клейменіе. По этой грамотѣ, повелѣвалось вора за первое воровство подвергать денежному взысканію въ пользу князя, равняющемуся цѣнѣ украденныхъ вещей; въ случаѣ вторичнаго воровства, взыскивать съ него сумму денегъ безъ всякаго снисхожденія; въ случаѣ третьяго воровства, вѣшать его; *а татя всякаго пятнити*, прибавляетъ грамота *). Въ позднѣйшихъ законодательныхъ памятникахъ и юридическихъ актахъ, а равно въ судеб-

*) А. А. Э. Т. I. № 13.

никахъ Іоанна III и его внука, начавшихъ замѣнять мѣстные уставы законами общими для всего государства, также не упоминается объ этомъ родѣ опозоривающихъ наказаній *). Но въ 1637 году снова встрѣчаемся съ клейменіемъ. 10 Февраля этого года, издана царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ окружная грамота о поддѣлывателяхъ монеты, изъ которой, между прочимъ, видно, что царь, по своему милосердному *обычаю*, тѣмъ денежнымъ ворамъ, которые пойманы до изданія этой грамоты, смертную казнь *отдалъ*, т. е. не велѣлъ ихъ наказывать смертію, а велѣлъ ихъ наказывать кнутомъ, а послѣ наказанія разослать въ города въ тюрьмы по смерть скованныхъ, а для улики клеймить ихъ на щекахъ, а въ клеймѣ написать слово *воръ*, дабы эти воры впередъ были *знатны* **). Хотя наказаніе это вскорѣ опять измѣнено, и за поддѣлку чекана и штемпеля велѣно попрежнему, казнить смертію *разными казнями* ***), и хотя и въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича не упоминается о клеймахъ, тѣмъ не менѣе клеймы продолжали употребляться на практикѣ, какъ принадлежность торговой казни, особенно по дѣламъ о воровствѣ и разбоѣ. По крайней мѣрѣ указомъ 5 Февраля 1705 г., ограничившимъ смертную казнь лишь случаями бунта и убійства, повелѣвалось колодниковъ, виновныхъ въ татьбахъ и въ разбояхъ и во всякихъ воровствахъ, кромѣ упомянутыхъ двухъ преступленій, и за которыя они *уже прежде заклеймены были*, переклеймить новыми установленными клеймами. Царь Петръ опредѣлилъ при этомъ съ точностію самый способъ клейменія, и приказалъ

*) Юрид. Зак. Т. II стр. 336.

**) А. А. Э. Т. II № 266. С. Г. Г. и Д. Т. III стр. 360.

***) Рейца, перев. Морошк. стр. 286 и 287. Линовскаго, Изслѣд. нач. угол. права, излож. въ Улож. Ц. А. М. Одесса, 1847 г. стр. 42 и 43.

у важнѣйшихъ преступниковъ, которые, вмѣсто смертной казни, будутъ наказаны кнутомъ и запятнаны, вырѣзывать у носу ноздри и ссылать на вѣчную каторгу. «А которыхъ воровъ же» — говорится въ указѣ— «за ихъ воровство, тѣмъ новымъ пятномъ пятнать не довелось, а довелось послать на каторги въ работу на урочные годы, и тѣхъ воровъ на тѣ урочныя лѣта на каторги жъ въ работу посылать, съ жестокимъ же наказаніемъ, и запятнавъ новымъ же другимъ пятномъ, *вѣдьми* въ лобъ, и натирать тѣ пятна порохомъ многажды накрѣпко, чтобъ они тѣхъ пятенъ ничѣмъ не вытравливали и не живили, и чтобъ тѣ пятна на нихъ ворахъ были знатны по смерть ихъ *).» Подобною же цѣлію руководствовался Петръ I, повелѣвъ у каторжныхъ колодниковъ вынимать ноздри *до кости*, съ тѣмъ, чтобы эта мѣра распространена была и на наказанныхъ уже колодниковъ, у которыхъ «ноздри выняты мало знатны.» «Во всѣхъ мѣстахъ,»—сказано въ указѣ 15 Января 1724 г., «изъ которыхъ въ каторжную вѣчную работу присылаются, вынимать ноздри до кости, дабы когда случится такимъ сбѣжать, чтобъ вездѣ утаиться было не можно, и для лучшей поимки были знатны; также которые нынѣ есть при каторжныхъ дворахъ такіе жъ невольники, учинить тожъ.» **) Всѣмъ этимъ дѣйствіямъ подлежали «всякихъ чиновъ люди;» отъ нихъ не освобождалъ ни полъ, ни возрастъ.

Мы сопоставляемъ здѣсь клейменіе вырѣзыванію ноздрей потому, что обѣ эти мѣры имѣли въ нашемъ законодательствѣ одинаковое значеніе, и дополняли, такъ сказать, одна другую. Отмѣна одной должна была бы, повидимому, повлечь за собою отмѣну и другой; между тѣмъ судьбы ихъ были различны, какъ увидимъ ниже.

*) П. С. З. № 2,026.
**) П. С. З. № 4,417.

О вырѣзываніи ноздрей хотя и говорится еще въ указѣ 30 Сентября 1754 и нѣкоторыхъ позднѣйшихъ узаконеніяхъ до 1817 г., но узаконенія эти не измѣнили Петровскаго закона; да и нельзя было идти дальше безъ того, чтобы не возвратиться къ тому времени, когда весь носъ отрѣзывали или вытравляли у преступниковъ. Что же касается наложенія штемпельныхъ знаковъ, употребительныхъ у насъ, какъ извѣстно, до настоящаго времени, то прежнія о семъ постановленія развивались и подвергались довольно частымъ перемѣнамъ, какъ въ отношеніи вида и формы знаковъ, такъ и въ отношеніи частей тѣла, на которыхъ они должны быть налагаемы.

Прежде всего положено было въ 1746 г. вмѣсто клейменія на щекѣ или на лбу цѣлымъ словомъ: *воръ*, клеймить въ три пріема, съ раздробленіемъ этого слова на нѣсколько *литеръ*, ставя «во лбу ВО:, на правой щекѣ Р:, а на лѣвой Ъ.» *) Но какъ на практикѣ все таки употребляли для постановленія клеймъ различные штемпели, то указомъ Сената 30 Сентября 1754 года велѣно «стемпели, сколько надлежитъ, сдѣлать Юстицъ-Коллегіи и какъ въ Сыскной Приказъ, такъ и во всѣ губерніи и провинціи и города разослать изъ этой Коллегіи, дабы во всѣхъ мѣстахъ ..... знаки были равны.» Въ то же время установлена новая форма клейменія, по которой, вмѣсто двухъ литеръ ВО:, предписано ставить на лбу одну только литеру В:, а на щекахъ, безъ различія лѣвой и правой, на одной О:, а на другой Р **). Форма эта сохранена и въ Сводѣ законовъ изд. 1832 и 1842 гг. Сохраненъ равнымъ образомъ и способъ натиранія клеймъ порохомъ, установленный Петромъ Великимъ.

*) П. С. З. № 9,293.

**) П. С. З. №№ 10,305 и 10,300.

Вопросъ объ отмѣнѣ штемпельныхъ знаковъ былъ разсматриваемъ два раза въ царствованіе императора Александра I, вмѣстѣ съ вопросомъ объ уничтоженіи торговой казни. Императоръ объявилъ Комитету, особо для сего учрежденному въ Москвѣ, что «тѣлесныя наказанія кнутомъ и рваніе поздрей *съ постановленіемъ знаковъ*, будучи безчеловѣчною жестокостію, которой усиленіе зависитъ отъ произвола палача, слѣдовало бы отмѣнить, а потому соизволилъ повелѣть: войти въ разсмотрѣніе, какимъ образомъ можно бы было замѣнить означенное наказаніе другимъ, которое, не имѣя въ себѣ ничего безчеловѣчнаго, не менѣе того удерживало бы преступленіе и служило для другихъ предохранительнымъ примѣромъ». Комитетъ, принявъ, между прочимъ, въ соображеніе, «что состояніе нравовъ въ томъ вѣкѣ, когда введено было это наказаніе, различно отъ настоящаго; что исторія нашихъ уголовныхъ законовъ представляетъ постоянное смягченіе жестокости наказаній, нѣкогда безмѣрной, и что отъ сего не только не возрастало число преступленій, но даже уменьшилось», призналъ и съ своей стороны отмѣну упомянутаго наказанія возможною, тѣмъ болѣе, что «мысль о жестокихъ терзаніяхъ не будетъ смущать вниманія зрителей, не будетъ, вмѣсто омерзенія къ преступленію, производить сожалѣніе къ чрезвычайному страданію преступника» *). Вслѣдствіе сего 25 Декабря 1817 г. послѣдовалъ именной указъ, въ которомъ изображено: «Производимое до сего времени надъ преступниками, осуждаемыми, вмѣсто смертной казни, въ каторжную работу, рваніе или вырѣзываніе поздрей, какъ видно изъ прежнихъ узаконеній, было учреждено для того, чтобы, при

*) Краткое обозрѣніе хода работъ и предположеній по составленію новаго кодекса законовъ о наказаніяхъ Спб. 1846 стр. 104 и 105.

исторженіи преступника изъ среды общества, наложить на него неизгладимый знакъ его преступленія, и чтобы сія печать отверженія, возбраняя ему паки возвратиться въ общество, лишила его навсегда способовъ избѣжать присужденнаго ему закономъ мѣстопребыванія. Находя, при нынѣшнемъ устройствѣ Внутренней Стражи, на которую возложено вѣрное препровожденіе колодниковъ, таковое усугубленіе наказанія *излишнимъ*, Мы отмѣняемъ оное, *яко безчеловѣчнымъ истязаніемъ сопровождаемое*, и симъ Нашимъ указомъ повелѣваемъ Правительствующему Сенату сдѣлать надлежащее распоряженіе, чтобы съ полученія сего указа, надъ преступниками рваніе или вырѣзываніе ноздрей нигдѣ не производить и впредь о томъ въ приговорахъ не упоминать *).»

Основываясь на разумѣ сего указа, нѣкоторые губернскіе прокуроры, именно Псковскій и Рязанскій, протестовали и противъ наложенія штемпельныхъ знаковъ на лицахъ осужденныхъ преступниковъ. Но Сенатъ, до разсмотрѣнія котораго доходило это дѣло, въ 1818 году **), оставилъ протесты эти безъ уваженія, на томъ основаніи, что въ означенномъ указѣ, «о штемпельныхъ знакахъ ничего не упомянуто; по силѣ же 153 статьи Наказа Коммисіи о сочиненіи проекта новаго уложенія, законы должны быть принимаемы въ буквальномъ смыслѣ,»— тогда какъ въ этомъ же Наказѣ постановлено, что «когда бы жестокость наказаній не была уже отвергнута добродѣтелями, человѣчество милующими, то бы къ отвращенію оныхъ довольно было и сего, что она *безполезна*, и сіе служитъ къ показанію, что она *несправедлива* ***).»

Такимъ образомъ, постановленіе штемпельныхъ знаковъ на лицахъ преступниковъ и наказаніе кнутомъ продолжали

*) П. С. З. № 27,197.
**) П. С. З. № 27,300.
***) Тамъ же 1767 Іюл. 30 № 12.949.

производиться на прежнемъ основаніи, не взирая на то, что при вторичномъ обсужденіи вышеозначеннаго вопроса въ Государственномъ Совѣтѣ, въ 1824 году, Совѣтъ почти единогласно принялъ мнѣніе, уже предварительно утвержденное Высочайшею волею, объ уничтоженіи кнута и клейменія. Замѣчательна причина, почему въ упомянутомъ указѣ не сказано ничего ни о той, ни о другой мѣрѣ. Члены Комитета, въ Москвѣ учрежденнаго, опасались, что «если отмѣна этого наказанія будетъ объявлена въ отдѣльномъ указѣ, то народъ, по недоразумѣнію, легко можетъ вообразить, будто и всякое уголовное наказаніе съ симъ вмѣстѣ отмѣняется, тогда какъ въ уложеніи, напротивъ, сія перемѣна, будучи обнародована вмѣстѣ съ другими исправленіями нашихъ уголовныхъ законовъ, не можетъ дать повода къ толкамъ сего рода *).»

Это однако подавало надежду, что постановленіе клеймъ и наказаніе кнутомъ будутъ окончательно отмѣнены Уложеніемъ о наказаніяхъ 1845 года, хотя до изданія его протекло съ того времени безъ малаго 30 лѣтъ. Но надежда эта осуществилась лишь на половину. Кнутъ дѣйствительно уничтоженъ Уложеніемъ и замѣненъ наказаніемъ плетьми чрезъ палачей; наложеніе же клеймъ оставлено въ своей силѣ, съ тою только разницею, что вмѣсто прежняго клейма *воръ*, опредѣлено ставить на лбу и щекахъ осужденнаго буквы К. А. Т. (т. е. каторжный.)

Изъ приведенныхъ выше узаконеній прежняго времени видно, что клейменіе преступниковъ разсматривалось у насъ не столько какъ наказаніе въ собственномъ смыслѣ слова, сколько какъ полицейская предупредительная мѣра, отъ которой не были изъяты и люди высшихъ состояній. На это прямо указываютъ встрѣчающіяся въ этихъ узаконеніяхъ выраженія: *а для улики; чтобъ тѣ пятна на*

---

* Краткое обозр. хода раб. и проч. стр. 105.

нихъ ворахъ были знатны; чтобъ они за непостановленіемъ знаковъ, укрываясь, въ такія жъ воровства вступать не дерзали; чтобъ они отъ прочихъ добрыхъ и неподозрительныхъ людей были отличны и т. п. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мѣра эта употреблялась даже прежде произнесенія надъ преступникомъ судебнаго приговора, какъ свидѣтельствуютъ слова источниковъ: *а дабы оные (преступники) за долговременнымъ присылаемыхъ объ нихъ экстрактовъ разсмотрѣніемъ, наказанія не избывали, до окончанія имъ розысковъ клеймить сдѣланными на то литерами* и проч. *) Сводъ законовъ 1832 и 1842 г.г. также не относитъ клейменія къ числу наказаній.

Въ *Обозрѣніи хода работъ* по составленію уложенія о наказаніяхъ хотя объясняется, что и въ новомъ кодексѣ признано нужнымъ не отмѣнять наложенія клеймъ: «въ отвращеніе побѣговъ изъ каторжныхъ работъ, или во время пересылки въ Сибирь **)», но объясненіе это кажется намъ не совсѣмъ согласнымъ прежде всего съ самимъ Уложеніемъ 1845 г., гдѣ клейменіе именно возведено на степень наказанія и гдѣ опредѣлено, что оно слѣдуетъ непосредственно за наказаніемъ плетьми чрезъ палачей и совершается, установленнымъ для того способомъ, публично и также рукою палача ***). Притомъ, если бы дѣйствительно клейма удерживались уложеніемъ единственно какъ предупредительное, полицейское средство отвратить побѣги изъ каторги и при слѣдованіи въ каторгу, то едвали было бы основаніе освобождать отъ наложенія клеймъ дворянъ и вообще лицъ привилегированныхъ сословій, присуждаемыхъ къ каторжной работѣ, такъ какъ и

*) П. С. З. №№ 9,293 и 10,306.

**) Стр. 112.

***) Улож. о наказ. стр. 28 и въ I прилож. ст. 1. п. 1.

они могутъ дѣлать эти побѣги и, во всякомъ случаѣ, имѣютъ къ тому болѣе способовъ, нежели простолюдины; между тѣмъ изъ числа присуждаемыхъ къ каторгѣ, только сіи послѣдніе и вообще лица низшихъ состояній, не изъятыя по закону отъ тѣлесныхъ наказаній, подвергаются, какъ извѣстно, наложенію клеймъ.

Мы не беремъ на себя рѣшить вопросъ: было ли такое направленіе дѣла успѣхомъ въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ; да и съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть на клейма,—съ точки ли зрѣнія уголовнаго или же полицейскаго, предупредительнаго права,—преступнику, безъ сомнѣнія, оттого не легче. Замѣтимъ только, что почти одновременно съ изданіемъ Уложенія о наказ., именно 21 Іюля 1845 г., послѣдовалъ указъ, въ которомъ предупрежденіе побѣговъ ссыльныхъ и каторжниковъ сдѣлалось предметомъ совершенно особенныхъ, дотолѣ невѣдомыхъ нашему законодательству, правилъ. Въ правилахъ этихъ, коими введены у насъ новые виды клейменія, между прочимъ, постановлено: 1., Каждаго бѣглаго изъ ссыльно-поселенцевъ, внѣ Сибири пойманнаго, и каждаго бѣглаго каторжнаго, прежде установленнаго за побѣгъ тѣлеснаго наказанія и отсылки по принадлежности, *клеймить* особымъ клеймомъ, съ натираніемъ клеймъ на тѣлѣ, для неизгладимости оныхъ, изготовленнымъ по распоряженію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ составомъ. 2., Клейма ставить у бѣглыхъ ссыльно-поселенцевъ и каторжныхъ на правой рукѣ ниже локтя и на лопаткѣ, съ буквами С. Б. или С. К. (ссыльно-бѣглый, ссыльно-каторжный). За каждый новый побѣгъ прибавлять новыя клейма, спускаясь ниже по рукѣ и лопаткѣ. 3., На всѣхъ бродягъ и бѣглыхъ, объявляющихъ себя незнающими своихъ именъ и званія или непомнящихъ родства, равно называющихся ложными именами, *налагать знакъ* на правой рукѣ ниже локтя съ буквою Б. (бродяга или бѣ-

глый). 4., Какъ клейменіе, такъ и наложеніе знаковъ производить по постановленіямъ губернскихъ правленій въ той губерніи, гдѣ означенные бѣглые задержаны, и для сего употреблять одного изъ состоящихъ при Врачебной Управѣ фельдшеровъ, въ присутствіи чиновника полиціи, уѣзднаго стряпчаго и врача, отвѣтствующаго за правильное наложеніе клеймъ и знаковъ *).

Содержаніе этого указа еще убѣдительнѣе доказываетъ, что уложеніе 1845 г. удержало наложеніе клеймъ на осужденныхъ къ тому преступниковъ не въ видѣ предупредительной, но въ видѣ чисто позорной, карательной мѣры, которая, и по времени, и по мѣсту, и по образу исполненія, имѣетъ, очевидно, цѣлію возбудить къ преступнику чувство всеобщаго презрѣнія, поразить умы, подѣйствовать морально на массы.

Не касаясь общаго вопроса о степени достижимости подобной цѣли, о степени вліянія положительнаго закона на нравственныя чувства общества въ области дѣяній или упущеній, признаваемыхъ по закону преступленіями или проступками, можно предложить вопросъ: какое собственно дѣйствіе производитъ наложеніе клеймъ на приговоренныхъ къ тому преступниковъ?

О физическомъ дѣйствіи этой мѣры считаемъ лишнимъ распространяться. Достаточно припомнить, что еще въ 1818 году императоръ Александръ I отозвался о ней, какъ о «безчеловѣчной жестокости, которой усиленіе зависитъ отъ произвола палача».

Что же касается нравственнаго дѣйствія клеймъ, какъ опозоривающихъ знаковъ, то нельзя скрыть, что они производятъ на осужденнаго самое печальное дѣйствіе. Росси, память котораго дорога не однимъ только криминалистамъ, говоритъ, что знаки эти расторгаютъ на-

*) П. С. З. № 19,223.

сильно и безнадежно всѣ связи преступника съ обществомъ, кладутъ между ними преграду, тѣмъ болѣе несокрушимую, чѣмъ сильнѣе поражено воображеніе людей искусственными способами безчестія, употребленными для этого закономъ. Конечно, естественный позоръ, сопровождающій преступленіе, есть также преграда и преграда совершенно справедливая между виновнымъ и здравою частію общества; но санкція чисто нравственная можетъ быть измѣнена послѣдующимъ поведеніемъ виновнаго. Всякій хорошій поступокъ искупаетъ, такъ сказать, долю ея, болѣе или менѣе, смотря по степени его безкорыстія, нравственности, отдаленности отъ времени совершенія преступленія, смотря по большему или меньшему числу честныхъ дѣяній, предшествовавшихъ этому поступку, по большей или меньшей строгости предъидущей жизни, по болѣе или менѣе глубокимъ слѣдамъ раскаянія и исправленія. Таковъ нравственный, справедливый порядокъ вещей, нелишающій надежды осужденнаго, дающій ему возможность трудиться съ смѣлостію, съ энергіею, чтобы составить себѣ вновь сносное положеніе среди своихъ согражданъ. Общество является для него тогда матерью, справедливо разгнѣванною, но не мачихою безжалостною, и онъ не поставленъ въ необходимость смотрѣть на него враждебно. Но какая надежда остается тому, кого палачъ заклеймилъ на лбномъ мѣстѣ раскаленнымъ желѣзомъ.? Вѣчное проклятіе тяготѣетъ надъ нимъ. Что́ бы онъ ни дѣлалъ, общество не приметъ его въ свои ряды. Если онъ раскается, оно пожалѣетъ объ немъ, но не признаетъ его своимъ членомъ. Предложите работникамъ принять къ себѣ заклейменнаго человѣка; они подадутъ ему милостыню, но братства, но общности интересовъ и труда не будетъ между ними. Росси объясняетъ причину этого явленія. «C' est que—говоритъ онъ—les peines

infamantes, employées par la loi, ont eu pour resultat de distinguer dans l'esprit du peuple, dont elle frappe l'imagination, le blâme naturel et l'effet social du moyen artificiel qui l'excite. Le premier se modifie, mais non le second: le premier peut cesser, le second jamais..... Cependant — прибавляетъ Россп — on n' a pas hesité á appliquer ces peines á une foule de crimes, á en faire l' accompagnement nécessaire d'un grand nombre de condamnations, même temporaires; on a poussé la déraison et l' inhumanité jusqú' á marquer des femmes! On a vu des femmes de dix-neuf et vingt ans recevoir l'empreinte fatale de la main du bourreau .... Grand Dieu! il aurait été plus humain de les noyer. Que peut devenir une femme couverte ainsi d' un opprobre ineffaçable, si le temps de sa peine expire, si elle obtient sa graçe, si on dècouvre une erreur dans le jugement? Un homme peut s'expatrier, changer de pays, de nom, de profession; un homme, au pis-aller, peut rendre mépris pour mépris, insulte pour insulte; il lui reste du moins la force; mais une femme!....» *)

Къ чести нашего законодательства, должно сказать, что клейменія женщинъ производилось у насъ только до временъ императрицы Елизаветы Петровны, именно до 1757 года. Въ этомъ году Сенатъ велѣлъ ссылать преступницъ въ Сибирь «не вырывая у нихъ ноздрей и не ставя на лицѣ знаковъ **)».

Затѣмъ, кромѣ дворянъ и прочихъ привилегированныхъ сословій, о которыхъ мы упомянули выше, клейменію не подвергаются, по нашимъ законамъ, нѣкоторыя другія лица, безъ различія состояній. Императоръ Павелъ I освободилъ отъ этого старцевъ, достигшихъ

*) Traité de droit pénal стр. 482—484.

**) II. С. 3. № 10,686.

70 лѣтняго возраста. Малолѣтные и несовершеннолѣтніе, недостигшіе 21 года, также изъяты отъ этой мѣры; они, а равно женщины, освобождаются даже отъ наложенія особыхъ знаковъ, для бродягъ и бѣглыхъ установленныхъ *). Лица, хотя и не принадлежащія къ состояніямъ привилегированнымъ, но о которыхъ существуютъ особыя постановленія, каковы напр. получившія нѣкоторое образованіе или служащія по выборамъ городскихъ и сельскихъ обществъ, равномѣрно изъемлются отъ наложенія клеймъ **). Наконецъ—и что, быть можетъ, не всѣмъ извѣстно—запрещено подвергать клейменію всѣхъ вообще нижнихъ военныхъ чиновъ, какъ бы ни было тяжко преступленіе, въ которомъ они обнаружены. Запрещеніе это существуетъ и въ морскомъ вѣдомствѣ. Въ циркулярѣ Управляющаго Главнымъ Штабомъ Его Императорскаго Величества отъ 30 Января 1830 г. за № 10 объявлено, что «Государь Императоръ призналъ родъ наказанія сего несоотвѣтствующимъ военному званію ***).»

Еще доказательство, что клейменіе разсматривается новѣйшимъ нашимъ законодательствомъ не какъ средство отвратить побѣги, а какъ позорное наказаніе. По многочисленности у насъ класса военныхъ, нельзя не порадоваться упомянутому запрещенію, нельзя не сознаться, что оно составляетъ обширнѣйшее исключеніе изъ общаго правила; но съ другой стороны, трудно объяснить, почему званіе нижнихъ чиновъ почитается въ этомъ случаѣ болѣе почетнымъ, нежели, напр., званіе людей торговыхъ, ремесленниковъ, земледѣльцевъ и вообще лицъ, неизъ-

*) П. С. З. №№ 18,758, 21,311 и 22,305.

**) Улож. о наказ. ст. 94 и въ 1 прилож. ст. 4, 5, 6.

***) Св. Воен. Пост. Ч. V Уст. Воен. Угол. пзд. 1855 г. примѣч. къ ст. 62 и Св. Мор. Угол. Пост. 1851 ст. 28.

ятыхъ отъ наложенія клеймъ, въ случаѣ присужденія ихъ къ каторжной работѣ? На какомъ основаніи чувство чести и человѣческаго достоинства предполагается менѣе развитымъ, напр., въ купцѣ 3 гильдіи, мѣщанинѣ, однодворцѣ, чѣмъ въ солдатѣ или матросѣ? И если заклейменіе считается унизительнымъ для военнаго званія, то неужели оно не унижаетъ разночинца, нерѣдко образованнаго человѣка, иностранца, занимавшагося, статься можетъ, воспитаніемъ юношества, и тому подобныхъ лицъ, которыя, въ извѣстныхъ случаяхъ, могутъ быть также подвергаемы наложенію штемпельныхъ знаковъ *).

Наложеніе клеймъ, по существующимъ у насъ узаконеніямъ, составляетъ, для неизъятыхъ отъ наказаній тѣлесныхъ, принадлежность каторжной работы, т. е. наказанія уголовнаго, котораго главное свойство есть, такъ сказать, гражданская смерть преступника — изверженіе его изъ общества, лишеніе навсегда прежнихъ правъ состоянія **). Самый обрядъ, наблюдаемый при совершеніи этой казни, свидѣтельствуетъ о томъ, что преступникъ извергается людьми изъ среды своей, и священнослужителю, сопровождающему преступника на лобное мѣсто, предписывается приготовить его къ открывающейся предъ нимъ, здѣсь или въ иномъ мірѣ, жизни, неимѣющей уже ничего общаго съ прежнею ***). Послѣ этого, заклейменіе преступника клеймомъ, которое, по замѣчанію Росси, разрываетъ насильно и безнадежно всѣ связи его съ обществомъ, казалось бы, вполнѣ соотвѣтствуетъ дальнѣйшей участи осужденнаго къ тому закономъ преступника, и самое замѣчаніе это представляется

---

*) Улож. о наказ. ст. 93, 175 и въ I Прилож. ст. 7, 8, 9. — Ср. также Обозр. хода раб. и проч. стр. 124.

**) Обозрѣніе хода раб. и проч. стр. 108.

***) Св. Зак. (изд. 1857 г.), Т. XV. стр. 541.

какъ бы лишеннымъ силы и значенія. Но ближайшее соображеніе этого предмета убѣждаетъ въ противномъ. Наложеніе *неизгладимыхъ*, на всю жизнь остающихся знаковъ позора на преступника, приговариваемаго *на срокъ* къ каторгѣ, не соотвѣтствуетъ смыслу главнаго наказанія и находится въ противорѣчіи съ цѣлію этого наказанія и съ понятіемъ о правосудіи. Это, кажется, не требуетъ доказательствъ. Правда, есть у насъ и безсрочныя каторжныя работы; но подъ этимъ законъ отнюдь не разумѣетъ работъ *вѣчныхъ*, или на всю жизнь, но разумѣетъ только, что прекращеніе работъ безъ опредѣляемаго заранѣе, по важности вины, срока будетъ зависѣть, какъ сказано въ вышеупомянутомъ *Обозрѣніи хода работъ* по составленію Уложенія о наказаніяхъ, «отъ нравственнаго исправленія преступника, засвидѣтельствованнаго непосредственнымъ надъ нимъ начальствомъ *). Слѣдовательно и въ этомъ случаѣ наложеніе на лицѣ осужденнаго неизгладимаго пятна безчестія и униженія не согласно со смысломъ главнаго наказанія. Нравственное исправленіе виновнаго имѣлось преимущественно въ виду при составленіи изданныхъ одновременно съ Уложеніемъ *Дополнительныхъ постановленій о распредѣленіи и употребленіи осужденныхъ въ каторжныя работы*. Съ сею цѣлію положено присужденныхъ къ этимъ работамъ раздѣлить на нѣсколько разрядовъ, высшихъ и низшихъ, и допускать въ первыхъ нѣкоторыя облегченія и сокращенія опредѣленнаго срока работъ или заключенія; положено переводить осужденныхъ изъ разряда низшаго въ высшій, въ награду за покорность, прилежаніе къ трудамъ и вообще за хорошее поведеніе, доказывающее ихъ исправленіе. Положено отличнѣйшимъ по поведенію каторжнымъ ввѣрять даже до

*) Стр. 108.

нѣкоторой степени надзоръ за другими каторжными, избирая изъ нихъ для сего десятниковъ. Наконецъ, съ окончаніемъ сроковъ или по другимъ причинамъ, дозволено осужденнымъ переходить въ разрядъ поселенцевъ, обзаводиться хозяйствомъ, начать новую трудовую жизнь, устроить себѣ новое положеніе въ обществѣ, взамѣнъ прежняго, разрушеннаго преступленіемъ *). Таковы виды, таковы намѣренія закона, который не желалъ лишить и безсрочнаго каторжника надежды на облегченіе своего жребія, путемъ личныхъ нравственныхъ усилій, не желалъ преградить ему возможности сдѣлаться снова полезнымъ, въ возможной мѣрѣ, гражданиномъ, членомъ общественнаго союза. Нельзя не отдать справедливости этимъ человѣколюбивымъ и разумнымъ цѣлямъ и желаніямъ правительства; нельзя не видѣть въ нихъ «стремленія обратить самыя наказанія на общественную пользу **)». Но могутъ ли быть достигнуты, осуществлены эти стремленія въ отношеніи къ людямъ, носящимъ на себѣ до гроба позорные, искажающіе человѣческій образъ знаки? Какая можетъ быть надежда на дѣйствительное исправленіе заклейменнаго человѣка; какой отъ него можно ожидать пользы; какой можетъ выйти изъ него надзиратель, какой хозяинъ, какой поселенецъ? Не будетъ ли онъ всегда предметомъ сомнительныхъ сожалѣній для однихъ, возмутительнаго посмѣянія для другихъ? Чѣмъ, наконецъ, вознаградить человѣка за наложенные на него знаки, если онъ получилъ прощеніе, помилованіе, если срокъ наказанія его кончился, если открылась ошибка, пристрастіе, несправедливость въ приговорѣ?

Очевидно, что наложеніе клеймъ есть наказаніе, ничѣмъ не вознаградимое; что оно противорѣчитъ цѣли за-

*) Ст. 23, 24, 25, 27, 30 — 34, 36, 55.
**) Обозр. хода раб. и проч. Стр. 27.

кона—дѣйствовать на нравственное исправленіе виновнаго, ибо, вмѣсто исправленія и поученія, оно въ конецъ развращаетъ его и влечетъ неотразимо къ злодѣянію, какъ къ послѣднему его убѣжищу.

Это общее мнѣніе криминалистовъ. «Ces peines ne sont pas divisibles — говоритъ Росси. Elles ne sont point appréciables. Supplice horrible pour les uns, elles ne sont qu'un sujet de plaisanterie immorale pour les autres. Elles sont irrévocables et irréparables. Au lieu d'être instructives, elles apprennent á faire une dispensation sans èquité de la désapprobation et du blâme. Ajoutez á ces vices celui d'être corruptrices au lieu de pouvoir contribuer á l'amendement moral, et celui de ne pas être rassurantes, puisque, au lieu de supprimer le pouvoir de nuire, elles en donnent l' envie et qu'elles placent dans la nécessité de mal faire: que reste-t-il à dire en leur faveur? Qu'elles sont exemplaires.»

Въ этомъ качествѣ нельзя отказать клеймамъ. Они *примѣрны*, ужасны; онѣ слишкомъ примѣрны, по именно для тѣхъ, которые отчасти сохраняютъ еще чувство чести и достоинства, для тѣхъ, въ которыхъ общество не должно было бы никогда отчаяваться *).

Впрочемъ *примѣрность* не можетъ вполнѣ оправдать клейменія, не можетъ замѣнить всѣхъ условій, которымъ должно удовлетворять справедливое наказаніе. Страхъ есть конечно одно изъ дѣйствій, котораго долженъ достигать законъ уголовный, и безъ котораго онъ нерѣдко наказывалъ бы безъ пользы для общества; но это не есть такое дѣйствіе, къ достиженію котораго позволительно было бы стремиться во что бы то ни стало, даже въ ущербъ нравственности и человѣколюбію.

---

*) Traité etc. стр. 485.

Почти ту же мысль выразила императрица Екатерина II въ вышеприведенныхъ словахъ Наказа: «Когда бы жестокость наказаній не была уже отвергнута добродѣтелями, человѣчество милующими, то бы къ отвращенію оныхъ довольно было и сего, что она *безполезна*, и сіе служитъ къ показанію, что она несправедлива».

К. Яневичъ-Яневскій.

VI.

УГОЛОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ,

СЪ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

(Изъ Criminal-psychologische Denkwürdigkeiten, von Fr. Nöllner. 1858.)

I. КТО ВИНОВАТЪ?

Шиллеръ возносится въ міръ идеальный, когда говоритъ въ своемъ стихотвореніи «Дѣтоубійца»:

«Году нѣтъ, какъ весь нарядъ мой бѣлый
Былъ обвитъ гирляндою изъ розъ;
Какъ бывало, съ утра, на́ день цѣлый,
Мнѣ вплетались розы въ пряди косъ.»

Въ дѣйствительности же, изъ тысячи случаевъ, встрѣтится едва одинъ, имѣющій такой видъ невинности.

За сто лѣтъ предъ симъ, даже такая преступница была казнима смертію,—преступница, которая, словами поэта, говоритъ:

«Красота—губитель мой....»

Но теперь законодательства повсюду отмѣнили смертную казнь за дѣтоубійство въ тѣсномъ смыслѣ.

Хотя съ увеличившимся населеніемъ, увеличилась и безнравственность, однако уголовная статистика показываетъ, что дѣтоубійство, сравнительно съ другими преступленіями, рѣже подвергается наказанію. Безъ сомнѣнія, причины тому надобно искать не въ большемъ уваженіи къ правиламъ нравственности, но скорѣй во всеобщемъ развращеніи.

Многочисленные уголовные случаи въ новѣйшіе времена показываютъ, какъ распространено употребленіе предупредительныхъ средствъ для уничтоженія плода въ утробѣ матери; существуютъ даже особенныя сочиненія по этому предмету, для общаго назиданія; всѣ знаютъ, какъ старательно употребляются внутреннія и наружныя снадобья, изгоняющія зародышъ, и какъ умножилось число промышленниковъ, занимающихся ихъ приготовленіемъ. Наконецъ, стали утончениѣе и самые способы избавляться, какимъ бы то ни было образомъ, отъ незаконнорожденныхъ, чтобы тѣмъ скрыть свое преступленіе.

Въ описываемомъ здѣсь случаѣ, дѣтоубійство является въ обыкновенномъ прозаическомъ свѣтѣ уголовнаго судопроизводства; но обстоятельства этого случая не лишены общаго психологическаго интереса.

Анна Марія Х., двадцати лѣтъ отъ роду, находилась въ услуженіи у зажиточнаго крестьянина, Ивана Ф. въ Р., сорокалѣтняго вдовца, отца одного ребенка. Онъ жилъ въ своемъ помѣстьѣ съ матерью своею, вдовою Ф. Повивальная бабка мѣстечка Р. донесла бургомистру, что Х., по ея соображенію, должно быть родила тайно; что она ходила къ ней въ комнату, искала тамъ ребенка, но ничего не нашла. Бургомистръ тотчасъ отправился на мѣсто, спросилъ про ребенка, и ему указали на верхнюю комнату. Тамъ, въ люлькѣ, лежалъ новорожденный ребенокъ, мертвый. Х. увѣряла, что она родила его мертвымъ наканунѣ, между 7 и 8 часами утра. У ребенка были поврежденія на головѣ. Иванъ Ф. утверждалъ, что ему ничего не было извѣстно о беременности его служанки, а повивальная бабка говорила, что за нѣсколько недѣль предъ симъ Х. не сознавалась въ своей беременности, когда была о томъ спрашиваема.

Поводомъ къ доносу была сестра Анны Х. Она слышала, что Анна больна, и пошла къ ней, для оказанія

ей помощи. Ничего не зная о рожденіи ребенка, она, безъ вѣдома сестры, изъ одной заботливости, поспѣшила къ повивальной бабкѣ, которая легко убѣдилась въ томъ, что Анна разрѣшилась отъ бремени: еще въ то время, когда она была у больной, замѣтила она послѣдствія родовъ.

Судъ тотчасъ приступилъ къ слѣдствію. Хозяинъ Ф. сознался, что онъ долгое время жилъ въ связи съ своею служанкою Х; однако утверждалъ, что онъ ничего не зналъ о ея беременности. Правда, объемъ ея живота не разъ бросался ему въ глаза; но на вопросы его: не беременна ли она? Х. постоянно отвѣчала отрицательно.

Анна Х., напротивъ, увѣряла, что она сообщила своему хозяину о своей беременности. Противорѣчіе это привело Х. къ сознанію, что ребенокъ ея родился живымъ, что она умертвила его, дважды ударивъ его головою объ боковую доску своей кровати, и что Ф. скрылъ слѣды родовъ.

Семейство Ивана Ф. и онъ самъ употребляли всѣ усилія, чтобы заставить Х. упорствовать въ запирательствѣ; тайный сговоръ между ними по дорогѣ въ тюрьму имѣлъ даже послѣдствіемъ, что она стала было запираться въ томъ, въ чемъ уже прежде созналась; но когда открылась причина этого запирательства, обвиненная снова сдѣлалась искреннею въ своихъ показаніяхъ.

Ф., постоянно утверждавшій, что онъ невиненъ, скоро спутался въ противорѣчивыхъ показаніяхъ: то онъ соглашался съ какимъ нибудь фактомъ, его уличавшимъ, то снова отрицалъ его. Колебанія эти увеличили запутанность его положенія, и вскорѣ онъ, хотя и не совсѣмъ откровенно, также сознался въ винѣ своей. Тщетно просивъ объ освобожденіи его на поруки, онъ еще разъ отперся отъ своихъ словъ и пробовалъ достигнуть своей цѣли, притворившись безумнымъ, а когда и это не помогло, представился бѣшенымъ. Но у него не достало

ни ума, ни ловкости играть роль слабоумнаго. Быстрый переходъ отъ безумія къ бѣшенству, даже и для неопытнаго, обнаруживалъ безсильныя попытки его доказать помѣшательство ума. Въ борьбѣ этой, онъ такъ изнурился, что счелъ за лучшее снова образумиться. Но онъ все-таки упорствовалъ въ отрицаніи своей виновности, не смотря на то, что ничтожность этого отрицанія достаточно была доказана.

Мать Ивана Ф. также привлечена была къ слѣдствію, потому что, еще до рожденія ребенка, она подготовила элементы преступленія.

Ребенокъ былъ мужескаго пола; трупъ его, до прибытія судей и врачей, охраняли часовые. По вскрытіи тѣла, оказалось слѣдующее: пуповина была оторвана; на головѣ было много накожныхъ ранъ; на углу рта также была рана; верхняя губа частію оторвана отъ верхней челюсти; самая челюсть разбита; на щекѣ и на спинѣ видны были синія пятна; весь черепъ между мягкими частями и костями покрытъ изліяніями крови; правая сторона и задняя часть головы отдавлены; легкія, дыхательное горло и сердце плавали вмѣстѣ; при разрѣзѣ легкихъ, слышенъ былъ небольшой трескъ, а при давленіи ихъ подъ водою, показывались на водѣ пузыри воздуха. Врачи объявили, что ребенокъ былъ зрѣлый, выношенный и способный къ самостоятельной жизни; что послѣ рожденія онъ жилъ и дышалъ, и умеръ отъ безусловно-смертельнаго насилія въ голову.

На углу кровати Анны Х, также на соломенной постилкѣ и на полу комнаты подлѣ кровати усмотрѣны были слѣды крови. Врачи заключили, что поврежденія на головѣ ребенка произошли отъ ударовъ головою объ кровать, что удары были весьма сильные и что комната на столько высока, чтобъ, ударяя, можно было удобно размахиваться ребенкомъ.

Родители Ивана Ф. были честные люди; вся родня его находится на хорошемъ счету, и объ Ф. также всѣ постоянно хорошо отзывались. За нимъ никогда не замѣчали низкаго поступка; онъ слылъ даже за откровеннаго, добродушнаго, честнаго человѣка. Умственныя способности его были ограничены, и вообще большого ума онъ не имѣлъ. Объ этомъ говорятъ всѣ единогласно. Жилъ онъ со всѣми дружно, никогда не имѣлъ тяжбъ и до сего не бывалъ подъ слѣдствіемъ.

Самъ онъ говоритъ про себя: «У меня была честная жена; мы всегда жили въ согласіи. О! если бы она осталась жива, я бы не былъ въ такомъ несчастіи! Еще за нѣсколько лѣтъ до своей смерти, она взяла въ домъ Анну Х.; я всегда былъ ею доволенъ, и по смерти моей жены, она всегда усердно занималась хозяйствомъ.»

Объ Аннѣ Маріи Х. все мѣстное начальство отзывалось такъ: «Она бѣдна, но постоянно вела себя честно, смирно, благонравно. За раннею смертью ея родителей, воспитаніе ея было оставлено безъ вниманія; но она была добродушная дѣвушка и никогда не выказывалась злобною.» Школьный учитель сказалъ о ней, что умственныя способности ея ограничены, что она робка, что ею легко управлять и что онъ никогда не считалъ ее способною совершить преступленіе. Бургомистръ замѣтилъ, что съ того времени, какъ Анна Х. конфирмована, она находилась въ домѣ Ф., была его служанкою, и понятно, что онъ имѣлъ на нее большое вліяніе, такъ какъ ее не трудно было склонить къ тому, чего онъ желалъ. Она была порядочная, прилежная дѣвушка. Такъ какъ она была совершенно бѣдна, а Ф., напротивъ того, съ достаткомъ, то это различіе состояній, по общему мнѣнію, было причиною того, что онъ на ней не женился и не хотѣлъ, чтобы было извѣстно, что отцемъ ея ребенка

былъ онъ, тѣмъ болѣе, что это обстоятельство могло бы помѣшать браку его съ богатою невѣстою.

Х. была хорошо сложена и одѣвалась всегда опрятно. Такъ какъ все ея годовое жалованье состояло только изъ платьевъ и одного талера денегъ, то она и не имѣла ничего, кромѣ своихъ платьевъ.

Вдова Ф. также слыла порядочною женщиною. Отъ сына же своего она существенно отличалась своимъ умомъ. Бургомистръ говоритъ, что она свѣтская женщина, хитрая и придаетъ значеніе богатству. Сынъ ея повиновался ей, даже будучи въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Она часто выказывалась бездушною и была не благосклонна къ Х., потому что знала о связи ея съ сыномъ. Она хотѣла, чтобы сынъ ея выслалъ изъ дому Анну Х.—Многія мѣстныя женщины говорили вообще про старуху Ф. такъ: «За все она умѣетъ хорошо взяться и всегда болѣе заботится о мірскомъ, нежели о духовномъ.»

Ф. и Х. сознались, что вскорѣ послѣ смерти жены Ф., они вступили въ постоянныя противозаконныя сношенія. «Какъ это случилось, что я связался съ Х, — говоритъ Ф. — я и самъ не знаю; мнѣ не стоило большого труда уговорить ее.» Еще за полгода до совершенія преступленія, въ деревнѣ распространился слухъ, что Х. беременна отъ Ф; однако оба они отъ этого отнѣкивались. Мѣстная повивальная бабка, считая Х. беременною, судя по ея наружному виду, замѣтила объ этомъ бургомистру, какъ полицейскому чиновнику. Бургомистръ сообщилъ о томъ приходскому священнику сосѣдняго городка, къ приходу котораго принадлежала деревня Р. Священникъ нѣсколько разъ требовалъ Анну Х. къ себѣ, и только послѣ многократныхъ повтореній, явилась она къ нему. На сдѣланный ей священникомъ вопросъ, она безъ запирательства созналась, что она беременна, и что виновникъ тому ея господинъ. На послѣдовавшій затѣмъ вопросъ

священника: зачѣмъ она отрицала это? — она отвѣчала, что до сихъ поръ не была еще увѣрена въ томъ.

Въ оффиціальномъ донесеніи священника, между прочимъ, сказано: «Я строго предостерегалъ ее не разрѣшаться отъ бремени втайнѣ, и представлялъ ей, что если это случится, то, по закону, она можетъ подвергнуться пожизненному заключенію. Затѣмъ я отпустилъ ее, увѣщевая послѣдующимъ незазорнымъ поведеніемъ стараться загладить этотъ проступокъ, что́ она и обѣщала.»

Судя по всему этому, обвиненные обладали всѣми качествами, чтобы дѣйствовать законно; напротивъ, не имѣли никакого повода къ проступку, а не смотря на то, совершили тяжкое преступленіе; Ф. и его мать совершили его изъ опасенія къ худымъ о нихъ толкамъ въ деревнѣ и изъ-за мужицкой спеси въ отношеніи къ бѣдной дѣвушкѣ; а послѣдняя по зависимости отъ господина, а также боясь стыда и бѣдности.

Х. открыла свое положеніе только своей сестрѣ и хозяину своему, а отъ другихъ скрывала его. Безъ сомнѣнія, она знала, что отъ связи ея съ Ф. можетъ родиться ребенокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣроятно полагала также, «что ребенокъ долженъ быть воспитанъ тогда на счетъ Ф.»

Въ оправданіе своего запирательства, она сказала: «Я боялась, что если сознаюсь въ своемъ положеніи, то Ф. прогонитъ меня; я бѣдная дѣвушка, не имѣю совсѣмъ друзей, и этотъ случай былъ бы для меня ужасенъ. При томъ мнѣ все казалось, что если я рожу въ домѣ Ф., то тогда онъ не можетъ прогнать меня.»

Въ словахъ этихъ, повидимому, былъ умный расчетъ; но, сроднившись съ мыслью о сохраненіи въ тайнѣ своей беременности, изъ опасенія за себя и за ребенка, ей впослѣдствіи не трудно было воспользоваться этою тай-

ною для умерщвленія ребенка, когда она узнала, что надежда ея на прокормленіе его исчезла.

Хотя она сообщила сестрѣ опасенія свои, что ее могутъ выслать изъ дома Ф., но сестра совѣтовала ей не оставлять его ни въ какихъ обстоятельствахъ, и она сначала имѣла мысль воспитать ребенка, тѣмъ болѣе, что надѣялась побудить этимъ Ф. къ браку. Въ надеждѣ этой утверждала ее особенная внимательность Ивана Ф. во время ея беременности; но она никогда не рѣшалась говорить объ этой надеждѣ самому Ф.; никогда также не осмѣливалась говорить съ нимъ о времени послѣ родовъ.

Она не была побуждена къ преступленію размышленіемъ объ утратѣ своей невинности; на сдѣланный ей объ этомъ вопросъ, она отвѣчала: «Я бы не стыдилась. Если дѣвушка доходитъ до такого положенія (т. е. дѣлается беременною), и въ деревнѣ объ этомъ уже разъ извѣстно, то она перестаетъ стыдиться.»

Опытъ показываетъ, что въ деревняхъ повсюду господствуетъ подобное мнѣніе; въ городахъ же большею частью дѣйствуютъ гораздо хитрѣе, и потому случаи дѣтоубійства бываютъ тамъ рѣже. Не смотря на то, въ учебникахъ уголовнаго права говорится: «Боязнь утратить честь пола — эта обыкновенная, сама по себѣ благородная и именно въ благороднѣйшихъ душахъ наиболѣе сильная побудительная причина къ совершенію дѣтоубійства — есть главное основаніе, вслѣдствіе котораго преступленіе это ставится на низшую степень наказуемости, сравнительно съ убійствомъ родственниковъ.»

Такой снисходительный взглядъ на дѣтоубійство столь же мало объясняется размышленіемъ объ утратѣ чести, какъ и физическимъ и духовнымъ состояніемъ родильницъ, потому что роды большею частію бываютъ нормальные, по крайней мѣрѣ въ деревняхъ; но нужда и стѣсненное

положеніе беременной незамужней женщины даютъ къ тому поводъ.

«Я не имѣла намѣренія родить тайно,—говоритъ Анна Х.:—тотчасъ послѣ возвращенія моего отъ священника, я объявила хозяину, что чувствую, что ребенокъ живъ, но не сказала этого другимъ, боясь Ивана Ф. и щадя его.

Наканунѣ родовъ, Ф. работалъ въ полѣ. Мать его, вдова Ф., оставалась дома съ Х. Въ 10 часовъ вечера, когда сторожъ протрубилъ, они всѣ легли спать.

Вскорѣ Анна Х. почувствовала боль въ животѣ; раза 3—4 вставала она и опять ложилась. Наконецъ она сказала Ивану Ф.: «Ахъ хозяинъ! мнѣ кажется, что я сейчасъ рожу! Позовите сестру мою.»—«Я послала бы ее къ повивальной бабкѣ,—говоритъ она при томъ же допросѣ;—прежде всего я хотѣла повидаться съ сестрою».

Въ 7 часовъ утра, боль усилилась; въ домъ пришли двѣ женщины, для работы, и замѣтили Х. въ кровати Ф. Одна изъ нихъ вошла даже въ комнату, гдѣ лежала Х., и тотчасъ догадалась, что Х. мучится родами, но умолчала объ этомъ. Наконецъ Ф. прикрылъ Анну Х., всю, одѣяломъ, и сказалъ ей: «Не шевелись, чтобы никто не замѣтилъ.» Но она встала и пошла на кровать въ верхнюю комнату. Четверть часа спустя, она родила живого, здороваго ребенка.

При допросѣ она объявила: «Когда я сказала хозяину (Ф), чтобы онъ позвалъ мою сестру, и онъ этого не сдѣлалъ, я поняла, что должна буду родить безъ посторонней помощи, и какъ тогда при мнѣ никого не было, то у меня родилась мысль умертвить ребенка. Прежде я объ этомъ не думала. Въ волненіи, пошла я въ верхнюю комнату. Вслѣдъ за тѣмъ пришелъ ко мнѣ Ф., и вскорѣ я почувствовала сильную боль. Я стояла въ рубашкѣ, облокотившись спиною объ кровать и держась за нее

обѣими руками. Вдругъ показался ребенокъ; онъ закричалъ. Ф., который уже нѣсколько разъ бывалъ при родахъ своей жены, всталъ передо мною на колѣни, схватилъ ребенка за голову, вытащилъ его, оборвалъ пуповину и, отдавая мнѣ ребенка, сказалъ: «На, швырни его хорошенько.» «Я поступила согласно этому приказанію, и умертвила ребенка. Хозяину хотѣлось, чтобъ я убила ребенка, хотя онъ этого и не говорилъ прежде прямо. Онъ также ничего не говорилъ, пока стоялъ на колѣняхъ передо мною. Я проворно схватила ребенка за животъ, подняла его вверхъ и нѣсколько разъ сильно ударила головою объ переднюю часть кровати, у которой стояла. Не помню, что я тогда чувствовала. Ребенокъ вскрикнулъ одинъ разъ,— и былъ уже мертвый. Мнѣ сдѣлалось дурно. Когда я била ребенка объ кровать, Ф. удалился, но я замѣтила, что въ дверяхъ онъ оглянулся на меня. Потомъ я положила ребенка въ люльку, давно уже стоявшую въ комнатѣ; онъ не шевелился и я не могла смотрѣть на него; а Ф. ушелъ къ ближайшему ручью и вымылъ тамъ свои окровавленныя руки.»

Сознаніе это, въ подробностяхъ, было потомъ дополнено подсудимою и оказалось сходнымъ со всѣми прочими обстоятельствами. Ф. сказалъ Аннѣ Х., послѣ совершенія преступленія, что если преступленіе откроется, то она должна объявить, что одна умертвила ребенка, и за это обѣщалъ оставить ее у себя и вступиться за нее. Правдивость признанія, въ психологическомъ отношеніи, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Анна Х.—бѣдная, добродушная, покорная, робкая дѣвушка,—постоянно подчиняется волѣ своего господина. Будучи склонена имъ на противозаконную связь и заботясь о своемъ существованіи, она еще болѣе покоряется его волѣ, для того, чтобы не быть выгнанною изъ дома. Когда приблизился часъ родовъ, а съ нимъ и рѣшенія ея участи, Ф. скрылъ

ее и не исполнилъ ея желанія — призвать сестру на помощь въ трудную минуту; онъ питалъ надежду сохранить тайну, и въ то же время у него явилась мысль о преступленіи. Въ минуту родовъ, когда Ф. помогаетъ ей и когда наступаетъ сильнѣйшее напряженіе, онъ, отецъ, передаетъ ей новорожденнаго съ повелительнымъ восклицаніемъ: « На, швырни его хорошенько. »! Она, въ сильномъ волненіи, поспѣшно исполняетъ это приказаніе, и изъ добросердечной дѣвушки дѣлается жесточайшею убійцей; она падаетъ ниже дикаго звѣря, потому что и тотъ даже защищаетъ до смерти свое порожденіе.

Такъ созданъ человѣкъ.! Столь же легко и такъ глубоко пасть можетъ и человѣкъ, всю свою жизнь бывшій честнымъ, когда настанетъ минута искушенія и у него не хватитъ силы противостоять ему, — силы, свойственной только людямъ высшаго образованія.

Гёте, съ полнымъ совершенствомъ обнаруживающій тайны сердца и глубину души человѣческой, въ ея скорбяхъ и радостяхъ, говоритъ:

«Wenn einen Menschen die Natur erhoben,
So ist's kein Wunder, wenn ihm viel gelingt;
Man muss in ihm des Schöpfers Allmacht loben,
Die schwachen Thon zu solcher Ehre bringt;
Doch wenn ein Mensch von allen Lebensproben
Die sauerste besteht, sich selbst bezwingt,
Dann kann man ihn mit Freuden Andern zeigen
Und sagen: Das ist Er, das ist sein Eigen!—
Der Strom der Welt er reisst uns mit sich fort;
In diesem innern Sturm und äussern Streite
Vernimmt der Geist ein schwer verstanden Wort:
Von der Gewalt, die alle Wesen bindet,
Befreit der Mensch sich, der sich uberwindet.»

(«Если природа возвысила такъ человѣка,
«Чтожъ удивляться тому, что много ему удается?
«Въ немъ мы должны величать всемогущество Бога,

«Что бренную персть удостоилъ чести такой.
«Если же онъ устоитъ противу земныхъ искушеній
«И самъ надъ собою побѣду свершитъ,
«Съ радостью скажемъ тогда мы, другимъ на него указавъ:
«Вотъ человѣкъ! этого самъ онъ собою достигъ!
«Жизни потокъ — вотъ что̀ несетъ насъ съ собою;
«Въ этой внутренней бурѣ и внѣшней борьбѣ,
«Духу становится внятнымъ труднопонятное слово:
«Отъ силы, связующей всѣ существа,
«Освобождается тотъ только, кто побѣждаетъ себя).

Откуда взяться у бѣдной, недостаточно образованной, зависимой дѣвушки, такой смѣлости, такой власти надъ собою, которой недостаетъ даже болѣе возвышеннымъ натурамъ и которая считается однимъ изъ лучшихъ душевныхъ качествъ? Тутъ слѣдуетъ чувствовать по человѣчески, а не только съ юридическою холодностью смотрѣть въ книгу законовъ: слѣдуетъ смотрѣть и на состояніе духа несчастной.

Анна Х. была признана виновною въ дѣтоубійствѣ, «съ уменьшающими вину обстоятельствами», и присуждена къ пятнадцатилѣтнему заключенію въ рабочемъ домѣ.

Ф., мало по малу, сознался во всемъ, согласно съ показаніями Анны Х. Его многократныя, но тщательныя отрицанія, отказъ отъ всего прежде сказаннаго и почти забавныя представленія себя безумнымъ объясняются страхомъ наказанія. «Развѣ меня наконецъ не освободятъ?» — спросилъ онъ при одномъ допросѣ, — а при другомъ воскликнулъ: «Вѣдь не жизни же будетъ мнѣ стоить эта штука.» — «Правда, — объясняетъ онъ, — я сказалъ Аннѣ Х., что она ничего не должна говорить о своей беременности: мнѣ было бы стыдно, если бы родственники мои узнали, что я имѣлъ дѣло съ моею служанкою.» Тутъ-то выражается вся глупая спесь человѣка, который не стыдится погубить бѣдную дѣвушку, для удовлетворенія своей похоти, и потомъ ее броситъ. Но таково, по

большей части, легкомысленное правило мужчинъ, и въ немъ-то отчасти и кроется корень безнравственности, господствующей между слугами.

Кромѣ того, Ф. сказалъ еще: «Я полагалъ, что если Х. скроетъ свою беременность, то она сама придетъ къ той мысли, что будетъ лучше, для нея и для меня, если она умертвитъ ребенка. Я не хотѣлъ мѣшать ей въ этомъ рѣшеніи.» Здѣсь видна даже утонченность, расчетливость ума и злобы, потому что онъ возбуждаетъ въ ней возникшую у него самого мысль, прямо направленную на дѣтоубійство, и потомъ не препятствуетъ ей въ этомъ, ради своей безопасности, думая, что онъ ни въ чемъ не виноватъ. Ему пріятно обмануть этимъ самого себя.

Но когда приблизился рѣшительный часъ, часъ родовъ; когда онъ самъ принужденъ помогать бѣдняжкѣ, изъ заботливости скрыть стыдъ свой, Ф. является дѣятельнымъ: слѣдуетъ за Анною Х. въ верхнюю комнату; помогаетъ ей, какъ преступный акушеръ; въ торопливости своей, жестоко царапаетъ ребенку лице; обходится съ нимъ словно съ явившимся на свѣтъ домашнимъ животнымъ: передаетъ кричащаго ребенка матери, точно воспріемникъ своего крестника, и тогда-то, пересиленный обстоятельствами, онъ высказывается, становится совершенно откровеннымъ, говоря ей повелительно: «На, швырни его!» Послѣ того онъ поспѣшно покидаетъ мѣсто преступленія; по малодушію и изъ осторожности, онъ еще въ дверяхъ оглядывается назадъ и удостовѣряется въ умерщвленіи своего ребенка и въ преступленіи несчастной дѣвушки. Затѣмъ онъ еще разъ украдкою пробирается наверхъ, чтобы увѣриться въ дѣйствительной смерти ребенка. Теперь,—думаетъ онъ, — все уже кончено и я безпрепятственно могу опять жениться; этого хотѣла его мать— эта хитрая, бездушная вдова Ф.—Кому не понятно, что всѣ эти дѣйствія Ивана Ф. противорѣчатъ его прежней

жизни, его всѣми хвалимой откровенности и добродушію и выказавшейся, даже передъ судомъ, ограниченности его ума? Малодушіе его есть уродливое искаженіе его прежней честности, слабый лучъ сознанія права. Онъ пересиливаетъ себя, совершая преступное дѣяніе, и произноситъ колеблющейся дѣвушкѣ смертный приговоръ противъ собственнаго дитяти, хотя не рѣшается видѣть приведеніе этого приговора въ исполненіе.

Психологическій ключъ ко всему этому есть мать подсудимаго, вдова Ф.—Она, умная, расчетливая, спесивая, бездушная женщина, была совершенно способна сплести въ тайнѣ и провести нити къ тому, чтобы отвлечь своего покорнаго сына отъ связи съ бѣдною дѣвушкою, на которую смотрѣла съ презрѣніемъ, и дать ему вторую богатую жену. Въ ней-то и должно искать ключа къ преступленію.

Слѣдователи обратились къ этому пункту и предположеніе ихъ оправдалось. Анна Х. постоянно считала вдову Ф. своимъ опаснѣйшимъ врагомъ, и потому, изъ боязни, щадила ее при допросахъ. Но когда ей было доказано и она убѣдилась, что боязнь эта совершенно напрасна, то она объявила слѣдующее: «Вдова Ф., еще за нѣсколько мѣсяцевъ до родовъ, говорила со мною о моей беременности. Однажды, въ полѣ, она мнѣ сказала: ты совсѣмъ не беременна, не такъ ли? ты только толстобрюха, и много ѣшь?—По возвращеніи моемъ отъ священника, она бранила меня за то, что я созналась въ беременности, и тотчасъ же прибавила: въ тебѣ вовсе нѣтъ ребенка! Ты вовсе не беременна! Ты не смѣешь родить!—Я боялась возражать ей. Потомъ она совѣтовала мнѣ хорошенько давить животъ, говоря, что отъ этого умретъ дитя; но я этого не дѣлала. Однажды она хотѣла напоить меня какимъ-то чаемъ; но я его не пила, полагая, что она хочетъ спровадить моего ребенка. Нѣсколько

разъ слышала я также, какъ вдова Ф. бранила своего сына за то, что онъ былъ въ связи со мною, и говорила, что я не должна имѣть ребенка, и что прекрасную онъ выдумалъ штуку, привязавшись къ нищей.»

Это объясненіе открыло всѣ побудительныя причины къ преступленію. Вдова Ф. устроила все такъ, чтобы ненавистная ей, обольщенная ея сыномъ, дѣвушка пала жертвою, а сынъ ея пріобрѣлъ богатство посредствомъ второго брака. Сынъ же былъ исполнителемъ замысловъ своей матери: «покорный сынъ» не могъ ей противиться, и ограниченность его ума и слабость характера довели его до преступленія.

Наконецъ и самъ Ф., послѣ нѣкотораго запирательства, сознался, что мать часто его бранила за связь съ Анною Х.; что она настаивала, чтобы Х. была отослана тотчасъ по истеченіи года найма, и постоянно твердила: «Х. не должна и не будетъ имѣть ребенка!»

Онъ былъ присужденъ къ двѣнадцатилѣтнему заключенію въ рабочемъ домѣ.

Судъ надъ вдовою Ф. также скоро кончился. Она оказалась продувною лгуньей. Когда ей поставили на видъ противорѣчія, въ которыя она неоднократно впадала, она воскликнула: «Ахъ, Господи! Вы меня совершенно сбили съ толку. Вѣдь можно же когда-нибудь проговориться. И священникъ на амвонѣ не разъ проговаривается!»— Она упорно отпиралась. Но вина ея была болѣе нравственная, нежели юридическая. Поэтому она понесла наименьшее наказаніе, хотя была моральною виновницею дѣянія, настоящимъ злымъ его началомъ. Не будь ея, ни Ф., ни Х. не впали бы въ преступленіе. Вотъ какъ различаются нравственность и право! Х. была обольщена; съ нею было дурно поступлено; она находилась въ наибольшей зависимости и долѣе всѣхъ противустояла преступленію, ибо еще передъ самыми родами просила, чтобы

призвали на помощь сестру ея; но въ просьбѣ ей отказано и она осталась безпомощною и въ полной власти обольстителя. Тогда въ ней родилось отчаяніе, и при словахъ повелителя ея, оставившаго ее одну: «На, брось его!»—отчаяніе это приняло опредѣленное направленіе.

Присяжные, судомъ своей совѣсти, можетъ быть, признали бы ее невинною; но судили оффиціальные судьи, строгіе исполнители положительнаго закона! Развѣ не могло быть другого закона; не могъ онъ быть иначе истолкованъ? Развѣ право и нравственность не могутъ согласоваться болѣе? Правда, остается еще надежда на милость, но милость не правосудіе.....

« . . . . . Gerechtigkeit
Heisst der kunstreiche Bau des Weltgewölbes,
Wo Alles Eines, Eines Alles hält,
Wo mit dem Einen Alles stürzt und fällt!»

« . . . . . (правосудіе—
«Это искусное міра строеніе,
«Гдѣ всѣмъ держится одно и однимъ все,
«Гдѣ съ однимъ рушится и падаетъ все.)

2. ПЬЯНСТВО — БЕЗУМІЕ.

Въ этомъ процессѣ представляются двое виновныхъ въ жестокомъ преступленіи, съ которымъ прежняя жизнь ихъ находится въ совершенномъ противорѣчіи—печальное свидѣтельство того, къ чему ведутъ крестьянъ необузданное невѣжество, возбужденіе варварскихъ страстей употребленіемъ вина и чувство мести, легко возгарающееся въ необразованныхъ людяхъ.

Генрихъ Ф., двадцати лѣтъ отъ роду, холостой, сынъ бѣдныхъ родителей, пастухъ, прилежно посѣщалъ школу и пріобрѣлъ хорошія первоначальныя познанія. Послѣ конфирмованія, онъ пасъ стада овецъ. Онъ былъ всегда хорошаго поведенія, миролюбивъ, услужливъ; никогда не замѣчали за нимъ задорнаго или мстительнаго поступка. Его послѣдній хозяинъ, человѣкъ почтенный, говорилъ, что «онъ былъ постоянно бодръ, услужливъ и тихъ.» Отзывы прочихъ объ немъ хороши въ такой мѣрѣ, въ какой можетъ заслужить на нихъ человѣкъ его происхожденія и образованія. При производствѣ слѣдствія, онъ также выказался простодушнымъ, сговорчивымъ и обнаруживалъ глубокое раскаяніе въ своей винѣ. Если цѣль наказанія есть исправленіе, то по отношенію къ этому обвиненному она была бы легко достигнута; но въ исправительномъ заведеніи трудно будетъ спасти отъ развращенія человѣка, такъ легко воспринимающаго всѣ впечатлѣнія.

Тѣлосложенія онъ—какъ въ слѣдственномъ актѣ сказано—рослаго и сильнаго.

Иванъ М., второй обвиняемый, двадцати восьми лѣтъ отъ роду, женатый, отецъ нѣсколькихъ дѣтей, человѣкъ зажиточный. Онъ получилъ хорошее образованіе въ юности и занимался земледѣліемъ. Будучи добраго, но легко-

мысленнаго характера, онъ охотно проводитъ время въ трактирѣ, часто уплачиваетъ счеты за другихъ и любитъ охоту. Его наружность и манеры производятъ впечатлѣніе крестьянскаго добросердія и честности, и конечно противорѣчатъ жестокости поступка, въ которомъ его обвинили. Сперва онъ запирался; но когда свидѣтельства противъ него умножились, цвѣтъ лица его перемѣнился, онъ былъ замѣтно взволнованъ и трясся всѣмъ тѣломъ; вся его наружность выражала признаніе прежде, нежели онъ сознался; онъ большого роста, необыкновенно сильнаго и мускулистаго сложенія. Одинъ видъ его показываетъ, съ какою опасностью долженъ быть сопряженъ ударъ такого человѣка, направленный на благородную часть тѣла.

Трупъ полеваго сторожа П., изъ деревни С., найденъ 14 Января, на возвышенности между С. и Ф., въ снѣгу. Тѣло было въ одеждѣ, но съ обнаженною головою, а мѣсто, гдѣ оно лежало, покрыто кровью. Нашедшій покойника, не узнавъ его, поспѣшилъ, въ испугѣ, въ ближайшую деревню С., за помощью. Случай привелъ его въ жилище, въ которомъ нашлась женщина, предложившая помочь несчастному. Въ сопровожденіи своего 16-ти лѣтняго сына, она отправилась тотчасъ на мѣсто, взявъ съ собою нѣкоторыя средства къ спасенію, и въ покойникѣ, къ ужасу своему, узнала своего мужа. Иногда, по занятію службою, онъ не возвращался домой на ночь; но тутъ нашла она его мертвымъ, обезображеннаго кровью и ранами въ голову, а вблизи—его расщепленную палку и мѣхомъ обшитую шапку.

Судъ немедленно занялся производствомъ изслѣдованія. При поискахъ найдены были кусокъ деревяннаго башмака, обрызганный кровью, и щепы отъ палокъ, а въ Ф., мѣстѣ жительства обвиненныхъ, въ колодезѣ,—куски колодезнаго шеста и сломанный деревянный башмакъ.

Полевой сторожъ П. былъ наканунѣ вечеромъ въ одномъ трактирѣ въ Ф. Тамъ были также другіе гости, и между ними Ф. и М. Положительнаго подозрѣнія на кого-либо изъ гостей не было.

По освидѣтельствованіи и вскрытіи тѣла, оказалось, что П. убитъ мучительнымъ и ужаснымъ образомъ. Онъ былъ здоровый, сильный, красивый мужчина. Раны въ голову, числомъ двадцать одна, были всѣ нанесены тупымъ, тяжелымъ орудіемъ; повидимому, переднія раны—найденнымъ шестомъ, а заднія—деревяннымъ башмакомъ. Руки, черепъ, нижняя челюсть и кисть одной руки были совсѣмъ разбиты; на плечѣ, спинѣ и проч. видны были синевато-красные рубцы. Ясно, что раны были причиною смерти.

Найденное не свидѣтельствовало о корыстныхъ побужденіяхъ виновныхъ, потому что при убитомъ остались всѣ его вещи: денегъ у него уже болѣе не было въ трактирѣ, и онъ даже не заплатилъ счета. Правда, полевой сторожъ носилъ серебряныя серги, и одной изъ нихъ не доставало; но ухо, въ которомъ она висѣла, было разбито, и потому легко было объяснить потерю серги нанесеннымъ ударомъ.

П. преданъ былъ пьянству; община была недовольна его службою; онъ былъ бѣденъ и недобросовѣстенъ; усердно слѣдилъ за мошенниками, но доносилъ слишкомъ много. Должность свою, ненавистную въ глазахъ крестьянъ, онъ употреблялъ во зло еще худшимъ образомъ. Можно было полагать, что его убилъ врагъ его; многочисленность ранъ свидѣтельствовала о жестокой мести. Но изъ обвиняемыхъ Ф. никогда не имѣлъ личныхъ сношеній съ П., а М. былъ даже знакомъ съ П. и жилъ въ ладу съ нимъ и его семействомъ, и П. никогда на него не доносилъ. Такимъ образомъ и съ этой стороны не представлялось никакого пути къ отысканію причины преступленія.

Слѣдователи занялись дознаніемъ обстоятельствъ, непосредственно предшествовавшихъ преступленію, чтобы разъяснить эту загадку. 13 Января, П. отправился въ деревню Ф. и, по дурной привычкѣ, въ трактиръ. Отъ него уже пахло водкой; но, не смотря на увѣщанія одного изъ знакомыхъ, онъ пошелъ еще въ другой трактиръ, куда и явился въ половинѣ восьмаго часа, вечеромъ. Оба обвиняемые были уже тамъ и пили вино. Ни одинъ изъ нихъ не зналъ, что придетъ П.—П. присоединился къ другимъ парнямъ. Когда онъ напился пьянъ, они стали шутить съ нимъ, надѣли ему на голову бумажную шапку, зажгли ее, били по ней и подъ столомъ кололи его въ ноги иглой, прикрѣпленной къ палкѣ. Все это П. сносилъ терпѣливо. Вдругъ пришелъ хозяинъ пастуха Ф. и, обвиняя П. въ ложномъ на него доносѣ, началъ бранить его «негодяемъ, праздношатающимся». Но брань не подѣйствовала на П., и вскорѣ они снова сдѣлались друзьями. Одинъ знакомый сторожа П. совѣтовалъ ему, для избѣжанія ссоры, возвратиться домой въ С., и предлагалъ проводить его, но П. не послушался этого совѣта. Когда надлежало заплатить счетъ и у П. не оказалось болѣе денегъ, надъ нимъ стали издѣваться, говоря, что онъ пьетъ и не платитъ. Ф. замѣтилъ при этомъ случаѣ, что П. однажды донесъ на его брата и тѣмъ лишилъ его каролина. Было уже 9 часовъ. П., утомленный насмѣшками, взявъ шапку и палку, вдругъ ушелъ въ другую комнату и ускользнулъ тихонько, черезъ заднюю дверь дома. Одинъ парень замѣтилъ это и, разгоряченный водкою, поспѣшилъ въ погоню за П., чтобы прибить его палкою за то, что онъ также донесъ однажды на его отца; но хозяинъ трактира остановилъ его. Оба обвиняемые не принимали въ этомъ никакого участія. Никто изъ присутствующихъ не замѣтилъ никакого уговора, побить П. — Вскорѣ затѣмъ общество разошлось; тогда только не оказалось обо-

ихъ обвиняемыхъ. Никто и не думалъ, что они погнались за П.—Только деревенскій ночной сторожъ видѣлъ М., около 11 часовъ ночи, возвращавшагося домой.

Этимъ ограничивались всѣ способы доказательства; преступленіе скрывалось во мракѣ ночи; обыски домовъ были напрасны.

Въ томъ, что происходило въ означенномъ трактирѣ, обнаруживаются губительныя слѣдствія употребленія водки, грубость крестьянскихъ нравовъ, низость увеселеній. Самъ П. подалъ къ тому поводъ своимъ опьянѣніемъ; одинъ свидѣтель сказалъ: «всякій охотно трунитъ надъ пьянымъ».

Когда стали розыскивать владѣльца найденнаго деревяннаго башмака, хозяинъ пастуха Ф., тотъ самый, который ругалъ П. въ трактирѣ, тотчасъ узналъ башмакъ, и безъ утайки призналъ его за свой; однако поведеніе его не внушало подозрѣнія, и притомъ онъ объявилъ, что иногда работникъ его Ф. носилъ этотъ башмакъ.

Тогда подозрѣніе обратилось на М. и Ф.—Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно было, что если виновниками злодѣянія были они, то они не могли быть побуждены къ тому посторонними вліяніемъ. Только одно признаніе могло разъяснить дѣло. Характеръ обвиняемыхъ подавалъ къ тому надежды; дѣйствительно, они тотчасъ сознались и сознаніе ихъ согласовалось со всѣми другими доказательствами.

Хотя они послѣ проступка твердо обязались лгать и взаимно другъ друга упрашивали ни въ чемъ не сознаваться, однако ни одинъ изъ нихъ не могъ сдержать своего слова: новое доказательство ихъ честности и прямодушія, о которыхъ выше упомянуто.

Сознаніе, сдѣланное каждымъ изъ обвиняемыхъ порознь, въ сущности, содержитъ въ себѣ слѣдующій разсказъ. Они отправились въ трактиръ, пить водку; туда же явился П.; рѣчь зашла о шалостяхъ, которыя съ нимъ дѣлали, о его тайномъ удаленіи и о намѣреніи одного

парня идти за нимъ, чтобы побить его. До того они не думали причинить П. вредъ; но тогда вдругъ явилась у Ф. мысль, что П. заслуживаетъ порядочныхъ побоевъ, за то, что донесъ однажды на его брата. Не прошло пяти минутъ послѣ ухода П., какъ М., раздѣляя мнѣніе Ф., толкнулъ его рукою и подалъ ему знакъ слѣдовать за нимъ. Не пожелавъ присутствовавшимъ «покойной ночи», они удалились незамѣченные. Въ дверяхъ, М., обратясь къ Ф., сказалъ: «Итакъ мы дадимъ П. нѣсколько (т. е. ударовъ) за его доносъ!» Ф. тотчасъ съ этимъ согласился; случай былъ благопріятный: небо было покрыто облаками; легкій снѣгъ препятствовалъ совершенной темнотѣ. Уговора на счетъ образа совершенія преступленія не было между ними. Оба они погнались за П., по дорогѣ къ его мѣсту жительства, деревнѣ С.—М. отломилъ отъ колодезнаго шеста кусокъ около трехъ футовъ длиною, чтобы имъ бить П. Другого орудія при нихъ не было. Ф. сказалъ, что онъ употребитъ для этого свои деревянные башмаки, которые на немъ были надѣты.

Не доходя до деревни, Ф. снялъ съ себя деревянные башмаки, и, чтобы скорѣе догнать П., побѣжалъ въ чулкахъ впередъ, такъ что М. потерялъ его изъ виду. Такимъ образомъ, на возвышенности, находящейся въ 1200 шагахъ отъ трактира, Ф. первый сошелся съ П.— Послѣдній не замѣтилъ Ф., бѣжавшаго въ чулкахъ; пьяный, онъ шатался туда и сюда, и, по выраженію Ф., «бормоталъ себѣ подъ носъ, какъ это дѣлаютъ пьяные.!» Ф. тутъ же бросился на П. и далъ ему сзади, обѣими руками, такой толчокъ въ спину, что П. во весь ростъ упалъ лицемъ на землю. Деревяннымъ башмакомъ, который Ф. держалъ въ рукахъ, ударилъ онъ лежавшаго нѣсколько разъ, по задней части головы, такъ сильно, что башмакъ разлетѣлся въ куски. Отъ скораго бѣга и возрастающаго желанія догнать П., Ф. сильно разгорячил-

ся и большимъ кускомъ башмака нанесъ ему еще нѣсколько ударовъ, по той же части тѣла. П. при этомъ не вымолвилъ ни слова и не оборонялся. При паденіи, у него свалилась шапка съ головы, такъ что удары падали на обнаженную голову, и на найденномъ кускѣ башмака были прилипшіе кровь и волосы человѣческіе, которые, какъ показало микроскопическое изслѣдованіе, были волосы П.

У П., и безъ того уже одуреннаго пьянствомъ, отъ паденія и сильныхъ ударовъ Ф. по задней части головы, безъ сомнѣнія, сдѣлалось сотрясеніе мозга. Не прошло нѣсколько секундъ, подошелъ М., зовя Ф., который отвѣчалъ: «Ступай сюда, я его держу здѣсь.!» Въ то же время Ф. схватилъ палку, принадлежавшую самому П., и ударилъ его еще нѣсколько разъ по спинѣ. П. просилъ пощады; всякій, имѣющій человѣческія чувства, отступилъ бы отъ беззащитнаго, тяжело израненаго; но звѣрская природа страсти и желаніе не отстать отъ товарища заставили М. поднять несчастнаго за лѣвое плечо настолько, чтобы поставить его на колѣни, и кускомъ шеста нѣсколько разъ сильно ударить его по плечу. Чрезъ это самъ М. разгорячился. Онъ говоритъ: «тогда я сталъ золъ,» и на вопросъ П: «развѣ вы хотите меня убить?» М., отвѣчая: «это не для того, чтобы убить, а я хочу васъ порядочно побить!» ударилъ его палкою 4—5 разъ по лѣвой сторонѣ лба. Палка разлетѣлась въ куски; П. закричалъ отъ боли,... и «удары порядочно посыпались по головѣ его,» какъ выразился Ф.

«Правда — говоритъ М. — я мѣтилъ П. въ голову, но это отъ злости!»

Слѣдовательно злость, по его понятію, есть основаніе къ оправданію; подъ этимъ онъ понимаетъ свое раздраженное состояніе; онъ говоритъ самому П., что не хочетъ его убить, а между тѣмъ дѣлаетъ все, чтобы убить.

П. просилъ свести его домой. Ф. и М. подняли его на ноги, надѣли ему его шапку, дали ему его разломанную палку и провели подъ руки около тридцати шаговъ. Онъ могъ еще идти; М. сказалъ ему, что онъ долженъ теперь идти одинъ, и остаткомъ шеста далъ ему еще нѣсколько ударовъ по головѣ и по спинѣ. «Онъ говорилъ хорошо и могъ опять идти» — объясняютъ оба обвиненные—; онъ сказалъ, что все это будетъ забыто; что мы должны идти съ нимъ домой, и что жена его сваритъ кофе.»

Они довели его почти до деревни С, домà которой уже видиѣлись, и оставили его тогда одного; онъ шатался, но, увѣрившись, что онъ подвигается впередъ, они пошли въ обратный путь.

Когда они остались одни, безъ П., совѣсть ихъ пробудилась; не было уже, такъ сказать, повода къ раздраженію, предмета ненависти; они сознали громадность вины своей и упрекали одинъ другого въ нанесеніи П. слишкомъ тяжкихъ побоевъ.

Собравъ разломанные башмакъ и палки, бросили они ихъ въ деревнѣ въ упомянутый колодезь, и въ 11 часовъ возвратились домой.

Эти признанія согласны какъ между собою, такъ и со всѣми другими обстоятельствами дѣла, а именно: съ мѣстомъ, куда нанесены раны, съ найденнымъ тѣломъ, съ остатками орудій преступленія, съ показаніемъ ночного сторожа и т. д.

Обвиняемые отвергали намѣреніе на убійство; объ этомъ они говорили и самому П.; его же, по дурной дорогѣ и при затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ зимнюю ночь, вели они полчаса, какъ друзья, Ф. въ чулкахъ, М. легко одѣтый.

Только на слѣдующій день, вечеромъ, узнали они о смерти П.

Ф. объясняетъ: «Если бы меня къ тому не подстрекнулъ М., я бы никогда не вздумалъ бить П. Я хотѣлъ только ударить его раза два за то, что онъ однажды донесъ на моего брата и тѣмъ лишилъ его денегъ. Я не хотѣлъ нанести ему сильные побои. Мнѣ очень жаль, что онъ умеръ. Я не былъ пьянъ, но проклятая водка разгорячила меня.»

М. говоритъ: «Намѣреніе наше было только немного побить П., чтобъ онъ впередъ былъ поосторожнѣе въ своихъ доносахъ. Не постигаю, какъ могъ я дойти до этого. Нельзя повѣрить, чтобы это могло случиться. Человѣкъ этотъ мнѣ никогда ничего не сдѣлалъ худого, а между тѣмъ я былъ разсерженъ. Водка также тому причиною.»

Что эти сознанія откровенны,—въ этомъ, судя по характеру и поведенію обвиняемыхъ и по обнаруженному ими глубокому раскаянію, нельзя также сомнѣваться.

Злодѣяніе совершено изъ-за служебной должности П., безъ всякаго другаго къ тому, съ его стороны, повода и даже безъ сопротивленія, и совершено самымъ жестокимъ образомъ.

Какая противоположность между этою жестокостью и сердобольнымъ провожаніемъ изнеможеннаго П.; между обыкновенно добродушнымъ характеромъ обвиняемыхъ и поступкомъ, ими содѣяннымъ; между ничтожнымъ обстоятельствомъ, подавшимъ мысль къ этому, и ужаснымъ исполненіемъ этой мысли! Обвиненные испугались сами себя, когда кровь ихъ остыла; они сами для себя были непонятны, а между тѣмъ все это психологически такъ ясно. Грубость соединилась съ необдуманностью; губительное употребленіе водки усилило страсть; виновные, въ нравственномъ и психологическомъ отношеніи, превратн-

лись почти въ звѣрей, находящихъ удовольствіе въ жестокости, и потеряли разсудокъ. Въ началѣ жестокого поступка, человѣкъ уже не то, чѣмъ былъ только что передъ тѣмъ. Ярость возрастаетъ и дѣлается сама пособницею преступленія. Въ рукахъ преступниковъ, невинная жертва страсти обращается въ предметъ ненависти. За это происхожденіе страсти человѣкъ наиболѣе подверженъ отвѣтственности; то, что за симъ слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ весьма часто, не подлежитъ ясному сознанію. Первый шагъ къ преступленію уже содержитъ въ себѣ этотъ недостатокъ яснаго сознанія; когда же грубость, недостаточность образованія и употребленіе водки соединяются вмѣстѣ, тогда случай почти одинъ рѣшаетъ, что произойдетъ изъ первой мысли.

Человѣкъ образованный удивляется тяжести преступленія, потому что на его долю выпало образованіе; онъ забываетъ, что преступникъ, котораго онъ осуждаетъ, часто превосходитъ его самого добродушіемъ и чистосердечіемъ характера, нравственностію намѣреній и чувствомъ справедливости, и что если послѣдній въ томъ или иномъ случаѣ потерялъ духовное равновѣсіе, то это единственно отъ недостатка вниманія, осторожности и мягкости нравовъ. За то человѣкъ и не отвѣтственъ нравственно: онъ есть слѣдствіе своего воспитанія и обстоятельствъ жизни. На эту-то жизнь судья долженъ обращать вниманіе; онъ долженъ всякій разъ доискиваться до глубочайшаго основанія поступка, который онъ судитъ, а не смотрѣть на законы о наказаніяхъ, какъ на длинный перечень преступленій, оцѣненныхъ навсегда неизмѣнною цѣною; тогда онъ будетъ судить не только по строгой справедливости, но и по человѣколюбію, которое составляетъ важнѣйшую принадлежность правосудія.

Главная побудительная причина къ преступленію въ низшихъ классахъ народа—это водка. Она была участ-

ницею и въ настоящемъ преступленіи. Болѣе половины самыхъ тяжкихъ преступленій, а именно преступленій противъ лицъ, совершается подъ вліяніемъ водки. Праздники суть дни обильнѣйшіе злодѣяніями. Сколько этотъ спиртный напитокъ полезенъ для физическаго здоровья низшихъ классовъ народа, столько же вредно дѣйствіе этого напитка на нравственность и сознаніе права. Многочисленные физіологическіе опыты доказали, что сивушное масло притупляетъ въ сильной степени чувства и разслабляетъ дѣятельность мозга; оно производитъ разладъ между тѣлесными и душевными побужденіями, доводя первыя до состоянія вожделѣнія, а послѣднія до страстей, и часто, безъ всякихъ почти причинъ, при ничтожныхъ поводахъ, вовлекаетъ человѣка въ ужаснѣйшія преступленія. Бѣлая горячка пьяницъ (delirium tremens potatorum) есть душевная болѣзнь, съ совершенно особенными признаками, происходящая отъ постояннаго употребленія спиртныхъ напитковъ; она даетъ возможность судить о состояніи ума человѣка, временно отуманеннаго виномъ. Большая часть ядовъ, принятыхъ кровью, дѣйствуютъ на центральныя части нервной системы и производятъ помѣшательство ума; точно также дѣйствуетъ и находящееся въ водкѣ сивушное масло. При различной температурѣ, смотря по различію темперамента и тѣлосложенія человѣка, отравленіе мозга алкоголемъ легко доводитъ до помѣшательства чувствъ, памяти и разсудка. Потому не возможно съ точностью опредѣлить степень, до которой должно дойти опьяненіе, для того, чтобы имѣть возможность исключить или опредѣлить вмѣняемость. Иногда человѣкъ быстро ниспадаетъ до инстинкта животнаго; но почти всегда водка доводитъ природную грубость до одичалости всѣхъ представленій, а потому и до самыхъ тяжкихъ преступленій.

Въ приведенномъ здѣсь случаѣ, оба обвиненные сослались на непонятное для нихъ самихъ дѣйствіе выпитой ими водки; ихъ поступокъ не согласуется съ ихъ прежнею жизнью. Кто отважится рѣшить: на сколько этотъ напитокъ уменьшаетъ вмѣненіе? Только кротость въ приговорѣ судьи можетъ примирить недостатокъ человѣческаго познанія, для психологическаго объясненія факта, съ ужасными и располагающими къ строгости внѣшними явленіями.

VII.

ПОНЯТІЕ О ПРАВѢ.

(Двѣ публичныя лекціи мюнхенскаго профессора Блунчли).

—

ПЕРВАЯ ЛЕКЦІЯ.

Вопросъ: что̀ такое право? напоминаетъ собою другой высшій и болѣе извѣстный вопросъ: что̀ такое истина? Мы знаемъ, что человѣкъ никогда не въ состояніи дать на него отвѣтъ, вполнѣ удовлетворительный; не смотря на то, во всякую эпоху, задача каждой отрасли знанія состоитъ въ разрѣшеніи этого послѣдняго вопроса, все съ большею и большею основательностью и полнотою, такъ что всякій успѣхъ въ наукѣ есть въ то же время и успѣхъ въ разрѣшеніи этого вопроса.

Но собственно задача правовѣдѣнія состоитъ въ томъ, чтобы дать удовлетворительный отвѣтъ на предложенный выше вопросъ: что̀ такое право? Въ рѣшеніи этой задачи принимаетъ большое участіе не одинъ только холодный умъ, но и сердце человѣка, потому что здѣсь дѣло идетъ о нравственномъ понятіи. Посмотримъ же, что̀ можетъ дать намъ правовѣдѣніе для разъясненія этого вопроса.

Въ продолженіе двухъ послѣднихъ столѣтій, философы и философски образованные юристы много занимались изученіемъ этого вопроса въ его высшемъ значеніи,

пытаясь найти отвѣтъ на него спекулятивнымъ путемъ, да и всѣ почти образованные европейскіе народы принимали участіе въ этомъ трудѣ. Большая часть ученыхъ старались найти истинное основаніе права въ человѣческой природѣ, впрочемъ не глубоко проникая въ самый организмъ этой природы. Напомнимъ здѣсь только о нѣкоторыхъ изъ самыхъ важныхъ объясненій, въ которыхъ съ особенною ясностью отражается метода и различное содержаніе этого направленія такъ называемаго естественнаго права.

Первые учители этого права прямо твердили о внутренней необходимости, которая будто бы влечетъ человѣка къ развитію права. Слѣдовательно всѣ они выводили право изъ внутренней потребности человѣка; но, смотря по различію своей личности, они указывали на различныя потребности, какъ на источникъ права. Такъ либеральный голландецъ Гуго Гроцій выводитъ право изъ общительной природы человѣка, а защитникъ абсолутизма, англичанинъ Гоббесъ, напротивъ,—изъ необщительной его природы. Нидерландскій еврей Спиноза заглянулъ глубже въ этотъ предметъ, стараясь найти первоначальный источникъ всякаго права во всеобщей природѣ, и пришелъ къ заключенію, что право есть естественная сила. По его мнѣнію, всякое существо имѣетъ настолько права, насколько у него есть силы; во второстепенномъ же значеніи, право есть то̀, что̀ объявило правомъ верховная человѣческая власть, въ которой заключается и величайшая сила. Нѣмцы Томазій и Вольфъ шли менѣе опаснымъ путемъ. Они смотрѣли болѣе на цѣль, чѣмъ на основаніе. Томазій объяснялъ право стремленіемъ человѣка къ блаженству, а Вольфъ выводилъ его изъ предназначенія человѣка къ совершенствованію и видѣлъ въ немъ средство вѣрнѣе достигнуть этой цѣли.

Почти за сто лѣтъ назадъ, во взглядѣ на философію права произошелъ поворотъ въ противоположную сторону. Согласно потребностямъ новаго времени, которое искало для себя новой жизни, душою права была провозглашена уже не необходимость, а свобода. Женевецъ Руссо и нѣмецъ Кантъ были представителями этого новаго взгляда, пользовавшагося огромнымъ вліяніемъ. Первый подѣйствовалъ глубоко и сильно даже на самыя массы во Франціи: онъ явился самымъ знаменитымъ проповѣдникомъ революціи; однакоже и Кантъ долгое время парилъ въ германской наукѣ и въ чиновничьемъ мірѣ. Оба они разложили въ мышленіи государство на его атомы, индивиды; оба разсматривали эти индивиды, какъ первоначально равные между собою и свободные, и оба выводили изъ согласованія (договора) этихъ, одаренныхъ силою воли единицъ общую верховную волю, которая должна выражаться въ законѣ. Въ противоположность этой разнородной, единичной волѣ, Гегель выставилъ всеобщую разумную волю, которая должна стоять выше воли отдѣльныхъ лицъ, и которой индивиды должны подчиняться; но и Гегель видѣлъ въ правѣ выраженіе воли и законъ свободы.

Независимо отъ этого воззрѣнія, слѣдовали, едва замѣтными путями, нѣсколько теологовъ совсѣмъ по другому направленію: они считали право божескимъ велѣніемъ, разумѣется, только смутнымъ велѣніемъ для падшаго и осквернennаго человѣчества.

Умозрительныя системы были полны противорѣчій, отчасти между собою, отчасти съ существующими законами различныхъ государствъ. Въ нихъ было отчасти невѣрное основаніе и по большой части бѣдное и пустое содержаніе. Но въ рукахъ эпохи, все преобразовывавшей и ко всему подходившей съ вопросомъ, онѣ служили богатымъ арсеналомъ духовнаго оружія, въ которое об-

лекались партіи и которымъ наносили другъ другу удары. Хотѣли выдти изъ средневѣковой жизни и изъ отжившихъ учрежденій; хотѣли новаго развитія права и государства. Такому времени соотвѣтствовали отвлеченія естественнаго права. Лежащее въ нихъ отрицаніе служило отличнымъ орудіемъ къ тому, чтобы вымести весь накопившійся отъ прежняго времени соръ, а энергическое воззваніе къ свободѣ творческой воли дало желанное побужденіе ко всякому, страстно ожидаемому нововведенію. Вслѣдствіе этого, мы видимъ, что во всѣхъ великихъ политическихъ движеніяхъ послѣднихъ столѣтій, идеи естественнаго права дѣйствовали какъ могучая духовная сила.

Въ первой половинѣ текущаго столѣтія, противъ направленія естественнаго права выступаетъ реакція исторической школы. Эта оппозиція выходитъ отчасти изъ Англіи, но научно-сознательнымъ образомъ—отъ германскихъ историковъ, филологовъ и правовѣдовъ. Достаточно упомянуть имена Гуго, Нибура, Савиньи, Эйхгорна, Я. Гримма.

Историческая школа отказалась отъ вопросовъ и путей отвлеченныхъ, и отбросила все ученіе о естественномъ правѣ, какъ праздную и безплодную игру въ слова, съ такимъ же пренебреженіемъ, съ какимъ еще въ настоящее время нѣкоторые приверженцы точныхъ естественныхъ наукъ смотрятъ на философію природы. Зато тѣмъ съ большимъ жаромъ и усердіемъ предалась она изученію положительнаго права. Съ этого времени, для изученія римскаго и германскаго права наступила новая, блестящая эпоха. И замѣчательно, что узкому, ограниченному изученію отдѣльныхъ правъ разныхъ народовъ дались, сами собою, новыя, великія открытія всеобщей важности, такія объясненія свойствъ права, которыя скрывались отъ прежней философской школы.

Историческая школа признала, во-первыхъ, національность историческаго права, духовную связь его, равно какъ и языка, съ особеннымъ характеромъ и нравами народа. Она признала далѣе, что всякое право имѣетъ свою органическую природу; что всякая система права есть болѣе, нежели система — есть органическое тѣло. Между тѣмъ какъ ученіе естественнаго права нашло одни только мертвыя юридическія положенія, историческая школа указала на полныя жизни юридическія учрежденія. Наконецъ, для нея стало ясно, что право не есть что-то вѣчно неизмѣнное, какъ думали послѣдователи ученія естественнаго права, но что оно непрерывно развивается, идетъ рядомъ съ народною жизнью, и потому измѣняется вмѣстѣ съ духовнымъ образованіемъ, съ нравами народа. Ей казалось даже, что она подмѣтила и сознала въ существѣ права, преимущественно въ исторіи римскаго права, рядъ необходимыхъ періодовъ развитія, подобныхъ періодамъ возрастовъ въ жизни человѣка.

Однакоже эта школа не могла дать отвѣта на вопросъ: что̀ такое право? Для этого недостаточно было одного обращенія къ исторіи. Она очень хорошо знала въ отдѣльности, что̀ такое римское, германское право, но не понимала въ цѣломъ, что̀ такое право вообще. Впрочемъ, и ей не могло быть совершенно неизвѣстно, что существуютъ общечеловѣческія истины права, человѣческое его развитіе, и что лучшая часть римскаго и германскаго права имѣетъ въ себѣ это общечеловѣческое значеніе. Когда испытующій духъ человѣка пресыщенъ множествомъ впечатлѣній, полученныхъ имъ при наблюденіи разнообразныхъ явленій жизни, тогда старается онъ понять внутреннюю ихъ связь и отыскать единство между ними въ человѣческой природѣ.

Борьба между этими двумя школами принадлежитъ пережитому нами времени; въ современной наукѣ права возстановленъ уже внутренній міръ. Она вполнѣ признаетъ какъ законность философскаго основанія, такъ и необходимость историческаго изслѣдованія. Она видитъ опасность въ односторонности исключительнаго направленія и надѣется добыть истину отъ поперемѣннаго приложенія и взаимнаго соединенія философской и исторической методы изученія. И историческое правовѣденіе, на высотѣ своего воззрѣнія, принуждено искать связи съ верховными, основными истинами и изъяснять себѣ высшія начала, приводя пестрое многоразличіе къ единству, — значитъ должно возвыситься до философіи. Съ другой стороны, философское правовѣденіе тогда только получаетъ наиболѣе цѣны и вѣроятія, когда проливаетъ свѣтъ на все обиліе историческаго матеріала и научаетъ лучше понимать реальность, когда отъ центра опредѣляетъ окружность,—значитъ оно должно соединяться съ исторіею.

Впрочемъ, природа права не принимала никакого участія въ этихъ односторонностяхъ научныхъ школъ. Напротивъ, она, съ своей стороны, приводя односторонникъ послѣдователей къ неразрѣшимымъ противорѣчіямъ съ самими собою, показывала людямъ, что не должно слѣпо довѣрять и слѣдовать только одному направленію. Естественное право, по своему принципу, требовало однихъ только, вѣчно неизмѣнныхъ законовъ, а между тѣмъ очень многіе приверженцы этого права желали въ практикѣ народной жизни полнаго переворота всѣхъ существующихъ правъ, бросаясь отъ нововведенія къ нововведенію и нигдѣ не находя себѣ покоя. Напротивъ, теорія историческаго права, говоря о бытіи права, всегда говорила только о неудержимомъ, никогда не останавливающемся развитіи; не смотря на то, многихъ поклонниковъ историческаго права можно, не безъ основанія, упрекнуть въ томъ, что они самые

упорные защитники устарѣлаго, неподвижнаго состоянія права, и самые отъявленные враги всякаго преуспѣянія въ исторіи. Такъ односторонніе начала школы обратились въ противоположную имъ сторону.

Современная намъ наука права сблизилась съ потребностями дѣйствительной жизни. Дѣйствующимъ правомъ считаетъ она только право настоящаго времени. Историческое право уже не право, развѣ востолько, восколько имѣетъ жизненной силы и продолжаетъ дѣйствовать, или есть вмѣстѣ и право настоящаго времени; также идеальное философское право не есть право, развѣ востолько, восколько оно получило уже признаніе въ настоящее время. Дѣйствующее право имѣетъ основаніемъ прошедшее и идетъ къ будущему развитію: оно есть соединеніе прошедшаго и будущаго права.

Но въ этомъ нѣтъ еще, конечно, отвѣта на нашъ вопросъ. Такъ какъ насъ не удовлетворяютъ прежнія выводы науки, то попробуемъ дойти до цѣли другимъ путемъ. Счастливо одаренные, образованные народы и тѣ исключительныя личности, которыя на цѣлыя тысячелѣтія опредѣляли ходъ исторіи, также по своему ставили для себя этотъ вопросъ и отвѣчали на него. Поэтому бросимъ взглядъ на всеобщую исторію, не дастъ ли она намъ разрѣшенія загадки.

Древнегерманскій судья, который искалъ право, долженъ былъ обратить свой взглядъ на востокъ, откуда восходитъ солнце и съ нимъ свѣтъ. По понятіямъ древнихъ, солнечный свѣтъ и право симпатичны между собою. Поэтому обратимся и мы сначала къ востоку,—этой колыбели человѣческой образованности и науки.

На востокѣ показываются четыре великія системы права, дѣйствующія еще и до нынѣ: еврейское, магометанское, индо-браманское и китайское право.

Іудейство и магометанство принадлежатъ, въ смыслѣ юридическомъ, къ одной категоріи и очень сродны между собою. Моисей и Магометъ, провозвѣстника закона, принадлежать оба къ семитическому племени. Оба исходятъ изъ теистическаго воззрѣнія на міръ. Оба поставляютъ рѣзкое различіе между Богомъ и человѣкомъ: Богъ—господь, а люди его рабы. Моисей слышитъ гласъ Божій, возвѣщающій ему Свою волю, и при громѣ и молніи дастъ своему народу законъ, ниспосланный ему отъ Бога. Магометъ выдаетъ свой Коранъ за открытый ему законъ чрезъ посредство высшаго духа, посланнаго къ нему Богомъ. — Оба они находятъ источникъ права не въ своемъ собственномъ духѣ, не въ своей волѣ, а въ волѣ Божіей.

Моисей и Магометъ отвѣчаютъ слѣдовательно на нашъ вопросъ такъ: право есть законъ, данный Богомъ людямъ, а потому всѣ велѣнія права исполнены божественнаго авторитета, озарены божескимъ величіемъ и имѣютъ въ себѣ нѣчто абсолютное, непреложное, страшное. Отсюда ужасная строгость, въ особенности законодательства Моисеева, которое за незначительный проступокъ грозитъ жестокою смертью—побіеніемъ камнями.

Въ обоихъ этихъ законодательствахъ религія, нравственность и право нераздѣльно смѣшаны между собою. Всѣмъ извѣстны десять заповѣдей, которыя и Магометъ призналъ за древнее божественное откровеніе. Вы знаете, какъ здѣсь соединены въ одно цѣлое религіозный завѣтъ богопоклоненія и празднованія субботы съ нравственными правилами почитать своихъ родителей и преодолѣвать чувственныя вожделенія, и съ юридическимъ запрещеніемъ убійства, прелюбодѣянія и т. д.

Подлѣ этого божескаго закона, человѣческое законодательство не имѣетъ мѣста: іудеи и магометане, въ эпоху своего высшаго религіознаго развитія, отвергали всякое государственное законодательство: по ихъ поня-

тіямъ, только новое божественное откровеніе можетъ измѣнить и постепенно развивать право. Къ первоначальному закону, какъ къ священнѣйшему зерну, примыкаютъ впослѣдствіи толкованія просвѣтленныхъ Богомъ мужей; преданіе, передавая первоначальное откровеніе, продолжаетъ его. У іудеевъ есть свои Мишна и Талмудъ, у магометанъ своя Сунна, въ которыхъ излагаются толкованія и преданія о правилахъ нравственности, состоящей подъ велѣніемъ Божіимъ. Уже гораздо позднѣе іудеи научились подчиняться и человѣческимъ законамъ, а магометанскія государства стали сами издавать новые законы. Но и здѣсь постоянно смѣшивалась теологія съ юриспруденціею: одни и тѣже люди,—раввины и улемы,—были въ одно время и теологами и юристами.

Во имя Божіе не только возвѣщался законъ, но и отправлялось правосудіе. Здѣсь уже съ первой поры выказываются слабыя стороны этой юридической системы, ибо приведеніе въ исполненіе закона должно уже было предоставить ограниченнымъ людямъ, часто весьма мало годнымъ къ тому, чтобъ заступать мѣсто божества. Несовершенство и относительная несправедливость такого минмаго заступленія были замѣчены почти съ самаго начала, и поэтому въ обѣихъ системахъ, рядомъ съ расправою при посредствѣ обыкновенныхъ судей, существуетъ непосредственное божественное правосудіе, исправляющее недостатки человѣческой расправы. Іудейскій Іегова грозитъ наказать, за грѣхи отцовъ, потомство ихъ, въ третьемъ и четвертомъ колѣнѣ, на что не уполномоченъ судья-человѣкъ.

Эта мысль объ исправленіи недостатковъ человѣческой расправы божескимъ правосудіемъ выразилась въ исламизмѣ такъ: Магометъ, заимствуя изъ христіанства, указываетъ на страшный судъ, на которомъ самъ Богъ будетъ судить воскресшихъ людей, и однихъ осудитъ на

адское мученіе, а другимъ уготовитъ райское блаженство.

Въ нѣкоторомъ смыслѣ, магометанство есть только возобновленіе іудейской вѣры и закона; но въ нѣкоторыхъ важныхъ юридическихъ отношеніяхъ въ немъ уже чувствуется развитіе времени, и мы замѣчаемъ, что Моисей и Магометъ, какъ ни близко соприкасаются между собою, все таки удалены одинъ отъ другого почти на двѣ тысячи лѣтъ. Іудейскій законъ національно-ограниченнѣе, ужѐ, суровѣе; законъ Магомета общечеловѣчнѣе, шире, мягче. Іудейская религія, въ существѣ своемъ, есть религія закона, а магометанская — религія вѣры. Въ первой Іегова есть по преимуществу богъ евреевъ; богъ же Магомета есть богъ всѣхъ людей и преимущественно всѣхъ вѣрующихъ. Цѣль Моисеева закона воспитать одинъ іудейскій народъ, для истиннаго поклоненія единому Богу, и устранить все языческое отъ избраннаго народа. Напротивъ, исламизмъ хотѣлъ распространить владычество и царство Божіе на весь міръ и истребить язычество, у какихъ бы народовъ оно ни встрѣтилось. Семитическое основное воззрѣніе выросло въ исламизмѣ до великихъ, обнимающихъ весь міръ размѣровъ.

Индійское право, какъ и оба семитическія, равнымъ образомъ приводится къ одной выдающейся личности. Но здѣсь, въ народѣ арійскаго происхожденія, встрѣчаемъ мы иное воззрѣніе на божество и міръ. Въ индійскомъ брамантвѣ пантеизмъ получилъ самое раннее развитіе. Великій законодатель Ману не есть пророкъ, извнѣ слышащій голосъ божества, но божественно-человѣческій мыслитель, который отдѣляетъ и замыкаетъ свой духъ отъ всего внѣшняго, и, сосредоточиваясь въ себѣ самомъ, познаетъ въ себѣ божественныя идеи. По индійскому представленію, Ману больше чѣмъ пророкъ: онъ само божественное слово, явившееся въ образѣ чело-

вѣческомъ ; онъ истинный , божественный владыка міра.

И законодательство Ману выдаетъ себя за откровеніе верховнаго существа, которое извело изъ себя многообразный міръ, боговъ и людей, пять элементовъ, землю и звѣзды небесныя, животныхъ и растенія. Однако это откровеніе не можетъ быть понимаемо религіозно-возбужденнымъ сердцемъ, какъ завѣтъ внѣмірового божества, но оно пріобрѣтается мышленіемъ отъ божественнаго духа въ Ману, посредствомъ духовнаго самоуглубленія и возвышеннаго самосознанія: оно есть дѣло науки; браманская религія, въ своей сущности, есть философія.

И въ Индіи нѣтъ еще никакого государственнаго законодательства, а признается только божественное откровеніе права. Отчасти оно изображено въ книгѣ Ману (I, 58, 118), отчасти является въ обычаяхъ, соблюденіе которыхъ не менѣе того совѣтуется (I, 108). Правовѣдѣніе ввѣрено преимущественно брамінамъ, святымъ и мудрымъ мужамъ, произшедшимъ изъ устъ божества, истиннымъ «владыкамъ міра.» Въ нихъ воплощена божественная правда (I, 98). Царь хотя и завѣдываетъ правосудіемъ и имѣетъ карательную власть, но въ отношеніи вопроса о правѣ, для него обязательны наставленія и указанія брамиповъ (VIII, 1).

Чтобы ближе ознакомить Васъ съ особеннымъ духомъ и способомъ выраженія этого законоположенія, я сообщу, въ буквальномъ переводѣ по Loiseleur-Deslongchamps, какъ обосновывается въ немъ карательная власть царя.

Ману VII, 14. Для того, чтобы поддержать царя въ его призваніи, Господь создалъ отъ начала духа наказанія, защитника всѣхъ существъ, исполнителя правды, своего собственнаго сына, вполнѣ божественной сущности.

15. Страхъ наказанія даетъ всѣмъ сотвореннымъ существамъ возможность наслаждаться своею особностью и препятствуетъ имъ уклоняться отъ своей обязанности.

16. Царь, зрѣло сообразивъ мѣсто и время, и обдумавъ способы наказанія и велѣніе закона, да наказываетъ съ справедливостью тѣхъ, которые обращаются къ неправдѣ.

17. Самъ духъ наказанія есть царь, полный силы; онъ правитъ закономъ искусно и примѣняетъ его мудро; онъ признанъ порукою въ выполненіи обязанностей четырехъ кастъ.

18. Духъ наказанія управляетъ родомъ человѣческимъ; онъ хранитъ его; онъ бодрствуетъ, когда всѣ спятъ; онъ есть мудрость, какъ говорятъ мудрые.

19. Употребляемое съ осмотрительностью и въ надлежащее время наказаніе обезпечиваетъ счастіе народовъ; примѣняемое необдуманно, оно причиняетъ разстройство и паденіе.

20. Если царь не будетъ неупустительно наказывать тѣхъ, которые заслуживаютъ наказанія, то сильнѣйшіе сжарятъ слабыхъ, какъ рыбъ на рашпрѣ.

21. Вороны пожрутъ рисовую жертву; собаки вылокаютъ очищенное масло; не будетъ болѣе собственности; человѣкъ низшаго происхожденія займетъ мѣсто человѣка высшей касты.

23. Сами боги, титаны, небесные музыканты, исполины, змѣи исполняютъ свои особенныя обязанности, будучи сдерживаемы страхомъ наказанія.

26. Всѣ классы пришли бы въ безпорядокъ, всѣ препоны пали бы, вся вселенная пришла бы въ замѣшательство, если бы духъ наказанія пересталъ исполнять свою обязанность.

Законодательство Ману, одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ человѣческой мудрости, явившееся позже Мо-

исеева законодательства, вѣроятно не болѣе, какъ двумя столѣтіями, подобно послѣднему, заключаетъ въ себѣ безразлично религію, нравственность и право; однакоже оно гораздо богаче юридическими мыслями, разнообразнѣе учрежденіями, и, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, свѣтлѣе и гуманнѣе іудейскаго законодательства.

Богопоклоненіе здѣсь болѣе отодвинуто на задній планъ; главною задачею религіозной жизни поставлено очищеніе и освященіе человѣческой души. Законъ принимаетъ на себя руководство и воспитаніе людей, чтобы они стали способными войти, съ своимъ облагороженнымъ духомъ, въ вѣчный первобытный духъ. Весь культъ имѣетъ преимущественно это направленіе; обильный церемоніалъ, неудобный и безполезный по нашимъ понятіямъ, соблюденіе котораго строго предписано, служитъ для этой цѣли, какъ духовная и тѣлесная гимнастика.

Мораль этой священной книги задумана отчасти очень благородно и глубоко. Такъ напр:

Ману IV. 237. Жертва ослабляется ложью, заслуга аскета тщеславіемъ, все существованіе оскорбленіемъ браминовъ, плодъ благотворительности — разглашеніемъ.

239. Отецъ, мать, сынъ, жена, родственники не будутъ сопровождать насъ при переходѣ въ другой міръ; одна только добродѣтель пойдетъ съ нами.

240. Человѣкъ родится одинокъ, умираетъ одинокъ, одинъ получаетъ награду за свои добрые поступки и одинъ принимаетъ наказаніе за свои злодѣянія.

243. Человѣкъ, который преимущественно живетъ для добродѣтели и котораго грѣхи очищаются строгимъ благочестіемъ, тотчасъ послѣ смерти, за свою добродѣтель, возвышается въ небесный міръ; онъ просвѣтляется въ его свѣтѣ и тогда получаетъ божественную одежду.

Ману смотритъ даже на животныхъ съ любовью:

V, 45. Кто, для своей забавы, убьетъ невинное животное, тотъ не увидитъ своего счастія возрастающимъ, ни въ этой жизни, ни послѣ своей смерти.

Богатствомъ юридическихъ понятій и разнообразіемъ юридическихъ учрежденій индійское законодательство напоминаетъ даже самыя развитыя европейскія права: римское и германское. Близкое сродство арійскихъ народовъ видно какъ въ языкѣ, такъ и въ правѣ. Но всѣ великія преимущества этой системы права помрачаются предъ ужаснымъ зломъ рѣзкаго кастическаго раздѣленія, предъ тою застарѣлою, наслѣдственною болѣзнью, которою еще до сихъ поръ страдаетъ весь бытъ индійскихъ народовъ. Неравенство правъ кастъ причиною того, что здѣсь собственно четыре системы права для четырехъ кастъ, возвышающіяся одна надъ другою. Гораздо бо̀льшими и лучшими правами пользуются члены высшихъ кастъ и гораздо меньшимъ подвергаются наказаніямъ въ сравненіи съ членами низшихъ кастъ; хуже всего то̀, что переводъ изъ низшихъ въ высшія касты возможенъ за заслуги только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. При такомъ распредѣленіи правъ, спесь вялой породы доведена здѣсь до крайности.

За божественнымъ правосудіемъ, отправляемомъ въ здѣшнемъ мірѣ, находимъ мы и у индійцевъ другое высшее и болѣе страшное божественное правосудіе, дѣйствующее послѣ смерти. Вся эта система заканчивается въ догматѣ переселенія душъ. Хотя религіозная философія браминовъ не знаетъ вѣчныхъ мученій въ аду: — конечное очищеніе и блаженное разрѣшеніе въ божественномъ духѣ указано въ ней, какъ послѣдняя цѣль всякаго существа; но прежде, нежели цѣль эта будетъ достигнута, умершимъ людямъ предстоятъ долгія и, смотря по обстоятельствамъ, чрезвычайно мучительныя переходныя времена и странствованія. По ученію Ману, человѣкъ

состоитъ изъ духа, души и тѣла, и, посредствомъ всѣхъ трехъ элементовъ своего существа, соединяется съ Брамою, въ которомъ, подобнымъ же образомъ, надлежитъ отличать три области — духа, души и тѣла. Бытіе достигаетъ своей вершины въ духѣ; средняя область есть область души, а самая темная и низшая — область тѣла. Чѣмъ болѣе земная жизнь человѣка обращалась къ той или другой сторонѣ, тѣмъ несомнѣннѣе попадетъ онъ въ соотвѣтствующую область по смерти. Добродѣтель и мудрость возвышаютъ, а невѣжество и порокъ помрачаютъ и тянутъ внизъ. Суевѣрная фантазія народа и властолюбіе браминовъ представили впослѣдствіи эти странствованія въ странныхъ и страшныхъ картинахъ. Въ законахъ Ману должно искать только зародыша этой порчи, а не самую порчу.

Сравнительно съ вышеприведенными азіятскими цивилизаціями, китайская отстоитъ отъ насъ гораздо далѣе. Для насъ сроднѣе арійскіе индійцы и даже семитическія племена, нежели монгольская раса китайцевъ, и только немногія нити цивилизаціи достигаютъ изъ Европы въ Китай. Однако же, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, цивилизація небесной срединной имперіи имѣетъ бо́льшее сходство съ нашей, чѣмъ цивилизаціи ближе къ намъ лежащихъ восточныхъ странъ. Вамъ извѣстно китайское міросозерцаніе. Въ немъ существуютъ двѣ первобытныя силы: небо — отецъ, а земля — мать всѣхъ существъ и преимущественно человѣка. Отъ неба исходитъ духъ и царство; императоръ есть сынъ неба. Религіозный элементъ уступаетъ здѣсь мѣсто нравственному; послѣдній выступаетъ на первый планъ. А потому нравственность и право, по существу своему, одно и то же: оба они небеснаго происхожденія.

Однако небо не можетъ прямо высказываться. Откуда же человѣкъ можетъ понять небесный разумъ, узнать

небесную волю? Древняя священная книга Шукингъ, пересмотръ которой, но не первоначальное составленіе, приписывается великому катайскому преобразователю Конфуцію (въ VI ст. до Р. Х), отвѣчаетъ на этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: посредствомъ человѣческаго размышленія, уважающаго сужденіе мудрецовъ и добродѣтельныхъ людей, и внимающаго народному голосу. Мудрецы и народъ просвѣщаются небомъ (I, 4, 7; IV, 1, 10; 2, 7; 24). Нравственная философія китайцевъ гораздо суше и ограниченнѣе, но зато скромнѣе и практичнѣе, нежели болѣе глубокая и гордая мудрость браминовъ.

Въ священныхъ книгахъ Конфуція, нравственность и вмѣстѣ съ ней право имѣютъ слѣдующія основанія.

Чунгъ-Юнгъ. 12. 4. Правило нравственнаго поведенія имѣетъ свое сѣдалище въ сердцѣ человѣческомъ и оттуда восходитъ къ высочайшему откровенію, для того, чтобъ освѣтить его лучами небо и землю.

13, 3. Кто чистосердеченъ и кто къ другимъ расположенъ такъ же, какъ и къ самому себѣ, тотъ не удаляется отъ нравственнаго закона, который предписанъ человѣку его разумною природою, какъ обязанность. Онъ не дѣлаетъ другимъ того, чего не хочетъ, чтобъ другіе ему дѣлали.

20,4. Царь долженъ имѣть всегда въ виду общественное благо. Для того, чтобъ воля его слѣдовала этому правилу, онъ обязанъ уважать великій законъ долга, состоящій въ гуманности — этой прекрасной добродѣтели сердца, которая воспламеняетъ любовь ко всѣмъ людямъ. 5. Гуманность эта есть самъ человѣкъ. Любовь къ родителямъ есть первый долгъ ея. Право и справедливость одно и тоже. Отдавать всякому, что̀ ему подобаетъ, и почитать мудрыхъ людей—вотъ первый долгъ права и справедливости.

20,17. Совершенство, невозмутимая истина — это законъ неба; совершенствованіе, основное начало небеснаго велѣнія, есть законъ для людей.

26,7. Могущество неба и земли можно выразить въ одномъ словѣ: осуществленіе его называется совершенствованіемъ.

По словамъ Конфуція, стремленіе къ совершенствованію есть истинный жизненный пульсъ всякой нравственности. «Могущество неба и земли можно выразить въ одномъ словѣ: его осуществленіе на дѣлѣ называется совершенствованіемъ. (Тамъ же 26,7)» Здѣсь разумѣется, во-первыхъ, самоусовершенствованіе человѣка, а потомъ вспомоществованіе къ совершенствованію другихъ. Въ сущности право есть средство воспитанія и руководство къ совершенствованію. Поэтому взглядъ китайца устремленъ на будущее, на искомую цѣль, и въ китайскомъ правѣ больше, чѣмъ въ другихъ восточныхъ правахъ, наблюдается начало полезности и цѣлесообразности.

Но это благородное стремленіе къ совершенствованію всего быта, которому китайцы, положимъ, одолжены раннею и утонченною цивилизаціею, заключается вскорѣ потомъ въ узкія границы. Оно было задержано узкою уздою авторитета. Уже самъ Конфуцій любилъ указывать на примѣръ и ученіе предковъ, и внушалъ своимъ ученикамъ глубочайшее уваженіе къ прошедшему. А потому священные обычаи и крайне точные обряды препятствуютъ всякому преуспѣянію. Въ этой системѣ нѣтъ никакой индивидуальной свободы духа; все обсуживается по общимъ, обычнымъ правиламъ. Такимъ образомъ великая движущая мысль совершенствованія вкладывается въ узкія, иногда даже ребяческія формы, и, не успѣешь еще оглянуться, какъ уже обращается къ жалкому застою.

Такъ какъ китайское право признано человѣческимъ и какъ имъ должно быть опредѣлено то, что цѣлеобразно и что служитъ къ совершенствованію, то въ немъ и возможнѣе было постепенное развитіе права посред-

ствомъ государственнаго законодательства, впрочемъ на неизмѣнныхъ основаніяхъ священныхъ книгъ, и притомъ съ боязливымъ уваженіемъ обычаевъ предковъ. — А потому императоръ издаетъ здѣсь законы сообразно мнѣнію верховнаго государственнаго совѣта. Государственное законодательство привходитъ здѣсь впервые, какъ новая, признанная форма развитія права. Но законъ есть здѣсь столько же нравственный, сколько и юридическій. Грѣхъ и нарушеніе закона одно и то же, и даже заблужденіе, противное освященному ученію, можетъ сдѣлаться преступленіемъ.

Хотя не совсѣмъ исчезаетъ здѣсь съ задняго плана божественное правосудіе, но уже очень блѣднѣетъ. Китайское право, какъ и китайская нравственность, ограничиваются землею и не заботятся о невѣдомой загробной жизни. По этой причинѣ китайское право хотя человѣчно, кротко, гражданственно, но въ то же время узко, ограниченно въ своихъ понятіяхъ и неискусно въ изображеніи ихъ. При всемъ томъ, мы должны съ похвалою отозваться, что этотъ народъ, бѣдно одаренный въ духовномъ отношеніи, уже нѣсколько тысячелѣтій управляется вообще лучше и съ большею кротостью, раньше и прочнѣе пріобрѣлъ непосредственно понятную ему форму гуманной цивилизаціи, нежели народы европейскіе, превосходящіе китайцевъ своимъ характеромъ и духовными способностями, разрѣшили поставленныя имъ задачи жизни.

Въ одномъ отношеніи китайцы первые оказали человѣчеству одну изъ величайшихъ политическихъ заслугъ. Они первые установили, какъ государственный принципъ, значеніе личныхъ способностей и заслугъ, не обращая вниманія на касту и состояніе родителей, и для всякаго дѣльнаго и полезнаго человѣка открыли путь къ самымъ высшимъ должностямъ. Эта идея не разъ настоя-

тельно предлагается въ священныхъ книгахъ къ исполненію. Министръ, который изъ зависти старается отѣснить полезныхъ и даровитыхъ людей, вмѣсто того, чтобъ выводить ихъ впередъ и употребить для общественнаго блага, признается недостойнымъ своего пòста и опаснымъ для государства, хотя бы онъ самъ былъ одаренъ большими способностями (Та-хіо 10, 13). Мысль эта высказана съ особенною силою въ древнемъ сказаніи, которымъ начинается самая древняя и священная книга Шукингъ. Царь Яо въ старости призвалъ къ себѣ вельможъ своего государства и объявилъ имъ, что если кто изъ нихъ умѣетъ хорошо править царствомъ, то онъ желалъ бы сдать ему свою власть. Вельможи отвѣчали, что ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ нужныхъ для этого способностей. Когда имъ было приказано указать на частнаго человѣка, способнаго, по ихъ мнѣнію, управлять государствомъ, они назвали Ю-хуна, человѣка низкаго происхожденія: онъ имѣлъ слѣпого и бездарнаго отца, дурную мать, жестоко съ нимъ обращавшуюся, и высокомѣрнаго брата, и при всемъ томъ ему удалось исправить недостатки членовъ своего семейства и возстановить въ немъ спокойствіе. Царь выдалъ за этого человѣка замужъ одну изъ своихъ дочерей, и когда онъ достойнымъ образомъ выдержалъ это испытаніе и доказалъ свои способности управлять большимъ государствомъ, царь наименовалъ его своимъ преемникомъ и передалъ ему управленіе. И такъ увѣнчаніе наградою личной доблести есть основное начало китайскаго государства.

Надъ всѣми этими восточными воззрѣніями на право разительно возвышается Іисусъ Христосъ, стоя въ совершенномъ одиночествѣ, и потому часто непонимаемый даже своими учениками, да и въ настоящее время еще мало понятый. Спаситель сдѣлалъ то, чего никто на востокѣ не считалъ возможнымъ и чего до сихъ поръ ни одинъ

изъ восточныхъ народовъ не понимаетъ: высказалъ отдѣленіе религіи и нравственности отъ права. Конечно, римляне предшествовали Ему во времени и самъ Христосъ жилъ въ Римской имперіи, поэтому зналъ о существованіи римскаго права; но Онъ самостоятельно призналъ противоположность права и нравственности, не какъ римляне, исходившіе изъ принципа права, а исходя изъ нравственной точки зрѣнія. Онъ оставилъ право, какъ оно есть, съ его достоинствами и недостатками, и въ этомъ смыслѣ поставилъ себя только въ отрицательное, безразличное отношеніе къ понятію о правѣ: Онъ смотрѣлъ на право, какъ на что-то совершенно чуждое Его призванію. Лично Онъ подчинялся іудейскимъ и римскимъ законоположеніямъ и не покушался дѣлать въ нихъ какихъ-либо измѣненій. Онъ признавалъ римское имперское право государственнымъ (кесаревымъ), и не считалъ себя въ правѣ измѣнить его или объявить недѣйствительнымъ. Даже Онъ не касался рабства, какъ признаннаго юридическаго учрежденія. Высказавши множество въ высшей степени важныхъ нравственныхъ законовъ, Онъ не далъ ни одного закона юридическаго. Онъ не былъ законодателемъ, какъ Моисей, боясь возмутить чистоту своего нравственнаго закона и ослабить его силу примѣсью мірского права. Онъ даже находилъ излишнимъ послѣднее въ томъ случаѣ, еслибы божественно-человѣческая нравственность по истинѣ проникала всю человѣческую жизнь въ своемъ безпрепятственномъ теченіи. Заповѣдь любви можетъ смягчить неподвижную и холодную форму права, и еслибы всякій вполнѣ ощущалъ и примѣнялъ на практикѣ эту любовь, тогда человѣческое правосудіе сталобы въ самомъ дѣлѣ излишнимъ.

Поэтому, по смыслу христіанскаго ученія, хотя дѣйствительно и существуетъ особая христіанская нравственность, которая наполняетъ и превосходитъ юридическій

законъ, и хотя христіанство имѣло огромное посредственное вліяніе на позднѣйшее развитіе права, но въ смыслѣ правовѣдѣнія, какъ науки, нѣтъ особаго христіанскаго права.

—

ВТОРАЯ ЛЕКЦІЯ.

Основная мысль всего восточнаго права вообще та, что право основывается на божественномъ авторитетѣ, есть законъ божества. Различные народы отличаются другъ отъ друга только въ понятіи и принятіи этого божественнаго откровенія. Іудеи и Арабы принимаютъ его съ религіознымъ довѣріемъ отъ людей, которыхъ они признаютъ просвѣтленными Богомъ пророками; движущая сила іудейства есть страхъ Божій, а магометанства — вѣра въ Бога. Напротивъ, индійцы и китайцы получаютъ свое откровеніе философскимъ путемъ: они стремятся познать право мышленіемъ. Для достиженія этой цѣли, индійцы углубляются въ божественный духъ: изъ познанія божества хотятъ объяснить себѣ право. Китайцы же выходятъ изъ сознанія человѣческой природы, въ которой открывается божественная мысль.

Развитіе права принимаетъ совсѣмъ другое направленіе на западѣ. Въ Европѣ оно опредѣляется иною основною мыслью. Здѣсь мы опять встрѣчаемъ два народа, имѣвшіе и теперь еще имѣющіе всемірно-историческое вліяніе на образованіе права, — это римляне и германцы.

Греки имѣютъ въ этомъ отношеніи небольшое значеніе. Они приготовляютъ европейское развитіе права и составляютъ собою переходъ отъ востока къ римлянамъ. Извѣстно, что въ Греціи существовало много небольшихъ государствъ, которыя въ сущности были только

города. Граждане этихъ городовъ-государствъ стали человѣчески понимать и образованіе государства; вообще человѣческая свобода разцвѣтаетъ въ греческой жизни. Хотя еще Платонъ старался укрѣпить и обновить прежнее вѣрованіе, что все устроеніе государствъ есть божественное откровеніе; но греки его времени уже совсѣмъ потеряли это вѣрованіе въ практикѣ демократической государственной жизни. Собственно для науки о государствѣ греки сдѣлали много важнаго: Аристотель, величайшій изъ ученыхъ всѣхъ временъ, еще до сихъ поръ занимаетъ одно изъ первыхъ и славныхъ мѣстъ въ дѣлѣ государственной науки. Но относительно права въ собственномъ смыслѣ, заслуги грековъ весьма незначительны. Они никогда не понимали различія между правомъ и нравственностью, и даже ихъ ученіе о государствѣ не дѣлаетъ различія между государственнымъ правомъ и политикою; это ученіе разрѣшается въ политикѣ, какъ вообще право въ нравственности. Равнымъ образомъ, они никогда не понимали надлежащимъ образомъ различія между публичнымъ и частнымъ правомъ. Имъ было нипочемъ образовать какое угодно частное право по образцу государства, и вторженіе ихъ въ права семейства было таково, что семейство, по своей сущности, не можетъ его выдержать. До какой степени несовершенно греческое ученіе о правѣ, видно уже изъ того, что въ греческомъ языкѣ нѣтъ слова, обозначающаго понятіе права. Въ Греціи не существовало и правовѣдѣнія, какъ особой науки.

Съ римлянъ въ первый разъ начинается болѣе глубокое познаніе натуры права. Они были основателями европейскаго развитія права. Римляне были одарены двумя преимуществами для этого творчества: во-первыхъ, энергическимъ характеромъ и во-вторыхъ духовнымъ уразумѣніемъ практическихъ потребностей человѣка.

Замѣчательное различіе въ развитіи римскаго права отъ прежнихъ восточныхъ народовъ видно уже въ томъ, что у римлянъ нѣтъ болѣе пророковъ или великихъ геніевъ, какъ провозвѣстниковъ закона и законодателей, предъ которыми всѣ прочіе законодатели исчезаютъ; римское право не есть дѣло одного человѣка и одного момента времени; напротивъ, на него, въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ, дѣйствуетъ цѣлый рядъ государственныхъ мужей. Римскіе цари, консулы, преторы, эдилы, императоры и множество римскихъ юристовъ, всѣ трудились надъ устройствомъ великаго зданія, назначеніе котораго было дать народамъ безопасность, а государству—величіе и могущество, и которое было такъ крѣпко, что отчасти пережило паденіе Римской имперіи.

Хотя первые начатки римскаго права имѣютъ въ себѣ много сроднаго отчасти съ греческимъ нравственнымъ правомъ, отчасти даже съ божественнымъ правомъ восточныхъ народовъ; но мало по малу римляне вырабатываются изъ нихъ и самостоятельно идутъ къ выраженію человѣческаго, государственнаго законодательства. Они не стремятся уже, подобно Востоку, осуществить идеальное царство божіе, но реальное-римское; равнымъ образомъ они не заботятся въ сферѣ права о будущей жизни, но о жизни на землѣ. Поэтому здѣсь опредѣляющимъ авторитетомъ является уже не божество, а народъ римскій.

Римляне первые установили тѣ великіе отдѣлы, на которыхъ основывается всякое постепенное и окончательное развитіе права. Сперва отдѣлили они право отъ религіи. До тѣхъ поръ ни одинъ народъ не осмѣливался такъ энергически, какъ римляне, отрѣшить человѣческое право отъ религіознаго покрова и владычества. Они сдѣлали это ни какъ не вслѣдствіе недостатка религіозности—между всѣми западными народами, римляне извѣстны какъ самые благочестивые,—но по чувству, от-

части сознательному, отчасти безсознательному, что право, установляемое и сохраняемое народами, есть и должно быть чѣмъ-то другимъ, нежели право, установляемое и сохраняемое божествомъ, и что вовсе не дѣло человѣка отправлять на землѣ божественное правосудіе. Они строго соблюдали это различіе, даже въ той области, гдѣ близкое соприкосновеніе неминуемо — въ такъ называемомъ jus sacrum, священномъ правѣ. По римскимъ понятіямъ, и оно есть отчасти римское публичное право (jus publicum), и потому установленное авторитетомъ народа, а не богами. Отношеніе римскаго законодательства къ іудейскому совершенно обратное. Божескій законъ, который Моисей возвѣстилъ іудеямъ, былъ предложенъ на соглашеніе іудейскому народу для того, чтобъ никто не могъ опровергать его обязательной силы; напротивъ, для закона римскаго народа, было напередъ испрошено разрѣшеніе боговъ, съ цѣлью дать удовлетвореніе религіозному чувству.

Но еще важнѣе различіе между правомъ и нравственностью, впервые признанное и проведенное римлянами, или, лучше сказать, исключеніе права изъ нравственности. Равнымъ образомъ и здѣсь было бы совершенно ошибочно приписывать римлянамъ мысль, будто бы они считали источникомъ всякаго права одинъ, даже неосновательный произволъ римскаго народа. Римляне—это былъ народъ съ великою нравственною энергіею,—и въ самомъ дѣлѣ, только народъ съ такимъ нравственнымъ характеромъ могъ отважиться на такое исключеніе права изъ нравственности; только такой народъ былъ въ состояніи большую часть своихъ нравственныхъ мыслей отлить въ твердую форму права и возвести въ законъ. И такъ насколько нравственныя основоположенія облекались въ форму права, настолько они соблюдались государствомъ и охранялись судомъ; насколько же они

не перешли въ право, настолько предоставлены были свободѣ обычаевъ. Такимъ образомъ часть нравственности, формулированная какъ законъ, была отрѣшена отъ неопредѣленной жизни чувствованій, и укрѣпилась на твердыхъ основаніяхъ.

У римлянъ было удивительно тонкое чувство для распознаванія того, что̀ должно быть отлито въ форму права, отъ того, что̀ слѣдуетъ предоставить свободѣ обычаевъ; названіе такта слишкомъ низко для обозначенія этого чувства права. При этомъ распознаваніи, они вѣрно понимали предметъ даже и въ цѣломъ. Не смотря на то, у нихъ не было яснаго, научнаго сознанія принциповъ различія. Даже въ позднѣйшей, классической юриспруденціи мы тщетно стали бы искать основного разъясненія этого предмета. На вопросъ: что̀ такое право въ отличіе отъ нравственности?—они даютъ вѣрные отвѣты въ самомъ развитіи права, но въ теоріи или совсѣмъ умалчиваютъ объ этомъ, или же отвѣты ихъ невѣрны. Такъ напр. Ульпіанъ, одинъ изъ самыхъ ясныхъ и знаменитыхъ римскихъ юристовъ, опредѣляетъ правовѣденіе какъ «познаніе божескихъ и человѣческихъ вещей, какъ науку о справедливомъ и несправедливомъ», и выражаетъ, какъ главныя предписанія права: «жить честно, не вредить другому и каждому отдавать должное.» Но такъ могъ сказать и грекъ, не понимающій различія между нравственностью и правомъ. Для римлянина такое объясненіе ложно.

Наконецъ римляне также первые разъяснили противоположность между публичнымъ и частнымъ правомъ. На этомъ различіи, существеннымъ образомъ, основано, съ одной стороны, единство, величіе, могущество государства, съ другой—самостоятельность каждаго лица и свобода частной жизни, даже въ отношеніи къ государству.

Всѣ эти великія различія римляне установили сперва въ національно-римскомъ духѣ и формѣ. Они были ис-

полнены и проникнуты возвышеннымъ сознаніемъ значенія Рима: владычество Рима надъ міромъ было единственною мыслью, которою все держалось. Воля римскаго народа, въ предположеніи, что она правомѣрна и справедлива, была всерѣшающимъ авторитетомъ. Право есть jus, т. е. народное велѣніе, и вмѣстѣ съ этимъ то же самое слово означало охрану права, которую осуществляли римскіе сановники, слѣдовательно—приведеніе въ исполненіе права. Самые главные источники права—законъ и эдиктъ. Уже позднѣе появляется на сцену, какъ дополненіе, преимущественно научнымъ путемъ, справедливость—aequitas—юридическое начало, установляемое свойствомъ данныхъ обстоятельствъ. Позднѣе также римляне, изъ національно-формальной ограниченности, постепенно возвысились до общечеловѣческихъ основныхъ понятій и учрежденій. Но всегда продолжало это развитіе исходить изъ Рима; отсюда римляне всматривались, здоровымъ, практическимъ взглядомъ, въ потребности человѣчества и такимъ образомъ уясняли себѣ законы, необходимые для устроенныхъ человѣческихъ обществъ.

Можно сказать, что римское право было приспособлено для управленія міромъ. Во всѣхъ римскихъ понятіяхъ есть какое-то сосредоточенное единство и особенная сила, которая могла распространяться на всѣ стороны периферіи. Здѣсь всѣ учрежденія имѣютъ въ себѣ нѣчто безусловное. Повсюду встрѣчаемъ мы безусловную власть, которая ограничивается только другою подобною властью. Безусловному праву одного гражданина противупоставлено точно такое же право другихъ гражданъ, и безусловное право одного сановника умѣряется такимъ же правомъ равнаго ему или высшаго сановника, и наконецъ самого народа. Твердая, ясная форма и какъ бы математически опредѣлительныя выраженія, бронзовый, такъ сказать, языкъ римскаго права, въ значительной степени

способствовали распространенію и утвержденію его владычества.

Но выразили ли дѣйствительно римляне общечеловѣческое право и законъ, въ которомъ нуждаются люди? Ни одинъ народъ въ исторіи не былъ щедрѣе ихъ одаренъ природою для выполненія этой задачи; римляне серьіозно стремились къ этой цѣли; они преодолѣли самыя огромныя трудности, и для осуществленія этой идеи, сдѣлали больше, нежели какой-нибудь другой народъ. Они положили вѣчныя основы и высказали въ самой ясной формѣ многія высочайшія и неизмѣнныя юридическія истины. Все послѣдующее потомство, для своего воспитанія, будетъ имѣть потребность въ римской юридической культурѣ. Но, не смотря на все это, на вышесказанный вопросъ мы, не колеблясь, должны отвѣчать отрицательно. Римская имперія была колоссальною и до сихъ поръ наиболѣе удачною попыткою всемірнаго устройства человѣчества, и все-таки это всемірное владычество не имѣло прочности. Надъ нимъ всемірная исторія произнесла уже свой приговоръ. Римское право не могло воспрепятствовать внутреннему упадку римскихъ правовъ, и Римская имперія была раздроблена на части сильными ударами германцевъ.

Въ самомъ дѣлѣ, римскому праву недостаетъ чего-то весьма существеннаго для того, чтобъ сдѣлать его удовлетворительнымъ на долгое время. Внутри его таится, какъ злой червь, глубокій нравственный порокъ. При всемъ величіи и высотѣ римскаго права, при всѣхъ его преимуществахъ, проходитъ чрезъ всѣ его учрежденія дурная черта безнравственнаго, неограниченнаго властолюбія, неуважающаго и часто нарушающаго естественное право. Поэтому строго отличая государство отъ права, римляне не всегда попадали на правильное отношеніе ихъ одного къ другому. Они часто доводили

до противорѣчія законную ихъ противоположность, и холодныя, безпощадныя формы права обращали въ мертвое оружіе, наносившее тяжкіе удары живой нравственности. Правда, что недостатки въ формулированіи права, въ продолженіе нѣкотораго времени, восполнялись и исправлялись добрыми правами; по крайней мѣрѣ, въ извѣстные періоды римской исторіи, общественное мнѣніе приходило на помощь противъ злоупотребленія юридическаго формализма, а цензура, съ своей стороны, укрѣпляла значеніе и силу добрыхъ правовъ. Но это уже недостатокъ самаго права, когда выраженіе его становится въ рѣшительное противорѣчіе съ здравою нравственностью и естественными отношеніями. Поясним это нѣсколькими примѣрами. Если по римскому праву отецъ, пока онъ живъ, пользуется неограниченною властью надъ своимъ сыномъ, даже надъ совершеннолѣтнимъ, вполнѣ развившимся сыномъ, то не только безнравственно продолжать пользоваться такимъ правомъ надъ взрослымъ сыномъ, но здѣсь несправедливость выдается за отцовское право, потому что совершеннолѣтній сынъ есть дѣйствительно самостоятельное существо, и, слѣдовательно, имѣетъ право на то, чтобъ его таковымъ признавали. Далѣе, если римляне позволяли всякому, не обращая вниманія на свое семейство, завѣщать все свое имущество кому угодно, то и это право есть несправедливость противъ семейства, и въ особенности противъ дѣтей, которые, по своему происхожденію отъ родителей, имѣютъ естественное право наслѣдовать какъ жизнь, такъ и имущество своихъ родителей. Если наконецъ римляне, съ страшною жестокостью, предоставляли господину безграничную власть надъ рабомъ, объявивъ его просто вещью, подобно куску дерева, то это опять не только безнравственно, но и несправедливо, потому что здѣсь не признана естественная личность, а вмѣстѣ съ тѣмъ

не признано и человѣческое право. Правда, римляне сами ощущали это противорѣчіе, и въ особенности въ послѣдующее время своего развитія всячески старались умѣрить жестокость юридической формы посредствомъ нравственныхъ понятій о справедливости; — въ этомъ отношеніи римское правовѣдѣніе оказало величайшія заслуги; но если римляне впослѣдствіи и исправили нѣкоторыя самыя вредныя учрежденія, то все-таки въ цѣломъ эти исправленія были скорѣе ослабленіемъ старыхъ ложныхъ началъ, нежели преобразованіемъ ихъ въ новыя, здравыя начала.

Міру нуженъ былъ энергическій протестъ противъ означенныхъ недостатковъ. Римскій міръ долженъ былъ обновиться и оплодотвориться болѣе свѣжею и здоровою кровью, болѣе сильною нравственностью и болѣе нравственными основаніями права. Это призваніе выпало на долю германцевъ. Они должны были очистить нравственно и облагородить испорченный юридическій бытъ. Были ли они способны рѣшить эту трудную задачу?

Первоначально германцы не дѣлали рѣзкаго различія между религіею и правомъ, тѣмъ менѣе между нравственностью и правомъ, хотя съ самаго начала они ближе къ такому различенію, нежели какой-нибудь другой не римскій народъ, и потому легко понимаютъ эти различія.

Для нихъ также не ясна противоположность между публичнымъ и частнымъ правомъ. Въ этомъ отношеніи представленія ихъ имѣютъ много сходнаго съ представленіями грековъ.

Но уже съ самаго начала, прежде чѣмъ къ нимъ проникла римская образованность, германцы выказываютъ очень живое чувство права и энергическую рѣшимость стоять за сознанное право противъ всякаго. Хотя въ началѣ внутреннее ихъ направленіе было противугосударственное, но уже искони они уважали собранія свобод-

ныхъ людей для обсужденія и охраненія права. И боги ихъ такимъ же образомъ сходятся для совѣщанія и суда. Верховное божество ихъ, Одинъ, есть вмѣстѣ и высшій судья; злой Локки, брань котораго всегда направлена противъ того пункта, гдѣ боги считали себя наиболѣе превосходными, не можетъ изобрѣсти для Одина чувствительнѣйшаго оскорбленія, какъ назвавъ его плохимъ судьей, «который часто даетъ побѣду дурному человѣку надъ хорошимъ.» Равнымъ образомъ, любимецъ боговъ и людей, богъ свѣта, Балдуръ, прославляется всѣми, какъ величайшій знатокъ права и самый справедливый судья. Народъ, который такъ представляетъ себѣ боговъ, носитъ въ сердцѣ своемъ рѣшительный юридическій смыслъ.

Но идеалъ германцевъ другой, чѣмъ римлянъ. Идеалъ римлянъ былъ владычество Рима надъ всѣмъ міромъ, а право было для нихъ только средствомъ для осуществленія этого идеала. Напротивъ, идеалъ германцевъ не всемірное владычество, но всемірный міръ, т. е. совершенно свободное пользованіе и наслажденіе тѣмъ правомъ, какое кто имѣетъ.

Германцы особенно были способны оказать всемірно-историческое вліяніе на дальнѣйшее развитіе права преимущественно двумя своими качествами.

Во-первыхъ у нихъ было сильное нравственное природное чувство. Желая найти право, они обращались прежде всего съ вопросомъ не къ волѣ божества, какъ восточные народы, а къ природѣ людей и вещей. Право ихъ не есть дѣло ни законодателя, открывающаго божественную волю, ни человѣческаго произвола, но основано на самой природѣ. Всякое существо заключаетъ право въ себѣ, какъ оно есть. Востолько оно имѣетъ права, восколько есть въ его натурѣ нравственнаго достоинства и содержанія. Поэтому германское право есть

правильное устройство естественно-нравственныхъ отношеній. Потому то оно не установляется и не предписывается, какъ jus римлянъ, но ищется и черпается изъ родника природы. У римлянъ законъ и эдикты сановниковъ считаются самыми главными и первыми источниками права, потомъ привходитъ правовѣдѣніе и наконецъ является, какъ дополненіе, обычай. Напротивъ, германцы прежде всего и преимущественно обращаютъ вниманіе на обычай. Право намъ врождено и развивается правами и практикою. Уже на второмъ планѣ выступаютъ, какъ восполненіе этого права, постановленія сотоварищей и народа. Обычное право имѣетъ преобладающее значеніе. Потому-то германское право есть «найденное и указанное право»; его ищутъ въ своемъ сердцѣ, въ совѣсти, по старинному, часто употреблявшемуся уподобленію, оно «черпается», какъ изъ родника. Такимъ образомъ прежде всего оно сознается, а не предписывается заранѣе.

Вслѣдствіе этого, здѣсь возстановилась внутренняя связь права съ природою и народною жизнью, и съ добрыми народными нравами, связь, отчасти расторгнутая римскимъ развитіемъ права. Понятіе о лицѣ римляне первые отлили въ отвлеченную форму; но уже германцы наполнили эту форму надлежащимъ содержаніемъ, и положительнымъ образомъ признали нравственное достоинство и духовную свободу личности. Поэтому хотя отцу и предоставлена была у нихъ высшая власть надъ сыномъ, но не безграничная, ибо и личность сына должна была получить признаніе. Даже собственный рабъ не кажется германцу совершенно безправнымъ существомъ, ибо и онъ также человѣкъ, и, какъ человѣкъ, имѣетъ родителей, родственниковъ, даже можетъ пріобрѣтать имущество. Конечно, онъ есть низко стоящее, отчуждаемое, насильственно подавленное существо, и

находитъ ограниченную охрану правъ своихъ только въ личности господина, но съ относительною безправностью соединяется въ немъ и относительная правоспособность. И въ самомъ дѣлѣ, германскіе средніе вѣка развивали этотъ зародышъ права и свободы, пока наконецъ всѣ несвободные классы стали свободными.

Въ германцахъ есть еще другая черта характера, имѣвшая величайшее вліяніе на развитіе права. Искони они отличались чрезвычайно сильнымъ чувствомъ собственнаго достоинства. Конечно, чувство это, въ своей односторонности, такой же опасный недостатокъ въ характерѣ германцевъ, какъ у римлянъ властолюбіе. Негосударственное своеправіе и неуступчивый партикуляризмъ всякаго особеннаго и узкаго кружка коренятся въ этомъ чувствѣ и мѣшаютъ государственному единенію. Этою болѣзнью постоянно страдаетъ Германія, чрезъ всѣ средніе вѣка и до новѣйшаго времени.

Но въ чувствѣ собственнаго достоинства есть также и здоровое, превосходное зерно. Обладая этимъ чувствомъ, германцы во всякое время готовы защищать свое право; они стоятъ за права свои, каждый за себя, и каждый въ соединеніи со своими товарищами. За нихъ они не боятся борьбы ни съ другими людьми, ни даже съ богами. Германецъ до послѣдней крайности защищаетъ свое право и такимъ образомъ отражаетъ угнетеніе. Въ древнія времена это самоуправство конечно выражается иногда въ грубыхъ формахъ. Оно проникаетъ даже въ судебныя мѣста и прибѣгаетъ къ военному оружію въ формѣ судебныхъ поединковъ. Правда, это варварство, но эта грубая, варварская скорлупа заключаетъ въ себѣ благородное зерно. Здѣсь опять проявляется достоинство и сила личности.

Исходя изъ этого чувства собственнаго достоинства, личная независимость, даже отъ государства, должна

была сдѣлать огромные успѣхи. Вслѣдствіе этого, благодаря германцамъ, частное право стало свободно, а еще болѣе подверглось совершенному преобразованію право публичное. Германцы научились отъ римлянъ единству государства, но они сняли съ государственнаго права римскій деспотизмъ; они ограничили абсолютную власть государства правами и льготами отдѣльныхъ состояній, классовъ, товариществъ, семействъ и индивидовъ. Римское абсолютное государство миновало; болѣе благородное, представительное государство, отдающее должное цѣлому и частямъ, обязано своимъ происхожденіемъ вліянію германскаго характера. Въ этомъ отношеніи англичане гораздо болѣе сдѣлали для міра, нежели римляне.

Въ средніе вѣка видимъ мы, въ продолженіе нѣкотораго времени, смѣшеніе и броженіе римскихъ и германскихъ воззрѣній и элементовъ. Все средневѣковое развитіе права условливается борьбою и взаимнымъ проникновеніемъ и отчасти разрушеніемъ обоихъ правъ. Смѣсь и путаница публичнаго и частнаго права, римское различіе которыхъ германцы менѣе всего понимали, вмѣстѣ съ леннымъ правомъ, совершенно взяли верхъ. Сюда привзошелъ еще третій элементъ, который, по видимому, даже одержалъ побѣду надъ двумя другими,— это теологическимотивированное каноническое право. Въ недавнее время сдѣлана была и въ Европѣ попытка осуществить на землѣ то, что называли божественнымъ правомъ. Казалось, что европейскіе народы должны были снова погрузиться въ Восточное несовершеннолѣтіе. Но это былъ только призракъ. Къ такому полному смѣшенію понятій, какъ на востокѣ, европейское человѣчество никогда придти не можетъ. Человѣчность права и судопроизводства слишкомъ твердо вкоренилась въ европейскіе нравы и сдѣлалась слишкомъ ясною въ европейскомъ сознаніи. Въ доказательство этого, достаточно напомнить одинъ только

фактъ. Отъ 13 столѣтія мы имѣемъ два юридическихъ сборника, авторы которыхъ отправляются отъ политически-различныхъ точекъ зрѣнія. Саксонское зерцало рыцаря Эйке ф. Репкова задумано рѣшительно съ императорской точки зрѣнія. Въ Швабскомъ зерцалѣ, составленномъ, по всей вѣроятности, духовнымъ лицомъ, преобладаетъ взглядъ церковной партіи. Къ тому времени, когда составлялось Швабское зерцало, была также рѣшена побѣда папской власти надъ императорскою, и авторитетъ папы былъ безспорно самымъ сильнымъ въ Европѣ. Однакоже оба сборника согласно высказываютъ слѣдующее положеніе:

«Папа не долженъ издавать такихъ законовъ, которые бы могли оскорблять наше земское или ленное право.» И такъ даже въ то время была рѣшительно защищаема самостоятельность свѣтскаго права и противъ самой высшей духовной власти,—вѣрный признакъ того, что какъ ни велико было смѣшеніе противоположностей, однако главный вопросъ получилъ уже свое всемірно-историческое разрѣшеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, это смѣшеніе въ средніе вѣка было необходимо. Если должна была развиться впослѣдствіи высшая жизнь, то различныя начала древняго міра должны были прежде прійти во взаимное соприкосновеніе, притяженіе и оттолкновеніе, должны были проникнуться одинъ другимъ. Новый міръ именно потому болѣе развитъ и потому достигъ высшей ступени, въ сравненіи со всѣми прежними всемірно-историческими періодами, что онъ принялъ въ себя самыя разнообразныя противоположности и переработалъ ихъ. Наша цивилизація стоитъ не на одной только римской почвѣ, ни на германской, ни даже на одной европейской основѣ: корни своей жизни имѣетъ она и на Востокѣ. Все великое, выработанное всемірною исторіею, она стремится усвоить себѣ и от-

дать справедливость всѣмъ требованіямъ, стараясь самыя обильныя противуположности привести въ новое гармоническое единство.

Взглянемъ еще разъ на тотъ длинный историческій путь, который мы оставили за собою, и поищемъ теперь снова отвѣта на вопросъ: что̀ такое право?

Востокъ и Западъ согласны въ одномъ: оба они признаютъ право нравственнымъ порядкомъ между людьми. Хотя Востокъ понимаетъ право преимущественно какъ божественный порядокъ, а Западъ какъ человѣческій, однако же и Востокъ не совершенно отрицаетъ, что есть также и человѣческое право, отличное отъ божественнаго. Слѣды этого находятся повсюду; только Востокъ не уяснилъ себѣ этого достаточнымъ образомъ: онъ вѣритъ только, что человѣческое право можетъ облекаться божескимъ величіемъ и возвѣщаться въ божественной формѣ.

Съ своей стороны и Западъ не отвергаетъ существованія божественнаго права, а говоритъ только: «Мы, какъ человѣческіе законодатели и судьи, не призваны установлять и приводить въ исполненіе божественное право; право, которое мы предписываемъ и по которому судимъ, должно быть человѣческое, потому что мы—люди.»

Если размыслимъ объ этомъ, какъ слѣдуетъ, то для насъ первоначальный вопросъ—что̀ такое право?—распадается на два вопроса: 1, что̀ такое божественное право? и 2, что̀ такое человѣческое право?

Размышляя о божественномъ правѣ, мы должны стараться, по возможности, вдуматься въ божественную сущность. Основаніе божественнаго права можетъ быть только въ Божествѣ. Если мы представляемъ себѣ Божество въ его внутренней, нравственной гармоніи и въ его нравственныхъ отношеніяхъ къ творенію и къ людямъ,

то мы вмѣстѣ представляемъ себѣ, насколько можемъ, и божественное право. Для самого же Божества, нѣтъ никакого закона, который бы былъ внѣ его или выше его. Нравственное устройство Его сущности и жизни въ Немъ самомъ, есть Его правда. Только для людей становится оно закономъ, который выше ихъ и управляетъ ими. Самъ Богъ есть правда въ высочайшемъ смыслѣ, именно въ той мѣрѣ, въ какой Онъ есть безусловно-нравственное существо, и въ тоже время Богъ есть правосудіе, управляя всѣмъ твореніемъ по Своей правдѣ и приводя ее въ исполненіе. Правосудіе Божіе есть развитіе и осуществленіе божественнаго права.

Представляя себѣ это божественное право, мы не можемъ найти никакого существеннаго отличія его отъ нравственности. Божественное право и нравственность, т. е. нравственный порядокъ міра, составляютъ одно и тоже. А потому Востокъ, понимая право какъ божественное право, не могъ отличать право отъ нравственности, и для насъ теперь становится яснымъ, какимъ образомъ онъ соединялъ оба понятія въ одно.

Но не человѣческимъ законодателямъ установлять это божественное право; не человѣческимъ судьямъ приводить его въ исполненіе. Оно не есть право изъ области человѣческаго правовѣдѣнія. Размышляя объ этомъ, мы приходимъ къ понятію о человѣческомъ правѣ. Человѣческое право, по существу своему, ограниченно, а не безусловно, какъ божественное право. Оно есть производное и второстепенное, между тѣмъ какъ божественное право первоначальное и основное. Вслѣдствіе его ограниченности и является противуположность между человѣческимъ правомъ и нравственностью. Римляне первые поняли эту противоположность, чѣмъ оказали заслугу человѣчеству, имѣющую всемірно-историческое значеніе.

Но какое же основаніе этого различія? Не существуетъ ли также человѣческой нравственности, какъ есть человѣческое право? Къ тому же зерно всякой мысли о правѣ развѣ не нравственно, и всякое право, въ основаніи своемъ, развѣ не то же, что нравственность? Конечно, это такъ. Тѣмъ загадочнѣе становится различіе между правомъ и нравственностью. Поэтому уже нѣсколько столѣтій отношеніе человѣческаго права къ нравственности считалось однимъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ правовѣдѣнія. Теперь не время пускаться въ подробныя объясненія этого предмета; однако же нельзя обойти этого вопроса; при опредѣленіи понятія о правѣ, необходимо характеризовать различіе его отъ нравственности. Потому мнѣ остается только обрисовать нѣсколькими чертами мой взглядъ на этотъ важный вопросъ.

По моему мнѣнію, все отдѣленіе и различіе основывается на человѣческомъ самопознаніи и государственномъ самоограниченіи.

Если бы человѣкъ также обнималъ всю совокупность жизни Невидимаго духа, проникая въ самые тайники его, какъ всевѣдущій Богъ, то онъ не дѣлалъ бы различія между нравственностью и правомъ. И если бы человѣчество имѣло такую же власть надъ всѣми существами, какъ всемогущій Богъ, то оно могло бы безпрепятственно приводить въ исполненіе право, тождественное съ нравственностью. Но у человѣка нѣтъ такой проницательности и власти, а потому онъ долженъ ограничиться только тѣмъ, чтобъ извѣстную часть мірового нравственнаго порядка отлить въ форму юридическаго, правомѣрнаго порядка, и быть судьею этой части.

Къ такому отдѣленію ведутъ человѣка преимущественно двѣ причины.

Во-первыхъ, приговоръ человѣка тамъ только бываетъ совершенно вѣренъ, гдѣ человѣкъ можетъ познавать духъ

въ опредѣленной формѣ; напротивъ, на него совершенно нельзя положиться въ томъ случаѣ, если духъ не получилъ внѣшняго выраженія. — Потому только такой нравственный порядокъ, который познается черезъ форму и понимается въ формѣ, можетъ быть установленъ какъ правомѣрный порядокъ. Вслѣдствіе этого, всякое право (человѣчески понимаемое), имѣетъ въ себѣ нѣчто осязательное, тѣлесное. Какъ не существуетъ права безъ нравственной мысли, такъ же точно нѣтъ права безъ формы, въ который эта мысль становится видимою. Потому всякое право тѣлесно. Это выказывается, напримѣръ, въ уголовномъ правѣ. Ни одному государству не приходитъ въ голову наказывать человѣка за духовное бездѣйствіе, вслѣдствіе котораго притупляются и исчезаютъ его лучшія способности; однакоже это духовное бездѣйствіе, съ нравственной точки зрѣнія, есть одно изъ самыхъ тяжкихъ преступленій, въ какихъ только человѣкъ можетъ сдѣлаться виновнымъ. Равнымъ образомъ ни одно законодательство не наказываетъ за одни злыя мысли. Какъ бы ни были преступны мысли, возникающія въ умѣ человѣка, судья не заботится о нихъ. Но если злая мысль проявляется во внѣшнемъ видимомъ фактѣ и насильственно нарушаетъ юридическій законъ, тогда вступается государственный судья. Право имѣетъ надобность вообще въ формѣ, даже, во многихъ отношеніяхъ, въ формѣ, рѣзко опредѣленной. Если форма должна служить къ дѣйствительному охраненію нравственныхъ отношеній и живого духа, то она должна быть тверда, какъ щитъ, и остра какъ мечъ. Въ этомъ-то римляне и были великіе мастера: они умѣли превосходно ковать это оружіе права.

Отправляясь отъ этой формальной точки зрѣнія, мы исключаемъ изъ области права все относящееся только къ невидимой, внутренней жизни души и духа. Человѣческій судья сознаетъ здѣсь предѣлы своей власти, и

устройство этой жизни предоставляетъ вѣчному Судьѣ, для котораго не скрыто и все невидимое.

Другое основаніе, служащее масштабомъ для вышеозначеннаго отдѣленія, составляетъ человѣческая общественность. Человѣкъ можетъ съ увѣренностію установить только то, какъ право, и приводить въ исполненіе, что онъ видитъ въ своей общественной природѣ, что относится не къ одной только индивидуальной жизни. Право, насколько оно опредѣляется и охраняется государствомъ, есть непремѣнно нравственное установленіе общественности, будетъ ли оно установленіемъ самого государства, какъ выраженіемъ единства совокупнаго существованія людей, или же выраженіемъ отдѣльныхъ личностей, которыя, при однородномъ тѣлѣ, носятъ въ себѣ одинаковыя физическія и духовныя условія жизни. Потому право принимаетъ также и форму правила. Правило даетъ возможность самаго разнообразнаго исполненія и примѣненія его разными лицами. Судья - человѣкъ строго смотритъ только за соблюденіемъ правила, но у него нѣтъ масштаба для того, чтобъ установить порядокъ его исполненія и примѣненія. Онъ останавливается только на общемъ, что всѣмъ понятно и для всѣхъ существуетъ. Напримѣръ, какая огромная разница между различными супружествами, смотря на индивидуальное выполненіе налагаемыхъ правомъ обязанностей. Какъ много значитъ, если бракъ одушевляется личною привязанностью и взаимнымъ восполненіемъ характеровъ супруговъ, или же когда онъ заключенъ только по внѣшнимъ побужденіямъ приличія. Предъ закономъ оба эти брака совершенно равны. Человѣческое право не имѣетъ притязанія сознать и обсудить это различіе индивидуальныхъ формъ. Римляне выказали глубокое самосознаніе, истинно-нравственное самоограниченіе въ томъ, что и здѣсь также разграничили области и установили закономъ одно только общее. Въ

самомъ дѣлѣ, человѣкъ, ограничивая себя такимъ образомъ, слѣдуетъ только сотворенной природѣ, чрезъ посредство которой онъ самъ получилъ тѣлесное бытіе, и столько вѣдѣнія, и столько власти надъ другими, сколько онъ тѣлесно можетъ пріобрѣсти и понять ихъ.

Съ принятіемъ какъ божественнаго, такъ и ограниченнаго, человѣческаго права, и съ уразумѣніемъ ихъ различія, разрѣшается, по моему мнѣнію, вышеозначенное противорѣчіе между восточнымъ и западнымъ понятіемъ права, и возстановляется согласіе между обоими основными воззрѣніями. Божественное правосудіе не можетъ быть ограничено конечнымъ, человѣческимъ правомъ; съ своей стороны, человѣкъ не можетъ замѣнить Божества, потому что ему даны только человѣческія силы.

Но гдѣ существуетъ это ограниченное, человѣческое право, внутри или внѣ человѣка? Одно и то же ли оно съ человѣческимъ закономъ, или должно различаться отъ послѣдняго? Этотъ послѣдній вопросъ наводитъ насъ на противоположность между римскою и германскою идеею права.

Если бы право было только законъ, хотя и человѣческій, то оно существовало бы внѣ человѣка; въ основаніи своемъ, оно было бы чѣмъ-то мертвымъ, машиною, лишенною движенія. Какъ слово не можетъ существовать внѣ человѣка, но только внутри его, будь оно произнесено или же услышано, такъ и право имѣетъ истинную жизнь только внутри человѣка, а не внѣ его. Нравственное содержаніе, органическое образованіе, развитіе существуетъ только внутри, а не внѣ человѣка, и признавши право нравственнымъ, органическимъ, способнымъ къ историческому развитію, мы должны также признать, что оно ближайшимъ образомъ существуетъ и живетъ въ человѣкѣ и съ человѣкомъ. Законъ предполагаетъ право и есть его выраженіе и возвѣщеніе.

Слѣдовательно мы должны отличать существенное право отъ формулированнаго. Первое находится въ людяхъ и въ ихъ отношеніяхъ. Люди, какъ они есть, въ своемъ нравственно-тѣлесномъ устройствѣ, представляютъ существенное право. Но право, формулированное государствомъ какъ законъ или же формулированное наукою, есть право, выраженное людьми и выработанное для человѣческаго употребленія. Оно есть только отблескъ, отраженіе дѣйствительнаго права; это отраженіе только тогда хорошо и вѣрно, когда соотвѣтствуетъ нравственному характеру естественныхъ отношеній; если же не вѣрно изображенъ этотъ характеръ, то оно ложно. Существенное право особенно близко къ природѣ, а формулированное къ культурѣ. Первое, какъ первобытное, есть врожденное право и выростаетъ вмѣстѣ съ практикою и нравами, какъ обычное право; въ образованіи же второго бо̀льшее участіе принимаетъ сердце и умъ человѣка, по большей части оно выдуманное и пріобрѣтенное. Въ первомъ мы болѣе встрѣчаемся съ необходимостью, во второмъ со свободою; однако же первое не есть одна только необходимость, а второе—свобода, напротивъ въ обоихъ ихъ, какъ во всей жизни, необходимость соединяется со свободою.

Такъ установляется правильное отношеніе римскаго и германскаго пониманія права, и разрѣшается и это ихъ противорѣчіе. Главная заслуга римлянъ состояла въ формулированіи права, въ культурѣ права, а главная заслуга германцевъ состоитъ въ осуществленіи нравственной сущности, природы права. Но задача человѣка не въ томъ, чтобы культурою вытѣснить природу; но чтобы облагораживать ее и развивать сознательно. Въ этомъ смыслѣ, задача новаго образованія права есть развить высочайшую культуру права на основаніи истинной его природы. Право, какъ оно дано намъ природою и исторіею, исто-

рическое право, составляетъ для насъ необходимость, которую мы должны принять въ соображеніе. Но право, которое мы, по примѣру великихъ законодателей, сознаемъ въ философскихъ трудахъ, посредствомъ глубокаго мышленія о человѣческой природѣ, и которое мы, сообразно времени, обработываемъ и развиваемъ далѣе, — такое право есть дѣло нашей свободы. Такимъ образомъ и эти противоположности приводятся къ соглашенію, снимая и восполняя одна другую.

Въ заключеніе представимъ результатъ нашего изслѣдованія въ нѣсколькихъ короткихъ предложеніяхъ.

1, Всякое право есть нравственный порядокъ живыхъ существъ.

2, Богъ есть сама правда.

3, Божественное право составляетъ нравственный законъ для людей.

4, Осуществляя свое божественное право, Богъ есть сама справедливость.

5, Истинное человѣческое право находится внутри самихъ людей, какъ ихъ общій нравственно-физическій порядокъ.

6, Формулированное человѣческое право есть выраженіе и установленіе этого права посредствомъ государства и правовѣдѣнія.

7, Олицетвореніе человѣческой общности права, государство, есть человѣческое правосудіе, охраняющее и осуществляющее одно только человѣческое, а не божественное право.

VIII.

ПРОЦЕССЪ ВЪ ПАРИЖѢ НАСЛѢДНИКОВЪ КНЯГИНИ БОГРАТІОНЪ.

По случаю смерти въ 1857 г. жившей въ Парижѣ вдовы знаменитаго князя Петра Ивановича Богратіонъ, княгини Екатерины Павловны, бывшей потомъ во второмъ бракѣ за лордомъ Гоуденомъ, къ оставшемуся послѣ нея имѣнію *) предъявили права, съ одной стороны, въ качествѣ кредиторовъ, графы Антонъ и Юлій Литта, съ другой— наслѣдники: мужъ покойной, лордъ Гоуденъ, и внукъ, сынъ ея дочери, графъ Бломъ.

Права кредиторовъ основываются на четырехъ заемныхъ обязательствахъ, выданныхъ княгинею Богратіонъ въ Парижѣ, въ 1818, 1822, 1826 и 1829 г., бывшему оберъ - каммергеру Императорскаго Россійскаго Двора, графу Юлію Помпеевичу Литта, на сумму 1.086,800 р. асс., и по духовному его завѣщанію, отказанныхъ племянникамъ его, графамъ Антону и Юлію Литта.

Наслѣдники княгини Богратіонъ объявили споръ въ томъ, что хотя обязательства были выданы на имя графа Литта, но заемъ денегъ сдѣланъ княгинею Богратіонъ не у графа Литта, а у жены его, графини Екатерины Васильевны Литта, матери должницы **); что при послѣ-

*) Въ числѣ имущества княгини Богратіонъ находится принадлежащій ей въ Парижѣ отель, оцѣненный въ 742,000 фр.

**) Графиня Екатерина Васильевна Литта, урожденная Энгельгардтъ, была въ первомъ бракѣ за графомъ Скавронскимъ, отъ котораго имѣла двухъ дочерей: княгиню Богратіонъ и графиню Фонъ-деръ-Паленъ, оставившую послѣ себя дочь, графиню Самойлову.

довавшемъ, по смерти графини Литта въ 1829 году, раздѣлѣ ея имѣнія между графомъ Литта, княгинею Багратіонъ и графинею Самойловою, заемныя обязательства, какъ бывшія въ виду при распредѣленіи наслѣдственныхъ частей, должны считаться уничтоженными, и наконецъ, что въ предъявленіи ихъ ко взысканію пропущена давность.

Вслѣдствіе этого возраженія, возникъ въ парижскихъ судебныхъ мѣстахъ процессъ. Судъ первой инстанціи, найдя споръ наслѣдниковъ основательнымъ, отказалъ въ требованіи графовъ Литта. По апелляціи послѣднихъ, дѣло поступило на разсмотрѣніе Императорскаго парижскаго суда.

Рѣшеніе этого процесса основывается на разрѣшеніи главнаго въ дѣлѣ факта: дѣйствительно ли, при раздѣлѣ имѣнія графини Литта, имѣлись въ виду и были приняты въ расчетъ заемныя обязательства княгини Багратіонъ? Если отвѣчать положительно, то конечно заемныя обязательства слѣдуетъ считать уничтоженными; если же нѣтъ, то возникаетъ вопросъ юридическій: не пропущена ли, въ предъявленіи обязательствъ ко взысканію, давность?

Адвокаты той и другой стороны, во время производства дѣла, выставляли и оцѣнивали, разумѣется каждый съ своей точки зрѣнія, подлинные раздѣльные акты и переписку, происходившую между княгинею Багратіонъ, графомъ Литта и другими лицами, дѣлали выводы, и, основываясь на нихъ, представляли суду свои убѣжденія.

Результаты ихъ жаркихъ преній, направленные къ тому, чтобъ доказать, съ одной стороны, что заемныя письма княгини Багратіонъ имѣлись въ виду при раздѣлѣ имѣнія графини Литта, а съ другой стороны,—не имѣлись,—эти результаты возникли изъ разбора и опредѣленія: 1, юридическихъ отношеній, существовавшихъ между княгинею Багратіонъ и графомъ Литта со времени дачи заемныхъ

обязательствъ; 2, предметовъ и условій раздѣльнаго акта о наслѣдствѣ графини Литта, составленнаго въ 1829 году, и 3, обнаружившихся, чрезъ раздѣлъ имѣнія графини Литта, послѣдствій въ отношеніи къ заемнымъ обязательствамъ княгини Богратіонъ.

Въ этомъ порядкѣ предлагаемъ нашимъ читателямъ краткій выводъ сказаннаго и представленнаго краснорѣчивыми защитниками той и другой изъ тяжущихся сторонъ.

1. Въ выданныхъ княгинею Богратіонъ, въ 1818, 1822, 1826 и 1829 годахъ *), заемныхъ обязательствахъ сказано, что она заняла означенныя въ нихъ суммы у графа Литта; что заемъ этотъ далъ ей возможность выйти изъ затруднительнаго положенія въ дѣлахъ ея, и потому она считаетъ долгъ этотъ для себя священнымъ. Возраженій, противъ недѣйствительности актовъ, противъ того, что деньги заняты не у графа Литта, а у графини Литта, со стороны должницы въ то время представляемо не было. По содержанію актовъ, права графа Литта, какъ кредитора, не были подвержены никакому сомнѣнію.

2. Въ 1829 году, по случаю смерти графини Литта **), возникаетъ рѣчь о раздѣлѣ оставшагося послѣ нея имѣнія между графомъ Литта, княгинею Богратіонъ и графинею Самойловою. Поэтому поводу начинается между первыми двумя лицами переписка. Графъ Литта, въ письмѣ отъ 13 Марта, увѣдомляетъ княгиню Богратіонъ: «Ожидаю удобнаго случая, чтобъ отправить къ Вамъ бумаги, составленныя конторою, по приказанію моему, для того, чтобъ Вы могли имѣть вѣрныя свѣдѣнія, въ чемъ заключается наслѣдство, подлежащее раздѣлу, на счетъ недвижимаго и движимаго имѣнія, доходовъ и пр.» Въ письмѣ отъ 15 Марта: «Когда будутъ получены до-

*) Послѣднее изъ обязательствъ дано 31 Января 1829 года.

**) Графиня Литта умерла въ Февралѣ 1829.

вѣренности и когда можно будетъ приступить къ раздѣлу, тогда все приведется въ порядокъ и устроится. Не думайте, чтобъ въ этомъ дѣлѣ я рѣшился взять на себя отвѣтственность быть единственнымъ распредѣлителемъ: я увѣренъ что дѣти моей жены, которыхъ я считаю своими дѣтьми, не воспротивились бы даже и этому, но я самъ не могу на то согласиться; я понимаю свой долгъ и знаю, что живя въ этомъ мірѣ, я долженъ оградить себя отъ толковъ, сужденій, нареканій. Я обязанъ сдѣлать самую строгую и подробную повѣрку, чтобъ опредѣлить составъ наслѣдства, исчислить то, что должно подлежать раздѣлу, уравнять наслѣдственныя части и устроить управленіе имѣніемъ на будущее время» Отъ 6 Іюля 1829 года: «Въ числѣ денежныхъ суммъ, слѣдующихъ къ полученію по долговымъ актамъ, нельзя было не помѣстить суммъ, которыя были доставлены къ Вамъ въ различное время, для уплаты долговъ.—Суммы эти показаны не съ тою цѣлію, чтобъ требовать платежа ихъ или вводить ихъ въ составъ наслѣдственныхъ долей: — ни я, ни племянница Ваша не имѣемъ такого намѣренія;—суммы эти слѣдовало показать только для вѣрности счета, такъ какъ онѣ внесены въ книги и такъ какъ я не могъ умолчать о томъ, на какой предметъ онѣ были употреблены». Отъ 29 Іюля: «Все имѣніе Скавронскихъ должно быть раздѣлено на двѣ равныя части, между Вами и графинею Самойловою; на мою же долю приходится около двухъ сотъ душъ, составляющихъ седьмую часть изъ седьмой указной части, слѣдовавшей Вашей матери; на тѣмъ же основаніи будутъ раздѣлены земли, находящіяся въ Польшѣ, и имѣнія благопріобрѣтенныя, за исключеніемъ седьмой части, которая по закону слѣдуетъ мнѣ, какъ мужу; но и эту часть я не хочу принять въ собственность, а буду пользоваться ею только въ продолженіе моей жизни, и въ свое время

сдѣлаю распоряженіе, чтобъ часть эта, по смерти моей, досталась также Вамъ.»

Въ Августѣ 1829 года былъ совершенъ раздѣльный актъ. Содержаніе его, относительно заемныхъ обязательствъ княгини Богратіонъ, не опредѣлительно. Если бы въ этомъ отношеніи изложеніе акта было точно, то конечно не могло бы возникнуть и настоящаго процесса. Въ § 7 раздѣльнаго акта, между движимостью, оставшеюся послѣ графини Литта, исчисляются «экипажи, слѣдующія къ полученію по заемнымъ обязательствамъ суммы, доходы съ имѣній за послѣдніе годы». Въ § 14 графъ Литта «принимаетъ на себя обязанность обезпечить платежи по нѣкоторымъ заемнымъ актамъ (выданнымъ большею частью на его имя), также и княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ Богратіонъ въ 250,000 руб., которой онъ обязуется уплачивать ежегодно проценты съ означенной суммы.»

Послѣ совершенія раздѣла, княгиня Богратіонъ обращалась къ повѣренному своему съ вопросомъ: слѣдуетъ ли считать уничтоженными, на основаніи раздѣльнаго акта, данныя ею графу Литта заемныя обязательства? Отвѣтъ повѣреннаго былъ тотъ, что, по мнѣнію его, обязательства должно считать уничтоженными, на томъ основаніи, что часть имѣнія, служившая ихъ обезпеченіемъ, досталась ей; а какъ имѣніе это находится въ залогѣ Опекунскаго Совѣта, то согласно раздѣлу, перешелъ къ ней только долгъ Совѣту въ 422,800 руб., съ котораго она обязана уплачивать ежегодные проценты по 33,824 руб.

Въ 1833 году былъ составленъ дополнительный раздѣлъ имуществамъ, невошедшимъ въ составъ перваго раздѣла. Участвующіе въ раздѣлѣ, подтвердивъ, что каждый изъ нихъ вполнѣ получилъ по первому раздѣлу слѣдовавшую ему часть, обязались, какъ за себя, такъ и за на-

слѣдниковъ своихъ, никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не предъявлять ни спора, ни какого-либо возраженія относительно этого предмета.

Изъ содержанія означенныхъ актовъ адвокатъ графовъ Литта выводитъ, что въ раздѣльныхъ актахъ умолчано съ намѣреніемъ о заемныхъ обязательствахъ княгини Богратіонъ, чтобъ не обременять ее въ то время требованіемъ платежа; но что никакъ нельзя считать, чтобъ обязательства были признаны ничтожными, такъ какъ объ этомъ въ раздѣлѣ не упомянуто.

Адвокатъ наслѣдниковъ, ссылаясь на письмо графа Литта отъ 6 Іюля, утверждаетъ, что, по смыслу приведенныхъ въ немъ выраженій, графъ Литта призналъ долгъ княгини Богратіонъ несуществующимъ.

3. Съ 1834 года въ перепискѣ графа Литта съ княгинею Богратіонъ обнаружилась протестація со стороны перваго о томъ, что онъ нисколько не считалъ заемныя обязательства уничтоженными при совершеніи раздѣла, но всегда сохранялъ за собою право кредитора, въ подтвержденіе чего приводилъ, что самые акты остались въ его рукахъ. Въ 1835 году графъ Литта составилъ духовное завѣщаніе, которымъ, между прочимъ, отказалъ племянникамъ своимъ, графамъ Антону и Юлію Литта, заемныя обязательства княгини Богратіонъ, съ тѣмъ однако, чтобъ требованіе платежа по онымъ предъявлено было не прежде, какъ послѣ смерти должницы. Въ перепискѣ графа Литта съ княгинею Богратіонъ и княгинею Юсуповою, и въ замѣткѣ, данной имъ по предмету исполненія духовнаго его завѣщанія, выражается охлажденіе его къ княгинѣ Богратіонъ, явное неудовольствіе и упреки въ томъ, что княгиня Богратіонъ, послѣ раздѣла имѣнія, превратно истолковавъ содержаніе раздѣльныхъ актовъ, выразила намѣреніе уклониться отъ уплаты своего долга, ошибочно понимая, будто долгъ этотъ уже

не существуетъ, тогда какъ онъ, графъ Литта, ни въ перепискѣ, происходившей по предмету раздѣла, ни въ самыхъ раздѣльныхъ актахъ не заявилъ того, а напротивъ, всегда сохранялъ свое право на полученіе должной ему суммы.

На этихъ возраженіяхъ графа Литта преимущественно основана рѣчь адвоката со стороны кредиторовъ, направленная къ тому, чтобъ доказать, что графъ Литта всегда оставался кредиторомъ княгини Богратіонъ.

Затѣмъ утверждая, что раздѣлъ имѣнія графини Литта не уничтожилъ дѣйствительности заемныхъ обязательствъ княгини Богратіонъ, адвокатъ кредиторовъ переходитъ къ разсмотрѣнію вопроса: не пропущена ли давность въ представленіи означенныхъ обязательствъ ко взысканію? Здѣсь онъ разбираетъ различныя мнѣнія юристовъ на счетъ приложенія законовъ о давности къ обязательствамъ.

Нѣкоторые говорятъ, что давность слѣдуетъ примѣнять по законамъ того мѣста, гдѣ должникъ имѣетъ пребываніе; другіе держатся противнаго мнѣнія, т. е. что давность должна быть подводима по законамъ, дѣйствующимъ въ мѣстѣ жительства кредитора; третьи принимаютъ давность, дѣйствующую въ мѣстѣ нахожденія должника во время исполненія обязательства; наконецъ четвертые обращаются къ законамъ о давности того мѣста, гдѣ совершено обязательство. Не раздѣляя первыхъ трехъ мнѣній, адвокатъ останавливается на послѣднемъ. Въ этомъ случаѣ онъ опирается на авторитетъ Савиньи, который подчиняетъ обязателъства законамъ того мѣста, гдѣ они совершены, на томъ основаніи, что если при совершеніи обязательства, оно условливается требованіями и предписаніями мѣстнаго закона, то и въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ по обязателъству, значитъ и въ признаніи обязательства ничтожнымъ по случаю наступленія давности, обязательства должны быть подводимы подъ дѣйствіе тѣхъ

законовъ, подъ вліяніемъ которыхъ они возникли. Въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, адвокатъ ссылается на примѣрныя судебныя рѣшенія: одно Парижскаго суда, гдѣ, при разсмотрѣніи процесса о заемномъ письмѣ, данномъ въ Англіи, была принята въ основаніе давность по англійскимъ законамъ; другое Алжирскаго суда, въ которомъ, по тому же началу, рѣшено было дѣло о заемномъ письмѣ, данномъ въ Мальтѣ.

Обязательства княгини Багратіонъ даны во Франціи. Хотя они писаны на русскомъ языкѣ, но какъ не были утверждены Россійскимъ посольствомъ, то нельзя ихъ считать совершенными по обрядамъ русскихъ законовъ; имущество должницы, изъ котораго слѣдуетъ произвесть удовлетвореніе, находится во Франціи, а потому вопросъ о примѣненіи къ означеннымъ обязательствамъ давности долженъ быть разрѣшенъ на основаніи французскихъ законовъ. Но какъ въ заемныхъ обязательствахъ срокъ платежа не былъ назначенъ, то и исчисленіе давности должно начинаться не прежде, какъ со времени смерти княгини Багратіонъ, послѣдовавшей въ 1857 году, или со времени выдачи позднѣйшаго обязательства, т. е. съ 1829 года *). Въ томъ и другомъ случаѣ, говоритъ адвокатъ, давность не пропущена.

Не смотря на краснорѣчивыя доводы адвоката графовъ Литта, апелляціонный судъ **) утвердилъ рѣшеніе первой судебной инстанціи, которымъ, согласно возраженіямъ наслѣдниковъ княгини Багратіонъ, заемныя ея обязательства, выданныя графу Литта, признаны уничтоженными, за послѣдовавшимъ раздѣломъ имѣнія графини Литта, при совершеніи котораго акты эти имѣлись въ виду.

---

*) По французскимъ законамъ, для обязательствъ опредѣлена тридцати-лѣтняя давность (Code Napoleon, art. 2,262).

**) Рѣшеніе апелляціоннаго суда послѣдовало 7 Марта 1859 года.

Какъ бы слѣдовало рѣшить процессъ этотъ по русскимъ законамъ?

Въ дѣлѣ представляются слѣдующіе существенные вопросы: 1. Кого должно признавать кредиторомъ по заемнымъ обязательствамъ княгини Богратіонъ, т. е. графа или графиню Литта? 2, можно ли считать обязательства княгини Богратіонъ уничтоженными за послѣдовавшимъ въ 1829 г. раздѣломъ имѣнія графини Литта? и 3, должна ли въ настоящемъ дѣлѣ имѣть мѣсто давность?

1. Заемныя обязательства княгини Богратіонъ были выданы на имя графа Литта; спора противъ этого со стороны должницы, при жизни ея, предъявлено не было; возраженія наслѣдниковъ по этому предмету основываются на однихъ предположеніяхъ, безъ представленія фактическихъ доказательствъ *), а потому права графа Литта, какъ кредитора, не могутъ быть опровергнуты.

2, Въ раздѣльныхъ актахъ объ уничтоженіи обязательствъ княгини Богратіонъ не сказано. Письмо графа Литта отъ 6 Іюля 1829 года не можетъ служить доказательствомъ прекращенія дѣйствія обязательствъ, какъ по неточности выраженій его, такъ и потому, что если бы изъ содержанія его выводить, что графъ Литта изъявлялъ намѣреніе считать заемные акты несуществующими, то намѣреніе это осталось только однимъ предположеніемъ съ его стороны, неподтвержденнымъ ни раздѣльнымъ актомъ, ни возвращеніемъ должницѣ самыхъ актовъ. Прямого формальнаго отказа отъ своихъ правъ, какъ кредиторъ, графъ Литта не сдѣлалъ.

3, Но сохранилъ ли онъ эти права по условіямъ закона о давности? Заемныя обязательства княгини Богратіонъ

*) Возраженія наслѣдниковъ заключаются въ томъ, что княгиня Богратіонъ не могла дѣлать займа у графа Литта, такъ какъ графъ Литта не имѣлъ ни недвижимаго имущества, ни капиталовъ.

онъ выданы въ 1818, 1822, 1826 и 1829 годахъ. Требованіе платежа, со стороны наслѣдниковъ кредитора, предъявлено въ 1857 г. Въ законѣ сказано, что если обязательства предъявлены будутъ ко взысканію по мипованіи десяти лѣтъ съ истеченія назначеннаго въ нихъ срока, или, по предъявленіи ихъ ко взысканію, хожденія не будетъ со стороны истца десять лѣтъ сряду, то иски и взысканія уничтожаются (Св. Зак. изд. 1857 г. Т. X. ч. II ст. 220). Хотя въ обязательствахъ княгини Богратіонъ не было назначено срока платежа; но безсрочныя заемныя обязательства, по формѣ закона, не допускаются, такъ какъ въ числѣ условій, при совершеніи крѣпостныхъ и домашнихъ заемныхъ писемъ требуется означеніе въ нихъ срока платежа (Прил. къ ст. 2,034 и 2,036 Св. Зак. изд. 1857 г. Т. X ч. I,); если же на практикѣ и встрѣчаются заемныя обязательства, даваемыя безсрочно, т. е. до востребованія кредитора, то подобныя обязательства ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть дѣйствительны, если они предъявлены по мипованіи десяти лѣтъ со времени выдачи ихъ, потому что, въ противномъ случаѣ, отмѣнялось бы дѣйствіе общаго закона о давности, а сдѣланное графомъ Литта въ духовномъ завѣщаніи распоряженіе о томъ, чтобъ взысканіе по заемнымъ обязательствамъ было предъявлено не прежде, какъ по смерти княгини Богратіонъ, какъ несогласное съ 220 ст. ч. I Т. X, не могло пресѣкать дѣйствія давности, съ наступленіемъ которой обязательства потеряли свою силу. Вслѣдствіе сего, обязательства княгини Богратіонъ, на основаніи законовъ о давности, должны быть признаны ничтожными.

И. Владиславлевъ.

IX.

ОБОЗРѢНІЕ ОТЧЕТОВЪ ФРАНЦУЗСКАГО МИНИСТРА ЮСТИЦІИ.

Общіе отчеты объ отправленіи во Франціи правосудія по дѣламъ гражданскимъ, коммерческимъ и уголовнымъ, (Comptes généraux de l' administration de la justice civile, commerciale et criminelle en France), обнародованные съ 1826 года французскимъ министерствомъ юстиціи, представляютъ, въ совокупности, столь же вѣрную, сколько и полную картину положенія и круга дѣятельности французской судебной іерархіи.

Чѣмъ ближе знакомимся съ содержаніемъ этихъ статистическихъ таблицъ, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что вниманіе и аккуратность, съ какими онѣ составлены, придаютъ имъ особенную цѣну и ручаются за ихъ достовѣрность, и что министръ юстиціи Аббатуччи совершенно правъ, говоря въ докладѣ, при которомъ онъ, въ Апрѣлѣ 1856 г., представилъ Императору отчетъ объ отправленіи во Франціи правосудія по дѣламъ уголовнымъ, что «отчеты эти могутъ быть отнесены къ первому разряду статистическихъ данныхъ».

Напрасно стали бы мы искать ошибокъ въ этихъ общихъ отчетахъ: самое тщательное отысканіе ихъ можетъ доставить только ту выгоду, что короче ознакомитъ насъ съ отчетами, и такая выгода, конечно, будетъ немаловажна, потому что изъ запаса цифръ, обильнаго до того, что, мѣстами, онъ даже переходитъ въ мелочи, можно вывести самую вѣрную оцѣнку того или другого судеб-

наго учрежденія и, въ особенности, ясно увидѣть случаи, въ которыхъ требованія права и внутреннее чувство справедливости противорѣчатъ существующимъ законамъ.

Цѣль нашей статьи — показать, что̀ содержатъ въ себѣ и ка̀къ расположены отчеты французскаго министерства юстиціи за 1854 годъ, во всемъ подобные отчетамъ прежнимъ, и, такимъ образомъ, обратить на нихъ вниманіе, котораго они заслуживаютъ не только какъ источники для дальнѣйшаго изученія судебныхъ учрежденій во Франціи, но и какъ образцы для статистическихъ работъ подобнаго рода въ другихъ государствахъ.

Отчетамъ предшествуютъ «доклады», при которыхъ министръ юстиціи представилъ ихъ Императору. Въ этихъ докладахъ, послѣ краткаго вступленія, изложены главные результаты судопроизводства, по каждой отрасли судебнаго управленія. Мы беремъ изъ нихъ, для нашей статьи, только то̀, что̀ кажется намъ необходимымъ для составленія себѣ общаго понятія о цѣломъ.

I. *Общій отчетъ объ отправленіи во Франціи правосудія по гражданскимъ и коммерческимъ дѣламъ въ продолженіе 1854 года* (Compte général de l'administration de la justice civile et commerciale en France pendant l' année 1854), начинаясь статистическими таблицами, относящимися къ кассаціонному суду (cour de cassation), представляетъ потомъ статистическія таблицы по вѣдомству императорскихъ судовъ (cours impériales), гражданскихъ трибуналовъ первой степени (tribunaux civils de premiére instance), мировыхъ судовъ (justice de paix) и совѣтовъ добросовѣстныхъ (conseils de prud' hommes), и заключается рядомъ прибавленій, о которыхъ будемъ говорить особо.

A. *Кассаціонный судъ* (cour de cassation).

Судъ этотъ состоитъ изъ трехъ камеръ: камеры прошеній (chambre des requêtes), камеры гражданскихъ дѣлъ

(chambre civile) и камеры уголовной (chambre criminelle). Въ каждой изъ этихъ камеръ, соединяющихся, въ особенныхъ случаяхъ, въ одно собраніе (chambres réunies), находится президентъ и 15 совѣтниковъ; кромѣ того, при судѣ состоятъ: первый президентъ (premier président), генералъ-прокуроръ (procureur général) и 6 генеральныхъ адвокатовъ (avocats généraux).

Въ этомъ верховномъ судилищѣ, вѣдомство котораго простирается на все государство, разсматриваются прошенія объ отмѣнѣ судебныхъ приговоровъ (pourvois en cassation) по гражданскимъ и коммерческимъ дѣламъ. Прошенія эти подвергаются двойному разсмотрѣнію. Сперва они поступаютъ въ камеру прошеній, которая, по тщательномъ разсмотрѣніи дѣла, но безъ дальнѣйшихъ дебатовъ, рѣшаетъ, могутъ или не могутъ быть приняты эти прошенія. Въ первомъ случаѣ, прошенія передаются въ камеру гражданскихъ дѣлъ, которая и рѣшаетъ ихъ окончательно, по предварительному докладу одного изъ совѣтниковъ и по изустномъ обсужденіи дѣла. Впрочемъ, на основаніи закона 7-го Іюля 1853, прошенія по дѣламъ объ отчужденіи частной собственности на публичное употребленіе поступаютъ, для скорости производства, прямо въ гражданскую камеру.

Напротивъ, просьбы о разрѣшеніи пререканій по предмету подсудности (demandes en reglement de juges), объ отсылкѣ дѣла на разсмотрѣніе въ другое судебное мѣсто по причинѣ основательнаго подозрѣнія или въ видахъ общественной безопасности (renvoi d'un tribunal à un autre pour cause de suspicion légitime ou de surêté publique), и объ отмѣнѣ приговоровъ, постановленныхъ съ превышеніемъ власти (annulation de décisions entachées d'excès de pouvoir),—камера прошеній рѣшаетъ окончательно.

Кассаціонный судъ не судитъ самаго дѣла, а только уничтожаетъ приговоры, по дѣламъ, при производствѣ коихъ

нарушены были законы или не соблюдены формы, предписанныя закономъ, и отсылаетъ дѣло обратно, для рѣшенія, въ подлежащее судебное мѣсто. Но въ случаѣ вторичнаго, на тѣхъ же причинахъ основаннаго домогательства объ уничтоженіи приговора, постановленнаго въ томъ же смыслѣ, какъ и приговоръ уничтоженный, кассаціонный судъ приступаетъ уже къ рѣшенію самаго дѣла, въ общемъ собраніи соединенныхъ камеръ.

Сверхъ того, кассаціонный судъ облеченъ, въ нѣкоторой степени, правомъ надзора за дѣйствіями императорскихъ судовъ и трибуналовъ первой степени.

Дѣятельности кассаціоннаго суда отчетъ посвящаетъ четыре таблицы (II—IV), гдѣ находится общая роспись (état général) рѣшеній суда по дѣламъ гражданскимъ и коммерческимъ, съ распредѣленіемъ этихъ рѣшеній по предметамъ разсмотрѣнныхъ дѣлъ.

Изъ доклада министра видно, что въ дѣловой реестръ камеры прошеній внесено въ 1854 году 576 просьбъ объ отмѣнѣ судебныхъ приговоровъ. Изъ нихъ 399 просьбъ поступило противъ приговоровъ императорскихъ судовъ, 120 противъ приговоровъ гражданскихъ трибуналовъ, 10 противъ опредѣленій коммерческихъ судовъ, 1 противъ рѣшенія мироваго суда, 1 противъ рѣшенія нотаріальной палаты (chambre de notaires) и 44 противъ рѣшеній суда присяжныхъ по дѣламъ объ отчужденіи частной собственности на публичное употребленіе (jury d' expropriation).

Камера прошеній разсмотрѣла 523 просьбы, изъ коихъ 345 (66%) отвергла, а 178 (34%) признала уважительными.

Камера гражданскихъ дѣлъ постановила окончательныя рѣшенія по 230 просьбамъ, изъ которыхъ 102 (44%) оставила безъ уваженія, а по 128 (56%) кассировала обжалованные приговоры.

Рѣшенія обѣихъ камеръ кассаціоннаго суда распредѣлены въ общей росписи по предметамъ разсмотрѣнныхъ

дѣлъ и сгруппированы отдѣльно, смотря по тому, касаются ли они Наполеонова уложенія (code Napoléon), или уложенія гражданскаго судопроизводства (code de procedure civile), или коммерческаго (code de commerce), согласно съ подраздѣленіями каждаго изъ этихъ уложеній. Наконецъ въ росписи приведены дѣла, относящіяся къ прочимъ отраслямъ законодательства.

Любопытно видѣть, въ какомъ объемѣ каждая отдѣльная часть права была предметомъ дѣятельности верховнаго судилища. Поводомъ къ домогательствамъ объ отмѣнѣ судебныхъ приговоровъ были дѣла преимущественно о наслѣдствахъ, дареніяхъ между живыми и духовныхъ завѣщаніяхъ, контракты или обязательства по договорамъ, привилегіи, залоги недвижимыхъ имѣній, банкротства, наконецъ случай такъ называемыхъ *enregistrement par défaut de motifs des jugements et arrêts*.

Рѣшенія соединенныхъ камеръ кассаціоннаго суда (chambres réunies) бываютъ двоякаго рода: 1) *arrêts de rejet* и 2) *arrêts de cassation*. Въ таблицѣ II находимъ распредѣленіе этихъ рѣшеній, смотря по предметамъ дѣлъ, на разные отдѣлы, по каждому отдѣльному мѣсту, гдѣ эти дѣла разсматривались, а въ таблицѣ III то же распредѣленіе, но только безъ раздѣленія рѣшеній суда на отдѣлы. Таблицы эти показываютъ, что изъ 8,288 приговоровъ императорскихъ судовъ, только 399 (48 на 1000) подали поводъ къ прошеніямъ объ отмѣнѣ, и что 120 жалобъ, принесенныхъ на рѣшенія гражданскихъ трибуналовъ, приходились почти на такое же число судовъ первой инстанціи.

Таблица IV, кромѣ общаго краткаго перечня занятій камеры прошеній, камеры гражданскихъ дѣлъ и соединенныхъ камеръ кассаціоннаго суда, содержитъ въ себѣ указаніе дѣлъ, оставшихся нерѣшенными къ концу года. Въ числѣ этихъ дѣлъ показано: 415 прошеній объ отмѣнѣ приговоровъ, 5 дѣлъ о прекаціяхъ на счетъ подсудно-

сти, и 1 жалоба на рѣшеніе, постановленное съ превышеніемъ власти. Этотъ остатокъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что сдѣлано кассаціоннымъ судомъ, во всякомъ случаѣ представляется слишкомъ значительнымъ и свидѣтельствуетъ, что судъ не имѣетъ достаточнаго числа членовъ.

В. *Императорскіе суды* (cours impériales).

Императорскихъ судовъ во Франціи 27; каждый изъ нихъ вѣдаетъ отъ 1 до 7 департаментовъ. Императорскій судъ состоитъ изъ обвинительной камеры (chambre d'accusation), аппелляціонной камеры по дѣламъ исправительной полиціи (chambre des appels de police correctionelle) и 1—4 камеръ гражданскихъ (chambres civiles).

Почти во всѣхъ императорскихъ судахъ, аппелляціонная камера по дѣламъ исправительной полиціи есть также апелляціонная инстанція для дѣлъ гражданскихъ и коммерческихъ.

Каждый судъ состоитъ изъ перваго президента (premier président), одного президента для всякой камеры отдѣльно и извѣстнаго числа совѣтниковъ, которое простирается отъ 20 до 59. Прокурорскую должность (ministère public) исполняютъ генеральный прокуроръ и извѣстное число генеральныхъ адвокатовъ и ихъ помощниковъ (substituts), смотря по числу камеръ и потребностямъ службы.

Дѣла гражданскія и коммерческія рѣшаются въ присутствіи семи, а уголовныя и исправительныя полицейскія въ присутствіи пяти членовъ. По дѣламъ гражданскимъ и коммерческимъ императорскіе суды разсматриваютъ преимущественно аппелляціи на приговоры гражданскихъ трибуналовъ (tribunaux civils).

Дѣятельности императорскихъ судовъ посвящены V—XV таблицы отчета. Таблица V заключаетъ въ себѣ общую роспись занятій каждаго императорскаго суда, съ указаніемъ, сколько времени продолжалось производ-

ство какого дѣла; таблица VI—общую роспись аппелляцій, поданныхъ въ каждый судъ, съ распредѣленіемъ ихъ по гражданскимъ или коммерческимъ судамъ, произнесшимъ обжалованные приговоры, а равно результаты этихъ аппелляцій; таблица VII—перечисленіе вкратцѣ, по вѣдомству каждаго императорскаго суда, аппелляцій по дѣламъ гражданскимъ и коммерческимъ; таблица VIII—раздѣленіе судовъ на разряды, пространство и число жителей округа каждаго суда, количество поземельной подати, собираемой съ этого округа, значеніе и составъ каждаго суда, наконецъ краткое перечисленіе занятій судовъ по дѣламъ гражданскимъ, коммерческимъ и уголовнымъ.

Таблицы IX—XV заключаютъ въ себѣ распредѣленіе гражданскихъ и коммерческихъ дѣлъ, рѣшенныхъ въ присутствіи обѣихъ сторонъ (contradictoirement) императорскими судами, по предметамъ. Таблица IX посвящена Наполеонову уложенію, таблица X—уложенію гражданскаго судопроизводства, таблица XI—коммерческому уложенію, таблица XII — особымъ законамъ и постановленіямъ, таблица XIII—распредѣленію гражданскихъ дѣлъ, рѣшенныхъ каждымъ императорскимъ судомъ при бытности тяжущихся (contradictoirement), по разнымъ отдѣламъ Наполеонова уложенія, таблица XIV—краткому обозрѣнію пяти предъидущихъ таблицъ, и наконецъ таблица XV—указанію на actes d'adoption, commis à l'homologation de cours impériales.

Изъ этихъ таблицъ видно, что въ 1854 году поступило въ 27 императорскихъ судовъ 9,999 новыхъ дѣлъ, кромѣ 5,032 дѣлъ старыхъ, оставшихся отъ 1853 года; сверхъ того, снова внесено туда 255 дѣлъ, вычеркнутыхъ прежде изъ списковъ, такъ что, въ теченіе года, подлежало вообще разсмотрѣнію 15,286 дѣлъ; въ томъ числѣ: 11,170 аппелляцій по дѣламъ гражданскимъ, 3,480 по дѣламъ коммерческимъ, 337 аппелляцій на приговоры

третейскаго суда (appels de sentences arbitrales) и 290 прошеній, поданныхъ прямо въ императорскіе суды по дѣламъ о судебныхъ издержкахъ и описяхъ имѣній по судебному приговору.

Что касается важности этихъ дѣлъ, то 9,453 изъ нихъ были дѣла обыкновенныя (affaires ordinaires), а 5,026 такія, которыя подлежали скорому сокращенному производству (affaires sommaires).

Судами разсмотрѣно 10,389 или слишкомъ $^2/_3$ изъ числа поступившихъ въ оные дѣлъ; по 7,646 дѣламъ, за неявкою въ судъ, состоялись *des arrêts par défaut* и 2,101 дѣло вычеркнуто изъ списковъ вслѣдствіе прекращенія иска или полюбовной сдѣлки (à la suite d'abandon ou de transaction); нерѣшенныхъ же дѣлъ оставалось къ концу года 4,898.

Поэтому число нерѣшенныхъ дѣлъ, остававшихся въ императорскихъ судахъ къ 1855 году, составляетъ только 32% на все количество дѣлъ; изъ чего слѣдуетъ, что занятія этихъ судовъ шли гораздо успѣшнѣе, чѣмъ занятія кассаціоннаго суда, гдѣ число нерѣшенныхъ дѣлъ доходило до 44%.

Въ отношеніи продолжительности судопроизводства, изъ 10,389 дѣлъ, 2,453 дѣла были рѣшены въ теченіе 3 мѣсяцевъ отъ времени ихъ поступленія, 2,290 дѣлъ въ 3—6 мѣсяцевъ, 2,979 въ 6—12 мѣсяцевъ, 2,194 въ теченіе года и до 2 лѣтъ и 473 въ продолженіе болѣе двухъ лѣтъ.

Изъ 4,897 дѣлъ, оставшихся нерѣшенными, 2,358 были внесены въ дѣловые реестры судовъ въ послѣдніе 3 мѣсяца, 951 за 3—6 мѣсяцевъ, 869 за 6—12 мѣсяцевъ, 462 за годъ и болѣе до двухъ лѣтъ и 257 слишкомъ за два года. Изъ 719 дѣлъ, остававшихся нерѣшенными болѣе года, 356 приходилось на одинъ каэнскій судъ. За безансонскимъ и дуэскимъ судами не осталось ни одного дѣла.

27 императорскихъ судовъ дѣлятся на четыре разряда, изъ которыхъ къ первому принадлежитъ только парижскій, съ 6-ю, а ко второму реннскій судъ, съ 5-ю камерами; девять судовъ: ліонскій, каэнскій, бордоскій, руанскій, тулузскій, ріонскій, гренобльскій, дуэскій и пуатьескій, имѣютъ по 4 камеры и составляютъ 3-й разрядъ, а остальные шестнадцать судовъ: монпельескій, эсскій, нимскій, безансонскій, дижонскій, буржскій, амьенскій, лиможскій, поскій, орлеанскій, ажанскій, анжерскій, кольмарскій, нансійскій, месскій и бастійскій, съ 3-мя камерами каждый, составляютъ 4-й разрядъ.

Округи этихъ судовъ, занимая 53,028,003 гектара (около 48,520,623 десятинъ) плоскостнаго пространства, обнимаютъ собою все народонаселеніе Франціи (35,781,628 душъ), платящее 160,450,334 фр. (40,112,585 р. 50 к.) поземельной подати (contribution foncière). Всѣхъ камеръ въ императорскихъ судахъ 95; президентовъ и совѣтниковъ въ нихъ—756 (въ Парижѣ 66, въ Реннѣ 40, въ 3-мъ разрядѣ 30, въ 4-мъ 24, въ Бастіи 20). Адвокатовъ, внесенныхъ въ списокъ (avocats inscrits au tableau), 1817 (715 въ Парижѣ и 100 въ Ліонѣ); адвокатовъ, не внесенныхъ въ списокъ (avocats stagiaires), 1375 (въ Парижѣ 800, въ Ліонѣ 46); стряпчихъ (avoués) 379 (въ Парижѣ 60, въ Ліонѣ 24).

Свѣдѣнія объ уголовныхъ камерахъ императорскихъ судовъ (chambres criminelles), начиная съ таблицы II, будутъ сообщены нами послѣ, такъ какъ они состоятъ въ болѣе тѣсной связи съ отправленіемъ уголовнаго правосудія.

Относительно таблицъ IX—XV, гдѣ показаны гражданскія и коммерческія дѣла, рѣшенныя императорскими судами въ присутствіи обѣихъ сторонъ (contradictoirement), по предметамъ ихъ, ограничимся замѣчаніемъ, что изъ дѣлъ, разсмотрѣнныхъ помянутыми судами, 5,056

касались, по своему содержанію, Наполеонова уложенія, 1318 уложенія гражданскаго судопроизводства, 718 коммерческаго, 9 лѣснаго устава и 265 разныхъ особыхъ законовъ и постановленій.

Бо̀льшая часть дѣлъ состояла въ искахъ о разводѣ супруговъ (demandes en séparation de corps,—132), въ требованіяхъ о возвратѣ имущества (demandes en revendication,—333), спорахъ о повинностяхъ (servitudes,—337), искахъ о дѣлежѣ наслѣдства (actions en partage,—343), требованіяхъ уплаты (demandes en payement,—699), спорахъ объ обязанностяхъ повѣреннаго (obligations du mandataire,—117), счетахъ и ликвидаціяхъ разныхъ обществъ (124) и въ банкротствахъ (151).

C. *Гражданскіе трибуналы или суды первой степени* (tribunaux civils de première instance).

Такихъ судовъ во Франціи 361, по одному въ каждомъ округѣ (arrondissement). Они разбираютъ исправительные полицейскіе проступки (affaires correctionnelles), рѣшаютъ дѣла гражданскія, а въ нѣкоторыхъ округахъ и дѣла коммерческія. Гдѣ кругъ дѣятельности этихъ судовъ болѣе обширенъ, тамъ они раздѣляются на нѣсколько камеръ. Въ каждомъ судѣ есть президентъ, а въ судахъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ камеръ, и вице-президенты, отъ 2 до 8-ми. Число судей бываетъ различно: не менѣе 2-хъ и не болѣе 56; кромѣ того, при каждомъ судѣ состоитъ отъ 3 до 8 судейскихъ помощниковъ (juges suppléants). Прокурорскую должность (ministère public) отправляетъ императорскій прокуроръ (procureur impérial), при содѣйствіи одного или нѣсколькихъ помощниковъ (substituts), число которыхъ соразмѣряется съ числомъ камеръ и съ занятіями палаты. Для рѣшенія дѣла необходимо присутствіе по крайней мѣрѣ 3 судей.

Гражданскіе суды первой степени вѣдаютъ всѣ гражданскія дѣла въ округѣ, за исключеніемъ дѣлъ, предо-

ставленныхъ разбирательству мировыхъ судей; въ гражданскіе же суды подаются аппелляціи на приговоры мировыхъ судей.

Гражданскіе суды рѣшаютъ дѣло въ качествѣ первой инстанціи: 1) когда рѣчь идетъ объ искахъ личныхъ (actions personnelles); 2) когда цѣнность иска не приведена въ извѣстность, или когда, въ дѣлахъ о движимой собственности (actions mobilières), капитальная сумма превышаетъ 1500 фр., а въ дѣлахъ о недвижимой собственности (actions immobilières) предметъ тяжбы приноситъ болѣе 50 фр. годового дохода. Въ прочихъ дѣлахъ, менѣе важныхъ, приговоры гражданскихъ судовъ признаются окончательными и не подлежащими аппелляціи.

Гражданскимъ трибуналамъ посвящены XVI—XXXII таблицы отчета.

Въ таблицѣ XVI находимъ общую роспись занятій каждой палаты по гражданскимъ дѣламъ и свѣдѣнія о томъ, сколько времени разсматривалось какое дѣло; въ таблицѣ XVII—краткій обзоръ, по вѣдомству каждаго императорскаго суда, занятій судовъ первой степени по дѣламъ гражданскимъ; въ XVIII—роспись, по вѣдомству каждаго императорскаго суда, приготовительныхъ и предварительныхъ рѣшеній дѣла (jugements préparatoires et interlocutoires), рѣшеній вопросовъ случайныхъ (jugements sur demandes incidentes) и проч.; въ XIX—роспись, по вѣдомству каждаго императорскаго суда, приказовъ (ordonnances), отданныхъ президентами гражданскихъ судовъ, и предметовъ этихъ приказовъ;въ XX—распредѣленіе дѣлъ, рѣшенныхъ гражданскими судами, по ихъ предметамъ; въ XXI—повтореніе предъидущей таблицы вкратцѣ; въ XXII—роспись, по департаментамъ, исковъ о разводѣ и объ уничтоженіи общности имущества между супругами (demandes en séparation de corps et en séparation de bien), и результаты этихъ исковъ,

въ XXIII—роспись, по департаментамъ, требованій денегъ на пропитаніе (pension alimentaire), объ учрежденіи опеки (interdiction) и назначеніи консулента отъ суда (nomination de conseil judiciaire); въ XXIV—роспись имѣній, проданныхъ въ каждомъ округѣ по приговору суда (ventes judiciaires),и указаніе, въ чемъ состояли эти продажи и какъ онѣ совершены; въ XXV—обзоръ этихъ продажъ по вѣдомству каждаго императорскаго суда; въ XXVI—распредѣленіе продажъ по суммамъ, вырученнымъ за проданныя имѣнія, и итогъ этихъ суммъ; въ XXVII—роспись, по округамъ, дѣлъ объ очередномъ и общемъ удовлетвореніи кредиторовъ, время начатія и результаты производства; въ XXVIII—перечисленіе этихъ дѣлъ вкратцѣ по вѣдомству каждаго императорскаго суда; въ XXIX—свѣдѣнія о томъ, сколько времени разсматривалось какое дѣло объ очередномъ или общемъ удовлетвореніи кредиторовъ; въ XXX—пространство и число жителей округа, подвѣдомственнаго каждому суду; количество поземельной подати, съ него взимаемой; составъ каждаго суда и общій перечень его занятій по гражданскимъ, коммерческимъ и уголовнымъ дѣламъ; свѣдѣніе о нотаріусахъ и совершенныхъ у нихъ записяхъ (actes notariés), по округамъ; въ XXXI—повтореніе вкратцѣ предшествующей таблицы по вѣдомству каждаго императорскаго суда; наконецъ въ XXXII—распредѣленіе гражданскихъ судовъ по разрядамъ и по количеству дѣлъ, въ первый разъ внесенныхъ въ настольные реестры въ продолженіе года.

Въ 361 гражданскій судъ вступило въ 1854 году 114,592 новыхъ дѣла, кромѣ 49,469 дѣлъ старыхъ, изъ которыхъ 39,600 остались отъ 1853 года, а 9,869 внесены въ реестры снова, хотя и были прежде исключены изъ нихъ, какъ рѣшенныя. Поэтому, въ общихъ спискахъ было всего на очереди 164, 061 дѣло, въ томъ числѣ 83,000 (51 %) обыкновенныхъ дѣлъ и 80,425

такихъ, которыя подлежали скорому сокращенному производству.

Изъ этого числа (164,061) дѣлъ рѣшено въ теченіе года 125,872 дѣла (767 на 1000), а именно: 63, 425 (504 на 1000) par des jugements contradictoires, 29,392 (223 на 1000) par des jugements par défaut, и 33,055 (263 на 1000) дѣлъ исключены изъ списковъ по отказу отъ иска или вслѣдствіе полюбовной сдѣлки тяжущихся.

Изъ 92,817 окончательныхъ приговоровъ, 51,008 постановлены были въ первой, а 41,809 во второй инстанціи. На приговоры гражданскихъ судовъ подано 7,036 аппелляцій, а такъ какъ изъ этихъ приговоровъ только 51,008 могли подлежать аппелляціонному переносу, значитъ на каждую тысячу приговоровъ приходилось по 138 аппелляцій.

31-го Декабря 1854 оставалось въ судахъ нерѣшенныхъ 38,189 дѣлъ, то-есть 233 дѣла на 1000. Изъ этихъ остаточныхъ дѣлъ, 14,439 внесены въ реестры судовъ менѣе чѣмъ за 3 мѣсяца, 7093 за 3—6 мѣсяцевъ, 8050 за полгода и болѣе до одного года, 5,325 за годъ и болѣе до двухъ лѣтъ и 3,282 слишкомъ за два года.

Въ монморильонскомъ и гэнгампскомъ судахъ вовсе не имѣлось нерѣшенныхъ дѣлъ, а въ 75 другихъ судахъ ихъ было менѣе, чѣмъ по 20 на каждый. Всѣхъ неисправнѣе былъ валансскій судъ, въ которомъ осталось нерѣшенныхъ 1898 дѣлъ, или 72 процента на общій итогъ дѣлъ, туда поступившихъ.

Кромѣ дѣлъ, записанныхъ въ реестры (affaires du rôle), надобно принять во вниманіе еще тѣ дѣла, которыя поступали въ суды по прошеніямъ или докладамъ, безъ предварительнаго внесенія ихъ въ реестръ. Сюда принадлежатъ дѣла, не терпящія отлагательства (affaires urgentes), или не заключающія въ себѣ ничего спорнаго и потому рѣшаемыя лишь для соблюденія формы (jugements

de pure forme). Число такихъ дѣлъ простиралось до 49,657.

Къ нимъ слѣдуетъ присоединить еще 33,153 предварительныя рѣшенія (jugements d'avant-faire-droit), а именно: 27,564 предварительныя рѣшенія по дѣламъ, о которыхъ собирались справки (jugements préparatoires ou interlocutoires), и 5,589 рѣшеній по вопросамъ случайнымъ (jugements sur demandes incidentes).

Предварительными рѣшеніями опредѣлено: въ 7,202 случаяхъ, произвести осмотръ чрезъ экспертовъ (expertises); въ 535, осмотрѣть мѣстность (descentes sur les lieux); въ 4,594, произвести розыскание изустное или письменное (enquêtes sommaires ou par écrit); въ 893, повѣрить обвиненія допросами (interrogatoires sur faits et articles); въ 1678, пригласить тяжущіяся стороны лично явиться въ судъ (comparution personnelle des parties); въ 724, привести къ присягѣ (prestation de serment déféré); въ 242, сличить почерки въ документахъ (vérifications d'écriture); въ 650, уплатить проѣсти (payement de provisions alimentaires), и т. д.

Президентами судовъ, въ силу предоставленной имъ власти, отдано 189, 833 приказа (ordonnances).

Изъ 1,681 иска о разводѣ, 1,510 были начаты со стороны жены и 171 со стороны мужа. Изъ этихъ исковъ, 46 основывались на присужденіи одного изъ супруговъ къ уголовному наказанію, 1,410 на жестокомъ обращеніи мужа съ женою и на тяжкихъ обидахъ, 116 на прелюбодѣяніи жены и 109 на прелюбодѣяніи мужа.

Просьбъ о разводѣ принято 1,242, отвергнуто 174, вычеркнуто изъ списковъ вслѣдствіе примиренія супруговъ или оставленія иска 265. Судами разсмотрѣно 4,293 просьбы объ уничтоженіи общности имущества между супругами (séparation de biens); 128 изъ этихъ просьбъ оставлены безъ уваженія.

Число имѣній, проданныхъ по судебному приговору (ventes judiciaires), простиралось до 18,203. Изъ нихъ, 10,804 проданы въ самыхъ судахъ (à la barre du tribunal), а 7,399 въ присутствіи нотаріусовъ, назначенныхъ судами.

Отъ этихъ продажъ выручено 183,314,837 фр., такъ что, среднимъ числомъ, 10,137 фр. приходилось на каждую продажу. Издержки на производство продажъ составляли 8,787,615 фр.

Дѣлъ объ очередномъ удовлетвореніи кредиторовъ (procedures d'ordre) поступило въ палаты 8,033, а дѣлъ объ удовлетвореніи общемъ (procedures de contribution) 1,588, такъ что, со старыми дѣлами обоихъ родовъ, число ихъ простиралось до 20,880. Изъ нихъ рѣшено только 11,144 дѣла, а 9,736 дѣлъ оставались къ концу года нерѣшенными.

Ходъ судопроизводства, при которомъ остаются нерѣшенными 46 % общей суммы дѣлъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названъ удовлетворительнымъ. Министръ юстиціи объясняетъ въ своемъ докладѣ, что медленность эта не зависѣла отъ судей, и что онъ намѣренъ представить государственному совѣту проектъ закона о приведеніи судопроизводства по дѣламъ объ очередномъ удовлетвореніи кредиторовъ (procedures d'ordres) въ лучшій порядокъ. Случай этотъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ статистика оказываетъ существенную пользу, побуждая правительство прибѣгать къ пересмотру недостаточныхъ законовъ.

Слѣдствіемъ рѣшенія 7,945 дѣлъ объ очередномъ удовлетвореніи кредиторовъ (ordres) былъ раздѣлъ 87,272,432 фр. между 54,628 кредиторами, обезпеченными залогомъ недвижимой собственности (créanciers hypothecaires), подъ которую было выдано ими 146,612,663 фр.

1,022 рѣшенныхъ дѣлъ объ общемъ удовлетворенiи кредиторовъ (contributions) относились къ 11,386 кредиторамъ, требовавшимъ 38,864,088, а получившимъ 5,954,372 фр.

Судебныя издержки по дѣламъ перваго рода простирались до 2,897,473, а по дѣламъ второго рода до 390,209 фр., составляя, такимъ образомъ, 3% и 9% всей суммы,—что кажется намъ довольно соразмѣрнымъ.

Если дѣла, разсмотрѣнныя гражданскими судами (tribunaux civils), распредѣлить по предметамъ, то 69,401 изъ этихъ дѣлъ придется на Наполеоново уложенiе, 20,550 на уложенiе гражданскаго судопроизводства, 10 на коммерческое 39 на уставъ лѣсной и 81 на особые законы и постановленiя.

Изъ таблицы XXXI, кромѣ того, усматривается, что число камеръ гражданскихъ судовъ простиралось до 453; число президентовъ и судей до 1,655; помощниковъ судей (juges suppléants) до 1,178; адвокатовъ, внесенныхъ въ списокъ (avocats inscrits au tableau), до 4,420; адвокатовъ, не внесенныхъ въ списокъ (avocats stagiaires), до 2,023; стряпчихъ (avoués) до 2,993; судебныхъ приставовъ (huissiers) до 7,773; нотаріусовъ до 9,730 и мировыхъ судей до 2,849.

Гражданскiе суды дѣлятся на 8 разрядовъ. Къ 1-му разряду принадлежитъ только парижскiй судъ, въ которомъ 8 камеръ, 65 судей и 8 помощниковъ ихъ. 2-й разрядъ составляютъ 5 судовъ, съ 3 камерами, 12 судьями и 6 помощниками ихъ; 3-й—два суда, съ 2 камерами, 10 судьями и 4 помощниками; 4-й—40 судовъ (2 камеры, 9 судей, 4 помощника); 5-й—два суда (2 камеры 8 судей, 4 помощника); 6-й—31 судъ (2 камеры, 7 судей, 4 помощника); 7-й—77 судовъ (1 камера, 4 судьи, 3 помощника), а 8-й—203 суда (1 камера, 3 судьи и 3 помощника).

Д. О коммерческихъ дѣлахъ, рѣшаемыхъ особыми коммерческими судами или, по правиламъ коммерческаго процесса, гражданскими судами.

Отправленіе правосудія по коммерческимъ дѣламъ возлагается въ округахъ, гдѣ этихъ дѣлъ много, на особые коммерческіе суды, а въ прочихъ мѣстахъ—на суды гражданскіе, рѣшающіе коммерческія дѣла такъ же просто и скоро, какъ и суды, спеціально для этого установленные. Кромѣ 221 коммерческаго суда, производствомъ по этимъ дѣламъ занимается 177 гражданскихъ судовъ. Коммерческіе суды состоятъ изъ одного президента и извѣстнаго, соразмѣрнаго съ потребностями, числа судей и ихъ помощниковъ,—не менѣе 3 судей и 2 помощниковъ, и не болѣе 10 судей и 16 помощниковъ. Прокуроровъ (ministère public) при этихъ судахъ не полагается.

Коммерческимъ дѣламъ посвящены XXXIII—XXXVII таблицы отчета. Таблица XXXIII содержитъ въ себѣ означеніе состава коммерческихъ судовъ; роспись коммерческихъ дѣлъ, поступившихъ въ эти суды, и результаты судопроизводства; указаніе на возникшія и рѣшенныя дѣла о банкротствахъ и т. д.; таблица XXXIV — повтореніе предъидущей таблицы вкратцѣ по вѣдомству каждаго императорскаго суда; таблица XXXV—роспись, по департаментамъ, дѣлъ о банкротствахъ, еще не ликвидированныхъ, съ объясненіемъ, какъ возникли эти дѣла и какіе были ихъ результаты; рѣшенія третейскихъ судовъ; указаніе на дѣла торговыхъ обществъ, поступившія въ судъ; таблица XXXVI—роспись, по департаментамъ, банкротствъ, ликвидированныхъ въ теченіе года, съ итогомъ пассивныхъ долговъ обанкротившихся; таблица XXXVII—роспись, по департаментамъ, банкротствъ, оконченныхъ ликвидаціонною сдѣлкою (par concordat en liquidation), личное положеніе банкротовъ и количество полученнаго дивиденда.

Число коммерческихъ дѣлъ увеличилось въ 1854 году весьма значительно, и въ суды поступило 196,191 новое дѣло, тогда какъ въ 1853 новыхъ дѣлъ было 156,922, въ 1852—142,670, а въ 1851 только 138,898.

Къ 196,191 новому дѣлу присоединилось 10,282 дѣла старыхъ, такъ что общее число дѣлъ составило 206,473, изъ которыхъ 118,880 (886 на 1000) дѣлъ должны были рѣшить особые коммерческіе суды, а 27,393 (134 на 1000) дѣла суды гражданскіе.

Изъ 203,473 дѣлъ рѣшено въ продолженіе года 197,499 (96%), и этотъ результатъ кажется намъ весьма удовлетворительнымъ. 53,767 дѣлъ рѣшены по выслушаніи обѣихъ сторонъ; 95,801 въ отсутствіе отвѣтчика; 2,436 переданы посредникамъ и 45,495 прекращены въ слѣдствіе полюбовной сдѣлки или отказа отъ иска. Изъ приговоровъ, произнесенныхъ по выслушаніи обѣихъ сторонъ или въ отсутствіе одной изъ нихъ, 21,094 постановлены въ первой инстанціи, и на 2,528 изъ нихъ (14%) поданы апелляціи. Кромѣ того, коммерческіе суды произнесли 18,378 особыхъ рѣшеній по прошеніямъ или докладамъ (jugements sur requête ou sur rapport), 14,298 по дѣламъ о банкротствахъ и 3984 по другимъ предметамъ.

Въ 1853 году несостоятельными признаны только 2,671 должникъ, въ 1854—3,691. Министръ юстиціи почитаетъ это естественнымъ слѣдствіемъ развитія, въ широкихъ размѣрахъ, торговли и промышленности. Кромѣ новыхъ банкротсвъ, коммерческіе суды должны были заняться еще 5,855 банкротствами старыми, такъ что имъ предстояло разсмотрѣть всего 9,546 дѣлъ о банкротствахъ. Изъ этого числа, суды рѣшили только 3,353 дѣла (351 на 1000), а 6,193 остались нерѣшенными. Такой результатъ ясно показываетъ, что въ существующихъ законахъ есть недостатки, требующіе исправленія, и что законы, какъ ска-

зано выше относительно дѣлъ объ удовлетвореніи кредиторовъ, должны быть измѣнены, особенно въ видахъ упрощенія формъ судопроизводства.

Изъ помянутыхъ дѣлъ о банкрутствѣ, 1,392 окончены соглашеніемъ; 1,163 ликвидаціею по уговору между кредиторами (liquidation après contrat d' union); 659 объявленіемъ активныхъ долговъ банкрота недостаточными (declaration d'insuffisance d' actif) и 139 отмѣною объявленій о несостоятельности (annulation des jugements déclaratifs).

Означенныя 2,555 банкротствъ представляли, въ общей сложности, 41,757,667 фр. активныхъ долговъ въ недвижимомъ и движимомъ имуществахъ, которыя подлежали раздѣлу между кредиторами, требовавшими 115,006,484 фр. Кредиторы, обезпеченные залогами (créanciers hypothécaires), получили 26%; имѣвшіе же въ рукахъ одни векселя (créanciers chirographaires)—только 18% съ суммы ихъ требованій.

Въ 1854 образовалось 3,328 торговыхъ и промышленныхъ обществъ, а именно: 2,453 общества, названныхъ собирательнымъ именемъ (en nom collectif), 543 по коммандиту (en commandite), 305 на акціяхъ (106 обществъ съ акціями именными и 199 съ акціями на неизвѣстнаго, (au porteur) и 36 обществъ безъименныхъ (sociétés anonymes).

Въ дѣлахъ торговыхъ и промышленныхъ обществъ споры рѣшаются третейскими судами (tribunaux d'arbitres). Въ 1854 рѣшено 868 такихъ споровъ; при чемъ во 133 случаяхъ представилось необходимымъ обратиться къ лицамъ, облеченнымъ высшею судебною властію.

Е. *Мировые суды* (tribunaux de paix).

Мировые судьи составляютъ во Франціи самую низшую степень судебной іерархіи: участвуя во всемъ, что только касается судебнаго разбирательства, они оказываютъ об-

ществу огромныя услуги (immenses services). Въ гражданскихъ дѣлахъ, обязанность мировыхъ судей троякая: во-первыхъ, они суть примирители (conciliateurs) и должны стараться прекращать полюбовно всѣ споры, возникающіе въ ихъ кантонахъ. Они не могутъ формально призвать спорящихъ въ судъ, не попытавшись сперва примирить ихъ. Во-вторыхъ, они суть дѣйствительно судьи въ предѣлахъ данной имъ власти и могутъ окончательно рѣшать дѣла до 100 фр. (25 р.), а въ первой инстанціи, на основаніи законовъ 25 Мая 1838 и 2 Мая 1855, и дѣла важнѣйшія, съ предоставленіемъ недовольнымъ права аппеллировать на ихъ рѣшеніе. Наконецъ, внѣ этихъ атрибутовъ судебной власти, мировымъ судьямъ поручено созывать семейные совѣты и предсѣдательствовать въ нихъ, изготовлять публичные записи (actes de notoriété), опечатывать имѣнія и снимать съ нихъ печати, а также свидѣтельствовать объ усыновленіяхъ и освобожденіяхъ изъ-подъ опеки. Каждый изъ 2,849 мировыхъ судей, какъ въ дѣлахъ гражданскихъ, такъ и въ дѣлахъ обыкновенной, простой полиціи (police simple), отдастъ судъ лишь въ присутствіи своего письмоводителя или актуаріуса (greffier).

Въ таблицахъ XXXVIII и XXXIX показаны занятія мировыхъ судей по округамъ, а потомъ эти же занятія перечислены вкратцѣ по вѣдомству каждаго императорскаго суда.

На основаніи закона 25-го Мая 1838, мировые судьи разослали 2,803,047 повѣстокъ (billets d' avertissement), для приглашенія къ себѣ спорящихъ съ цѣлью примирить ихъ. Бо̀льшая часть этихъ повѣстокъ не имѣла успѣха; но, въ 1,370,288 случаяхъ, спорящіе послѣдовали приглашенію и явились къ судьямъ внѣ присутствія (comparution en dehors de l' audience). По выслушаніи истцевъ и отвѣтчиковъ, 1,019,671 дѣло было окончено примиреніемъ; значитъ, примиреніе не удалось только на 26% съ общей суммы дѣлъ.

Въ означенныхъ дѣлахъ, явка спорящихъ къ судьѣ была совершенно добровольная; напротивъ, въ дѣлахъ, подлежащихъ вѣдѣнію гражданскихъ судовъ, она бываетъ обязательною, и такая обязательная явка оказалась необходимою въ 57,317 случаяхъ. Въ 42,672 случаяхъ отвѣтчикъ явился лично, въ 5,385 прислалъ повѣреннаго, а въ 9,261 случаѣ не сдѣлалъ ни того ни другого, за что опредѣленъ денежный штрафъ въ10 фр. Изъ 48,056 дѣлъ, 44% рѣшены мировымъ судьею по выслушаніи обѣихъ сторонъ.

Мировымъ судьямъ предстояло разобрать 534,679 дѣлъ, изъ которыхъ только 10,018 осталось отъ 1853 года. Судьи рѣшили 525,106 или 89% этихъ дѣлъ, что лучше всего свидѣтельствуетъ объ ихъ дѣятельности. 168,547 дѣлъ рѣшены по выслушаніи обѣихъ сторонъ; 100,504 въ отсутствіе отвѣтчика; 181,944 окончены полюбовнымъ соглашеніемъ и 74,111 прекращены за отказомъ отъ иска.

Мировые судьи произнесли 70,010 предварительныхъ приговоровъ (jugements d'avant-faire-droit).

Изъ 269,051 приговора, произнесеннаго по выслушаніи обѣихъ сторонъ или въ отсутствіе одной изъ нихъ, 76,077 приговоровъ допускали возможность аппелляціи; но аппелляція подана только на 6% этой суммы.

Мировые судьи созвали въ 1854 году 90,149 семейныхъ совѣтовъ, въ которыхъ и предсѣдательствовали; выдали 9,846 публичныхъ записей (actes de notoriété) и 8,392 акта объ освобожденіи изъ-подъ опеки (actes d'émancipation); наконецъ 20,778 разъ опечатывали имѣнія, или снимали съ нихъ печати.

F. *Совѣты добросовѣстныхъ* (conseils de prud' hommes).

Совѣты эти учреждены лишь въ нѣкоторыхъ мануфактурныхъ городахъ, для разбора споровъ между купцами, фабрикантами, мастерами, старшими и младшими подмастерьями, работниками и учениками. Они состав-

ляются изъ фабрикантовъ или мастеровъ (patrons) и рабочихъ, и имѣютъ два отдѣленія: частное (bureau particulier), назначенное для попытокъ къ полюбовному соглашенію, и общее (bureau général), для рѣшенія дѣла, когда такія попытки будутъ безуспѣшны. Сверхъ того, совѣтамъ добросовѣстныхъ поручается, до извѣстной степени, полицейское наблюденіе надъ мастерскими, и они рѣшаютъ дѣла о нарушеніяхъ благочинія въ этихъ заведеніяхъ. Число членовъ въ совѣтахъ бываетъ различно, смотря по мѣстности; но въ частномъ отдѣленіи должно быть по крайней мѣрѣ 2 члена (одинъ изъ мастеровъ или фабрикантовъ, другой изъ рабочихъ), а въ общемъ отдѣленіи по крайней мѣрѣ 5 членовъ: 1 президентъ, 2 фабриканта или мастера и двое рабочихъ.

Таблица XL содержитъ въ себѣ роспись дѣлъ, поступившихъ въ совѣты добросовѣстныхъ и рѣшенныхъ ими.

Совѣты эти, которыхъ во Франціи 71, должны были разобрать, въ частномъ отдѣленіи, 42,499 споровъ между фабрикантами, работниками и учениками. Изъ этого числа, 29,721 споръ ($^{7}/_{10}$) оконченъ полюбовно и только 1,843 спора рѣшено въ общемъ отдѣленіи; 10,935 жалобъ взяты обратно. Изъ 398 рѣшеній, постановленныхъ въ первой степени, было не болѣе 34-хъ, на которыя подана аппелляція.

G. *Приложенія.*

Въ приложеніяхъ къ отчету находимъ, подъ №№ XLI—LXIV, двадцать-четыре таблицы.

Таблица XLI относится къ «судебному заступничеству» (assistance judiciaire), подробно изложенному въ законѣ 22-го Января 1851, и къ дѣламъ по этому предмету, вступившимъ въ каждое отдѣленіе первой инстанціи (bureau de première instance); таблица XLII содержитъ въ себѣ краткое перечисленіе этихъ дѣлъ по вѣдомству

каждаго императорскаго суда, а въ таблицѣ XLIII объяснена сущность дѣлъ, поступившихъ въ отдѣленія судебнаго заступничества (bureaux d'assistance judiciaire).

Въ отдѣленія первой инстанціи подано 9,088 прошеній, изъ которыхъ 8,132 относились къ искамъ гражданскимъ, 174 къ дѣламъ коммерческимъ и 782 къ искамъ, подлежащимъ вѣдомству мировыхъ судовъ. Рѣшено 6,984 прошенія, изъ которыхъ 3,817 (65 %) приняты (admis à l'assistance), 3,167 (45 %) отвергнуты и 732 переданы другимъ отдѣленіямъ, вѣдѣнію которыхъ они подлежали, 738 прошеній взяты обратно просителями, а 634 еще не были разсмотрѣны къ концу года.

Въ аппелляціонныя отдѣленія (bureaux d'appel), учрежденныя при императорскихъ судахъ, вступило 313 прошеній, изъ которыхъ принято 109, отвергнуто 120, отослано въ другія отдѣленія 8, взято обратно просителями 4 и осталось перѣшенныхъ 12.

Въ 33 случаяхъ положено прекратить судебное заступничество (rétrait d'assistance judiciaires), а именно: въ 3 случаяхъ по просьбѣ отвѣтчиковъ и въ 30 по рѣшенію самыхъ отдѣленій (d'office) и по требованію прокуроровъ (à la requête du ministère public).

Всего болѣе подано прошеній о судебномъ заступничествѣ по дѣламъ о разводѣ супруговъ (1,998); затѣмъ слѣдуютъ долговыя взысканія (1,431), требованія денегъ на пропитаніе (1,363), иски о раздѣлѣ наслѣдства (731), требованія вознагражденій за протори и убытки (457), требованія обратно собственности (502) и дѣла объ уничтоженіи общности имущества между супругами (366).

Число требованій денегъ на пропитаніе значительно увеличилось вслѣдствіе большой дороговизны 1854 года.

Таблица XLIV касается должниковъ, понуждаемыхъ къ платежу арестомъ (contrainte par corps). Въ 1854 году такихъ должниковъ было 1,733, а именно: 1,279

по дѣламъ коммерческимъ, 192 по дѣламъ гражданскимъ и 261 по дѣламъ объ общественныхъ суммахъ и движимостяхъ (deniers et effets mobiliers publics). Арестовано 1,629 мужчинъ и 103 женщины, въ томъ числѣ 1,617 французовъ и 115 иностранцевъ.

Въ таблицѣ XLV помѣщены свѣдѣнія о лицахъ, допущенныхъ къ жительству во Франціи, или принятыхъ въ число французскихъ гражданъ (naturalisation), или получившихъ разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ (dispenses pour mariage).

Къ жительству допущено (admission à domicile), согласно съ 13-ю ст. Наполеонова улож., 252 иностранца; 35 иностранцевъ принято въ число гражданъ. 13 прошеній о допущеніи къ жительству и 5 прошеній о дарованіи правъ гражданства оставлены безъ удовлетворенія.

Прошеній о разрѣшеніи вступить въ бракъ 957; изъ нихъ принято 847 и отвергнуто 110. Причины, на которыхъ основывались эти просьбы, были: въ 9 случаяхъ лѣта жениха или невѣсты, въ 45 случаяхъ кровное родство, а въ 793 родство духовное (alliance).

9,730 нотаріусовъ, состоящихъ при должности, совершили 3,662,389 брачныхъ контрактовъ, такъ что на каждаго нотаріуса пришлось по 376 контрактовъ и на каждую тысячу жителей по 102 контракта.

Таблица XLVI содержитъ въ себѣ подробныя свѣдѣнія о назначеніяхъ по судебной части.

Въ императорскіе суды назначены 3 камеръ-президента, 37 совѣтниковъ, 5 генеральныхъ прокуроровъ, 11 генеральныхъ адвокатовъ и 9 помощниковъ ихъ (substituts); въ судебныя мѣста первой степени—40 президентовъ, 11 вице-президентовъ, 128 судей, 80 помощниковъ судей (suppléants), 74 прокурора и 145 прокурорскихъ помощниковъ (substituts). Мировыхъ судей назначено 253; помощниковъ ихъ (suppléants) 364.

Таблицы XLVII и XLVIII относятся къ предметамъ дѣятельности адвокатовъ, стряпчихъ, актуаріусовъ, нотаріусовъ, судебныхъ приставовъ (huissiers) и коммисаровъ-цѣновщиковъ (commissaires priseurs)

Въ заключеніе, таблицы XLIX—LXIII указываютъ на занятія алжирскаго императорскаго суда и судебныхъ мѣстъ въ Алжирѣ по дѣламъ гражданскимъ и коммерческимъ.

Относительно этихъ таблицъ ограничимся замѣчаніемъ, что, изъ 616 дѣлъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію алжирскаго императорскаго суда, онъ рѣшилъ 368, и что 248 дѣлъ остались нерѣшенными.

Шести гражданскимъ судамъ (tribunaux civils) Алжира (алжирскому, блидаскому, оранскому, константинскому, бонскому и филиппвильскому) предстояло разсмотрѣть 5,089 дѣлъ, изъ которыхъ 3,760 были и 1,329 не были внесены въ настольные реестры. Послѣднія рѣшены всѣ, а изъ первыхъ рѣшено 2,995, такъ что только 765 дѣлъ осталось нерѣшенными. Предварительныхъ приговоровъ (jugements d'avant-faire-droit) произнесено 518 (около 173 на 1,000 дѣлъ, внесенныхъ въ реестръ).

Въ Алжирѣ 25 мировыхъ судей; они разослали въ 1854 году 24,241 повѣстку (billets d'avertissements). Дѣлъ, подлежавшихъ ихъ вѣдѣнію, было въ этомъ году 9,058, изъ которыхъ 4,274 рѣшены по выслушаніи обѣихъ сторонъ, 2,992 въ отсутствіе отвѣтчика, 903 окончены полюбовнымъ соглашеніемъ и 778 прекращены за отказомъ отъ иска. Изъ всѣхъ дѣлъ къ концу года оставалось нерѣшенныхъ лишь 3.

Министръ юстиціи, оканчивая свой докладъ, свидѣтельствуетъ, что, въ дѣлахъ коммерческихъ и гражданскихъ, сословіе судей всѣми силами старалось отправлять правосудіе сколь возможно быстрѣе и дѣйствительнѣе. При внимательномъ просмотрѣ общаго отчета, не-

вольно соглашаешься съ этимъ отзывомъ французскаго министра.

Управленіе юстиціею, которое до такой степени вникаетъ въ мельчайшія подробности службы, что въ состояніи представить статистическій документъ, подобный разсмотрѣнному нами общему отчету, должно быть признано управленіемъ столь же правильнымъ, сколько и прозорливымъ. Какъ ни далеки мы отъ того, чтобъ предпочитать сущности дѣла какую бы то ни было форму, однакожъ не можемъ отрицать, что строгое соблюденіе формъ и бдительный надзоръ за ихъ исполненіемъ ведутъ къ существеннымъ результатамъ и невольно побуждаютъ къ болѣе основательному, сообразному съ законами веденію дѣла.

II. Въ общемъ отчетѣ объ отправленіи во Франціи правосудія по дѣламъ уголовнымъ за 1854 годъ (Compte général de l'administration de la justice criminelle en France, pendant l'année 1854) посвящены особые отдѣлы ассизнымъ судамъ (cours d'assises), исправительнымъ судамъ (tribunaux correctionnels), повтореніямъ преступленій (recidives), судамъ обыкновенной полиціи (tribunaux de simple police), производству слѣдствій по преступленіямъ (instruction criminelle) и кассаціонному суду. Затѣмъ слѣдуетъ также нѣсколько приложеній.

И этому отчету предшествуетъ докладъ, представленный министромъ юстиціи Императору въ Апрѣлѣ 1856, докладъ, изъ котораго, въ приличныхъ мѣстахъ, мы будемъ заимствовать, какъ и изъ перваго, важнѣйшія данныя.

А. *Ассизные суды* (cours d'assises).

Въ каждомъ изъ 86 департаментовъ Франціи есть свой ассизный судъ, который, пребывая въ главномъ городѣ департамента, собирается по крайней мѣрѣ 4 раза въ годъ. Кромѣ этихъ обыкновенныхъ засѣданій, онъ

имѣетъ, въ случаѣ надобности, и чрезвычайныя засѣданія (sessions extraordinaires).

Ассизные суды судятъ нарушенія законовъ, именуемыя въ 3-й статьѣ уголовнаго уложенія (code pénal) преступленіями (crimes), и судятъ ихъ при содѣйствіи присяжныхъ, если судъ производится въ присутствіи подсудимаго, и безъ нихъ, если подсудимаго нѣтъ на лицо (par contumace).

Ассизный судъ, для каждаго періода засѣданій, составляется изъ одного члена императорскаго суда (президента или совѣтника, по назначенію министра юстиціи) и двухъ ассесоровъ, которые, въ мѣстахъ пребыванія императорскаго суда, берутся изъ числа совѣтниковъ сего послѣдняго, а въ прочихъ главныхъ городахъ департаментовъ изъ числа членовъ судовъ первой степени.

Присяжныхъ должно быть 12; они выбираются для каждаго дѣла по жребію изъ списка, заключающаго въ себѣ 36 именъ. Присяжные, внесенные въ этотъ списокъ, выбираются тоже по жребію изъ другого списка, изготовляемаго для засѣданій суда ассизовъ въ каждомъ департаментѣ и состоящаго въ Сенскомъ департаментѣ изъ 2000, въ бо̀льшей части прочихъ департаментовъ изъ 500, а въ департаментахъ, не столь населенныхъ, изъ мѣньшаго числа гражданъ.

Прокурорскій надзоръ (ministère public) по каждому суду ассизовъ ввѣряется тамъ, гдѣ пребываетъ императорскій судъ, одному изъ прокуроровъ сего послѣдняго, въ другихъ же главныхъ городахъ департаментовъ—одному изъ прокуроровъ суда первой степени.

Для ассизныхъ судовъ назначены въ отчетѣ таблицы I—LXXIII. Таблицы эти показываютъ: I и II—число обвиненій и число обвиненныхъ, судившихся въ теченіе года въ ихъ личномъ присутствіи, съ раздѣленіемъ преступленій противъ лицъ отъ преступленій противъ

собственности, а равно результаты судопроизводства; III — число обвиненій, обвиненныхъ, оправданныхъ и осужденныхъ, по департаментамъ; IV—VI—сравнительные результаты изустнаго судебнаго производства (instruction orale); VII—результаты признанія обстоятельствъ, уменьшающихъ вину подсудимаго (circonstances atténuantes); VIII и IX—родъ и сроки наказаній, къ которымъ приговорены преступники; X — число преступниковъ, осужденныхъ къ смертной казни; XI—XXIII—распредѣленіе обвиненныхъ и осужденныхъ по полу, возрасту, званію, происхожденію, мѣсту жительства, степени образованности и роду занятій.

Затѣмъ подъ №№ XXXIV—LIV слѣдуетъ рядъ таблицъ, показывающихъ, сколько обвиненныхъ судилось, оправдано или осуждено въ каждомъ департаментѣ и по каждому роду преступленій, къ какимъ наказаніямъ они приговорены и проч. Изъ этихъ таблицъ, XXXIV—XXXVII содержатъ въ себѣ росписаніе преступленій, совершенныхъ противъ лицъ, а именно: сопротивленій (rebellion) государственнымъ или общественнымъ властямъ и буйства противъ этихъ властей, сопровождавшагося пролитіемъ крови; отцеубійствъ; отравленій ядомъ; убійствъ; нанесенія ударовъ и ранъ, слѣдствіемъ которыхъ, хотя и непреднамѣреннымъ, была смерть человѣка; дѣтоубійствъ; ударовъ и ранъ, нанесенныхъ родственникамъ восходящей линіи; ударовъ и ранъ, слѣдствіемъ коихъ была невозможность работать въ продолженіе слишкомъ двадцати дней; лжесвидѣтельствъ; изнасилованій и посягательствъ на честь женщины, соединенныхъ съ насильственными дѣйствіями противъ взрослыхъ и дѣтей (attentats à la pudeur); умышленныхъ изгнаній плода (avortements) и, наконецъ, преступленій различнаго рода.

Въ таблицахъ же XXXVIII—LIV показаны преступленія противъ собственности, какъ то: поддѣлка монеты;

подлоги при наборѣ конскриптовъ; подлоги въ торговыхъ, публичныхъ актахъ и частныхъ документахъ; лихоимство и взяточничество; кражи въ церквахъ; кражи на большихъ дорогахъ, съ насиліемъ и безъ насилія; кражи, учиненныя хотя и съ насиліемъ, но не на дорогахъ, а въ другихъ мѣстахъ; кражи домашнія; злоупотребленіе довѣрія лицами, находящимися въ услуженіи; другія квалифицированныя воровства; похищеніе документовъ съ цѣлью завладѣнія чужимъ имуществомъ (extorsion de titre); злостное банкротство; поджогъ жилыхъ и нежилыхъ строеній, жатвъ, лѣсовъ и проч. и еще 7 видовъ разныхъ преступленій.

Особенная заслуга общаго отчета заключается въ томъ, что въ немъ приведены всѣ преступленія, какія только подали поводъ къ обвиненіямъ, а не одни лишь важнѣйшія преступленія. Нельзя также не одобрить и того, что въ немъ означены не только роды, но и важнѣйшіе виды преступленій, и что каждый изъ этихъ видовъ разсматривается порознь.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ таблицы, съ объясненіемъ свойства преступленій и проступковъ, за которые обвиненные осуждены были по приговору присяжныхъ, и гдѣ показаны результаты признанныхъ присяжными облегчительныхъ обстоятельствъ, а равно сравнительные результаты письменныхъ и изустныхъ судебныхъ инструкцій по каждому роду преступленій.

Изъ этихъ таблицъ узнаемъ, какіе уголовные законы и какимъ числомъ лицъ были нарушены; какъ часто измѣнялось свойство преступленій вслѣдствіе обстоятельствъ, уменьшающихъ вину преступника; какія наказанія опредѣлены за эти нарушенія закона; какое вліяніе имѣли помянутыя обстоятельства на самыя наказанія, и вообще въ какой степени дѣйствительно взысканіе преступленій и проступковъ во Франціи.

Таблицы эти сообщаютъ намъ подробныя свѣдѣнія о числѣ обвиненій по каждому отдѣльному преступленію; о томъ, сколько изъ этихъ обвиненій признано судами вполнѣ основательными и притомъ относительно одного или нѣсколькихъ обвиненныхъ; сколько обвиненій уважено съ ограниченіями, однакожъ такъ, что характеръ преступленія (crime) оттого не измѣнился, и сколько разъ преступленіе признавалось проступкомъ (délit); сколько обвиненій совершенно отвергнуто; какое число обвиненныхъ воспользовалось обстоятельствами, уменьшающими вину, и сколько разъ, вслѣдствіе этого, наказаніе было понижаемо одною или двумя степенями, и притомъ, въ первомъ изъ этихъ случаевъ, оттого ли, что судьи *не хотѣли*, или *не могли* смягчить болѣе наказанія.

Чтобы составить себѣ полное понятіе о таблицахъ, заключающихся въ главномъ отдѣлѣ отчета объ ассизныхъ судахъ, замѣтимъ еще, что въ таблицахъ LV—LVII содержатся свѣдѣнія о народонаселеніи каждаго департамента; объ отношеніи числа обвиненныхъ къ числу жителей и числа обвиненныхъ, умѣющихъ по крайней мѣрѣ читать, къ числу обвиненныхъ, совсѣмъ не умѣющихъ грамотѣ; объ отношеніи числа осужденныхъ къ числу оправданныхъ, по вѣдомству различныхъ ассизныхъ судовъ, по роду преступленій и т. д.

Слѣдующій отдѣлъ посвященъ приговорамъ, произнесеннымъ въ отсутствіе подсудимаго; въ таблицахъ LIX—LXII показано число обвиненій и обвиненныхъ, судившихся заочно, или же сужденныхъ прежде заочно, а потомъ въ ихъ личномъ присутствіи, а равно сдѣлано распредѣленіе случаевъ заочныхъ суждéній по департаментамъ.

Наконецъ, таблицы LXIII—LXXIII даютъ отчетъ о родѣ и числѣ преступленій, совершенныхъ въ каждомъ мѣсяцѣ года, съ показаніемъ качества и приблизительной цѣнности украденныхъ предметовъ, побудительныхъ

причинъ важнѣйшихъ преступленій, способовъ и орудій, посредствомъ которыхъ они содѣяны и т. п.

Ассизнымъ судамъ предстояло въ 1854 г. рѣшить 5,525 дѣлъ, по которымъ обвиняемые находились на лицо. Число обвиненій оставалось почти неизмѣннымъ; съ 1851 года оно увеличилось только 238 обвиненіями. Число важныхъ преступленій, особенно противъ лицъ, уменьшилось, а противъ собственности увеличилось. Съ 1851 года, число тайныхъ убійствъ (assassinats) уменьшилось на 23 %, смертоубійствъ (meurtres) на 56 %, побоевъ и ранъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ смерть, на 42 %, тяжкихъ ударовъ и ранъ на 61 %, а ударовъ и ранъ, нанесенныхъ родственникамъ по восходящей линіи, на 25 процентовъ. Дѣтоубійствъ было также менѣе.

Уменьшеніе числа тайныхъ и обыкновенныхъ убійствъ тѣсно связано съ положеніемъ дѣлъ въ Корсикѣ, гдѣ фамильная вражда и разбои порождали доселѣ множество преступленій этого рода. Изданное въ 1851 году запрещеніе носить оружіе и энергическія мѣры, принятыя противъ разбойниковъ, принесли самые лучшіе плоды. Въ 1851, на островѣ Корсикѣ судилось 70 человѣкъ за тайное и 80 за простое убійство; въ 1854 году—за тайное 34, за простое 28; а въ 1855—за тайное только 26 и за простое 16.

Не смотря на то, положеніе дѣлъ въ Корсикѣ все еще нельзя назвать благопріятнымъ, если принять въ соображеніе, что въ 1854 году, въ цѣлой Франціи приходилось по одному тайному убійцѣ на 129,181 и по одному обыкновенному убійцѣ на 361,455 жителей, тогда какъ въ Корсикѣ, такая же пропорція приходилась на 6,976 и 8,437 жителей.

Что касается преступленій противъ собственности, то, съ 1851 года, число обвиненій въ подлогахъ увеличилось на 15 %, въ квалифицированныхъ кражахъ на 25 %, въ

поджогахъ на 31 % и въ злостныхъ банкротствахъ на 66%.

Въ 1854, число обвиненій въ преступленіяхъ противъ лицъ простиралось до 1,691. Обвиненныхъ было 2,083 человѣка, изъ которыхъ 626 (30 %) оправданы, а прочіе найдены виновными и приговорены: 68 человѣкъ къ смертной казни, 147 къ каторжной работѣ безъ срока, 314 къ каторжной работѣ на разные сроки, 286 къ заключенію въ рабочемъ домѣ (réclusion), 1 къ ссылкѣ (déportation), 3 къ заключенію въ крѣпости (détention), 520 къ заключенію въ тюрьмѣ на время не болѣе одного года, 112 къ заключенію въ тюрьмѣ на болѣе продолжительные сроки и 6 несовершеннолѣтнихъ къ содержанію въ исправительномъ заведеніи.

Обвиненій въ преступленіяхъ противъ права собственности было въ томъ же году 3,834. Обвинено 5,473 человѣка, изъ которыхъ 1,257 (23 %) оправданы, а остальные приговорены: 11 человѣкъ къ смертной казни, 80 къ безсрочной каторжной работѣ, 1,063 къ каторжной работѣ на сроки, 840 къ заключенію въ рабочемъ домѣ, 1,903 къ заключенію въ тюрьмѣ на время не болѣе одного года, 268 къ заключенію въ тюрьмѣ на болѣе продолжительные сроки и 51 къ содержанію въ исправительномъ заведеніи.

Значитъ, изъ всѣхъ обвиненныхъ, 28 % приходилось на преступленія противъ лицъ и 72 % на преступленія противъ права собственности.

Разсматривая результаты судебныхъ преслѣдованій сравнительно съ числомъ обвиненій, оказывается что, изъ 5,525 обвиненій признано вполнѣ основательными 3,703 (671 на 1000) обвиненій, а именно: 3,407 въ отношеніи къ одному или ко всѣмъ обвиненнымъ и 396 въ отношеніи лишь къ нѣкоторымъ изъ обвиненныхъ. 776 обвиненій уважено съ ограниченіями, однакожъ такъ, что преступленіе не измѣнило чрезъ то своего

характера, и 340 съ такими ограниченіями, которыя низвели преступленіе на степень проступка. 1046 обвиненій (189 на 1000) отвергнуты совершенно.

Въ 1853 году число обвиненій, признанныхъ вполнѣ основательными, составляло 626, а отвергнутыхъ 212 на 1,000; въ 1852—первыхъ 581 и послѣднихъ 252 (на 1,000); въ 1851—первыхъ 545 и послѣднихъ 269 (на 1,000). Поэтому, преступленія преслѣдовались во Франціи съ энергіею, которая годъ отъ году возрастала.

При ближайшемъ разсмотрѣніи результатовъ судебнаго преслѣдованія обвиненныхъ находимъ, что 1,883 подсудимыхъ (249 на 1,000) были оправданы, 2,813 (372 на 1,000) приговорены къ уголовнымъ наказаніямъ (peines aflictives et infamantes) и 2,860 (379 на 1,000) къ наказаніямъ исправительнымъ (peines correctionnelles). Въ 1853, эти среднія числа представлялись въ слѣдующемъ видѣ: 277, 359 и 364; въ 1852: 311, 341 и 348; въ 1851: 333, 341 и 348. Значитъ, случаевъ оправданія подсудимыхъ было меньше, между тѣмъ какъ приговоренныхъ къ уголовнымъ наказаніямъ было значительно болѣе.

Число смертныхъ приговоровъ, простиравшееся въ 1853 году до 39, возросло въ 1854 г. до 79. Противорѣчіе между уменьшеніемъ числа важныхъ преступленій и увеличеніемъ числа смертныхъ приговоровъ объясняется министромъ юстиціи слѣдующимъ образомъ: «Судъ присяжныхъ рѣже прежняго дозволялъ обвиненнымъ въ важныхъ преступленіяхъ пользоваться выгодами обстоятельствъ, уменьшающихъ вину преступника.» Такимъ образомъ французскій министръ самъ указываетъ намъ, въ ясныхъ выраженіяхъ, на слабую сторону уголовнаго правосудія во Франціи.

Обстоятельства, уменьшающія вину, признаны въ 1854 году въ пользу 3,515 подсудимыхъ (671 на 1,000), а въ 1853, 1852 и 1851 годахъ въ пользу 691, 672 и

683 подсудимыхъ на 1,000, такъ что постановленіе, допущенное закономъ 28-го Апрѣля 1832 лишь въ видѣ изъятія изъ правила ст. 463, сдѣлалось само правиломъ, а примѣненіе законнаго наказанія изъятіемъ.

Смертная казнь, по уваженію къ облегчительнымъ обстоятельствамъ, оставлена въ 1854 году безъ примѣненія въ 351 случаѣ, въ которыхъ она назначалась закономъ, и примѣнена, слѣдовательно, лишь къ 10 % случаевъ, въ которыхъ законъ опредѣлялъ ее. Кромѣ того, въ 210 случаяхъ изъ 351 судъ не удовольствовался пониженіемъ наказанія одною степенью, а уменьшилъ его двумя степенями. По дѣламъ же о дѣтоубійствахъ и поджогахъ жилыхъ строеній судъ почти постоянно понижалъ наказаніе двумя степенями, доказывая тѣмъ самымъ несовмѣстность смертной казни съ этими родами преступленій.

Каторжная работа безъ срока (travaux forcés à perpetuité) была опредѣлена судомъ въ 227 случаяхъ, а въ 207 случаяхъ наказаніе это замѣнено другимъ, менѣе строгимъ наказаніемъ, во вниманіе къ обстоятельствамъ, уменьшающимъ вину подсудимаго.

Изъ 3,515 случаевъ, въ которыхъ представлялись облегчительныя обстоятельства, судъ 1441 разъ (41 %) уменьшилъ наказаніе двумя степенями, а 736 разъ (21 %) удовольствовался пониженіемъ его на одну степень, имѣя власть понизить на двѣ. Въ 1,338 случахъ (38 %) судъ долженъ былъ ограничиться уменьшеніемъ наказанія одною степенью потому, что законъ не дозволялъ ему большаго снисхожденія.

Дѣлъ, рѣшенныхъ въ отсутствіе подсудимыхъ, было 399; по нимъ обвинялись 444 человѣка, изъ коихъ оправданы только двое.

Противъ лицъ, сужденныхъ прежде заочно и потомъ пойманныхъ, возобновлено 132 обвиненій. Изъ 135 лицъ,

которыхъ они касались, 27 человѣкъ (20 %) были оправданы и 108 осуждены.

Такъ какъ несоразмѣрность числа сужденныхъ заочно съ числомъ тѣхъ же лицъ, сужденныхъ уже по поимкѣ, въ ихъ личномъ присутствіи, представлялась въ такой же степени и въ прежніе годы, то число осужденныхъ заочно съ каждымъ годомъ увеличивается, и это доказываетъ, что преслѣдованіе такихъ преступниковъ во Франціи оставляетъ желать еще многаго.

Въ числѣ наличныхъ обвиненныхъ, въ 1854 году было 6,158 мужчинъ и 1,398 женщинъ (815 и) 185 на 1000. Изъ нихъ 1131 (150 на 1000) имѣли менѣе 21 года, 4,224 (559 на 1,000) отъ 21 до 40 лѣтъ, 1918 (254 на 1000) отъ 40 до 60 и 283 (57 на 1000) болѣе 60 лѣтъ отъ роду. Въ числѣ лицъ мужескаго пола было 94 несовершеннолѣтнихъ (jeunes accusés).

Изъ обвиненныхъ было 3,927 (620 на 1000) холостыхъ или незамужнихъ, 3211 (425 на 1000 женатыхъ или замужнихъ и 418 (55 на 1000) вдовыхъ.—5,072 (671 на 1000) обвиненныхъ родились въ департаментѣ, гдѣ ихъ судили, 1,486 (197 на 1000) только жили въ немъ, а 998 (132 на 1000) родились или жили въ другихъ департаментахъ, или и вовсе не имѣли опредѣленнаго мѣста жительства.

4,297 обвиненныхъ жили въ сельскихъ общинахъ, 2,860 въ городахъ, 399 не имѣли постояннаго жилища (569, 378 и 53 на 1000).

По роду занятій, 2,952 изъ нихъ были земледѣльцы, поденщики, каменьщики, кровельщики и т. п.; 2,492—работники по разнымъ отраслямъ промышленности; 550—наемные слуги; 685—негоціанты, купцы, содержатели меблированныхъ комнатъ и трактирщики; 430—свободные ремесленники и художники, а 447—просто бродяги (399, 330, 73, 91, 57 и 59 на 1000).

По степени образованности, 3,611 человѣкъ были совершенно безграмотны, 3,080 едва умѣли читать или писать, 603 читали и писали хорошо и 262 получили высшее образованіе (478, 408, 79 и 35 на 1000).

Изъ 35,784,144 жителей Франціи, на 6,479 человѣкъ приходилось по одному обвиненію и на 4,736 человѣкъ по одному обвиненному.

B. *Исправительные суды* (tribunaux correctionnels).

Исправительные суды судятъ менѣе важныя нарушенія законовъ или такія противозаконныя дѣянія, которыя именуются въ 1-й ст. уголовнаго уложенія проступками (délits). Сюда принадлежатъ также нарушенія бо́льшей части фискальныхъ постановленій (contraventions fiscales), и другіе спеціальные проступки, влекущіе за собою наказанія исправительныя (тюрьма или денежный штрафъ), и не подлежащіе полицейскому разбирательству. Этими же судами вѣдаются *преступленія* (crimes), совершенныя дѣтьми, имѣющими менѣе 16 лѣтъ отъ роду, если преступленія эти, на основаніи 68 статьи уложенія, не подлежатъ вѣдѣнію ассизныхъ судовъ. Суды исправительные рѣшаютъ дѣла безъ содѣйствія присяжныхъ. Они состоятъ изъ президента и по крайней мѣрѣ двухъ судей. Число этихъ судовъ простирается до 361, какъ и число гражданскихъ судовъ первой степени. Они образуютъ особыя камеры сихъ послѣднихъ трибуналовъ лишь въ важнѣйшихъ округахъ.

Въ каждомъ исправительномъ судѣ одинъ изъ судей назначается въ судьи-слѣдователи (juge d'instruction). Судья-слѣдователь производитъ предварительное слѣдствіе по преступленіямъ и важнымъ проступкамъ, о которыхъ получено донесеніе, и докладываетъ дѣло суду, который, составивъ изъ себя совѣщательную камеру (chambre de conseil) *), рѣшаетъ, должно ли вести это дѣло далѣе

*) Камеры эти нынѣ не существуютъ.

судебнымъ порядкомъ, или передать его въ судъ ассизовъ, если оно подлежитъ вѣдѣнію сего послѣдняго, или, наконецъ, оставить дѣло безъ послѣдствій. При судахъ, обремененныхъ дѣлами, находится отъ 3 до 5 судей-слѣдователей, а въ Парижѣ ихъ 20.

Исправительнымъ судамъ посвящены LXXIV — CVII таблицы отчета. Въ таблицахъ LXXIV—LXXIX показаны родъ и число проступковъ, преслѣдованныхъ и судженныхъ во всей Франціи; способъ преслѣдованія и лѣта обвиненныхъ; результаты преслѣдованій и число поступившихъ дѣлъ; число дѣлъ и обвиненныхъ, которые были судимы въ каждомъ округѣ и по вѣдомству каждаго императорскаго суда; результаты преслѣдованія для обвиненныхъ обоего пола и всякаго возраста, а равно для лицъ, возбудившихъ эти преслѣдованія (parties poursuivantes).

Въ разсужденіи важнѣйшаго или, по крайней мѣрѣ, многочисленнѣйшаго класса проступковъ, таблицы LXXX—CV содержатъ въ себѣ свѣдѣнія, сколько обвиненныхъ судилось, оправдано или осуждено въ каждомъ департаментѣ, къ какимъ наказаніямъ приговорены они и сколько нарушителей лѣснаго устава (délinquants forestiers) посажено въ тюрьму для понужденія ихъ къ уплатѣ за нанесенный лѣсамъ вредъ. Здѣсь, въ особыхъ таблицахъ, выставлены на видъ слѣдующія подробности: подлоги въ паспортахъ или письменныхъ свидѣтельствахъ; нарушеніе правилъ о состояніи подъ полицейскимъ надзоромъ (infraction au ban de surveillance); бродяжество и нищенство; обиды и насилія, причиненныя муниципальнымъ и другимъ чиновникамъ, агентамъ и проч.; сопротивленіе властямъ (rebellion); умышленное нанесеніе ранъ и ударовъ; неумышленное причиненіе смерти и смертельныхъ тѣлесныхъ поврежденій; неосторожное убійство новорожденныхъ дѣтей ихъ матерями; подкидываніе мла-

денцевъ; публичное оскорбленіе чувства стыдливости; нарушеніе правилъ общественной нравственности (attentat aux moeurs); простыя кражи; простыя банкротства; мошенничества; употребленіе во зло довѣрія; обманъ при продажѣ какой-нибудь вещи (по закону 27 Марта 1851); умышленный поджогъ по безразсудству; проступки политическіе; открытіе, безъ дозволенія, кофейныхъ домовъ и проч. (законъ 29 Декабря 1851); запрещенная охота и ношеніе запрещеннаго оружія; нарушеніе законовъ о косвенныхъ налогахъ; ложное показаніе цѣнности золотыхъ и серебряныхъ вещей; нарушенія постановленій о лѣсахъ.

Въ таблицахъ CVI—CVII находимъ обзоръ занятій аппелляціонныхъ судовъ по дѣламъ, влекущимъ за собою наказанія исправительныя.

Въ 1854 году исправительнымъ судамъ надлежало рѣшить 206,794 дѣла, по коимъ было 256,670 обвиняемыхъ. Сравнительно съ 1853, количество дѣлъ уменьшилось на 1,905 дѣлъ, а подсудимыхъ на 4,477 человѣкъ; но число тѣхъ и другихъ весьма значительно увеличилось въ сравненіи съ 1851 годомъ, когда дѣлъ было только 171,777, а подсудимыхъ 221,441.

Министръ юстиціи приписываетъ такое увеличеніе преимущественно плохимъ урожаямъ предшествовавшихъ годовъ; такъ, напримѣръ, цифра простыхъ кражъ поднялась съ 24,516 на 39,484, обмановъ съ 1,719 на 1,831, нарушеній постановленій объ охотѣ съ 18,939 на 25,728, а нарушеній устава лѣснаго съ 54,133 на 60,857.

Но болѣе, чѣмъ неурожаямъ, приписывается это увеличеніе «правильнѣйшей и полнѣйшей организаціи судебной полиціи», а именно прибавленію къ прежнимъ жандармскимъ бригадамъ еще 225 новыхъ бригадъ (brigades) и увеличенію числа полицейскихъ коммисаровъ на 1,144 человѣка; вслѣдствіе чего проступковъ, совершаемыхъ безнаказанно, бывало менѣе прежняго.

Проступки противъ лицъ и порядка общественнаго равномѣрно стали встрѣчаться рѣже, напримѣръ: съ 1851 года число случаевъ сопротивленія властямъ (rebellion) понизилось съ 2,928 на 1,925, а ударовъ и ранъ, нанесенныхъ намѣренно, съ 13,684 на 9,599.

Изъ 256,670 человѣкъ, судившихся въ 1854 году, 164,263 человѣка (640 на 1000) были преданы суду по предложенію прокуроровъ, 8,513 (33 на 1000) по частнымъ жалобамъ (à la requête des parties civiles) и 83,894 (327 на 1000) по требованію разныхъ управленій (administrations publiques). Въ числѣ обвиненныхъ было 205,871 (80%) мужчина и 50,799 (20%) женщинъ. Участіе лицъ женскаго пола въ проступкахъ возросло съ 1851 года, вслѣдствіе нищеты, порожденной неурожаями, на 3%: тогда какъ, въ 1851 году, женщины составляли 26% обвиненныхъ въ воровствѣ и только 17% обвиненныхъ въ нищенствѣ, пропорція ихъ въ 1854 году увеличилась до 30 и 26 процентовъ.

Изъ 150,118 обвиненныхъ, возрастъ которыхъ приведенъ въ извѣстность, 53 человѣка на 1000 были моложе 16-ти лѣтъ, 121 на 1000 имѣлъ отъ 16 лѣтъ до 21 года, а 826 на 1000 имѣли болѣе 21 года отъ роду.

Число несовершеннолѣтнихъ обвиняемыхъ (jeunes accusés) возрастаетъ ежегодно: въ 1851 оно составляло 41, въ 1852—43, въ 1853—45, а въ 1854—53 человѣка на 1000.

На 256,670 подсудимыхъ оправданы 21,158 человѣкъ; изъ остальныхъ приговорены: 91,944 человѣка къ заключенію въ тюрьмѣ и 138,223 къ денежному штрафу. Изъ малолѣтковъ, признанныхъ дѣйствовавшими безъ разумѣнія, 3,312 отправлены въ исправительныя заведенія (envoyés en correction), а 2,133 возвращены родителямъ.

Обстоятельства, уменьшающія вину, признаны въ пользу 73,958 (27%) подсудимыхъ; въ дѣлахъ о нищенствѣ

обстоятельства эти составляютъ даже 87, бродяжничествѣ 85, а воровствѣ 80 процентовъ.

Въ 1854 году разсмотрѣно 9,973 аппелляціи, принесенныхъ на приговоры судовъ исправительной полиціи; т. е. обжалованныхъ этимъ путемъ приговоровъ было 48 на 1000. 6,214 аппелляцій поданы въ императорскіе суды и 3,759 въ 59 судовъ главныхъ департаментскихъ городовъ, гдѣ не имѣется императорскаго суда. 63% общаго итога аппелляцій имѣли своимъ послѣдствіемъ утвержденіе, а 37% отмѣну обжалованнаго рѣшенія.

C. *О повтореніяхъ тѣхъ же преступленій и проступковъ, или учиненіи другихъ послѣ суда и наказанія за первые* (des récidives en matière criminelle et correctionnelle).

Относительно уголовныхъ преступленій, въ таблицахъ CVIII—CXI находимъ общую роспись освобожденныхъ арестантовъ, которые были снова представлены въ ассизные суды каждаго департамента; распредѣленіе ихъ по роду наказаній, къ коимъ они были приговорены прежде, и по результатамъ послѣдняго суда надъ ними; роспись обвиненныхъ въ новыхъ преступленіяхъ въ каждомъ департаментѣ, по происхожденію этихъ людей и по числу судовъ или трибуналовъ, въ которыхъ они судились; распредѣленіе обвиненныхъ въ новыхъ преступленіяхъ по числу приговоровъ, произнесенныхъ надъ ними прежде, и сличеніе фактовъ, подавшихъ поводъ къ новому преслѣдованію, съ тѣми, на которыхъ было основано прежнее обвиненіе; степень образованности этихъ преступниковъ и т. д.

Таблицы CXIII—CXV содержатъ въ себѣ подобныя же свѣдѣнія касательно повтореній проступковъ по дѣламъ, влекущимъ за собою исправительныя наказанія, а таблицы CXVII—CXIX сравненіе числа освобожденныхъ преступниковъ съ числомъ новыхъ преступленій какъ по этимъ дѣламъ, такъ и по дѣламъ уголовнымъ.

Число освобожденныхъ преступниковъ, подвергшихся суду вновь, простиралось въ 1854 году до 38,470 человѣкъ, а именно: 1,179 освобожденныхъ каторжниковъ, 856 освобожденныхъ изъ крѣпости, 32,873 выпущенныхъ изъ тюремъ и 3,571 такихъ преступниковъ, которые прежде были приговорены только къ денежному штрафу. Съ 1851 года число лицъ, впавшихъ въ новыя преступленія, увеличилось 9,931 человѣкомъ (26 процентами).

Изъ лицъ, провинившихся вновь, 2,524 человѣка были судимы ассизными судами за преступленія (crimes), и 35,955 человѣкъ исправительными судами за проступки (délits). Числа 2,524 лицъ, учинившихъ новыя преступленія, нельзя не назвать значительнымъ. Изъ всѣхъ подсудимыхъ, провинившихся снова, было въ 1851 году 283, въ 1852 — 311, въ 1853 — 328 и въ 1854 — 334 на 1000.

Значительное увеличеніе числа повтореній преступленій и проступковъ объясняется заведеніемъ такъ называемыхъ судебныхъ тетрадей (cahiers judiciaires), давшихъ возможность слѣдить въ болѣе обширныхъ размѣрахъ за состоявшимися приговорами. Министръ юстиціи отзывается объ этихъ тетрадяхъ съ особенною похвалою и говоритъ: «Отнынѣ сдѣлается возможнымъ удостовѣряться, относительно всѣхъ лицъ, предаваемыхъ суду, подвергались ли они или не подвергались прежде какимъ-либо наказаніямъ, по судебному приговору.» Время это должно но было наступить въ началѣ 1856 года.

Между лицами, повторившими преступленія, было 31,907 мужчинъ и 6,572 (17%) женщины. Изъ нихъ 17,936 человѣкъ судились прежде по одному, 7,483 по два, 4,299 по три, 2,562 по четыре, 1,792 по пяти, 1,322 по шести, 946 по семи, 657 по восьми, 538 по девяти и 1,944 по десяти и болѣе, до пятидесяти разъ.

Сравнительныя свѣдѣнія, заключающіяся въ таблицахъ CXVI—CXIX, даютъ намъ понятіе о числѣ преступниковъ, выпущенныхъ въ 1854 году изъ центральныхъ остроговъ (maisons centrales), о времени продолжительности ихъ заключенія, степени ихъ образованности, суммѣ денегъ, выданной имъ при ихъ освобожденіи, о числѣ лицъ, снова подвергшихся суду со времени своего освобожденія по 31-е Декабря 1854, о продолжительности ихъ новаго ареста и проч. Здѣсь же находимъ распредѣленіе помянутыхъ лицъ по числу понесенныхъ ими наказаній, по предметамъ послѣдняго преступленія или проступка ихъ и по результатамъ послѣдняго суда надъ ними; потомъ такія же свѣдѣнія за 1852 и 1853 годы, и отношеніе числа преступниковъ, выпущенныхъ изъ каждаго галернаго острога (bagne) или изъ каждой центральной тюрьмы, къ числу лицъ, впавшихъ снова въ преступленіе.

Въ таблицахъ CXX и CXXI говорится о несовершеннолѣтнихъ арестантахъ, выпущенныхъ въ 1853 и 1854 годахъ изъ разныхъ пенитенціарныхъ заведеній, и тѣхъ изъ нихъ, которые оказались виновными въ повтореніи преступленій, о дѣвочкахъ, освобожденныхъ съ 1852 по 1854, и т. д.

Мы зашли бы слишкомъ далеко, если бы захотѣли исчерпать содержаніе всѣхъ этихъ таблицъ, и потому ограничиваемся приведеніемъ еще мнѣнія французскаго министра юстиціи, что «система обузданія преступленій, употребляемая въ отношеніи преступниковъ, содѣлавшихся снова виновными, слишкомъ слаба и не дѣйствуетъ съ успѣхомъ на осужденныхъ.» Въ самомъ дѣлѣ, 18% лицъ, выпущенныхъ изъ центральныхъ тюремъ, снова подверглись суду въ первый же годъ послѣ своего освобожденія; 15% подверглись оному въ теченіе второго года, и $^2/_5$ были арестованы прежде окончанія трехъ лѣтъ

послѣ освобожденія. Изъ числа выпущенныхъ въ 1852 г. арестантовъ, впало снова въ преступленіе, въ продолженіе 3 лѣтъ: содержавшихся въ Poissy 48%, въ Gaillon47%, въ Lors 45%, въ Melun 43% и въ d'Ensisheim 42 процента. Въ разсужденіи женщинъ, пропорція эта не столь неблагопріятна: она показываетъ только 25 процентовъ.

Въ пенитенціарныхъ заведеніяхъ (établissements pénitentiaires), назначенныхъ для несовершеннолѣтнихъ заключенныхъ, было къ концу 1854 года 7,011 мальчиковъ и 900 дѣвочекъ, всего 7,911. Въ концѣ 1851 число заключенныхъ простиралось только до 5,500.

Несовершеннолѣтніе заключенные содержатся или въ отдѣльныхъ кварталахъ центральныхъ и департаментскихъ тюремъ, или въ особыхъ промышленныхъ или земледѣльческихъ заведеніяхъ (établissements spéciaux, industriels ou agricoles). Во Франціи 12 публичныхъ и 34 частныхъ заведеній такого рода.

Д. *Суды простой полиціи* (tribunaux de simple police.)

Во Франціи этихъ судовъ 2,811, т. е. 168-ю меньше противъ мировыхъ судовъ. Для пополненія такого недостатка, 107 городовъ и сельскихъ общинъ раздѣлены на нѣсколько кантоновъ (cantons). Въ каждомъ изъ нихъ отъ 2 до 12 городовъ и селъ, и по одному суду простой полиціи. Всѣ мировые судьи въ кантонѣ, по очереди, отправляютъ при этихъ судахъ должность судей.

Мировые судьи, въ качествѣ судей простой полиціи, разбираютъ дѣла о маловажныхъ нарушеніяхъ (contraventions) закона (ст. 1 уголовнаго уложенія). Они разбираютъ ихъ одни, при содѣйствіи своихъ письмоводителей (greffiers), а прокурорскую должность отправляютъ полицейскій коммисаръ или мэръ. Наказанія, къ которымъ могутъ быть приговорены виновные, суть: заключеніе въ тюрьмѣ на время отъ 1 до 5 дней, или денежный штрафъ отъ 1 до 15 фр.

Хотя на основаніи 166 ст. уложенія уголовнаго судопроизводства (Code d'instruction criminelle), въ общинахъ, не принадлежащихъ къ числу главныхъ мѣстъ въ кантонѣ, и мэры уполномочиваются, въ извѣстныхъ случаяхъ, дѣйствовать на одинакихъ правахъ съ мировыми судьями; но мэры почти никогда не пользуются этимъ правомъ.

Въ таблицахъ CXXII и CXXIII показаны число приговоровъ, произнесенныхъ судами простой полиціи въ каждомъ округѣ (arrondissement); результаты розысканій по дѣламъ уголовнымъ, число приговоровъ судовъ простой полиціи по вѣдомству каждаго императорскаго суда, сущность нѣкоторыхъ нарушеній закона и проч.

Судами простой полиціи произнесено въ 1854 году 403,235, а въ 1853 г. 419,055 приговоровъ. Въ этомъ послѣднемъ году число приговоровъ увеличилось, сравнительно съ 1852 годомъ, почти на 100,000, а съ 1851 годомъ на 180,000.

Суды признали себя невластными рѣшить участь 1,277 обвиненныхъ, оправдали 35,074 (68 на 1000) человѣка и приговорили 454,146 (892 на 1000) человѣкъ къ денежному штрафу, а 25,621 (50 на 1000) человѣка къ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 1 до 5 дней. Въ 9 судахъ простой полиціи Сенскаго департамента состоялось въ 1854 году 45,627 рѣшеній.

Е. *Объ уголовныхъ слѣдствіяхъ* (de l'instruction criminelle).

Таблицы CXXIV—CXLI показываютъ, какимъ образомъ производятся предварительныя слѣдствія по дѣламъ уголовнымъ и влекущимъ за собою исправительныя наказанія, до передачи этихъ дѣлъ въ суды ассизные, или исправительной полиціи.

Въ бо̀льшей части помянутыхъ дѣлъ предварительное слѣдствіе ограничивается собраніемъ прокурорами свѣдѣ-

ній чрезъ агентовъ судебной полиціи (agents auxiliaires da la police judiciaire); но въ дѣлахъ важнѣйшихъ, особенно такихъ, по которымъ обвиняемый долженъ быть арестованъ, распоряженіе на счетъ задержанія его и производство подробнаго розыска по дѣлу возлагаются на судью-слѣдователя. По окончаніи розысканія, судья-слѣдователь докладываетъ объ немъ совѣщательной камерѣ (chambre de conseil) *) составляющейся изъ 3 членовъ суда, считая въ этомъ числѣ и самого судью-слѣдователя, которая, соображаясь съ направленіемъ, какое слѣдуетъ дать, или освобождаетъ обвиняемаго отъ дальнѣйшаго судебнаго преслѣдованія (cassation des poursuites), или же отсылаетъ его въ то судебное мѣсто, вѣдѣнію котораго подлежитъ произведенное объ немъ дѣло (renvoi des inculpés devant la juridiction competente).

Если предметъ дѣла составляетъ преступленіе уголовное (crime), въ такомъ случаѣ дѣло поступаетъ въ обвинительную камеру (chambre d'accusation) императорскаго суда, которая разсматриваетъ опредѣленіе совѣщательной камеры, по новому докладу обстоятельствъ дѣла. Во всякомъ случаѣ обвиняемый отсылается къ суду ассизовъ не иначе, какъ по поставленію (arrêt) обвинительной камеры.

Общее росписаніе дѣлъ, дошедшихъ до свѣдѣнія публичныхъ обвинителей, первое направленіе, данное этимъ дѣламъ, а равно занятія совѣщательныхъ и обвинительныхъ камеръ составляютъ содержаніе CXXIV—CXXIX таблицъ отчета.

---

*) Камера эта, какъ уже выше замѣчено, теперь упразднена, Обязанности ея, въ 1856 г., возложены, въ видахъ упрощенія и ускоренія дѣла, а равно для сокращенія сроковъ предварительнаго заключенія обвиняемыхъ, на самихъ судей—слѣдователей.

Сюда же относятся и таблицы CXXXI—CXXXVIII, объясняющія ходъ уголовнаго правосудія по вѣдомству каждаго императорскаго суда, продолжительность уголовныхъ слѣдствій и исполненіе рѣшеній по дѣламъ исправительной полиціи, по которымъ подсудимые приговорены къ тюремному заключенію.

Въ таблицахъ CXXXIX—CXLI, заключающихъ этотъ отдѣлъ, находимъ свѣдѣнія о засѣданіяхъ ассизныхъ судовъ, въ особенности же о составленіи общихъ списковъ присяжныхъ въ 1853 году по каждому департаменту, для извлеченія изъ нихъ потомъ частныхъ списковъ присяжнымъ на 1854, годъ, о числѣ неявившихся присяжныхъ; о причинахъ, воспрепятствовавшихъ имъ исполнить свою обязанность; о продолжительности засѣданій ассизныхъ судовъ въ каждый трехмѣсячный періодъ и о числѣ допрошенныхъ свидѣтелей.

Число разныхъ должностныхъ лицъ и агентовъ, помощниковъ прокурорскаго надзора (auxiliiares du ministère public), простиралось до 101,231 человѣка, а именно: 2,849 мировыхъ судей, 36,835 мэровъ, 1,857 полицейскихъ коммисаровъ, 6,784 полицейскихъ агентовъ (agents de police), 18,295 жандармовъ, раздѣленныхъ на 3,346 бригадъ, и 34,611 человѣкъ общинной полевой стражи (gardes champêtres communaux).

Всѣми этими должностными лицами составлено 260,510 протоколовъ (procès verbaux), удостовѣряющихъ дѣйствительность совершенія преступленій и проступковъ, не считая протоколовъ или актовъ о нарушеніи обыкновенныхъ полицейскихъ постановленій (contraventions de simple police).

Лица, принадлежащія къ составу прокурорскаго надзора, составили въ 1853 году 294,073, а въ 1854 г. 296,631 актовъ, жалобъ и доношеній. Изъ нихъ 90,119 относились къ важнымъ дѣламъ или къ такимъ, по кото-

рымъ обвиняемые, за неимѣніемъ опредѣленнаго мѣста жительства, были арестованы, 90,019 сообщены судьямъ—слѣдователямъ, 75,513 поступили прямо въ судъ, 6,818 поданы туда самими истцами (parties civiles), 7,209 отосланы въ суды простой полиціи и другія судебныя учрежденія, а 115,724 признаны, по разсмотрѣніи, не представляющими повода къ дальнѣйшему судебному производству. О 1,288 актахъ и другихъ упомянутыхъ бумагахъ еще не было сдѣлано къ концу года никакого распоряженія.

Судьями-слѣдователями производились розысканія по 95,401 дѣлу, изъ коихъ не окончено таковыхъ къ 1855 году по 5,079 дѣламъ.

По докладамъ судей-слѣдователей, совѣщательныя камеры отослали 5,707 дѣлъ (63 на 1000) въ камеры обвинительныя, такъ какъ дѣла эти подлежали вѣдѣнію ассизныхъ судовъ; 57,686 дѣлъ (639 на 1000) поступило въ суды исправительной полиціи, 1,068 (12 на 1000) въ другія судебныя мѣста и 25,831 дѣло (286 на 1000) оставлено безъ послѣдствій.

Обвинительныя камеры разсмотрѣли и рѣшили 6,073 дѣла, изъ которыхъ 5,620 переданы ими въ ассизные суды, 153 въ суды исправительной полиціи, 12 въ другія судебныя мѣста и 288 дѣлъ оставлены безъ послѣдствій.

Число протоколовъ и проч., оставленныхъ безъ послѣдствій, простиралось вообще до 141, 721 (48% всей суммы). Въ 64,159 случаяхъ (453 на 1000) это произошло оттого, что дѣйствія, бывшія предметомъ обвиненій, не составляли ни преступленій, ни проступковъ; въ 28,805 случаяхъ (203 на 1000) оттого, что проступки были сами по себѣ маловажны и не имѣли вредныхъ послѣдствій для общественнаго порядка; въ 37,563 (265 на 1000) потому, что виновные остались необнаруженными, и, наконецъ, въ 11,194 (74 на 1000) случаяхъ за—смертію

или сумашествіемъ обвиняемыхъ, за недостаткомъ доказательствъ къ обвиненію и т. п.

Въ 1854 году, предварительному аресту подвергнуто 84,161 человѣкъ, въ 1853—85,314, а въ 1852—85,625 человѣкъ; изъ чего видно, что число случаевъ предварительнаго заключенія уменьшается. Министръ юстиціи, указывая на это обстоятельсвто, говоритъ, что «магистратура старается, по возможности, ограничить употребленіе такой крайней мѣры», и этимъ самымъ выражаетъ правило, которое, къ сожалѣнію, почти вездѣ еще весьма мало уважается.

Изъ 84,161 обвиненнаго, подвергнутаго предварительному аресту, 964 человѣка отданы на поруки (по 114-й ст. уложенія уголовнаго судопроизводства) и 174 освобождены безъ порукъ (по 131-й ст.). Изъ остальныхъ, 18,619 освобождены отъ суда рѣшеніями совѣщательныхъ и обвинительныхъ камеръ, 4,057 оправданы судами исправительной полиціи и 1,883 ассизными, а 5,673 приговорены ассизными и 52,791 исправительными судами къ разнымъ наказаніямъ.

Обвиненные, освобожденные отъ суда совѣщательными и обвинительными камерами, оставались подъ арестомъ весьма недолго: 9,912 человѣкъ отъ 1 дня до 2 недѣль, 5,088 отъ 2 недѣль до 1 мѣсяца, 2,484 отъ 1 до 2 мѣсяцевъ, 766 отъ 2 до 3 мѣсяцевъ, 227 отъ 3 до 4 мѣсяцевъ, 72 отъ 4 до 5 мѣсяцевъ, 47 отъ 5 мѣсяцевъ до полугода и только 23 полгода слишкомъ.

Для лицъ, судившихся въ судахъ ассизныхъ или исправительныхъ, арестъ этотъ былъ продолжительнѣе, а именно: 852 человѣка на 1000 пробыли подъ арестомъ отъ 1 дня до 2 недѣль, столько же отъ 16 дней до 1 мѣсяца, 194 на 1000 отъ 1 до 2 мѣсяцевъ, 61 на 1000 отъ 2 до 3 мѣсяцевъ, 22 на 1000 отъ 3 до 4 мѣсяцевъ, 10 на 1000 отъ 4 до 5 мѣсяцевъ, 6 на 1000

отъ 5 мѣсяцевъ до полугода и 3 на 1000 слишкомъ полгода.

Мы не могли удержаться отъ того, чтобъ не коснуться этихъ подробностей. Онѣ доказываютъ, что предварительные аресты могутъ быть подчинены болѣе строгому контролю, нежели тому, который производится надъ ними чрезъ посредство арестантскихъ списковъ. Почти повсемѣстно довольствуются только просмотромъ сихъ послѣднихъ, и то для одного лишь счета арестантамъ; тогда какъ одна изъ священнѣйшихъ обязанностей правосудія состоитъ въ бдительномъ наблюденіи, чтобъ свобода была стѣсняема лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, и чтобъ стѣсненіе это не продолжалось ни на одну минуту долѣе, чѣмъ того требуетъ необходимость.

86 французскихъ судовъ присяжныхъ засѣдали въ 1854 году 3,742 дня. Свидѣтелей допрошено при слѣдствіяхъ 67,095, а въ ассизныхъ судахъ 49,258 человѣкъ.

Изъ числа послѣднихъ, 45,617 были призваны въ судъ по требованію прокуроровъ, 3,405 по требованію истцевъ или отвѣтчиковъ и 336 по власти, предоставленной президентамъ ассизныхъ судовъ, которою они, какъ видно, пользовались съ умѣренностью.

F. *Кассаціонный судъ* (cour de cassation).

Относительно этого суда таблицы CXLII—CXLV показываютъ количество вступившихъ въ 1854 г., по каждому департаменту, прошеній объ отмѣнѣ приговоровъ, о разрѣшеніи пререканій по предмету подсудности (demandes en réglement de juges), и объ отсылкѣ дѣла на разсмотрѣніе изъ одного суда въ другой, по причинѣ основательнаго подозрѣнія или въ видахъ общественной безопасности; распредѣленіе постановленій кассаціоннаго суда по департаментамъ, къ которымъ относились помянутыя прошенія по своему предмету, и результаты прошеній, поданныхъ на приговоры всѣхъ вообще ассизныхъ судовъ.

Въ уголовную камеру кассаціоннаго суда подано въ 1854 году 1,466 прошеній по дѣламъ уголовнымъ, исправительнымъ и по дѣламъ простой полиціи. Изъ этихъ прошеній, 264 поданы прокурорами, а прочія участвующими въ дѣлѣ лицами. 925 прошеній заключали въ себѣ жалобу на приговоры по дѣламъ уголовнымъ (arrêts criminels), 352 на рѣшенія исправительныхъ, 170 на рѣшенія простыхъ полицейскихъ судовъ и 19 противъ рѣшеній дисциплинарныхъ совѣтовъ національной гвардіи (conseils de discipline de la garde nationale).

Уголовная камера произнесла 1,412 окончательныхъ рѣшеній, а именно: 237 объ уничтоженіи обжалованныхъ приговоровъ, 926 объ отказѣ въ просьбахъ и 249 о признаніи приговора не подлежащимъ обжалованію (non lieu à statuer).

Тою же камерою разрѣшено 49 прошеній по вопросамъ о подсудности и 3 просьбы о передачѣ дѣла изъ одного въ другое судебное мѣсто по подозрѣнію, основанному на законныхъ причинахъ; изъ числа первыхъ принято 37, а изъ послѣднихъ 2 прошенія.

G. *Приложенія.*

Таблицы CXLVI—CXLVIII этихъ приложеній указываютъ на число преступниковъ, выданныхъ, по требованію иностранныхъ державъ, Франціею, или Франціи иностранными державами (extraditions demandées et autorisées); на число должностныхъ лицъ, обвиненныхъ въ преступленіяхъ и проступкахъ; на число арестованныхъ въ Сенскомъ департаментѣ; на число самоубійцъ и умершихъ случайною смертью; на число арестантовъ, которые помилованы или которымъ смягчено наказаніе, по каждому галерному острогу, центральному дому или тюрьмѣ; на судебныя издержки по уголовнымъ дѣламъ и на число лицъ, подвергнутыхъ аресту для понужденія къ уплатѣ этихъ издержекъ.

Въ заключеніе таблицы CLIV—CLXV изображаютъ занятія императорскаго суда и гражданскихъ судовъ по дѣламъ уголовнымъ въ Алжирѣ.

Иностранными державами выдано въ 1854 году Франціи, по ея требованію, 46 преступниковъ; Франція, съ своей стороны, согласилась на выдачу 75 человѣкъ.

Число самоубійствъ простиралось до 3,700, изъ которыхъ 642 самоубійства приходилось на одинъ Сенскій департаментъ. Между самоубійцами было 993 женщины.

15-го Августа 1854 прощены 122 каторжника, 38 кайенскихъ ссыльныхъ, 317 арестантовъ центральныхъ тюремъ и 123 человѣка, присужденныхъ къ обыкновенному тюремному заключенію.

Судебныя издержки простирались до 5,159,488 фр. 3,817,491 фр. взыскано въ качествѣ судебныхъ издержекъ и 3,283,830 фр. въ качествѣ штрафовъ. Большая часть послѣднихъ поступила въ пользу общинныхъ кассъ.

Для понужденія къ уплатѣ судебныхъ издержекъ и денежныхъ штрафовъ, подверглись аресту 7,421 осужденныхъ, изъ которыхъ 2,687 обвинялись въ нарушеніи лѣснаго устава, а 4,734 въ обыкновенныхъ проступкахъ.

Уголовной камерѣ алжирскаго императорскаго суда, а равно константинскому, бонскому, орапскому и филиппвильскому гражданскимъ трибуналамъ, которыми до 1-го Января 1855 вѣдались также дѣла уголовныя, предстояло разсмотрѣть 248 обвиненій, относительно 358 обвиненныхъ, изъ коихъ 63 человѣка (18%) оправданы, а 93 (26%) приговорены къ уголовнымъ и 202 (56%) къ исправительнымъ наказаніямъ. Между обвиненными было 17 женщинъ.

Рѣшенію алжирскихъ исправительныхъ судовъ подлежало, 1,831 дѣло, касательно 2,267 обвиненныхъ (въ томъ числѣ 221 женщина). Освобождено отъ суда 406 человѣкъ; приговорено къ заключенію въ тюрьмѣ на одинъ

годъ и болѣе 100, къ заключенію въ тюрьмѣ на кратчайшій срокъ 989 и къ денежному штрафу 758 человѣкъ.

Суды простой полиціи въ Алжирѣ, коихъ числомъ 21, произнесли 6,347 приговоровъ.

Если въ основаніе настоящей статьи взяли мы общіе отчеты за 1854 годъ, то это единственно потому, что позднѣйшихъ отчетовъ мы не имѣли еще въ рукахъ и стало быть не могли ими воспользоваться. Впрочемъ, намѣреніе наше состояло не въ томъ, чтобъ представить читателямъ новѣйшую статистику французской юстиціи, но собственно въ томъ, чтобъ короче познакомить ихъ съ общими отчетами французскаго министра, и мы полагали, что чѣмъ скорѣе сдѣлаемъ это, тѣмъ лучше. Дѣйствительно, пора уже вездѣ отдавать себѣ ясный отчетъ во всемъ, что̀ касается отправленія правосудія, и думать о способахъ, которыми могли бы быть исправлены существующіе по этой части недостатки.

X.

ОБЪ АППЕЛЛЯЦІЯХЪ И ЖАЛОБАХЪ ПО ДѢЛАМЪ УГОЛОВНЫМЪ.

Право аппелляціи по дѣламъ уголовнымъ основано на убѣжденіи, что дѣло, будучи вторично разсмотрѣно высшимъ судебнымъ мѣстомъ, получитъ въ немъ болѣе правильное рѣшеніе, нежели какое оно получило въ подчиненномъ мѣстѣ. Въ основаніи этого убѣжденія лежитъ сознаніе о несовершенствѣ и слабости суда человѣческаго. И свидѣтели, и судьи, и присяжные, какъ люди, могутъ ошибаться, могутъ осудить невиннаго, и какое бы ни было дано устройство судебной части, подобныя ошибки все - таки не будутъ невозможны. Отсюда необходимость для законодателя преподать какія-либо средства противъ зла, котораго онъ не съумѣлъ или не смогъ предупредить. Однимъ изъ такихъ средствъ, предписываемымъ чувствами справедливости и человѣколюбія, является право аппелляціи. Если этого права, или равносильныхъ ему, въ сущности, способовъ пересмотра состоявшагося рѣшенія не лишаются обвиняемые въ государствахъ, гдѣ правильность отправленія уголовнаго правосудія обезпечивается формами гласнаго судопроизводства и гдѣ судебныя ошибки бываютъ, сравнительно, довольно рѣдки, то естественно, что оно не можетъ, безъ опасенія, быть отнято у обвиняемаго тамъ, гдѣ существуетъ слѣдственный процессъ и гдѣ, къ сожалѣнію, случаются весьма часто такія ошибки. Право это не избавляетъ виновнаго отъ заслуженнаго наказанія; оно, конечно, замедляетъ исполненіе при-

говора надъ виновнымъ; но это такое неудобство, которое можетъ легко быть допущено въ видахъ справедливости. Въ дѣлѣ суда главное — судить хорошо, а судить скоро — это второстепенное условіе. Но для невиннаго право аппелляціи есть дѣйствительное убѣжище, даже при томъ слабомъ обезпеченіи, какое находитъ онъ въ тайномъ процессѣ. Оно искупаетъ, или, по крайней мѣрѣ, смягчаетъ до нѣкоторой степени неблагопріятное для юридической истины вліяніе этого процесса, устраняющаго всякое живое слово, всякую повѣрку, всякій контроль общественнаго мнѣнія. Одинъ составъ высшихъ судовъ, независимо отъ другихъ условій, представляетъ, и по количеству, и по качеству судей, несравненно болѣе ручательства въ правильномъ разрѣшеніи дѣла, чѣмъ составъ судовъ низшихъ, подчиненныхъ. Въ этомъ отношеніи право аппелляціи по дѣламъ уголовнымъ, какъ способъ, даваемый подсудимымъ и участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ, къ принесенію своихъ оправданій и вообще къ защитѣ законныхъ правъ своихъ, получаетъ у насъ особенную важность.

Между тѣмъ существующія объ апелляціяхъ по дѣламъ уголовнымъ постановленія не отличаются тою опредѣлительностью и точностью, какихъ, по важности предмета, ожидать надлежало бы. Судебная практика, при отсутствіи твердыхъ единообразныхъ началъ, не удовлетворяетъ своему назначенію. Вмѣсто того, чтобъ разрѣшать, разъяснять недомолвки въ законѣ и служить руководительницею въ сомнительныхъ случаяхъ, она нерѣдко увеличиваетъ и утверждаетъ сомнѣнія, придавая имъ видъ законности, не существующій на дѣлѣ. Инициатива, предоставленная судебнымъ мѣстамъ въ измѣненіи, дополненіи или исправленіи недостаточныхъ постановленій, большею частію не приводитъ къ полезнымъ результатамъ, и возбуждаемые, по необходимости, во-

просы чаще откладываются, подъ разными предлогами, нежели разрѣшаются своевременно. Очевидно, что все это не можетъ оказывать благодѣтельнаго вліянія на отправленіе уголовнаго правосудія.

По прежнимъ узаконеніямъ, установившимся окончательно въ началѣ текущаго столѣтія, и до изданія Уложенія о наказаніяхъ, предоставлено было судамъ первой степени постановлять окончательные приговоры по тѣмъ уголовнымъ дѣламъ, по коимъ подсудимые не приговаривались къ лишенію жизни, чести, или добраго имени, или къ торговой казни (ст. 1218 и 1225 Т. XV Св. изд. 1842 г.). Въ то время лица, неизъятыя отъ наказаній тѣлесныхъ и непринадлежащія къ привилегированнымъ сословіямъ, подлежали лишенію правъ состоянія только при осужденіи ихъ къ каторжной работѣ, или къ ссылкѣ въ Сибирь, или къ замѣнявшей сію ссылку отдачѣ въ солдаты и въ арестантскія роты, и власть суда первой степени въ постановленіи *окончательныхъ* рѣшеній распространялась на всѣ преступленія, за которыя не было опредѣлено вышеозначенныхъ наказаній, сопряженныхъ съ лишеніемъ правъ состоянія. По дѣламъ о всѣхъ этихъ преступленіяхъ предоставлялось подсудимымъ приносить *апелляціонные отзывы*, прежде исполненія рѣшенія, на суды первой степени въ уголовныя палаты, а на палаты въ Сенатъ, установленнымъ порядкомъ. По тѣмъ же дѣламъ, по которымъ подсудимые, неизъятые отъ наказаній тѣлесныхъ и непринадлежащіе къ привилегированнымъ сословіямъ, подлежали одному изъ вышеупомянутыхъ наказаній, и по которымъ постановленіе окончательныхъ приговоровъ предоставлено было, въ ревизіонномъ порядкѣ, уголовнымъ палатамъ, подсудимые не могли подавать апелляціонныхъ отзывовъ, но могли приносить *жалобы* Сенату, послѣ исполненія надъ ними приговора, т. е. когда они уже наказаны были тѣлесно и достигли мѣста назначенія.

Со введеніемъ въ дѣйствіе Уложенія о наказаніяхъ, власть судовъ первой степени въ окончательномъ рѣшеніи дѣлъ о преступленіяхъ и проступкахъ значительно ограничилась, и то же правило, что судъ первой степени не постановляетъ окончательныхъ рѣшеній по преступленіямъ, подвергающимъ лишенію или ограниченію правъ состоянія, получило совсѣмъ другія послѣдствія, ибо по Уложенію, какъ извѣстно, не только каторжная работа, ссылка на поселеніе и отдача въ арестантскія роты, но и содержаніе въ рабочемъ домѣ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ заключеніе въ крѣпости и смирительномъ домѣ сопровождаются, для лицъ всѣхъ безъ изъятія сословій, лишеніемъ или ограниченіемъ правъ или преимуществъ.

Какъ бы то ни было, но при согласованіи постановленій Уложенія съ законами о судопроизводствѣ, въ редакціи статей законовъ, опредѣляющихъ власть судовъ первой степени, а затѣмъ и порядокъ производства по дѣламъ, влекущимъ за собою потерю нѣкоторыхъ особенныхъ, по ст. 53 Улож., правъ и преимуществъ, вкралось противорѣчіе.

По 1218 ст. XV т. Св. Зак. Угол. въ VI прод., дѣла, по коимъ подсудимые подвергаются заключенію въ крѣпости или въ смирительномъ домѣ, съ потерею этихъ особенныхъ правъ, отнесены къ окончательному разбору судовъ первой степени, съ предоставленіемъ подсудимому права аппелляціи, а по ст. 1225 въ томъ же прод., дѣла сего рода изъяты изъ окончательнаго вѣдомства тѣхъ судовъ и подчинены ревизіи палатъ, безъ аппелляціи подсудимыхъ, на томъ же самомъ основаніи, какъ и дѣла по преступленіямъ, влекущимъ за собою отдачу въ рабочіе домы, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ.

Такъ какъ порядокъ, указанный въ этой послѣдней статьѣ закона, подтверждался ст. 3848 т. II Св. Общ.

Губ. Учр., въ VI прод., и какъ, кромѣ того, на него сдѣлана ссылка въ ст. 1321 XV т., въ томъ же прод., гдѣ именно сказано: «отзывы дозволяется подавать по тѣмъ дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ, которыя, *на основаніи установленнаго въ ст. 1225 порядка,* не вносятся на ревизію въ уголовную палату;» то означенное противорѣчіе нѣкоторыя палаты полагали возможнымъ согласить прямымъ смысломъ ст. 1225, и на этомъ основаніи признали, что не слѣдуетъ допускать подсудимыхъ къ апелляціи въ Правительствующій Сенатъ на рѣшенія палатъ по дѣламъ, по которымъ они будутъ присуждены къ отдачѣ въ рабочіе домы, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, или къ заключенію въ крѣпости или смирительномъ домѣ, съ потерею лишь нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ.

Но такое заключеніе было несообразно съ ст. 1338 т. XV въ VI прод., по которой подсудимые, непзъятые отъ тѣлесныхъ наказаній, могутъ приносить жалобы Правительствующему Сенату на окончательныя рѣшенія палатъ, послѣ исполненія надъ ними приговора, *только* въ случаѣ осужденія ихъ къ ссылкѣ въ каторжную работу или на поселеніе, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, или же къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства, съ потерею всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ.

Изъ сего рождался вопросъ: какимъ же средствомъ защиты противъ неправильныхъ или несправедливыхъ приговоровъ должны пользоваться подсудимые, непзъятые отъ наказаній тѣлесныхъ, когда они приговорены палатами *къ отдачѣ въ рабочій домъ, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, или къ заключенію въ крѣпости или смирительномъ домѣ, съ потерею нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ?*—вопросъ тѣмъ болѣе важный, что эти три рода наказанія опредѣляются

Уложеніемъ преимущественно за такія дѣянія, которыя составляютъ у насъ самый многочисленный классъ преступленій, какъ то: нѣкоторые виды кражи и укрывательства оной, мошенничества, обманы, самовольная порубка и похищеніе лѣсовъ, подкидываніе младенцевъ, проживательство по подложнымъ или чужимъ паспортамъ, такъ называемое *приспѣшеніе* (ускореніе) смерти разными противозаконными или неосторожными дѣйствіями и многіе другіе проступки.

Предоставить подсудимымъ, приговореннымъ къ означеннымъ родамъ наказаній, подавать *апелляціонные отзывы* прежде исполненія рѣшеній, на основаніи общихъ правилъ объ апелляціяхъ по дѣламъ уголовнымъ, — казалось несогласнымъ со статьями 1225 и 1321; дозволить же подсудимымъ, въ видѣ крайняго средства, приносить въ подобныхъ случаяхъ *жалобы* Сенату, послѣ исполненія надъ ними приговора, — казалось также невозможнымъ, ибо этому противилась ст. 1338 т. XV въ VI прод.

Считая вышеизложенное противорѣчіе за пропускъ или недосмотръ въ редакціи относящихся сюда постановленій (которыя и сами не имѣли, конечно, въ виду поставить цѣлую категорію подсудимыхъ въ безвыходное, относительно способовъ оправданія, положеніе), нѣкоторыя уголовныя палаты приняли за правило: по всѣмъ дѣламъ, по коимъ подсудимые не приговаривались къ одному изъ исчисленныхъ въ приведенной 1338 ст. наказаній, а именно, къ ссылкѣ въ каторжную работу или на поселеніе, или къ отдачѣ въ арестантскія роты, предоставлять подсудимымъ право апелляціи, на прежнемъ основаніи, и положили слѣдовать этому правилу впредь до разъясненія упомянутаго вопроса въ законодательномъ порядкѣ, о чемъ и донесли Правительствующему Сенату.

Между тѣмъ, по обсужденіи встрѣченнаго недоразумѣнія въ соединенныхъ присутствіяхъ губернскихъ прав-

леній и палатъ, по существующему порядку, вступили въ Сенатъ, почти въ одно время изъ разныхъ губерній, представленія объ измѣненіи вышеуказанныхъ статей законовъ.

Общее Собраніе Первыхъ Трехъ Департаментовъ и Департамена Герольдіи Правительствующаго Сената, до разсмотрѣнія котораго доходили всѣ эти представленія и въ которомъ тогда же производилось общее дѣло и о другихъ затрудненіяхъ, встрѣченныхъ при введеніи въ дѣйствіе Уложенія о наказаніяхъ, соглашаясь съ заключеніями подлежащихъ департаментовъ Сената, въ Декабрѣ 1854 года, между прочимъ, опредѣлило: въ отклоненіе возникшихъ недоразумѣній и въ измѣненіе соотвѣтствующихъ статей законовъ, постановить, что о лицахъ, неизъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія (если дѣла о нихъ, на основаніи 2370 ст. II т. и 1676 ст. XV т. въ VI прод., не подлежатъ разбирательству полицейскому) судъ первой степени постановляетъ окончательныя рѣшенія по всѣмъ преступленіямъ, за кои опредѣляется закономъ: лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и отдача въ рабочій домъ, заключеніе въ крѣпости и въ смирительномъ домѣ съ ограниченіемъ или безъ ограниченія правъ состоянія, заключеніе въ тюрьмѣ, арестъ или другія менѣе строгія наказанія; о лицахъ же прочихъ сословій суды первой степени постановляютъ окончательные приговоры по всѣмъ дѣламъ, по коимъ подсудимые не подлежатъ по закону лишенію или ограниченію правъ состоянія. *По всѣмъ дѣламъ, подлежащимъ окончательному разбирательству судовъ первой степени, предоставляется подсудимымъ право подавать, установленнымъ порядкомъ, апелляціонные отзывы до исполненія рѣшеній.*

Такимъ образомъ разрѣшался положительно вопросъ и о предѣлахъ судебной власти судовъ первой степени въ

постановленіи окончательныхъ приговоровъ по преступленіямъ и проступкамъ,—вопросъ, столь тѣсно связанный съ вопросомъ объ аппелляціяхъ.

Такимъ образомъ устранялись и разрѣшались возможно-правильно и разумно, при настоящемъ судопроизводствѣ, сомнѣнія, ежедневно возникавшія на практикѣ при примѣненіи постановленій по предметамъ, принадлежащимъ къ числу самыхъ темныхъ въ нашемъ законодательствѣ.

Государственный Совѣтъ, куда поступило это дѣло, призналъ, что всѣ означенные вопросы «имѣя болѣе или менѣе близкую связь съ разными статьями устава уголовнаго судопроизводства, *могутъ вполнѣ удовлетворительно быть разрѣшены только при составленіи сего устава;* отдѣльное же ихъ разсмотрѣніе сопряжено было бы со многими неудобствами и, можетъ статься, въ скоромъ времени, т. е. при изданіи означеннаго устава, *потребовало бы вновь измѣненія.* Посему Государственный Совѣтъ счелъ удобнѣйшимъ всѣ сіи вопросы передать во II Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, для соображенія при окончательномъ составленіи Устава Уголовнаго Судопроизводства»; о чемъ и распубликовано, по Общему Собранію С-Петербургскихъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, въ указахъ отъ 22 Августа 1855 года.

Когда затѣмъ стали вновь поступать въ Сенатъ во множествѣ и представленія уголовныхъ палатъ, которыя все-таки оставались въ недоумѣніи на счетъ порядка обжалованія судебныхъ рѣшеній лицами, приговоренными къ отдачѣ въ рабочій домъ, или въ крѣпость, или смирительный домъ, съ лишеніемъ всѣхъ или нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, и просьбы самихъ присужденныхъ палатами къ этимъ наказаніямъ подсудимыхъ о пересмотрѣ ихъ дѣлъ и облегченіи ихъ уча-

сти, — Сенатъ оставилъ и представленія и жалобы безъ послѣдствій, давъ знать, въ Іюнѣ 1856 г., подлежащимъ палатамъ, что, за силою изъясненнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, существующіе законы (ст. 1225 и 1338 XV т. по VI прод. *) «должны оставаться безъ измѣненія, т. е. что подсудимые, неизъятые отъ тѣлесныхъ наказаній, приговоренные къ отдачѣ въ рабочій домъ, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, и къ заключенію въ крѣпости или въ смирительномъ домѣ, съ потерею нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ, *не имѣютъ права жаловаться ни до исполненія, ни по исполненіи состоявшихся о нихъ приговоровъ*».

Примѣра подобной юриспруденціи не представляетъ, въ настоящемъ случаѣ, ни одно государство, ибо вездѣ есть какой-нибудь способъ, обыкновенный или чрезвычайный, человѣку, убѣжденному въ своей невинности, или въ томъ, что его осудили свыше мѣры вины, искать огражденія, требовать справедливости у высшаго судебнаго мѣста, или у верховнаго правительства. На основаніи же приведенной юриспруденціи, цѣлая и, какъ выше объяснено, самая многочисленная категорія подсудимыхъ ставится въ невозможность доказывать свою невинность, тогда какъ еще не исчерпаны всѣ степени судебной іерархіи, доказывать ее какимъ бы то ни было образомъ, не только апелляціоннымъ порядкомъ, но и путемъ жалобы послѣ исполненія приговора, т. е. въ то время, когда осужденный не имѣетъ очевидно ни интереса, ни повода стараться замедлить или запутать дѣло, объ немъ уже конченное.

Каковы должны быть на практикѣ послѣдствія подобной юриспруденціи, которою наши судебныя мѣста руководствуются уже безъ малаго четыре года, и сколько част-

---

*) Законы эти перешли въ томъ же видѣ и въ Св. 1857 г. См. т. XV ст. 354, 364 и 484.

ныхъ случаевъ въ теченіе этого времени подведено было и продолжаетъ подводиться подъ эту теорію, — предоставляемъ соображенію читателя, безъ дальнѣйшихъ объясненій.

Мы, съ своей стороны, считаемъ юриспруденцію эту несогласною съ исторіею и съ началами нынѣ дѣйствующихъ у насъ законовъ; считаемъ ее вредною для дѣла и несовмѣстною съ самымъ достоинствомъ уголовнаго правосудія.

Законы наши никогда не запрещали наказаннымъ подавать жалобы о своей невинности. Запрещенія этого не содержится ни въ указѣ 1784 г. (16,022), которымъ право аппелляціи, допускавшееся прежде по всѣмъ безъ исключенія дѣламъ уголовнымъ, ограничено лишь менѣе важными дѣлами, ни въ позднѣйшихъ узаконеніяхъ. Съ самымъ этимъ ограниченіемъ, замѣтимъ мимоходомъ, практика не могла долго примириться, потому что оно опиралось болѣе на административныхъ, нежели на юридическихъ соображеніяхъ *), такъ что, не смотря на указъ 1784 г., аппелляція допускалась Сенатомъ, какъ велось

---

*) Соображенія эти касались преимущественно устраненія медленности и накопленія дѣлъ въ Сенатѣ. «Дѣла уголовныя . . . . , начинаясь въ нижнихъ судахъ того уѣзда, гдѣ учинено преступленіе, поступаютъ, если обвиняемый подлежитъ лишенію жизни, или торговой казни, на ревизію въ средніе суды, а изъ оныхъ таковымъ же порядкомъ въ палату уголовнаго суда, которая и приступаетъ къ рѣшительному вершенію дѣла, и для того вноситъ къ Государеву намѣстнику, или къ главнокомандующему, или, въ небытность ихъ, къ правителю губерніи, ... по каковому теченію чрезъ многія инстанціи дѣлъ уголовныхъ подсудимый довольно имѣетъ, для невинности своей и для отвращенія могущей воспослѣдовать ему несправедливости, охраненія» (1784 Іюня 17).

Не говоря ни объ упоминаемыхъ здѣсь *среднихъ судахъ* (верхніе земскіе суды, губернскіе магистраты, верхнія расправы), которыхъ нынѣ не существуетъ, ни о медленности,

со времени учрежденія о губерніяхъ, по всѣмъ дѣламъ уголовнымъ, до 1809 и даже 1813 года. Съ тѣхъ поръ былъ только одинъ моментъ въ исторіи развитія нашего судопроизводства, когда право *наказанныхъ* уже приносить жалобы Сенату находилось какъ бы въ колебаніи; но колебаніе это устранено указомъ 1823 г. (29,391), въ которомъ сказано: «Пріемля въ уваженіе, что приносящіе жалобы по наказаніи приступаютъ къ тому конечно не такъ, какъ бы можно полагать о ненаказанныхъ еще, т. е. для промедленія производства, или же для запутанности дѣла, но, повидимому, убѣждаясь въ своей невинности и твердо надѣясь, что симъ способомъ откроется она предъ верховнымъ судилищемъ, какъ то уже и случилось по дѣлу о крестьянинѣ Олонецкой губерніи Сухарниковѣ, разсмотрѣнному Сенатомъ по Высочайшему повелѣнію, и что̀ доказывается еще многими примѣрами о возвращеніи наказанныхъ уже изъ Сибири: то по уваженію сего, даровать людямъ нижняго состоянія право о невинномъ ихъ наказаніи приносить жалобы Правительствующему Сенату, ибо предоставленіе такового права обратитъ вящшее вниманіе губернскихъ судебныхъ мѣстъ

происходившей отъ примѣненія къ дѣламъ уголовнымъ апелляціонныхъ обрядовъ и сроковъ гражданскаго судопроизводства, отмѣненныхъ въ 1802 г. (20,561), замѣтимъ только, что изложенныя въ приведенномъ указѣ причины, особенно *теченіе дѣлъ чрезъ многія инстанціи*, не заключали, кажется, и въ глазахъ самого законодателя достаточнаго основанія къ ограниченію права апелляціи по дѣламъ уголовнымъ, такъ какъ дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ инстанцій, и что вообще указъ 1784 г. имѣлъ первоначально характеръ временной мѣры, обратившейся въ постоянный законъ лишь впослѣдствіи, по соображеніямъ, также чуждымъ юридическаго значенія. По крайней мѣрѣ на докладѣ, по которому состоялся означенный указъ, читаемъ слѣдующую условную резолюцію Императрицы Екатерины II: «Быть по сему до *будущаго установленія*».

на точное и рачительное производство слѣдствій о преступленіяхъ, и на постановленія, *сообразныя винамъ и правосудію приговоровъ, къ чему стремятся всѣ законы, и къ чему руководствуетъ самое Его Императорскаго Величества милосердіе и человѣколюбіе, ознаменованныя по дѣлу крестьянина Сухарникова, который, если-бы не отверзся ему путь къ разсмотрѣнію дѣла его въ верховномъ судилищѣ, былъ бы, такъ сказать, донынѣ въ обществѣ мертвыхъ, въ оскорбленіе самаго правосудія и къ разрушенію благосостоянія и безопасности подобно ему невинныхъ людей, причисленныхъ къ классу нижняго состоянія*».

На этомъ указѣ основанъ сохранившійся доселѣ законъ (Т. XV Св. 1842 г. ст. 1338, св. 1857 г. ст. 484) о жалобахъ на окончательныя рѣшенія послѣ ихъ исполненія. Удовлетворяетъ ли этотъ законъ, или не удовлетворяетъ современнымъ понятіямъ о судѣ и условіямъ настоящаго судоустройства — это другой вопросъ. Но если установленное этимъ закономъ право подачи подобныхъ жалобъ, за неимѣніемъ лучшаго способа къ возстановленію судебной истины, распространялось, до изданія Уложенія о наказаніяхъ, на всѣхъ, кто не имѣлъ права апелляціи, и наоборотъ, если ни у кого не отнималось права апелляціи, кто не пользовался правомъ жалобы, то не могло быть никакого повода дѣлать изъятіе изъ этого кореннаго правила при изданіи Уложенія о наказаніяхъ, которое вообще направлено къ облегченію, а не къ обремененію участи подсудимыхъ. Посему мы и сами полагаемъ, что вышеозначенное противорѣчіе въ 1218, 1225 и 1338 ст. XV т. въ VI прод., постановленныхъ не въ отмѣну, а лишь въ измѣненіе тѣхъ же статей прежнихъ законовъ, по поводу изданія Уложенія о наказаніяхъ. было не болѣе, какъ просто недосмотръ въ редакціи соотвѣтственныхъ постановленій, и убѣждены, что если бы

Государственный Совѣтъ могъ предвидѣть практическія послѣдствія этого недосмотра, то едвали бы отложилъ исправленіе его до составленія новаго устава уголовнаго судопроизводства, тѣмъ болѣе, что исправленіе это, какъ изъ изложеннаго видно, не влекло за собою никакихъ перемѣнъ въ цѣлой системѣ уголовнаго судопроизводства, и могло, въ томъ или иномъ смыслѣ, быть сдѣлано отдѣльно, не касаясь прочихъ существующихъ по сей части узаконеній, что̀ доказывается опредѣленіемъ Общаго Собранія Сената 1854 года.

Во всякомъ случаѣ, означенное заключеніе Государственнаго Совѣта не можетъ, по нашему мнѣнію, быть приводимо въ основаніе разсматриваемой нами юриспруденціи, какъ потому, что заключеніемъ этимъ *не узаконяется* помянутое противорѣчіе, но лишь отлагается соглашеніе его, въ законодательномъ порядкѣ, до болѣе удобнаго времени, такъ и потому, что хотя по словамъ 65 ст. I т. Св. Зак. Осн., законы должны быть исполняемы по точному и буквальному смыслу оныхъ, безъ всякаго измѣненія или распространенія; но въ той же статьѣ сказано, что «если бы гдѣ-либо, *по различію буквальнаго смысла узаконеній*, встрѣтилось затрудненіе въ избраніи и приложеніи закона: въ такомъ случаѣ, *по невозможности согласить буквальный смыслъ одного закона съ таковымъ же другаго* (что̀ именно и случилось съ приведенными статьями XV т. въ VI прод.,) *самая необходимость предписываетъ, особенно въ высшихъ мѣстахъ, слѣдовать общему духу законодательства и держаться смысла, наиболѣе оному соотвѣтствующаго*».

Общій же духъ законодательства и смыслъ, наиболѣе ему соотвѣтствующій, открываетъ намъ только исторія законовъ, и мы показали, что ей совершенно противна утвердившаяся въ нашихъ судахъ теорія, по которой подсудимые низшаго званія, приговоренные къ отдачѣ въ ра-

бочій домъ, или въ крѣпость, или въ смирительный домъ, съ лишеніемъ всѣхъ или же нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, признаются не имѣющими права жаловаться *ни до исполненія, ни по исполненіи состоявшихся о нихъ приговоровъ;*—противна потому, что такого и даже подобнаго ему правила никогда у насъ не существовало съ тѣхъ поръ, какъ наши теперешнія учрежденія и судопроизводство получили окончательное свое образованіе и опредѣленіе.

Она противна и нынѣ дѣйствующимъ законамъ, потому что такого правила не выражено ни въ вышеприведенныхъ статьяхъ VI продолженія къ Своду 1842 г., ни въ Сводѣ 1857 года, и что по существующимъ законамъ (Т. XV ст. 466) допускаются, какъ извѣстно, жалобы даже на окончательныя рѣшенія Правительствующаго Сената.

Она существенно вредна для дѣла, потому что не только не обращаетъ «ящшаго вниманія губернскихъ судебныхъ мѣстъ на точное и рачительное производство слѣдствій о преступленіяхъ и на постановленія, сообразныя винамъ и правосудію приговоровъ, къ чему стремятся всѣ законы», но дѣйствуетъ въ направленіи, совершенно противоположномъ этой цѣли указа 1823 года и, прибавимъ, неотвратимомъ при формѣ нашего процесса.

Она, наконецъ, несовмѣстна съ самымъ достоинствомъ правосудія, потому что толкуетъ недомолвку закона не въ пользу, но во вредъ подсудимаго, въ нарушеніе общаго основнаго правила уголовной юстиціи и науки уголовнаго права.

К. Яневичъ-Яневскій.

XI.

ОБОЗРѢНІЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

По римскому праву.

Начнемъ съ римскаго права.—Почему?

Вопросъ этотъ напоминаетъ мнѣ слѣдующее «достопамятное происшествіе» въ лѣтописяхъ нашихъ университетовъ.

Тому назадъ лѣтъ 25, когда возвратились изъ-за границы молодые юристы, въ томъ числѣ и я, чтобъ занять каѳедры въ нашихъ юридическихъ факультетахъ, одинъ изъ старыхъ профессоровъ этого же факультета спросилъ моего товарища, назначеннаго на каѳедру римскаго права: «Зачѣмъ это право преподается въ Россіи?»—«Такъ положено по Уставу»—отвѣчалъ, съ невозмутимымъ спокойствіемъ, молодой профессоръ. Лучшаго отвѣта едва ли можно было дать на такой невѣжественный вопросъ господина профессора юриспруденціи.

Какъ же, послѣ этого, винить публику, что она, если не повторяетъ подобнаго вопроса, то потому только, что большею частью довольствуется подобнымъ отвѣтомъ, тѣмъ болѣе, что преподаваніе римскаго права не введено въ наши университеты новымъ уставомъ, но существуетъ съ самаго ихъ основанія, и что потому публика успѣла къ тому привыкнуть, какъ привыкла смотрѣть безсознательно на многое непонятное, вокругъ нея происходящее?

Винить ее нельзя еще и потому, что у насъ преподаваніе римскаго права не всегда соотвѣтствуетъ его великому значенію для всякаго юриста, къ какой бы націи онъ ни принадлежалъ, такъ что и самый любознательный слушатель лекцій по римскому праву не всегда выноситъ съ собою изъ университета убѣжденіе въ необходимости его изученія. Не счастливѣе ли, въ этомъ отношеніи, наши филологи, которые скорѣе испытываютъ сами на себѣ ощутительную пользу изученія древнихъ классическихъ языковъ, хотя, можетъ быть, только потому, что это изученіе начинается для нихъ не въ университетахъ, а еще въ гимназіяхъ. А что̀ для филолога греческій и латинскій языки, съ ихъ литературою, выражающую въ себѣ безсмертный духъ классической древности, то̀, безъ сомнѣнія, для юриста римское право, съ его вѣчнымъ содержаніемъ, съ его образцовою методою, съ его точнымъ, опредѣленнымъ, незамѣнимымъ языкомъ, съ его историческимъ развитіемъ и ученою обработкою, продолжающимися вотъ уже два съ половиною тысячелѣтія.

Если подъ именемъ римскаго права преподавать римскія юридическія древности со всѣми ихъ мелочами, или же влагать въ положительное его содержаніе свои личныя мнѣнія и воззрѣнія, свои бредни и фантазіи, выдавая ихъ за такъ называемую философію положительнаго права; или если, наконецъ, читать его по учебнику какого-нибудь Макельдея, даже хотя бы по лекціямъ западныхъ знаменитостей—Савиньи, Кленце и т. п., то римское право, конечно, представится русскому юристу не въ томъ свѣтѣ, лучи котораго могли бы озарить окружающій его мракъ.

Наконецъ, не въ правѣ ли публика считать римское право вовсе излишнимъ для русскаго юриста, постоянно имѣя предъ собою безчисленные примѣры, какъ у насъ

юридическія должности, отъ низшихъ до высшихъ, занимаются и проходятся людьми, которые не только не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о римскомъ правѣ, но и въ своемъ отечественномъ законодательствѣ нахватались кой-какихъ свѣдѣній, рутиною, уже на самой службѣ? А ходатаи, повѣренные наши по судебнымъ дѣламъ —это большею частью люди безграмотные, никогда, нигдѣ и ничему неучившіеся. Публика видитъ сословіе медиковъ, сословіе духовенства, но сословія юристовъ не видитъ. Публика знаетъ, что есть цехи для всѣхъ возможныхъ ремеслъ; что надобно держать экзаменъ и въ булочники, и въ сапожники, и въ портные; но что въ судьи, произносящіе приговоръ о нашей жизни, чести и имуществѣ, въ повѣренные по дѣламъ, отстаивающіе права наши, защищающіе насъ, могутъ быть назначаемы всѣ безъ разбора, — и выводитъ такое заключеніе, что для русскаго юриста не только вовсе не нужно знать римское право, но излишне всякое вообще знаніе; а нужны только для судьи—ловкій секретарь, для секретаря—сноровка, для повѣреннаго умѣнье къ кому подлѣзть, кого задобрить и т. п. Къ чему же тутъ какія бы то ни было юридическія свѣдѣнія? Наши юристы ни рождаются, ни дѣлаются, а такъ себѣ — назначаются въ юристы — по выборамъ, или по милости высшаго начальства, или по волѣ судьи, или, наконецъ, по слѣпому довѣрію лицъ, тяжущихся и обвиняемыхъ. Къ чему тратить долгіе годы въ юридическихъ факультетахъ, въ лицеяхъ, въ Училищѣ Правовѣдѣнія, подвергаясь множеству репетицій, экзаменовъ и другихъ тяжкихъ формальностей, — между тѣмъ, какъ служба неучившихся въ этихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ сверстниковъ считается уже съ 16 лѣтъ, такъ что неучамъ легко опередить своихъ ученыхъ собратій? Развѣ для чина, для повышеній, для карьеры? Но съ тѣхъ поръ, какъ сроки для повышенія въ чинъ одни

для всѣхъ, между кончившимъ курсъ въ университетѣ не ранѣе 20 лѣтъ и между кончившимъ курсъ въ приходскомъ училищѣ разница не столь велика, чтобъ быть приманкой къ ученію. А что касается до дальнѣйшаго прохожденія службы, карьеры, то она зависитъ совершенно отъ посторонннхъ ученію и знанію обстоятельствъ: во-первыхъ — отъ связей, и это главное; потомъ отъ протекціи, въ замѣну связей; далѣе отъ умѣнья не служить, а прислуживаться; затѣмъ отъ лѣтъ, проведенныхъ на службѣ, и наконецъ отъ такихъ случайностей, которыхъ нельзя преклонить на свою сторону никакими предварительными мѣрами, а которыми нужно только умѣть ловко воспользоваться въ свое время.

Кому, послѣ того, у насъ дѣло, что̀, какъ, зачѣмъ и когда преподается въ нашихъ юридическихъ факультетахъ?... «Такъ положено по Уставу»—вотъ краткій, но сильный отвѣтъ на всѣ эти вопросы. Напиши сегодня въ Уставѣ, чтобъ, вмѣсто римскаго права, которое-де слишкомъ отзывается прогрессомъ, преподавалось китайское право, какъ истинно-консервативное,—и будутъ преподавать китайское право; и родители, посылая своихъ сынковъ въ университетъ, будутъ напутствовать ихъ наставленіемъ въ такомъ родѣ: «Смотри же, получи званіе кандидата, т. е. 10-й классъ, и для этого выдолби хорошенько китайское право, которое тамъ, у васъ, считается главнымъ предметомъ!»

Уничтожимъ причины, и слѣдствія сами собою уничтожатся. Создадимъ сословіе юристовъ, сословіе судей и адвокатовъ, и все пойдетъ своимъ стройнымъ ходомъ. Явится истинное правосудіе, юстиція — этотъ внутренній оплотъ нашей безопасности и нашего благосостоянія, — важный никакъ не менѣе внѣшняго оплота — войска, флота и т. п. Преобразуются юридическіе факультеты согласно требованіямъ этой юстиціи. Разовьется наше

законодательство на твердыхъ началахъ народной самобытности, переставъ быть выраженіемъ минутныхъ требованій и преходящихъ случайностей. Наконецъ созрѣетъ наука и практика отечественнаго права, опирающаяся, съ одной стороны, на результаты, добытые всѣмъ человѣчествомъ, а съ другой стороны — на особенныхъ обычаяхъ и нравахъ, на своеобразной жизни, вообще на разумной дѣйствительности.

Не будемъ извиняться тѣмъ, что создать у насъ сословіе юристовъ чрезвычайно трудно или даже рановременно. Вѣдь мы же не затруднялись создать сословіе врачей: довольно будетъ, на первый разъ, если мы хоть скопируемъ, для новаго сословія юристовъ, уже существующія издавна постановленія о старомъ сословіи врачей, а тамъ само дѣло укажетъ на необходимыя модификаціи. Вѣдь давно же признали своевременнымъ требованіе, чтобъ, безъ знанія медицины, научнаго и практическаго, никто не осмѣливался, подъ страхомъ наказанія, лечить не только человѣка, но и скотину. Неужели имущество гражданина, — эта вещественная основа его нравственнаго благосостоянія; неужели честь—это «не-тронь меня» всякаго благороднаго человѣка; неужели, наконецъ, самая жизнь, со всѣми ея существенными принадлежностями,—это безусловное условіе всякаго бытія; неужели, говорю, все это ниже того, что̀ мы ввѣряемъ врачамъ, или, правильнѣе, неужели между здоровьемъ, жизнью, честью и имуществомъ мы не замѣчаемъ такой же неразрывной связи, какая существуетъ между тѣломъ и душею человѣка, между его физическимъ и нравственнымъ бытомъ, и, съ другой стороны, между сословіями врачей, юристовъ, духовенства, вообще между всѣми сословіями, всѣми гражданами въ государствѣ?

Послѣднее возраженіе, употребляемое обыкновенно противъ сословія юристовъ, и, повидимому, самое сильное, то, что существованіе его несогласно съ нашимъ образомъ правленія и вообще ведетъ къ переворотамъ, скажемъ прямо—къ революціи. Но это опасеніе такъ нелѣпо, что не стоило бы труда и говорить объ немъ, еслибъ не находилось у насъ людей, довольно, такъ сказать, вліятельныхъ, которые задерживаютъ этимъ пугаломъ введеніе въ наше судопроизводство гласности и устности, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, учрежденіе независимыхъ отъ администраціи судовъ и организованнаго корпуса адвокатовъ. Стыдно намъ, еще недавно находившимся въ интимныхъ связяхъ съ Неаполемъ, не знать, что все это есть даже въ этой прелестной странѣ, о которой уже никакъ нельзя сказать, чтобъ она отличалась хоть тѣнью какого-нибудь либерализма. Я сохранилъ на память печатную брошюру одного неаполитанскаго адвоката, съ которымъ познакомился въ Неаполѣ, подъ заглавіемъ: «Рѣчь, произнесенная въ неаполитанскомъ верховномъ военномъ судѣ, адвокатомъ П. С. Манчини, въ защиту капрала І. Эспозито» (Discorso pronunziato nell' alta corte militare in Napoli dall' avvocato P. S. Mancini a difesa del caporale G. Esposito, 5 Settembre, 1840) *). Объѣхавъ всю западную Европу, я вездѣ нашелъ болѣе или менѣе процвѣтающимъ сословіе юристовъ, со всѣми принадлежностями

*) Этотъ капралъ приговоренъ былъ корпуснымъ военнымъ судомъ къ разстрѣлянью, за нарушеніе военной подчиненности, сопряженное съ убійствомъ своего непосредственнаго начальника, старшаго сержанта А. Гвалтіери (нанесшаго ему несправедливо тяжкія оскорбленія и побои), за то единственно, что Эспозито, защищая самъ себя отъ нападенія, обнажилъ, въ забывчивости, саблю, которая нечаянно нанесла смертельную рану его противнику. Манчини, доказавъ незаконность личнаго состава корпуснаго военнаго суда, незаконность

этого учрежденія. Даже могу сказать, что если въ какомъ-нибудь Неаполѣ терпится народомъ все невыносимое, то это приписывать слѣдуетъ въ особенности тому обстоятельству, что по крайней мѣрѣ юстиція устроена тамъ прочно: каждый тяжущійся, каждый преступникъ, конечно не политическій, находитъ себѣ защиту въ судахъ, въ адвокатахъ, въ сословіи юристовъ, въ устности и публичности судопроизводства. Не будь и этого, не будь обезпечено правое дѣло каждаго, не будь ограждены жизнь, честь и имущество гражданина, не только отвлеченными законами, но самою юридическою практикою — гласностью, публичностью и устностью судопроизводства, и сопряженнымъ съ тѣмъ сословіемъ юристовъ—судей и адвокатовъ,

---

судебныхъ формъ и доказательствъ, употребленныхъ къ убѣжденію судей въ виновности осужденнаго, защитилъ своего клиента въ такой степени, что верховный военный судъ не только кассировалъ произнесенный надъ нимъ приговоръ, но и сдѣлалъ строгій выговоръ всѣмъ членамъ низшаго суда и самому обвинителю, королевскому коммисару. Манчини началъ рѣчь свою такъ: «Воспитанный въ школѣ судилищъ обыкновенныхъ и привыкнувъ смотрѣть на законы, не какъ на неумолимыхъ тирановъ человѣка, но какъ на умѣренныхъ исправителей его, я долженъ сего дня, представъ съ рѣчью предъ Ваше верховное судилище, сдѣлать насиліе надъ самимъ собою, — долженъ твердо помнить, что мнѣ придется бороться на полѣ, совершенно мнѣ чуждомъ и гораздо опаснѣйшемъ . . . . . Эспозито осужденъ, какъ убійца сержанта А. Гвалтіери, претерпѣвъ отъ него несправедливо тяжкія оскорбленія и побои. Предъ обыкновенными судьями онъ бы заслужилъ по крайней мѣрѣ извиненіе и не былъ бы осужденъ на самую высшую казнь; но военные судьи вмѣнили ему въ преступленіе, что онъ не заглушилъ въ сердцѣ своемъ голоса природы, внушающаго каждому живому существу чувство самоохраненія, не остался спокойнымъ и нечувствительнымъ къ оскорбленіямъ и побоямъ; зачѣмъ онъ вспомнилъ, что и онъ человѣкъ, тогда какъ ему слѣдовало бы помнить только, что онъ солдатъ . . . . и поразили его смертнымъ приговоромъ.—Да, М.М. Г.Г., мнѣ не безизвѣстно, что на самой слѣпой подчиненности опираетъ-

то подобное отсутствіе всякаго обезпеченія давно бы уже повело Неаполь въ самомъ дѣлѣ къ государственному перевороту. Существованіе сословія юристовъ и задерживаетъ переворотъ тамъ, гдѣ, казалось бы, часъ его давно пробилъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, существенная отличительная особенность юристовъ и юриспруденціи есть не революціонизмъ, а напротивъ, консерватизмъ; скорѣе можно обвинить юристовъ въ задержаніи естественнаго развитія государства, чѣмъ въ революціонномъ направленіи, какъ дѣйствительно и обвиняли иногда тѣхъ юристовъ, которые по преимуществу заслуживаютъ этого названія,—юристовъ римскихъ, во времена императоровъ, власть которыхъ они будто поддерживали и утверждали.

ся военная дисциплина—основаніе нравственной и вещественной силы войска. Этому палладіуму римскіе полководцы часто приносили въ жертву своихъ побѣдоносныхъ сыновей, надежду и украшеніе отечества; этому палладіуму Ваши карательные законы предписываютъ воину жертвовать любовью къ самому себѣ и самыми непреодолимыми движеніями инстинктивной воли; это образъ божества съ повязкою на глазахъ, но изъ тѣхъ древнихъ божествъ, которыя находили удовольствіе въ кровавомъ богослуженіи! Какія однако же обезпеченія, въ виду такихъ строгихъ судилищъ, могли имѣть обвиняемые, чтобъ ихъ невинность была признана или же ихъ виновность оцѣнена и наказана въ справедливой мѣрѣ? О! служители этого божества всегда вѣрны были своему призванію, стараясь превзойти другъ друга въ жестокости и надменности ! . . . . Храни насъ, Боже, подозрѣвать наши суды въ такомъ позорѣ, въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, при нашемъ просвѣщенномъ законодательствѣ!» . . . . Переходя къ нарушенію судебныхъ формъ, Манчини восклицаетъ: «Что бы ни говорили враги всякаго гражданскаго преуспѣянія, самое большее, можетъ быть, благодѣяніе, которымъ мы одолжены новому законодательству, есть возстановленіе публичныхъ преній . . . . Введенныя въ Италіи мудростью римлянъ, эти преніа считаемы были въ этомъ народѣ самымъ крѣпкимъ оплотомъ гражданской свободы !» . . . . Выписокъ этихъ довольно для нашей цѣли.

Вся дѣятельность юриста, какъ *юриста*, есть, консервативная: они защищаютъ букву дѣйствующаго, положительнаго закона, каковъ бы этотъ законъ, впрочемъ, ни былъ; они отстаиваютъ соблюденіе всѣхъ предписанныхъ законами формальностей, какъ бы эти формальности ни были тягостны; словомъ, они сохраняютъ настоящее въ томъ видѣ, въ какомъ оно есть, отметая всякое произвольное толкованіе законовъ, предоставляя другимъ выражать неюридическое, нравственное убѣжденіе по дѣлу—суду присяжныхъ, журналистикѣ, общественному мнѣнію и проч. Юристы, по своему званію, это оффиціальные консерваторы; это столпы всякаго законодательства. Но само собою разумѣется, что юристъ въ то же время и человѣкъ, и гражданинъ, и въ этомъ качествѣ является уже съ разными особенностями характера, какъ и прочіе люди и граждане. Съ другой стороны, истинный юристъ не односторонен: онъ понимаетъ не одно положительное право, но и то, которое начертано въ сердцѣ и умѣ нашемъ. Но здѣсь рѣчь идетъ не о качествахъ юриста, а о томъ, что стоитъ только рѣшиться, довольно одного почерка пера,—и все въ нашей юридической сферѣ преобразится, или, лучше сказать, тогда только и образуется у насъ та юридическая сфера, которая теперь, какъ и многое другое, существуетъ не на самомъ дѣлѣ, а на бумагѣ. Тогда явятся у насъ и настоящіе юристы, которые поймутъ, что для основательнаго теоретическаго развитія и сознательнаго практическаго приложенія отечественнаго законодательства, имъ необходимо основательное юридическое образованіе, а для такого образованія, необходимо знаніе римскаго права потому же, почему, напримѣръ, русскому и всякому филологу нужно знаніе классическихъ языковъ и литературы.

Да, римское право есть основа всякаго юридическаго образованія. Вотъ почему мы съ него и начали наше обозрѣніе.

Развивать еще болѣе это значеніе римскаго права нѣтъ здѣсь надобности. Юристы насъ и безъ того поймутъ, а не-юристовъ просимъ не отказать намъ въ томъ по крайней мѣрѣ довѣріи, въ какомъ они привыкли не отказывать своимъ домашнимъ врачамъ, вѣрить которымъ на слово осуждены же они, не зная сами медицины. Впрочемъ, изъ послѣдующаго развитія статьи и этотъ пунктъ уяснится самъ собою.

Остановимся прежде всего на внѣшнемъ, такъ сказать, устройствѣ преподаванія римскаго права въ нашихъ университетахъ, на вопросѣ о томъ, какъ у насъ слѣдуетъ расположить преподаваніе римскаго права, чтобъ оно въ самомъ дѣлѣ было тѣмъ, чѣмъ должно быть—основою нашего юридическаго образованія,—вопросѣ, который, какъ увидимъ, находится въ прямой связи съ обозрѣніемъ литературы по римскому праву.

Предположивъ нынѣшній составъ нашихъ юридическихъ факультетовъ и нынѣшнее распредѣленіе его на 4 годовые курса, съ раздѣленіемъ каждаго курса на два семестра или полугодія, выскажемъ прежде всего свое мнѣніе на счетъ распредѣленія римскаго права, въ отношеніи къ русскому праву, по курсамъ и семестрамъ.

Чтобъ римское право было основою отечественнаго права, первое должно, безъ сомнѣнія, всегда предшествовать послѣднему въ преподаваніи. Это, разумѣется, относится только до частнаго права, а не до публичнаго со всѣми его частями, потому что только частное римское право признается всѣми юристами за основу всякаго новаго частнаго права.

Но такъ какъ римское частное право не можетъ быть понятно безъ знанія публичнаго римскаго права, то и

это право, сколько нужно для главной цѣли—для пониманія частнаго права, должно быть также изложено и, разумѣется, прежде изложенія самаго частнаго права, которымъ познаніе его уже предполагается.

Для русскаго частнаго права, въ такомъ предварительномъ изложеніи русскаго публичнаго права нѣтъ надобности потому, что русское публичное право — государственное, уголовное, полицейское, финансовое и церковное—не есть только средство, ведущее къ данной цѣли—къ полному пониманію русскаго права, а представляется самостоятельнымъ и потому имѣетъ свои особыя каѳедры.

Съ другой стороны, какъ для римскаго, такъ и для русскаго права вообще, частнаго и публичнаго, необходимо предварительное знаніе источниковъ права и источниковъ исторіи права, что̀ уже давно отнесли юристы къ исторіи права, согласившись назвать это внѣшнею исторіею права, въ отличіе отъ внутренней, раскрывающей развитіе самаго права, которая, въ соединеніи съ внѣшнею исторіею, образуетъ особый предметъ преподаванія—исторію права, въ отличіе отъ догматическаго его изложенія, т. е. отъ изложенія права дѣйствующаго.

Наконецъ возьмемъ въ соображеніе для нашей цѣли общепринятое дѣленіе частнаго права на двѣ главныя части: общую, въ которой излагаются общія понятія, или то̀, что̀ называетъ нашъ Сводъ законовъ общими положеніями, и особенную часть, раздѣляемую 1) на имущественное право, съ его подраздѣленіемъ: а) права вещныя и б) права по обязательствамъ; 2) на семейственное и 3) наслѣдственное право.

Съ каѳедрою русскаго частнаго права соединено у насъ еще гражданское судопроизводство, теоретическое и практическое, которое необходимо предполагаетъ уже знаніе самаго частнаго права и слѣдуетъ за нимъ въ порядкѣ преподаванія.

Что касается до римскаго судопроизводства, то такъ какъ оно не имѣетъ у насъ силы закона и практическаго дѣйствія, и такъ какъ, наоборотъ, безъ предварительнаго знанія римскаго судопроизводства невозможно ясное пониманіе римскаго частнаго права, то римское судопроизводство, и притомъ только его теорія, должно предшествовать, въ порядкѣ преподаванія, римскому частному праву, и быть включено, какъ обыкновенно и дѣлается, въ составъ исторіи римскаго права.

Но зато послѣ теоретическаго изученія римскаго частнаго права, необходимо, въ видѣ практическихъ лекцій, то, что обыкновенно у насъ опускается изъ виду, а именно: толкованіе тѣхъ избранныхъ мѣстъ изъ всѣхъ юстиніановыхъ сборниковъ, особенно изъ Пандектовъ, отчасти же изъ предшествовавшихъ имъ и послѣдующихъ за ними источниковъ исторіи права, словомъ изъ такъ называемаго доюстиніанова, юстиніанова и поюстиніанова права, которыя мѣста руководствовали бы къ дальнѣйшему самостоятельному изученію римскаго частнаго права по источникамъ, и вмѣстѣ представляли бы наглядные примѣры и образцы того юридическаго смысла, такта и анализа, которыми въ такой высокой степени отличались римскіе юристы, при развитіи новыхъ началъ изъ прежнихъ, при практическомъ примѣненіи общихъ положеній къ даннымъ случаямъ, при рѣшеніи самыхъ сложныхъ теоретическихъ вопросовъ и самыхъ запутанныхъ практическихъ случаевъ и т. д. Необходимымъ теоретическихъ введеніемъ въ эти практическія экзегетическія лекціи служитъ такъ называемая юридическая герменевтика, или наука толкованія источниковъ исторіи права.

Изъ всѣхъ этихъ краткихъ замѣчаній, само собою выводится, что преподаваніе римскаго права и русскаго частнаго права съ ихъ исторіею и съ гражданскимъ

судопроизводствомъ можетъ и, кажется, должно идти въ такой послѣдовательности и постепенности:

1-й курсъ.

1-е полугодіе: исторія римскаго права.

2-е полугодіе: продолженіе и окончаніе исторіи римскаго права и исторія русскаго права.

2-й курсъ.

1-е полугодіе: общая часть римскаго частнаго права и продолженіе и окончаніе исторіи русскаго права.

2-е полугодіе: изъ римскаго частнаго права—права вещныя, а изъ русскаго—общая часть.

3-й курсъ.

1-е полугодіе: изъ римскаго—права по обязательствамъ, а изъ русскаго—права вещныя.

2-е полугодіе: изъ римскаго — право семейственное и наслѣдственное, и юридическая герменевтика, а изъ русскаго—права по обязательствамъ.

4-й курсъ.

1-е полугодіе: изъ русскаго: право семейственное и наслѣдственное, и теоретическое гражданское судопроизводство, а изъ римскаго—толкованіе избранныхъ источниковъ.

2-е полугодіе: изъ русскаго—практическое гражданское судопроизводство, а изъ римскаго — продолженіе толкованія источниковъ.

Если бы мнѣ возразили, что одинъ профессоръ не можетъ преподать всего римскаго права въ такомъ объемѣ, то я просто отвѣчу, что развѣ нашъ Уставъ университетовъ мѣшаетъ ему имѣть адъюнкта, который принялъ бы на себя преподаваніе исторіи римскаго права, юридической герменевтики и толкованіе источниковъ. Вѣдь въ иностранныхъ университетахъ, особенно въ германскихъ, римское право преподается въ каждомъ университетѣ, какъ и слѣдуетъ, не однимъ, даже не

двумя, а тремя, четырьмя и болѣе преподавателями. Что же касается до исторіи русскаго права, то она уже и теперь часто поручается особому преподавателю, какъ слѣдуетъ поручить особому же преподавателю теоретическое и практическое гражданское судопроизводство. Но всего, конечно, лучше возвратиться къ прежнему порядку преподаванія, который я еще засталъ въ качествѣ слушателя Московскаго университета, уничтоживъ раздѣленіе на курсы съ приличными только школѣ, а не университету, переводами слушателей низшаго курса въ высшій, съ переводными экзаменами, отнимающими столько драгоцѣннаго времени у преподавателей и слушателей, и обращающими университетское ученіе въ механизмъ, въ долбленіе. Тогда и предложенное мною распредѣленіе порядка преподаванія римскаго и русскаго права, представляющее, въ чемъ я самъ сознаюсь, неизбѣжные недостатки, будетъ вовсе излишне, какъ и всякое подобное распредѣленіе, составленное въ виду существующаго нынѣ раздѣленія на курсы, какъ оно было бы излишне, напримѣръ, въ Дерптскомъ университетѣ, гдѣ никогда не было и помина о курсахъ, о переводахъ съ курса на курсъ, о переводныхъ экзаменахъ и т. д.

Во всякомъ случаѣ, чтобъ римское право имѣло у насъ значеніе основы для нашего отечественнаго права, къ каѳедрѣ римскаго права, существующей въ нашихъ юридическихъ факультетахъ, относимъ мы слѣдующіе предметы, и притомъ въ такомъ порядкѣ:

1. Исторію римскаго права,
2. Римское частное право и
3. Юридическую герменевтику съ экзегетическими упражненіями.

По всѣмъ этимъ предметамъ, особенно по двумъ первымъ, литература иностранная, преимущественно нѣмецкая, весьма богата. Но вслѣдствіе особеннаго значенія

римскаго права для русскаго юриста, послѣдній не можетъ ею пользоваться такъ, какъ пользуются западные юристы: у насъ римское право имѣетъ значеніе основы юридическаго образованія, а на западѣ, особенно въ Германіи, римское право есть одинъ изъ элементовъ отечественнаго права.

Поэтому при обозрѣніи юридической литературы по каждому изъ этихъ трехъ предметовъ порознь, мы обратимъ вниманіе не только на господствующія направленія, но и на то, какъ русскій юристъ долженъ воспользоваться тою литературою, чтобъ она принесла ему въ самомъ дѣлѣ пользу, какая ожидается отъ римскаго права для нашего юридическаго образованія.

Начнемъ, по порядку, съ исторіи римскаго права.

Историческое изученіе римскаго права началось собственно съ 16 столѣтія, съ такъ называемыхъ элегантныхъ юристовъ, во главѣ которыхъ стоитъ знаменитый французскій юристъ Куяцій; впрочемъ, оно было уже подготовлено въ предшествовавшемъ столѣтіи изданіемъ многихъ источниковъ. До тѣхъ поръ изученіе римскаго права было преимущественно практическое, т. е. съ цѣлью примѣненія римскаго права къ практикѣ, — къ юридическимъ дѣйствіямъ и судебнымъ рѣшеніямъ. Глоссаторы, писавшіе комментаріи къ юстиніановымъ сборникамъ, если и желали изрѣдка объяснить исторически какой-либо римскій законъ или учрежденіе, то впадали большею частью въ такія грубыя и смѣшныя ошибки, которыя обличали совершенное незнаніе исторіи. Элегантные юристы и называются такъ потому, что они, въ историческомъ отношеніи, очистили римское право отъ всѣхъ этихъ варварскихъ историческихъ толкованій, а въ филологическомъ—возстановили классическій юридическій языкъ, и тѣмъ много способствовали къ уразумѣнію римскаго права.

И у насъ образовались было, съ изданіемъ Свода законовъ, своего рода глоссаторы, которые стали преподавать русское право, строго придерживаясь порядка статей Свода (ordo legalis), сопровождая эти статьи комментаріями (glossae) и предпосылая имъ иногда общія обозрѣнія (summae). Но большая часть преподавателей скоро увидѣли всю невыгоду такого изложенія, ведущаго къ раздробленности, къ частымъ ненужнымъ повтореніямъ, отнимающимъ много времени, и, что̀ всего важнѣе, къ упущенію изъ виду того, что̀ и составляетъ превосходство науки—систематическаго обозрѣнія всего предмета въ его цѣлости и единствѣ, и потому перешли къ систематическому порядку (ordo naturalis), который хотя до сихъ поръ еще не всегда и не во всемъ вытекаетъ изъ особенной сущности русскаго права, будучи большею частью заимствованъ изъ чуждыхъ ему элементовъ (напр. система русскаго частнаго права излагается большею частью по системѣ римскаго частнаго права), однако же все-таки имѣетъ относительное преимущество. Можно сказать, что наши юристы начали ревностно заниматься изученіемъ источниковъ исторіи русскаго права, хотя до сихъ поръ у насъ мало они обработаны и изданы критически, что̀ мѣшаетъ дальнѣйшему твердому ходу какъ исторіи, такъ и самой догмѣ нашего отечественнаго права.

За элегантными юристами слѣдуютъ тѣ юристы, которые старались соединить практическое изученіе римскаго права съ знаніемъ римской исторіи и древностей, и обратили особенное вниманіе на изученіе и изданіе источниковъ римскаго права.

Больше всѣхъ оказалъ заслугъ въ этомъ отношеніи Яковъ Годофредъ; его «Ручная книга» (Manuale), въ которой содержится извѣстіе объ источникахъ, есть, можно сказать, первое сочиненіе по исторіи римскаго права.

Съ знаменитаго галльскаго профессора Томазія, преобразователя правовѣдѣнія вообще въ прошедшемъ столѣтіи, исторія римскаго права стала особеннымъ предметомъ преподаванія въ германскихъ университетахъ. Въ числѣ множества читанныхъ имъ лекцій, были лекціи и по исторіи римскаго права, но только по т. н. внѣшней и притомъ съ особенною цѣлью, чтобъ показать недостатки римскаго правовѣдѣнія (Naevi jurisprudentiae romanae, ex historia ejus deducti).

По возбужденіи, со стороны Томазія, историческаго преподаванія римскаго права, начало появляться много учебниковъ по исторіи римскаго права, изъ которыхъ замѣчательны учебники: виттенбергскаго профессора Бейера, ученика Томазія; профессора во Франкфуртѣ на Одерѣ Хр. Г. Гоффманна, присоединившаго къ внѣшней исторіи, во второмъ изданіи своего сочиненія (1734 года), и исторію римскаго государственнаго устройства; іенскаго и потомъ гёттингенскаго профессора Бруквелла; галльскаго профессора Гейнекція, ученика Томазія и проч. Еще прежде чѣмъ Гейнекцій издалъ (въ 1733) внѣшнюю исторію вмѣстѣ римскаго и германскаго права, онъ хотѣлъ замѣнить недостатокъ внутренней исторіи римскаго права не только изданіемъ своихъ «Elementa juris civilis» въ смыслѣ краткаго изложенія римскаго частнаго права, но и въ особенности сочиненіемъ: «Antiquitatum romanarum, jurisprudentiam illustrantium, syntagma» (первое изданіе 1718 года; исправленное и значительно пріумноженное знаменитымъ лейпцигскимъ юристомъ Гаубольдомъ, 1822 г.; послѣднее изданіе Мюленбруха 1841 г.). Но оба эти сочиненія были собственно сборники монографій по части исторіи римскаго права, какія были уже и до Гейнекція, не представляя цѣлостнаго обозрѣнія римскаго права въ его историческомъ развитіи, съ которымъ не сообразно было и самое распре-

дѣленіе ихъ содержанія по порядку Юстиніановыхъ Институцій. А потому хотя «Древности» Гейнекція могутъ и до сихъ поръ приносить большую пользу изучающимъ и преподающимъ исторію римскаго права, какъ своими драгоцѣнными замѣчаніями, такъ и чистотою и изяществомъ классическаго языка; но подражать имъ, какъ иногда у насъ дѣлается, въ томъ отношеніи, чтобъ вводить въ преподаваніе исторіи римскаго права множество такихъ замѣтокъ изъ римскихъ древностей и изъ римской исторіи, которыя излишни теперь, когда эти предметы преподаются отдѣльно филологами и историками, и притомъ вводить такъ, что считать ихъ почти за главное, а не за побочное пособіе къ объясненію главнаго предмета—историческаго развитія римскаго права,—словомъ, превращать исторію римскаго права въ римскія древности или римскую исторію, значитъ вообще терять изъ виду цѣль изученія исторіи римскаго права, и не понимать особеннаго значенія для русскаго юриста римскаго права.

У насъ впадаютъ иногда еще и въ противоположную, гораздо худшую крайность, пренебрегая знаніемъ римскихъ древностей и римской исторіи до такой степени, что не только не слѣдятъ за тѣмъ, что̀ дѣлается въ послѣднее время для этихъ предметовъ, но и не знаютъ сдѣланнаго уже гораздо прежде. Всѣмъ извѣстно, къ чему ведетъ такое пренебреженіе или, лучше сказать, такое невѣжество.

Гейнекціевъ историческій трудъ по римскому праву нѣсколько исправленъ былъ молодымъ ученымъ Риттеромъ, а потомъ, преимущественно изъ его изданія и изъ трудовъ Эрнести, въ которыхъ весьма замѣтно недостаточное знаніе римскаго права, составилось слишкомъ превознесенное нѣкогда похвалами сочиненіе Баха, соединившаго внѣшнюю исторію римскаго права съ внутрен-

нею исторіею, но только одного публичнаго, а не частнаго права (Historia jurisprudentiae romanae; первое изданіе 1754, а послѣднее, Штокманна, 1823 г.)

Хотя съ этого времени вошло въ обычай въ германскихъ университетахъ читать и слушать лекціи не только по догмѣ, но и по исторіи римскаго права, однако же студенты, при самомъ своемъ вступленіи въ юридическій факультетъ, довольствовались большею частью слушаніемъ только внѣшней исторіи римскаго права и притомъ въ соединеніи съ другими дѣйствующими въ Германіи правами (Geschichte aller in Deutschland geltenden Rechte). А потому въ это время не появлялось ничего замѣчательнаго по исторіи римскаго права, ни на лекціяхъ, ни въ сочиненіяхъ.

Первое сочиненіе, въ которомъ и внутренняя исторія римскаго частнаго права излагалась, подобно исторіи публичнаго права, по періодамъ, было Рейтемейера, профессора гёттингенскаго и потомъ во Франкфуртѣ на Одерѣ, который однако же все еще соединялъ исторію римскаго права съ исторіею прочихъ дѣйствующихъ правъ и даже съ юридическою энциклопедіею (Encyclopädie und Geschichte der Rechte in Deutschland), съ цѣлью преподаванія всѣхъ этихъ предметовъ вмѣстѣ для начинающихъ.

Наконецъ выступилъ знаменитый гёттингенскій профессоръ Гуго со своею исторіею римскаго права, пережившею множество изданій (12), можетъ быть и потому, что онъ выпускалъ ихъ всякій разъ въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, хотя до конца жизни своей не переставалъ исправлять и пополнять свое сочиненіе, на основаніи новыхъ, своихъ и чужихъ изслѣдованій.

Лекціи этого знаменитаго юриста состояли частью въ диктовкѣ разныхъ пополненій къ тексту изданныхъ имъ сочиненій, частью въ объясненіи этого текста, въ кото-

ромъ объясненіи весьма нуждаются его сочиненія, будучи наполнены множествомъ намековъ на то, что уже сдѣлано другими учеными, и собственными замѣчаніями автора, предполагающими такія познанія, которыя никакъ нельзя предположить въ изучающихъ и которыми могутъ вполнѣ воспользоваться только глубокіе спеціалисты, такъ что никто не могъ и теперь не можетъ принять сочиненій Гуго въ руководство для своихъ лекцій, и никому, кажется, ни приходила въ голову такая нелѣпая мысль.

Собственно по исторіи римскаго права, заслуги Гуго огромны: онъ первый ввелъ въ нее всѣ части римскаго публичнаго и частнаго права; первый воспользовался всѣми трудами своихъ предшественниковъ и современниковъ; первый основалъ свое изложеніе на критическомъ изученіи источниковъ и установилъ заимствованную изъ нихъ терминологію, очистивъ отъ господствовавшихъ до тѣхъ поръ варваризмовъ, такъ что съ Гуго собственно и начинается строго-научное изученіе и изложеніе исторіи римскаго права.

Но не Гуго, а знаменитый берлинскій профессоръ, впослѣдствіи министръ, Савиньи почитается основателемъ исторической школы, начала которой онъ первый оповѣстилъ въ основанномъ имъ органѣ этой школы — въ «Журналѣ для историческаго правовѣдѣнія» (Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft).

Въ духѣ этой школы, появилось множество сочиненій по исторіи римскаго права. Исчислять всѣхъ ихъ здѣсь нѣтъ надобности. Изъ нихъ новѣйшія, замѣчательнѣйшія или употребительнѣшія: Циммерна, Бурхарди, Тигерстрёма, Швеппе, Ферд. Вальтера, Данца, Шилинга, Пухты, Христіансена, Эрклебена, Ихеринга, Эсмарха, Рудорффа и проч.

Не смотря на все разнообразіе этихъ и всѣхъ прочихъ сочиненій по исторіи римскаго права, всѣ они могутъ быть подведены подъ три разряда, по тремъ господствующимъ въ нихъ направленіямъ: антикварному, частно-историческому и критическому.

Возьмемъ послѣднихъ представителей этихъ направленій и покажемъ на нихъ характеръ каждаго направленія порознь: Рудорффа, какъ представителя антикварнаго, Эсмарха — частно-историческаго, и Игеринга — критическаго направленія.

Рудорффъ принадлежитъ къ числу самыхъ близкихъ, непосредственныхъ учениковъ Савиньи. Въ немъ историческая школа нашла для себя весьма ученаго поборника. Въ духѣ этой школы онъ и теперь продолжаетъ преподавать римское право. Въ духѣ ея онъ издалъ недавно 1-й томъ «Исторіи римскаго права для академическаго употребленія» (Römische Rechtsgeschichte zum academischen Gebrauch. Leipzig. 1-er Band. 1857). Онъ самъ объ этомъ говоритъ, въ посвященіи своей книги Савиньи, написанномъ вмѣсто предисловія, такъ: «Если настоящее изложеніе и отличается, во многихъ существенныхъ отношеніяхъ, отъ прежней методы, то, съ другой стороны, оно, въ противоположность новѣйшимъ современнымъ направленіямъ, чувствуетъ себя на той почвѣ основательнаго знанія и преуспѣянія, которую опять пріобрѣли для правовѣдѣнія, опустошеннаго субъективнымъ естественнымъ правомъ прошедшаго столѣтія, извѣстныя воззрѣнія историко-юридической школы, и которую, до послѣднихъ десятилѣтій, удержали они въ своемъ неоспоримомъ владѣніи, приносящемъ обильные плоды.»

Впрочемъ, и прежде Рудорффъ не былъ такъ исключителенъ въ своей преданности исторической школы, какъ основатель ея, что̀ и весьма естественно; тѣмъ менѣе теперь, послѣ того, какъ самъ Савиньи сталъ признавать

дѣйствительныя заслуги своихъ противниковъ. Въ этомъ смыслѣ Рудорффъ продолжаетъ такъ: «Хотя въ послѣдовательныхъ выводахъ изъ тѣхъ началъ (т. е. началъ исторической школы) и заключается самое либеральное признаніе всякаго прогресса и всякаго дѣльнаго изслѣдованія, относится ли оно къ сферѣ общаго юридическаго мышленія, или же къ какой-либо частности, если она стоитъ на своемъ мѣстѣ; но есть еще прогрессъ ложный, представляющій возвращеніе, если даже и неполное, къ устраненной, со временъ Гуго, субъективности,—прогрессъ, какъ бы подстрѣкающій самыхъ живыхъ и даровитыхъ людей къ исключительному преслѣдованію самыхъ общихъ юридическихъ взглядовъ, къ опасному пренебреженію основательнымъ изысканіемъ, хотя бы оно касалось маловажнаго, повидимому, предмета, къ замѣнѣ драгоцѣннаго, по опредѣлительности и своеобразности, юридическаго языка шаткою терминологіею, заимствованною изъ низшей сферы естественныхъ наукъ.»

Итакъ теперь нѣтъ болѣе рѣзкой противоположности между т. н. историческою и философскою школами, а есть и всегда будетъ противоположность между основательнымъ и поверхностнымъ изслѣдованіемъ и изложеніемъ предмета; между научнымъ, необходимымъ мышленіемъ, и личнымъ, произвольнымъ мнѣніемъ; между языкомъ, которымъ говорятъ юридическіе памятники, и вторгнувшимися въ римское право изъ чуждыхъ областей словами и выраженіями.

Съ другой стороны, по признанію же Рудорффа, а съ нимъ и всѣхъ юристовъ, отстаивавшихъ нѣкогда преобладаніе въ законодательствѣ, въ наукѣ и въ практикѣ началъ римскаго права предъ началами отечественнаго, германскаго права, нѣтъ болѣе противоположности между романистами и германистами. Такъ Рудорффъ заключаетъ первый томъ своего сочиненія слѣдующими замѣчательными словами:

«Величественное развитіе, единственное въ своемъ родѣ, совершенное римскимъ правомъ, параллельно съ государствомъ, начиная съ самой узкой сферы и доходя до самой обширной, принадлежитъ, вмѣстѣ съ римскимъ государствомъ, прошедшему времени и исторіи. Даже искусственное его (т. е. римскаго права) перенесеніе на Римскую церковь и на Римско-нѣмецкую имперію теперь оттѣснено практическими потребностями новѣйшаго времени: церковное устройство на римскихъ основахъ воздѣлывается самостоятельно, а внѣшній законодательный авторитетъ Corporis juris въ нѣмецкихъ судебныхъ мѣстахъ начинаетъ вымирать. Но и нынѣ, и во всей будущности, пока будетъ существовать наука права, римская юриспруденція останется двигающею ее (науку) пружиною, избраннымъ полемъ, на которомъ будутъ встрѣчаться стремленія образованныхъ народовъ. Эта непреходящая образованность опирается единственно на духовную силу римскихъ юристовъ, въ которыхъ проявляются полный мужественный возрастъ народа (римскаго) и вершины его жизни. Тò геніальное очарованіе, которое древнее искусство и наука оказываютъ на новое (искусство и науку), проявляетъ классическая юриспруденція въ мірѣ права; она воспитываетъ юридическое мышленіе и приспособляетъ насъ сдѣлать для нашего юридическаго матеріала нѣчто подобное тому, чтò она сдѣлала для своего матеріала.»

Въ выноскѣ Рудорффъ приводитъ, въ подкрѣпленіе своей мысли, замѣчательныя сужденія о римскомъ правѣ Лютера, Меланхтона, Лейбница и Савиньи.

Лютеръ (Orera, по Альтенбургскому изданію T. VI, f. 203, по Іенскому VI, p. 156) выражается о римскихъ юристахъ такъ:

«Императорское право, которымъ еще и нынѣ правится Римская имперія, не что вѣдь иное, какъ языческая мудрость, которую римляне, прежде чѣмъ Римъ услышалъ

о Христѣ, постановили и уложили. И я убѣжденъ, что если бы теперь запечь всѣхъ юристовъ въ одинъ пирогъ и изъ всѣхъ мудрецовъ сварить пиво, то они бы не только не обняли такъ предметовъ и дѣла, но и не могли бы объ нихъ такъ хорошо говорить и мыслить; потому что эти люди (римскіе юристы) должны были упражняться въ великихъ дѣлахъ; къ тому же были одарены великимъ умомъ и разсудкомъ. Словомъ, отжили и не будутъ больше жить тѣ, которые обладали такою мудростью въ свѣтскомъ правленіи.»

Меланхтонъ (Oratio de dignitate legum in Select. Declam. T. I. 1587, p. 247 и Oratio de vita Irnerii et Bartoli, T. II, p, 411) «Смотря на книги законовъ и на извѣстное опасное положеніе Германіи, я часто весь вздрагиваю, когда подумаю, сколько послѣдовало бы неудобствъ, если бы Германія, вслѣдствіе войнъ, утратила эту выработанную науку права и украшеніе судилищъ нашихъ; потому что съ этою утратою, нельзя и выразить, сколь велико было бы тиранство во дворцахъ, варварство въ судахъ, наконецъ неурядица во всей гражданской жизни.»

Лейбницъ (Opera, IV, 3,267): «Я часто повторялъ, что послѣ сочиненій геометровъ, нѣтъ ничего, что́ могло бы сравниться, въ отношеніи силы и остроумія, съ сочиненіями римскихъ юристовъ: столь много въ нихъ энергіи, столь много глубины.»— (Ep. Tom. I. ep. 119): «Твореніе Дигестовъ (Юстиніановыхъ), или, лучше сказать, творенія писателей, изъ которыхъ оно извлечено, приводятъ меня въ удивленіе. Я ничего другого не видѣлъ, что̀ подходило бы ближе къ заслуженной математиками похвалѣ, обратимъ ли мы вниманіе на остроумныя доказательства, или же на силу рѣчи.»

Савиньи (Beruf, стр 35): «Относительно матеріальнаго достоинства римскаго права, мнѣнія могутъ быть различны; но въ превосходствѣ его юридической методы со-

гласны, безъ сомнѣнія, всѣ, кто только имѣетъ въ этомъ право голоса.»

Словомъ, можно съ утвердительностью сказать, что римское право, въ своемъ историческомъ развитіи, не есть исторія только мѣстнаго права, подобно исторіи положительнаго права всякаго другаго народа, но представляетъ историческое развитіе юридическаго мышленія вообще, выраженнаго въ положительной формѣ.

Такъ ли излагается исторія римскаго права, не говорю у насъ, но даже у нашихъ учителей, у старѣйшихъ насъ, западныхъ юристовъ, обработывающихъ уже нѣсколько вѣковъ римское право, изучающихъ его до самыхъ мелкихъ подробностей и примѣняющихъ къ неисчислимымъ и разнообразнымъ случаямъ жизни?

Къ сожалѣнію, отвѣтъ на это можетъ быть только отрицательный,—не съ нашей только стороны,—мы не имѣемъ притязанія на авторитетъ въ этомъ дѣлѣ,—но со стороны тѣхъ же самыхъ западныхъ юристовъ, которые откровенно сознаются, что еще нѣтъ настоящей исторіи римскаго права; что еще не родился исторіографъ этого права, а что, прибавляютъ нѣкоторые, «съ Пухтою погребена та сила, отъ которой мы могли бы ожидать успѣха такому творенію.»

Что касается до послѣдняго замѣчанія, то мы позволяемъ себѣ усомниться, знавъ Пухту и по сочиненіямъ, и по лекціямъ. Какъ бы то ни было, зачѣмъ гадать, что̀ было бы, если бы не сошелъ въ гробъ Пухта,—а сошелъ онъ, нельзя сказать, чтобъ въ такихъ лѣтахъ, когда подаютъ еще надежду. Дѣло въ томъ, что нынѣ и первый, можетъ быть, знатокъ всѣхъ подробностей исторіи римскаго права, Рудорффъ, въ новѣйшемъ своемъ сочиненіи по этому предмету, идетъ по старой дорогѣ, протоптанной элегантными юристами, юристами-антикваріями, отличаясь отъ нихъ, разумѣется, основательнѣйшимъ и обшир-

нѣйшимъ знаніемъ источниковъ, точнѣйшимъ изслѣдованіемъ и установленіемъ отдѣльныхъ фактовъ, такъ что глядя на этого представителя исторической школы, о которой онъ говоритъ съ такимъ паѳосомъ, мы невольно спрашиваемъ себя, чѣмъ же существенно превосходитъ старыхъ французскихъ и голландскихъ юристовъ эта историческая школа и почему она придаетъ себѣ такое притязательное названіе, не довольствуясь, какъ тѣ юристы, болѣе скромнымъ названіемъ элегантной или антикварной школы.

Рудорффъ и ему подобные даже вовсе не стараются проложить себѣ новый путь въ своей области, знакомой имъ во всѣхъ ея уголкахъ. Романисту, съ такою огромною ученостью, какъ Рудорффъ, простительно, конечно, разить, «опасное (какъ онъ выражается) пренебреженіе вѣрнымъ изслѣдованіемъ даже того, что̀ кажется мелочнымъ.» Но замѣтимъ, что есть и противоположная крайность, не менѣе опасная: слишкомъ высоко цѣнить мелочи и вслѣдствіе того полагать, что съ точнымъ изложеніемъ всѣхъ частностей и подробностей науки, послѣдняя задача ея рѣшена и конечная цѣль достигнута; воображать, что какой-нибудь сухой учебникъ, хоть бы онъ былъ составленъ самымъ Рудорффомъ, можетъ теперь замѣнить настоящую исторію римскаго права.

Во всѣхъ прочихъ отрасляхъ исторіи, какъ науки, давно уже всѣ согласны въ томъ, что хотя безъ основательнаго, вѣрнаго и точнаго изслѣдованія всѣхъ частностей и подробностей, всѣхъ историческихъ данныхъ, не можетъ быть познано, въ цѣлости и единствѣ, историческое развитіе извѣстной мѣстности, народа, періода, всего человѣчества, но что, съ другой стороны, и историческая комбинація, и соединеніе отдѣльныхъ фактовъ въ одну цѣлую и единую картину, столько же необходимо и не менѣе достойно занятія истиннаго ученаго. Согласны всѣ и въ

томъ, что хотя никакъ не слѣдуетъ пренебрегать ни тѣмъ, ни другимъ дѣломъ; однако же, личный вкусъ, способность, призваніе могутъ и должны вести и направлять одного болѣе въ одну сторону, а другого въ другую, и дѣлать изъ одного ученаго—изыскателя и изслѣдователя, а изъ другого—историка, и что потому никто изъ нихъ не имѣетъ права уменьшать заслуги своего собрата, смотрѣть на него свысока за то только, что онъ не идетъ избранною имъ дорогою.

Посмотрите на самый сродный предметъ съ исторіею римскаго права—на римскую исторію. Не высоко ли вы, закоснѣлые юристы-антикваріи, ставили нѣкогда Нибура, сложившаго изъ мозаиковъ великую картину; а теперь развѣ не умѣете понять и цѣнить напр. Моммзена? Какъ же это случилось, что въ римской исторіи вы допускаете все то, чего не видите, не сознаете въ предметѣ вашего избранія—въ исторіи римскаго права?

Мало наружнаго примиренія т. н. исторической школы съ философскою; недостаточно убѣжденія, выработаннаго преимущественно въ достопамятный годъ испытанія, въ роковой 1848 годъ, что люди передовые могутъ быть и въ исторической школѣ, и, наоборотъ, отсталые въ философской. Пора отстать и отъ всѣхъ односторонностей этихъ школъ. Пора уважать въ каждомъ дѣятелѣ науки самую науку и въ каждой наукѣ всѣхъ ихъ дѣятелей. Пусть влечетъ одного изъ братьевъ по наукѣ къ изысканіямъ памятниковъ, къ очищенію и установленію ихъ критикою, къ объясненію ихъ экзегетически, къ изслѣдованіямъ отдѣльныхъ фактовъ и т. п., а другого къ возведенію изъ обработанныхъ такимъ образомъ матеріаловъ или величественнаго народнаго зданія, или скромнаго жилища частнаго человѣка, или даже уютной хижины бѣдняка,—лишь бы во всемъ видѣнъ былъ честный, посильный трудъ, безпристрастное исканіе истины, а

не та недостойная суетность, которая вездѣ выставляетъ свое я; не та игра словами, выраженіями, мыслями, фактами, которая или ищетъ, какъ бы ей погеніальничать, или же прикрываетъ невѣжество писателя; не одно выказываніе той учености, о которой Гегель уже сказалъ, что она состоитъ въ знаніи многихъ безполезныхъ вещей; не то усиліе, не та натяжка доказать, не разбирая средствъ, какое-либо свое мнѣньице; не тотъ, наконецъ, постыдный для человѣческаго достоинства страхъ, который принимаетъ принципъ, посылку, но останавливается предъ ихъ слѣдствіями и выводами.

Въ исторіи римскаго права, къ сожалѣнію, еще не возвысились до этихъ непреложныхъ истинъ; еще не привыкли уважать всякій добросовѣстный трудъ, если только на немъ не лежитъ видимой печати своего цеха. Всякій разъ, когда съ одной стороны дѣлаема была кѣмъ-либо попытка, изъ обильнаго матеріала, приготовленнаго вѣками для исторіи римскаго права, построить эту исторію, вдохнуть жизнь въ мертвое тѣло,—неминуемо выражалось, съ другой стороны, предубѣжденіе противъ такого, впрочемъ весьма естественнаго стремленія, даже презрѣніе къ подобному труду. Конечно, мы весьма далеки отъ того, чтобъ утверждать, будто бы хоть одна изъ этихъ попытокъ до сихъ поръ была вполнѣ удачна; мы хорошо понимаемъ также всѣ опасности, сопряженныя съ подобными опытами. Но спрашиваемъ, по какому праву пожимаютъ плечами, презрительно улыбаются и вообще смотрятъ свысока на эти благородныя усилія создать науку исторіи римскаго права тѣ, которые съ важностью причисляютъ себя къ исторической школѣ, а между тѣмъ никогда еще не дерзали удаляться отъ твердой земли—отъ антикварной учености, и пускаться въ открытое море исторіи, вдаваясь во всѣ опасности проблеммъ, въ истинномъ смыслѣ историческихъ?

Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ, при появленіи первыхъ томовъ сочиненія остроумнаго и блестящаго ученика Гегеля, Ганса, — «Наслѣдственное право въ его всемірно-историческомъ развитіи,» глава исторической школы, Савинья, погрузился въ гордое, презрительное безмолвіе и какъ раздавался громкій смѣхъ хора его фамулусовъ, пока Гансъ, въ слѣдующихъ томахъ, не переступилъ границу той области, которую считала у себя на откупѣ историческая школа; пока столько же даровитый, сколько и ученый Гансъ не вступилъ въ область исторіи права романскихъ народовъ, гдѣ доказалъ, что онъ, не менѣе своихъ противниковъ, умѣетъ рыться въ покрытыхъ пылью письменныхъ памятникахъ, да еще такой старины, которая до него не была никѣмъ тронута, и тѣмъ заставилъ новаго Гуго-Донелла, выступившаго съ трудомъ для вѣчности, заставилъ Савинью милостиво обратить свое высокое вниманіе на творенія Гегелевой школы. Я самъ испыталъ, какъ благотворно, живительно, возбудительно дѣйствуетъ на слушателей изложеніе всемірно-историческаго развитія какого-либо юридическаго учрежденія, когда я однажды избралъ предметомъ моихъ лекцій, на послѣднемъ курсѣ юридическаго факультета Московскаго университета, всемірно-историческое развитіе брака или супружества, на основаніи источниковъ; эти лекціи я желаю когда-нибудь представить на судъ публики, которая, не смотря на всѣ ихъ недостатки, увидитъ, къ какимъ замѣчательнымъ результатамъ приводитъ подобное изложеніе.

И въ ближайшее къ намъ время, попытки своротить съ обыкновенной большой дороги, проложенной въ исторіи римскаго права, Христіансена, Игеринга, Эсмарха и другихъ развѣ заслужили какое-либо ободреніе и одобреніе со стороны закоснѣлыхъ, односторонникъ, отсталыхъ приверженцовъ исторической школы?

Замѣтимъ о сочиненіи Эсмарха, краковскаго профессора, котораго мы взяли здѣсь за представителя направленія частно-историческаго, «Исторія римскаго права» (Römische Rechtsgeschichte. Göttingen. 1856), что авторъ хотѣлъ, по его словамъ, написать сочиненіе «преимущественно для неученыхъ», т. е. для неспеціалистовъ, и что онъ уклоняется отъ обыкновенной дороги, частью своимъ слогомъ, тѣсно связаннымъ съ особенною его методою, въ которомъ слогѣ онъ старался сохранить основныя особенности римскаго права—его желѣзную послѣдовательность, его силу, полную мыслей, его ясность, т. с. прозрачность, и его идеальную простоту; частью въ отношеніи границъ, полагаемыхъ для исторіи римскаго права, которую онъ заключаетъ не юстиніановыми сборниками или даже т. н. поюстиніановымъ правомъ, какъ обыкновенно дѣлается, но классическою юриспруденціею, такъ что вовсе исключается у Эсмарха время, слѣдующее послѣ Ульпіана и Модестина; частью же, наконецъ, въ отношеніи раздѣленія исторіи римскаго права на періоды, которое, въ отличіе отъ обыкновеннаго, можно назвать не внѣшнимъ, а внутреннимъ дѣленіемъ, подобнымъ тому, какъ его развилъ нынѣ во всей обширности Игерингъ, а именно: у Эсмарха дѣленіе не по времени, не по годамъ, а по фазамъ развитія: на 1) древнее, квиритское право, 2) jus civile, 3) jus et imperium и 4) классическое право.

Но всего важнѣе въ сочиненіи Эсмарха то, что авторъ старался соединить въ немъ тѣ живыя воззрѣнія на историческій и систематическій духъ римскаго права, которыми мы одолжены такимъ романистамъ, каковы Гушке, Пухта, Христіансенъ, Игерингъ и Моммзенъ, и возстановить истинный образъ римскаго юридическаго генія, претворивъ всю массу отдѣльныхъ фактовъ въ живую цѣлость и одушевленное единство.

Одно уже это стремленіе такъ достойно науки, что мы готовы простить автору его часто неватуральный образъ выраженія, его слогъ, впадающій иногда въ напыщенность и изысканность, его промахи въ нѣкоторыхъ частностяхъ и наконецъ даже не вездѣ имъ раскрытое превосходство римскаго права, вслѣдствіе котораго оно развивается шагъ за шагомъ, въ полной гармоніи, возводя на высшія, но равныя ступени, и частное, и публичное право вмѣстѣ, такъ что каждое ихъ движеніе впередъ есть движеніе *всего* права, и что слѣдовательно исторія римскаго права есть въ самомъ дѣлѣ *система* римскаго права въ ея развитіи во времени. Словомъ, мы цѣнимъ высоко самостоятельное, истинно-историческое направленіе, стремленіе Эсмарха, а не самое его исполненіе, о недостаткахъ котораго много можно было бы еще сказать.

Въ сравненіи съ направленіемъ Эсмарха, что̀ представляетъ Рудорффъ? Для него частности, соединенныя внѣшнею связью, все. Мастерски очищаетъ онъ ихъ отъ всякаго сора, мусора и наплыва; но по нѣмецкой пословицѣ, «за множествомъ деревьевъ, не видитъ лѣса». Достаточно привесть двухъ, трехъ примѣровъ того, какъ оба писателя возвышаются отъ частностей къ общему.

Рудорффъ изображаетъ основной характеръ частнаго права (jus privatum) такъ: «По древнему республиканскому основному положенію, частное право предоставлено произвольному распоряженію отца семейства, какъ скоро онъ вышелъ изъ требующаго защиты отроческаго возраста и не связалъ себя имѣющимъ силу договоромъ. Но право отвергаетъ такой договоръ не только въ брачныхъ дѣлахъ и въ наслѣдственномъ правѣ, а даже въ обыкновенныхъ сношеніяхъ, если только распоряженіе какимъ бы ни было образомъ относится еще къ области односторонняго самоограниченія (modus dationis: do ut des, lex suae rei dicta). А потому jus civile занимается собствен-

по самымъ благопріятнымъ правомѣрнымъ истолкованіемъ этой вполнѣ измѣнчивой воли: пока напр. есть въ виду самое дробное частное выраженіе послѣдней воли по личнымъ отношеніямъ, до тѣхъ поръ должны быть отстранены законный порядокъ наслѣдованія и опека по общимъ категоріямъ родства. Немногіе законы, которыми ограничивается, изъ политическихъ видовъ, эта частная автономія, суть, во время республики, только (leges) imperfectae или minus quam perfectae; сила, прямо уничтожающая древнее право, является не прежде въ бо́льшемъ государственномъ общеніи, какъ во время имперіи, когда домъ и семейство не представляютъ уже такихъ непосредственныхъ и значительныхъ дробныхъ частей государства, какъ прежде въ римской общинѣ.» — Къ разсматриванію частнаго права во время республики (herus, familia, manus, mancipium, nexum) Эсмархъ переходитъ такъ: «Никогда не являлось въ такой рѣзкости, какъ въ Римѣ, понятіе о государствѣ, какъ всемогущее, неумолимо-принудительное для отдѣльныхъ лицъ общеніе. Но чѣмъ чувствительнѣе и неизбѣжнѣе тяготѣло государство на каждомъ отдѣльномъ лицѣ, тѣмъ яснѣе сознавалъ каждый тѣ стороны своего существа, которыя оставались свободными; тѣмъ рѣзче обозначались границы всемогущества государства. Подобно тому, какъ въ природѣ, воздухъ, находящійся въ органическихъ тѣлахъ, дѣлаетъ ихъ способными сносить огромную тяжесть окружающей ихъ массы воздуха: такъ сносили плеча римскаго гражданина исполинское бремя государства, потому что подъ нимъ было полное свободы пространство, которое ничѣмъ не могло быть у него уменьшено.»

Цѣлью изданія законовъ XII таблицъ Рудорффъ полагаетъ начертаніе безпристрастной, писанной юридической нормы для судоговоренія со стороны верховныхъ сановниковъ. Эсмархъ же показываетъ ихъ юридико-политиче-

ское значеніе въ слѣдующихъ словахъ; «Притѣсненное сословіе требовало обезпеченія какъ политическихъ, такъ и частныхъ своихъ вольностей; требовало письменнаго начертанія своихъ правъ: мѣдныя доски должны были быть поставлены между дворянствомъ и народомъ; дѣло шло о magna charta libertatis, о письменахъ, которыя ясно и рѣзко провели бы границы, на сколько государство можетъ стѣснять свободу гражданина, на сколько одинъ частный человѣкъ можетъ ограничивать другого.»

О римскихъ классическихъ юристахъ вообще Рудорффъ замѣчаетъ только, что право юристовъ получило значеніе общаго имперскаго права и что въ ихъ сочиненіяхъ разрѣшилось все античное образованіе права (antiqua prudentia). Напротивъ, Эсмархъ говоритъ о классическомъ, какъ онъ называетъ, правѣ, такъ: «Классическое въ духовномъ царствѣ есть то, что само въ себѣ совершенно, гдѣ форма и содержаніе находятся между собою въ полной гармоніи; а потому римское право на этой ступени называется по справедливости классическимъ. Римлянство, т. е. тотъ зрѣлый возрастъ народа, высочайшимъ выраженіемъ котораго явилось классическое государство, было уже погребено задолго до Августа. Съ утвержденіемъ монархіи, начался новый возрастъ; возродилось то римлянство, выраженіемъ котораго было классическое частное право. Государство должно было прейти, потому что, для своего существованія, оно требовало классическаго народа—квиритовъ; но право правъ вѣчно, потому что оно требуетъ только людей, какими они были, какіе они есть и какими всегда будутъ.»

Въ отношеніи слога, оба эти писателя также отличаются другъ отъ друга. Я уже говорилъ о слогѣ и вообще о всѣхъ формальныхъ сторонахъ сочиненія Эсмарха, соотвѣтствующихъ его матеріальной сторонѣ. Скажу нѣсколько словъ о слогѣ Рудорффа: этотъ слогъ, какъ и вся вообще фор-

ма его сочиненія, также соотвѣтствуетъ излагаемому имъ содержанію. Его можно назвать лапидарнымъ, — слогомъ надписей, вырѣзываемыхъ на каменныхъ памятникахъ, — такъ онъ кратокъ и сжатъ, чему примѣромъ служатъ уже приведенныя выше мѣста. Такой лапидарный слогъ, объясняемый исключительнымъ антикварнымъ направленіемъ Рудорффа, сталъ въ наше время модным, по крайней мѣрѣ у германскихъ романистовъ, которые считаютъ его за настоящій юридическій слогъ. Какъ ни похвальна сама по себѣ краткость и сжатость, но опасенъ тотъ притязательный лаконизмъ, который, вмѣсто свѣта, распространяетъ тьму. Лучше, по нашему мнѣнію, и въ этомъ отношеніи придерживаться прежняго взгляда, по которому и самый знаменитый романистъ, каковъ напр. Савинья, не считалъ недостойнымъ себя стараться излагать свои мысли такъ, чтобъ читатели легко понимали его и поучались, а противники убѣждались въ справедливости его замѣчаній, и для того не слишкомъ скупиться на слова, какъ скупится Рудорффъ. Конечно, не должно впадать и въ другую крайность, которою прежде страдали особенно нѣмецкіе юристы до того, что справедливо называли ихъ вообще плохими стилистами, съ весьма рѣдкими исключеніями — это многорѣчивость, растянутость періодовъ и запутанность ихъ вслѣдствіе множества вводныхъ предложеній; а еще болѣе слѣдуетъ остерегаться того, что до Гуго было почти общимъ припадкомъ романистовъ — употребленія неточныхъ, выдуманныхъ, а не заимствованныхъ изъ самыхъ источниковъ, техническихъ словъ и выраженій, потому что они ведутъ къ ложному пониманію самого дѣла, самого содержанія. Съ послѣднимъ замѣчаніемъ находится въ тѣсной связи входящее съ нѣкоторыхъ поръ въ моду у германскихъ романистовъ замѣненіе первоначальныхъ техническихъ названій, особенно относящихся къ римскому публичному праву, новыми,

какъ напр. Рудорффъ называетъ римскаго консула—бургомистромъ, претора городского (praetor urbanus)—городскимъ судьею и т. п. Похвально, конечно, стараніе новаго времени оживлять познаніе древняго міра посредствомъ сравненія съ нашею новою жизнію; но смѣшивать древнія и новыя учрежденія напр. чрезъ означенія ихъ одинаковыми названіями—это не только ведетъ къ противоположности, болѣе затемняя, чѣмъ поясняя древность, но и къ совершенно-ложному пониманію древности, не говоря уже о томъ, что это противно хорошему вкусу. Все это мы говоримъ потому, что замѣчается иногда и въ нашихъ русскихъ юристахъ и историкахъ разныя подобныя тому повадки, отъ которыхъ отстать намъ очень легко, если мы будемъ предостережены примѣрами нашихъ учителей—западныхъ юристовъ и историковъ, не всегда и не во всемъ, какъ видите, достойныхъ нашего подражанія.

О періодахъ, принимаемыхъ Эсмархомъ для исторіи римскаго права, мы также уже говорили. Мы замѣтили, что Эсмархъ, а особенно Игерингъ, представили внутреннее т. е. періодизированіе, въ чемъ, прибавимъ, видимъ мы несомнѣнный прогрессъ, усовершенствованіе истинно-историческаго изложенія римскаго права, развивающагося внутренно, само въ себѣ, а не только внѣшнимъ образомъ, по своей поверхности. Но періодизированіе Эсмарха и Игеринга страдаетъ тѣмъ существеннымъ недостаткомъ, что оно вовсе отвлекаетъ отъ установленія періодовъ временъ; что оно отрываетъ исторію римскаго права отъ тѣхъ фактовъ, съ которыми находится въ связи поступательное движеніе публичнаго права, а потому напр. въ сферѣ публичнаго права становится непонятнымъ учрежденіе, называемое provincia, находящееся въ связи съ первою пуническою войною, какъ важнымъ историческимъ фактомъ, а въ сферѣ частнаго права не-

понятна potestas, установленная jure civili, по аналогіи съ provincia, между тѣмъ какъ можно съ полною увѣренностью признать, что оба учрежденія, т. е. и provincia, и potestas, равно какъ и ихъ теоріи, развились у римлянъ равномѣрно и въ одно и то же время.

Что касается до Рудорффа, то онъ и на словахъ, и на самомъ дѣлѣ, совершенно отвергаетъ дѣленіе исторіи римскаго права на періоды, потому что періоды, какъ замѣчаетъ онъ, «разсѣкаютъ изложеніе въ полномъ ходѣ развитія,» а вводитъ другое дѣленіе, о которомъ онъ говоритъ, будто оно можетъ замѣнить періоды. Но можно ли чѣмъ бы то ни было замѣнить періоды? Во всѣхъ другихъ отрасляхъ историческаго знанія признано всѣми, что цѣль изложенія должна состоять въ томъ, чтобъ сдѣлать для читателей возможно-наглядньмъ историческое развитіе того предмета, о которомъ идетъ рѣчь. Признано также всѣми, что нѣтъ такого равномѣрнаго и непрестаннаго, безпрерывнаго развитія, въ которомъ нельзя бы отличить нѣкоторыхъ ступеней; что исторія не всегда творитъ съ равною силою, но что между ступенями развитія лежатъ промежутки, въ которыхъ продолжаетъ дѣйствовать то, что́ уже совершилось, и втиши приготовляется будущее. Если историческое изложеніе приметъ эти ступени развитія за основу дѣленія на періоды, то переходы эти не будутъ произвольными, а такими, которые установляются самимъ историческимъ движеніемъ.

Если это справедливо для всѣхъ отраслей исторіи, то можетъ ли быть несправедливымъ для одной отрасли — для исторіи права?

Трудность раздѣленія исторіи римскаго права на періоды, конечно, всѣми также признана; но это и есть задача, съ которою должны бороться романисты, а не устранять ее.

Рудорффъ устраняетъ ее, и чѣмъ же хочетъ замѣнить періоды?

Во-первыхъ, онъ считаетъ достаточною, для удовлетворенія потребности въ обозрѣніи одновременныхъ фактовъ, таблицу, помѣщенную въ заключеніе «образованія права,» т. е. въ концѣ вышедшаго 1-го тома его сочиненія. Но это не что иное, какъ сухая хронологическая таблица, наполненная одними заглавіями, съ внутреннимъ подраздѣленіемъ на: политическую исторію, источники права и юриспруденцію, и съ внѣшнимъ раздѣленіемъ на слѣдующіе періоды: 1-й періодъ—цари; 2-й періодъ—правленіе консульское; 3-й—періодъ дохристіанскіе императоры, 4-й періодъ—христіанскіе императоры до Юстиніана, и, въ видѣ прибавленія, до завоеванія турками Византійской имперіи. Такая таблица никакъ, очевидно, не можетъ замѣнить того, что̀ достойно называется періодами въ историческомъ развитіи римскаго права.

Во-вторыхъ, Рудорффъ, не въ этой таблицѣ, а въ самомъ изложеніи, принимаетъ такое дѣленіе: глава I-я, роды юридическихъ нормъ, каковы: jus civile, proprium, peregrinorum et gentium; jus scriptum et non scriptum и т. д. это собственно введеніе въ слѣдующія главы, которыя представляютъ какъ бы пространный каталогъ источниковъ juris scripti, а именно: глава 2-я, элементы и органы права: lex et plebiscitum, senatusconsultum и проч. и глава 3-я, сборники и кодификація. Но и тутъ Рудорффъ какъ бы самъ чувствуетъ необходимость какого-либо дѣленія на періоды, а потому и во 2-й и въ 3-й главѣ отдѣляетъ jus vetus отъ jus novum, слѣдовательно не остается послѣдовательнымъ своему взгляду, отвергающему вообще періодизированіе.

Но, въ защиту этого взгляда, можно бы привесть, что этотъ первый томъ Рудорффова сочиненія есть только вве-

деніе въ собственную исторію римскаго права, изложеніе которой мы должны ожидать отъ 2-го тома. Однако же Рудорффъ въ этомъ насъ совершенно разувѣряетъ. Въ концѣ своего предисловія, онъ хотя и дастъ всему сочиненію (а не первому только тому) скромное названіе введенія въ исторію римскаго права, но въ заглавіи прямо стоитъ: «Исторія римскаго права» и затѣмъ «Томъ первый. Образованіе права», въ поясненіе чего онъ прибавляетъ (въ томъ же концѣ предисловія), что «теперь является первая половина (всего сочиненія), обнимающая *исторію* образованія права, а слѣдующая затѣмъ непосредственно вторая половина изложитъ международную (исторію права) и уголовное и гражданское судопроизводство, по ихъ формѣ и содержанію.» Изъ этого слѣдуетъ, что въ сочиненіи Рудорффа слиты нераздѣльно внѣшняя и внутренняя исторія права.

Объ этомъ сліяніи Рудорффъ прямо выражается въ предисловіи такъ: «Совершенно избѣгнута здѣсь та неясность, которая лежитъ въ основаніи обычнаго отдѣленія внѣшней отъ внутренней исторіи права,» чему приводитъ, вслѣдъ затѣмъ, такую причину: «Каждое юридическое учрежденіе можно конструировать *извнѣ внутрь* и наоборотъ, смотря потому, исходимъ ли мы изъ его (учрежденія) источника—lex, formula и т. п., или изъ его принципа. А потому неправильно принимать различіе методы за основаніе дѣленія (самого) содержанія.»

И такъ Рудорффъ возстаетъ противъ всѣми принятаго, уже со времени Лейбница, дѣленія исторіи права на внѣшнюю и внутреннюю, признавая сліяніе ихъ за особенное достоинство своего сочиненія. Вездѣ исходитъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, изъ формъ источниковъ, и слѣдовательно, по его выраженію, «конструируетъ извнѣ внутрь,»

Но повѣримъ на его собственномъ сочиненіи, оправдывается ли эта метода. Посмотримъ, правда ли, что каждое

учрежденіе можно конструировать такъ, какъ хочетъ конструировать Рудорффъ.

Если мы будемъ искать, какъ Рудорффъ конструировалъ, по своей методѣ, важныя юридическія учрежденія, относящіяся къ собственности, къ обязательству и къ наслѣдству, то найдемъ кое-гдѣ очень полезныя объ нихъ замѣтки изъ того или другого источника, но изложенія, конструкціи этихъ учрежденій мы будемъ искать напрасно.

Напрасно будемъ искать и конструкціи учрежденій, относящихся къ семейственному праву, о которомъ у него говорится только мимоходомъ, по поводу legis Juliae et Papiae Poppaeae и нѣкоторыхъ сенатскихъ постановленій, относящихся къ семейственному же праву и къ исправленію учрежденія опеки. Что же касается до patria potestas, manus, mancipium и другихъ подобныхъ важныхъ учрежденій, то едва упомянуто здѣсь ихъ названіе.

Оскорбительно было бы для Рудорффа полагать, что онъ такія учрежденія признаетъ вовсе непринадлежащими къ исторіи римскаго права. Что же заставило его такъ пренебрегать ими? Единственно его ложная метода, которая должна была привесть неизбѣжно къ такимъ жалкимъ результатамъ.

Эта же метода была причиною, почему Рудорффъ, опредѣливши, что такое писанное право, не приводитъ его нигдѣ въ ряду того, что онъ называетъ «элементами и органами права,» какъ будто бы все римское право развито только изъ писаннаго права—изъ законовъ, формулъ и проч; какъ будто бы обычное право не имѣло никакого участія въ этомъ развитіи.

Съ бо̀льшимъ стараніемъ Рудорффъ излагаетъ содержаніе отдѣльныхъ источниковъ писаннаго права (leges, plebiscita et senatusconsulta), и слѣдовательно, можно бы думать, конструируетъ по крайней мѣрѣ здѣсь юридиче-

скія учрежденія; но вглядѣвшись пристальнѣе, мы видимъ, что и здѣсь конструируетъ онъ не юридическія *учрежденія*, а только отдѣльныя, частныя юридическія *положенія*. Возьмите напр. приведенные Рудорффомъ leges, относящіяся къ частному праву—lex Cincia, lex Furia testamentaria, lex Voconia, lex Julia et Papia Poppaea и проч: изъ его учебника вы узнаете всѣ частности, всѣ подробности, ими постановленныя, касательно даренія, завѣщанія, брака, опеки и проч.; но не получите никакого понятія о самомъ даренін, завѣщаніи, бракѣ, опекѣ, объ отличительномъ общемъ, цѣлостномъ характерѣ этихъ учрежденій.

Переходя къ императорскимъ указамъ (constitutiones), къ эдиктамъ и къ responsa prudentum, авторъ ограничивается поясненіями и замѣчаніями объ ихъ юридической основѣ, формѣ и исторіи просхожденія съ приведеніемъ для указовъ нѣкоторыхъ примѣровъ, — словомъ, перестаетъ уже совсѣмъ конструпровать.

Результатами всей этой ложной методы являются неправильный взглядъ на внутреннее развитіе права, неполнота въ неимовѣрной степени и неравномѣрность въ самомъ изложеніи.

Итакъ мы рѣшительно принуждены возстать противъ такого нововведенія, которое, приводя въ зависимость внутреннее развитіе права отъ внѣшняго его источника, дѣлаетъ невозможнымъ представленіе себѣ каждаго юридическаго учрежденія въ его единствѣ, тѣмъ болѣе, что о немногихъ только учрежденіяхъ можно сказать, что они какъ бы вылиты изъ одного куска; напротивъ, большая часть учрежденій одолжена своимъ существованіемъ разнымъ источникамъ, частью одновременнымъ, частью даже разнаго времени. Слѣдуя методѣ Рудорффа, каждое учрежденіе неизбѣжно нужно будетъ разорвать на мертвыя части, съ тѣмъ, чтобъ каждую такую часть подвесть подъ

совершенно внѣшнія точки зрѣнія, отчего утратится всякая пластическая наглядность, всякое живое пониманіе учрежденій. Кромѣ того, отсюда же произойдетъ такое хронологическое смѣшеніе, препятствующее слѣдить за цѣлостнымъ развитіемъ и права, и его источниковъ, которое никакъ не устраняется помѣщенною въ концѣ перваго тома хронологическою таблицею, подводящею отрывочныя данныя подъ слишкомъ общія рубрики.

Сознаніе подобныхъ недостатковъ, неизбѣжныхъ при подобной методѣ, и было поводомъ къ различенію между внѣшнею и внутреннею исторіею права, т. е. между исторіею источниковъ права и исторіи права, и между исторіею юридическихъ учрежденій или исторіею развитія самого права.

Можно находить, пожалуй, что названія «внутренняя и внѣшняя исторія права» не совсѣмъ удачны; можно допустить, что иногда весьма трудно провести между ними границы; можно и даже должно согласиться, что онѣ не представляютъ безусловной противоположности, и что потому не слѣдуетъ излагать внѣшнюю исторію слишкомъ внѣшнимъ образомъ, вовсе не обозначая въ ней ни даже характера того, что́ возникло изъ источниковъ права и исторіи права, характера ихъ внутренняго содержанія; наконецъ, можно въ такомъ дѣленіи не признавать отвлеченной, мертвой логической необходимости; но нельзя отвергать его практической, живой пользы, условливаемой методическими и дидактическими требованіями, столь непреложными, что, какъ мы видѣли, пренебреженіе ими ведетъ непремѣнно ко множеству несообразностей, особенно чувствительныхъ для тѣхъ, которые начинаютъ изучать исторію римскаго права—этотъ важный, основной предметъ для всякаго юриста.

Къ счастью, мы не знаемъ примѣра, чтобъ русскіе преподаватели римскаго права впадали въ подобное Ру-

дорффову смѣшеніе этихъ двухъ частей исторіи права; но едва ли это можно сказать объ излагателяхъ исторіи русскаго права, или какъ отдѣльной науки, или же въ связи съ разными его областями—съ русскимъ государственнымъ, гражданскимъ и уголовнымъ правомъ. Въ нихъ замѣтно, въ самомъ дѣлѣ, поползновеніе къ смѣшенію внѣшней съ внутреннею исторіею русскаго права, или по крайней мѣрѣ пренебреженіе первою на счетъ послѣдней. Для ихъ-то особенно предостереженія, мы не могли не указать на всѣ послѣдствія такой несообразной методы или, правильнѣе, такого отсутствія методы въ изложеніи исторіи права; мы обязаны были остановиться на этомъ предметѣ долѣе, чѣмъ бы, казалось, слѣдовало.

Заключимъ наше обозрѣніе сочиненій Эсмарха и Рудорффа замѣчаніемъ, что хотя оба они равно полагаютъ классическую юриспруденцію, одолженную своимъ существованіемъ знаменитымъ римскимъ юристамъ, за самое цвѣтущее состояніе римскаго права, «за ту вершину, какъ выражается Рудорффъ, къ которой первобытное состояніе римскихъ племенныхъ общинъ относится какъ первоначальныя ступени, а христіанско-римское развитіе права, какъ отростки;» но Эсмархъ не продолжаетъ далѣе этой классической юриспруденціи въ своей Исторіи римскаго права, а Рудорффъ, напротивъ, ведетъ даже до паденія Византійской имперіи. Оба эти мнѣнія могутъ быть защищаемы: мнѣніе Рудорффа тѣмъ, что, какъ онъ говоритъ, «съ тѣми отростками классической юриспруденціи, т. е. съ христіанско-римскимъ развитіемъ права, начинается, въ смыслѣ всемірно-историческомъ, новое восхожденіе (права вообще)»; а мнѣніе Эсмарха тѣмъ, что послѣ того, какъ юриспруденціи удалось слить jus civile и jus gentium, тѣмъ самымъ совершилось истинное, полное развитіе римскаго юридическаго духа,

такъ что послѣ Модестина и Ульпіана, нѣтъ уже и рѣчи объ органическомъ развитіи права.

Не смотря на видимое различіе такихъ взглядовъ, они нисколько не противоположны. Классическою юриспруденціею заканчивается развитіе собственно-римскаго права, но затѣмъ начинается всемірно-историческое его развитіе. Юстиніановыми сборниками установляется римское право въ томъ систематическомъ видѣ, въ какомъ оно, съ одной стороны, обработывается, какъ наука, западными учеными и становится однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ нынѣ дѣйствующаго права въ западной Европѣ, преимущественно въ Германіи, а съ другой стороны, является существенною основою позднѣйшихъ византійскихъ, частныхъ и оффиціальныхъ сборниковъ, на греческомъ уже языкѣ, каковы напр. недавно (въ 1852 г.) изданная Цахаріе— Ecloga Leonis et Constantini и проч. и въ особенности т. н. Базилики. А потому западные ученые доводятъ обыкновенно исторію римскаго права до Юстиніана включительно, присоединяя иногда къ ней, въ видѣ прибавленія, и свѣдѣнія о позднѣйшихъ византійскихъ сборникахъ, но разсматривая ихъ только съ внѣшней стороны, а не со стороны внутренняго ихъ содержанія.—

Отъ двухъ направленій, антикварнаго и частно-историческаго, представителями которыхъ мы вывели Рудорффа и Эсмарха, отличается направленіе, положенное въ основу еще неконченнаго сочиненія того новѣйшаго историка римскаго права, объ имени котораго мы не разъ уже упомянули мимоходомъ, гиссенскаго профессора Игеринга: «Духъ римскаго права на разныхъ ступеняхъ его развитія» (Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwickelung. Leipzig. 2 Theile oder 3 Bände. 1852—58). Это направленіе можно назвать критическимъ и въ этомъ смыслѣ отрицательнымъ, между тѣмъ какъ

указанныя выше направленія могутъ быть названы, для отличія, положительными направленіями.

Чтобъ понять критическое направленіе Игеринга, необходимо знать, какъ онъ пришелъ къ нему. Онъ самъ объ этомъ разсказываетъ въ началѣ введенія въ свое сочиненіе.

«Въ каждой наукѣ, отъ времени до времени, всплываютъ на ея поверхность извѣстные вопросы и направленія, которые, по своему глубоко-вліяющему на жизнь значенію, возбуждаютъ интересъ и образованныхъ неспеціалистовъ, и судьба которыхъ нерѣдко зависитъ болѣе отъ настроенія этой публики, нежели отъ того, какое объ нихъ рѣшеніе постановитъ наука. Недавно должно было это же испытать на себѣ, въ отношеніи нѣкоторыхъ вопросовъ, и правовѣдѣніе,—та область знанія, на которую неспеціалисты едва обращали прежде вниманіе. Къ такимъ вопросамъ принадлежитъ предметъ настоящаго сочиненія—римское право. Возбужденіе чувства національности, во время такъ называемыхъ войнъ за независимость, должно было, почти неизбѣжно, обратить вниманіе публики вообще на эту чужую составную часть нашего юридическаго быта. Нельзя было сомнѣваться, съ какимъ чувствомъ будетъ смотрѣть публика на римское право. Не было нужды ни въ авторитетѣ знаменитыхъ юристовъ, обрекшихъ его на казнь, ни во множествѣ обвинительныхъ пунктовъ, на которыхъ они основывали свой приговоръ. Одинъ уже фактъ, что сборникъ законовъ, возникшій болѣе, чѣмъ за тысячу лѣтъ, въ чужомъ народѣ, руководилъ настоящими юридическими сношеніями,—этотъ фактъ представлялъ, казалось, такое самопротиворѣчіе, такое оскорбленіе начала національности, что всякій образованный человѣкъ, и безъ помощи юристовъ, былъ вправѣ осуждать такое состояніе и требовать его отмѣны. А потому научное направленіе, имѣвшее цѣлью побѣдить и вытѣснить римское право,

могло, съ самого начала, расчитывать на сочувствіе публики вообще, и должно было съ каждымъ днемъ пріобрѣтать себѣ все болѣе и болѣе приверженцевъ. Оно было современно, потому что союзникомъ его была великая идея національности, владычествующая надъ современностью. Побѣда его обезпечена тѣмъ всемогуществомъ, съ которымъ дѣйствуетъ эта идея какъ на людей образованныхъ, такъ и на массы. Нынѣшнее поколѣніе юристовъ должно быть готово увидѣть отстраненіе римскаго права, въ томъ видѣ, въ какомъ оно до сихъ поръ было. Во всякомъ случаѣ, ему принадлежитъ задача приготовить это событіе, а можетъ быть, кромѣ того, даже положить ему начало.»

«Впрочемъ, это предполагаемое вытѣсненіе римскаго права коснется болѣе его формы, нежели его содержанія. Римское право перестанетъ имѣть для насъ обязательную силу уложенія законовъ, но какъ и вездѣ, гдѣ оно прежде дѣйствовало, а потомъ было уничтожено, оно будетъ доставлять намъ значительную часть матеріала, изъ котораго мы будемъ возводить новое зданіе нашего права. Такимъ образомъ и впредь будетъ продолжать свое существованіе, въ измѣненной формѣ, множество основныхъ положеній римскаго права. Никакой благоразумный человѣкъ не будетъ ихъ считать за болѣзненную матерію, которую будто долженъ совершенно изгнать изъ себя нашъ юридическій организмъ, чтобъ возстановить свое здоровье. Задача не въ томъ, чтобъ, при болѣзненномъ возбужденіи чувства національности, отвергнуть каждую частичку римскаго права, потому только, что она *римскаго* происхожденія, какъ элементъ несообразный съ нашею природою. Какъ въ торговыхъ сношеніяхъ народы обмѣниваютъ свои произведенія и издѣлія, такъ существуетъ между ними и духовная мѣна. Ежедневно одинъ народъ заимствуетъ отъ другого, по части

искусства, науки, права и т. д., не опасаясь чрезъ то нанесть ущербъ своей національности. Нужно только, чтобъ это заимствованіе не было механическимъ, а напротивъ, было бы ассимилированіемъ, внутреннимъ усвоеніемъ. Римское право, какъ сборникъ законовъ, никогда не могло ассимилироваться, слѣдовательно должно быть опять вытѣснено; напротивъ, многое изъ его матеріальныхъ основныхъ положеній перешло, въ теченіе вѣковъ, въ нашу плоть и кровь; отъ этого процесса образованія невозможно попятиться назадъ; нельзя также оставлять его безъ вниманія.»

«Итакъ многое изъ римскаго права мы удержимъ за собою, многое отдадимъ назадъ. Но чтобъ ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи не произошло ни излишества, ни недостатка, необходимо подвергнуть весь матеріалъ точной критикѣ. Съ цѣлью какъ бы окончательнаго расчета съ римскимъ правомъ, необходимо провѣрить, какъ оно было у насъ принято. Чѣмъ римское право было для насъ до сихъ поръ; чѣмъ оно можетъ и должно быть впослѣдствіи; каковы средства, находящіяся въ его распоряженіи и намъ предлагаемыя и т. д.? — вотъ вопросы, которые должны быть для насъ уже совершенно уяснены, прежде нежели наступитъ день расчета.»

Изъ этого вовсе не слѣдуетъ заключать, что сочиненіе Игеринга имѣетъ непосредственно въ виду практическую цѣль и что потому оно имѣетъ цѣну для однихъ нѣмецкихъ юристовъ; напротивъ, окончательный расчетъ, какъ онъ называетъ, съ римскимъ правомъ представлялся ему только естественнымъ послѣдствіемъ подобной критики римскаго права, а современный взглядъ нѣмецкой публики на это право былъ только внѣшнимъ поводомъ, возбудившимъ въ немъ мысль объ этой критикѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, авторъ выражаетъ далѣе предметъ своего сочиненія такъ:

«Исчерпывающее весь предметъ (полное) обсужденіе римскаго права должно бы разсмотрѣть его съ трехъ разныхъ сторонъ: съ чисто-исторической, со всемірно-исторической и съ законодательной точки зрѣнія. Съ первой точки зрѣнія разсматривается оно безотносительно, т. е. какъ самостоятельное цѣлое, а съ двухъ остальныхъ точекъ зрѣнія—относительно, и притомъ со второй—въ отношеніи всего развитія права во всемірной исторіи, а съ третьей—въ отношеніи законодательныхъ потребностей и цѣлей настоящаго времени. Первый изъ этихъ образовъ воззрѣнія долженъ бы проникнуть сущность римскаго права, сознать его духовный составъ; второму предлежало бы отвѣтить на вопросъ: въ чемъ всемірная исторія двинулась впередъ при посредствѣ римскаго права и какое вліяніе оно имѣло на новый міръ; предметомъ послѣдняго было бы законодательная годность этого права.»

«Мое—продолжаетъ авторъ—намѣреніе попытаться рѣшить постепенно всѣ эти три вопроса. Настоящее сочиненіе, занимающееся рѣшеніемъ перваго вопроса, очищаетъ мнѣ почву для обработыванія двухъ остальныхъ вопросовъ. Поэтому я бы могъ издать это сочиненіе, какъ первую часть критики римскаго права; но, съ другой стороны, оно, по самостоятельности своей задачи, представляетъ и замкнутое цѣлое. Мнѣ самому еще неизвѣстно, буду ли я въ состояніи написать и двѣ послѣднія части, и если буду, то когда, что я предпочелъ каждую изъ этихъ частей отдѣлать и издать, какъ особый самостоятельный трудъ. Итакъ я обращаюсь теперь исключительно къ первому вопросу, т. е. къ характеристикѣ римскаго права на различныхъ ступеняхъ его развитія.»

Словомъ, направленіе Игеринга вообще, которымъ онъ отличается отъ другихъ господствующихъ направленій,

критическое, а содержаніе его сочиненія, какъ и многихъ другихъ сочиненій по исторіи римскаго права, между прочимъ — Эсмарха, есть частно-историческое.

Этимъ достаточно объясняется самое заглавіе сочиненія. Его научная задача двойственная: и историческая, и философская вмѣстѣ, или, какъ онъ выражается, философско-историческая. Объ особенныхъ трудностяхъ ея онъ говоритъ слѣдующее:

«Я разумѣю здѣсь не трудности отвлеченія, — не то непріятное, унизительное чувство, возбуждаемое сознаніемъ, что при самой напряженной работѣ, нельзя никогда вполнѣ овладѣть ею; что всегда вынужденъ бываешь оставлять невыработаннымъ чего-нибудь такого, что̀ угадываешь, но чего найти не въ состояніи. Нѣтъ, я разумѣю здѣсь совсѣмъ другое: во-первыхъ, опасеніе впасть въ неосновательность, въ остроумное фразерство. Эта опасность лежитъ здѣсь не въ личности, а въ самой задачѣ. Она-то внушаетъ такъ часто, въ людяхъ основательныхъ и осторожныхъ, отвращеніе отъ самой задачи и справедливое недовѣріе къ попыткамъ ея рѣшенія, предпринимаемымъ людьми, болѣе смѣлыми. И въ самомъ дѣлѣ, не всегда лучшіе люди обращаются къ этой задачѣ. Какая толпа собралась подъ знаменемъ, которое водружено будто бы первымъ мною! Какими подчивали насъ фразами, мыльными пузырями, неправильными воззрѣніями и откровеніями, произносящими, вслѣдствіе своей ложности и нелѣпости, надъ самими собою смертный приговоръ! Многіе воображали, что на этомъ поприщѣ легче всего стяжать себѣ лавровые вѣнки; пожать тамъ, гдѣ пахали другіе:—стоитъ только, думали, набросить пеструю одежду на добытые, путемъ трудныхъ изысканій, результаты, чтобъ выдать ихъ за свои собственные. Но тѣ лавры скоро поблекли,—и на сколько и мои вѣнки пріобрѣтены подобнымъ же образомъ, я желаю и имъ той же участи. О себѣ я могу сказать,

что не бѣгство отъ серьезной работы предало меня въ руки той задачи; въ ней, напротивъ, ждалъ я болѣе труда, чѣмъ могъ бы мнѣ задать какой-либо другой конкретный предметъ. Поэтому-то мнѣ до глубины души ненавистно то безчинство, съ какимъ обходились съ этою задачею; суетность и неосновательность, которыя при томъ обнаружились,—и я уже давно искалъ случая, теперь мнѣ представляющагося, этотъ приговоръ мой объявить во всеуслышаніе. Я не боюсь, что этимъ самымъ я произношу самъ надъ собою приговоръ. Чтобъ и я никогда не впадалъ въ искушеніе конструированія и опасныхъ комбинацій, могу ли я скрыть это самъ предъ собою? Пойди кто угодно и попробуй, устоитъ ли онъ противъ искушенія? Но что я сознаю въ себѣ и чѣмъ я, къ сожалѣнію, вынужденъ хвалиться, это любовь къ моей задачѣ, равно какъ усердіе и серьезность, всегда неразлучные спутники такой любви. Это сознаніе придаетъ мнѣ довольно силы, чтобъ вызывать всѣхъ на судъ о моемъ трудѣ и отказаться отъ всякой ему пощады. Но съ другой стороны, требую я судить меня по мнѣ самомъ, не слагая на меня бремя заблужденій со стороны тѣхъ писателей, надъ которыми и мой приговоръ не можетъ отличаться отъ приговора всѣхъ людей здравомыслящихъ.»

Такой несправедливый приговоръ надъ авторомъ за чужія заблужденія произнесенъ былъ, между прочимъ, боннскимъ профессоромъ Вальтеромъ, въ его Юридической энциклопедіи. «При характеризированіи того — говоритъ Вальтеръ,—что называютъ духомъ права, слѣдуетъ остерегаться слишкомъ неопредѣленной всеобщности. Право народа, какъ и самый народъ, сложено изъ столь многихъ духовныхъ элементовъ; такъ часто въ юридическихъ учрежденіяхъ преобладаетъ то тотъ, то другой элементъ, что характеристическая черта, долженствующая обнимать всѣ эти элементы, особенно если примѣшается къ тому

оттѣнокъ философской школы, весьма легко превращается въ ложныя и безплодныя фразы.» Вальтеръ, между прочимъ, указываетъ и на Игеринга, утверждая, будто онъ полагаетъ характеристическою чертою римскаго права субъективность, въ отличіе отъ объективности германскаго права. Но нигдѣ, во всемъ своемъ сочиненіи, Игерингъ не приводитъ къ подобной формулѣ различія въ началахъ римскаго и германскаго права; нигдѣ не говоритъ объ объективности германскаго и субъективности римскаго права, какъ объ отличительной характеристикѣ. Напротивъ, все его сочиненіе представляетъ рѣзкое доказательство противъ возможности привесть характеръ всего права къ одной какой-нибудь формулѣ. Дѣло въ томъ, что Вальтеръ нашелъ въ сочиненіи нѣкоего Шмидта—«Различіе между римскимъ и германскимъ правомъ»—подобную, хотя и обратную характеристику этихъ правъ, и недостаточно ознакомившись съ сочиненіемъ Игеринга, взвелъ на него обвиненіе въ чужихъ грѣхахъ.

Но не только Вальтеръ, а и самъ Рудорффъ хотѣлъ бросить, какъ всѣ поняли, камень особенно на Игеринга, въ приведенныхъ нами выше словахъ изъ предисловія къ своей Исторіи римскаго права, гдѣ онъ осуждаетъ исключительное преслѣдованіе общихъ юридическихъ воззрѣній, пренебреженіе основательными изслѣдованіями, введеніе терминологіи, взятой изъ низшихъ слоевъ естествознанія, и вообще всякую попытку проложить себѣ новый путь, оставивъ въ сторонѣ избитую колею.

Каждый изъ этихъ пунктовъ обвиненія Игерингъ разсматриваетъ порознь, противопоставляя имъ слѣдующія замѣчанія.

«Мнѣніе мое — говоритъ онъ — объ общихъ взглядахъ могу я выразить однимъ словомъ: я смотрю на нихъ, какъ на ключъ къ уразумѣнію частностей. Для того, кто не владѣетъ этими частностями, ключъ не имѣетъ

никакой цѣны, — и я не могу представить себѣ ничего болѣе искаженнаго, какъ основать преподаваніе исторіи римскаго права на общихъ взглядахъ, а не на изученіи частностей. Это значило бы систематически воспитывать учащееся юношество въ неосновательности, и дать имъ въ руки не дѣйствительное владѣніе имуществомъ, а только подобранный ключъ, отвлеченную отмычку, которою они скорѣе испортятъ замокъ, чѣмъ отопрутъ его.—Слѣдовательно, значеніе общихъ воззрѣній опредѣляется, какъ для всякаго, такъ и для науки, тѣмъ, что̀ конкретно, что̀ они и должны себѣ открыть (уяснить). Ну можно ли раздѣлить трудъ такъ, что одни возьмутъ на себя поставку конкретнаго, а другіе абстрактнаго?- Вѣдь въ самомъ дѣлѣ нашлись люди, которые хотѣли распустить обо мнѣ слухи, будто я имѣлъ въ виду такое раздѣленіе труда, и будто я, съ высоты «духа», смотрѣлъ съ нѣкоторымъ состраданіемъ на тружениковъ, занимающихся изслѣдованіемъ частностей. Напрасно было бы протестовать противъ этого словами; я надѣюсь заставить самимъ дѣломъ замолкнуть мало по малу этому упреку».. Затѣмъ авторъ проситъ судить его сочиненіе даже со стороны конкретнаго, со стороны частностей, надѣясь, что и въ этомъ отношеніи, имѣющемъ для его цѣли второстепенную важность, отдадутъ ему справедливость, удостовѣрясь, что онъ скорѣе привелъ слишкомъ много этихъ частностей, и что нѣкоторыя изъ нихъ онъ самъ первый открылъ въ источникахъ или привелъ между собою въ надлежащую связь и тѣмъ способствовалъ къ лучшему ихъ уразумѣнію.

Итакъ всѣ нѣмецкіе историки римскаго права, къ какой бы партіи они ни принадлежали, возстаютъ противъ того изученія исторіи какого бы то ни было права, римскаго ли, русскаго ли, все равно, которое начинаетъ съ общихъ взглядовъ, какъ бы они ни были сами по себѣ

вѣрны, а не съ фактовъ, основанныхъ на изученіи источниковъ; противъ того изложенія, которое у насъ, къ сожалѣнію, беретъ иногда верхъ не въ однихъ сочиненіяхъ, писанныхъ для спеціалистовъ, но въ лекціяхъ, преподаваемыхъ для начинающихъ изучать исторію и самую догму права; тѣмъ болѣе возстаютъ противъ тѣхъ тщеславныхъ увлеченій, или даже намѣренныхъ проведеній своихъ любимыхъ, не скажу мыслей, а мысленокъ, въ историческихъ, слѣдовательно вполнѣ положительныхъ наукахъ, которыя проведенія выражаются или въ искаженіи истины, или въ геніальничаньи, или въ служеніи цѣлямъ не науки, а той или другой партіи. Трудъ, добросовѣстность, истина, словомъ все, чѣмъ дышетъ наука, чѣмъ долженъ дышать всякій образованный человѣкъ, приносятся въ жертву—чему? стремленіямъ, если не неблагороднымъ, то по крайней мѣрѣ недостойнымъ, не говорю ученаго, но человѣка. Невольно отворачиваешься отъ этого зрѣлища и ищешь утѣшенія и отрады въ томъ чувствѣ, въ томъ сознаніи, что истина непреложна; что «все минется, одна правда остается.»

Что касается до новости методы, то Іерингъ не только не оправдывается въ дѣйствительной попыткѣ его проложить новую методу, а напротивъ съ радостью принимаетъ этотъ сдѣланный ему упрекъ. «Вся моя книга — говоритъ онъ — дѣйствительно расчитана на то, чтобъ оставить до сихъ поръ исключительно-господствующую методу въ представленіи римскаго права и ввести, *кромѣ ея*, другую методу, а не на то, чтобъ и ее сдѣлать также *исключительною*. Если бы пришлось мнѣ преподавать исторію римскаго права, я самъ нашелъ бы несообразною съ преподаваніемъ *мою* методу, по той же самой причинѣ, по которой лекціи по философіи исторіи не могутъ замѣнить историческихъ лекцій. Другое дѣло, употребить мою методу съ цѣлью изслѣдованія и лите-

ратурнаго изложенія, а что, съ этой стороны, она совершенно оправдывается, объ этомъ выжидаю я безбоязненно приговора времени».

«Затѣмъ я не могу, конечно, очиститься отъ упрека въ употребленіи терминологіи изъ низшей сферы естествознанія для высшей сферы правовѣдѣнія. Что же касается до того, будто я этою терминологіею замѣнилъ юридическій языкъ, безцѣнный по своей опредѣлительности и своеобразности, — это не со всѣмъ такъ. Глупецъ тотъ, кто старыя понятія обозначаетъ выраженіями новыми, самодѣльными; свѣтъ не обращаетъ никакого вниманія на его попытки переиначить ихъ. Но въ другомъ положеніи находится тотъ, кому предстоитъ изложить новыя понятія и воззрѣнія, даже если бы это новое состояло только въ томъ, что онъ переноситъ уже существующее на извѣстную какую-либо науку. Если онъ намѣренъ не ограничиваться немногими товарищами своими по наукѣ, а желаетъ говорить съ публикою вообще, и именно, какъ я, быть понятнымъ учащимся и неспеціалистамъ, то онъ принужденъ искать для своихъ мыслей такихъ соприкасающихся точекъ, которыя находятся въ распоряженіи каждаго, пользоваться образами и сравненіями и т. д. Гдѣ же найти въ такомъ количествѣ эти точки соприкосновенія съ чувственнымъ мышленіемъ, какъ не въ природѣ, и слѣдственно гдѣ найти такое множество годныхъ къ позаимствованію выраженій, какъ не въ естествознаніи? Легко давать такія наставленія тому, кто все имѣетъ дѣло съ данными понятіями: поступай, какъ я дѣлаю; употребляй только отвлеченныя выраженія. Съумѣю и я это сдѣлать, когда пройдетъ лѣтъ пятьдесятъ; когда тѣ воззрѣнія станутъ уже общимъ достояніемъ и со всѣхъ сторонъ будутъ повѣрены, исправлены и изношены. Но если бы я теперь уже попытался сдѣлать это, то большая часть читателей забросятъ въ

уголъ книгу мою, какъ вещь, недоступную пониманію.»

Въ другомъ мѣстѣ Игерингъ объясняетъ, что онъ старался сдѣлать понятнымъ свое сочиненіе для образованной публики вообще; но такъ, чтобъ притомъ не подвергнуть слишкомъ трудному испытанію и своихъ собратій—спеціалистовъ. «Это обращеніе вниманія—продолжаетъ онъ—на два круга читателей покажется, можетъ быть, для многихъ невозможнымъ на дѣлѣ; ибо могутъ сказать: что̀ для одного будетъ излишне, то̀ для другого едва достаточнымъ. Но это такъ только кажется; совсѣмъ напротивъ, я считаю весьма полезнымъ обращать вниманіе на оба круга читателей при такихъ научныхъ предметахъ, которые вообще годны для популярнаго изложенія и къ числу которыхъ отношу я предлежащій предметъ. Обращеніе вниманія на неспеціалиста заставляетъ быть яснымъ, а обращеніе вниманія на спеціалиста не дозволяетъ перейти этой ясности въ пошлость, или же не допускаетъ писателя считать себя свободнымъ отъ необходимости подкрѣплять свои мнѣнія доказательствами. Самая наука можетъ чрезъ то только выиграть, если мы пытаемся выставить ее предъ простымъ взглядомъ неспеціалиста, потому что изъ вниманія къ нему, это побудитъ измѣнить дошедшему по преданію порядку предметовъ и формулированію понятій; откинуть всякую ученую примѣсь, нерѣдко заслоняющую собою свободный духовный взглядъ на предметъ; отыскивать существенное зерно науки и излагать понятно, не прибѣгая къ помощи схоластическаго языка.»

Это приводитъ автора еще къ другому объясненію,—къ объясненію трудности соединить надлежащимъ образомъ отвлеченный элементъ съ конкретнымъ, историческимъ. Въ этомъ отношеніи авторъ проситъ читателей не упускать изъ виду, что главный предметъ его сочиненія не

римское только право, но что на римскомъ правѣ и въ немъ самомъ желаетъ онъ показать наглядно сущность права вообще. «Кто—восклицаетъ авторъ—въ наше время читаетъ еще изслѣдованія о сущности права? А потому если кто желаетъ пустить ихъ въ ходъ, тотъ долженъ представить ихъ публикѣ не въ этомъ видѣ, но на конкретномъ и въ конкретномъ матеріалѣ. По моему твердому убѣжденію, это много послужитъ въ пользу и самимъ изслѣдованіямъ. Философія права не лишилась бы довѣрія въ той мѣрѣ, въ какой, къ сожалѣнію, она лишилась нынѣ, если бы она не слишкомъ чуждалась историческаго и конкретнаго элемента. Будущность ея, по моему мнѣнію, зависитъ отъ болѣе энергическаго воспріятія въ себя этого элемента, отъ знанія природы права, добытомъ путемъ анализа и сравненія частностей. Посильно тому способствовать—вотъ цѣль моего сочиненія»..

Наконецъ Ихерингъ такъ оправдывается противъ послѣдняго обвинительнаго пункта,—противъ смѣлости его комбинацій и гипотезъ:—«Упрекъ этотъ я принимаю, но въ то же время и возвращаю. Очевидно, что подобное моему сочиненіе, по всему своему назначенію и плану, даетъ болѣе поводовъ къ гипотезамъ и комбинаціямъ, нежели какое-нибудь историко-юридическое разсужденіе, ограничивающееся одною какою-либо частностью, или же какой-нибудь учебникъ исторіи римскаго права. Или неужели первый я внесъ въ міръ грѣхъ этотъ? У нѣкоторыхъ господъ память, кажется, слишкомъ коротка, и потому я позволю себѣ освѣжить ее нѣсколько.» И затѣмъ Ихерингъ приводитъ въ примѣръ дерзскія, неосновательныя комбинаціи и гипотезы, не то чтобъ какого-нибудь Ганса или Христіансена, что было бы вовсе неудивительно, но того, кто говоритъ о себѣ, что онъ, въ противоположность новѣйшимъ современнымъ направ-

леніямъ, сознаетъ себя стоящимъ на почвѣ твердаго знанія и преуспѣянія, — Рудорффа, также Гушке, съ его юридико-историческою фантазіею, и наконецъ самого Пухту, къ которому авторъ чувствуетъ такое особенное благоговѣйное уваженіе, что посвящаетъ памяти этого «великаго мастера», какъ онъ его называетъ, свое сочиненіе.

Вообще о предлежащемъ сочиненіи Игеринга можно сказать, что оно исполнено такихъ достоинствъ, особенно важныхъ въ глазахъ русскаго юриста, изучающаго, по своему положенію, римское право не съ условною, практическою, а съ безотносительною, научною цѣлью, такъ для него освѣжительно и возбудительно, и съ другой стороны, такъ ново, что, не смотря на нѣкоторые его частные недостатки, оно должно служить руководною звѣздою по пути къ юридическому образованію, какъ своему собственному, такъ и вообще всей читающей публики, достаточно приготовленной общимъ образованіемъ къ его пониманію и усвоенію.

Я сказалъ, что это сочиненіе отличается и новизною. «Неужели — спрашиваетъ Игерингъ — задача, поставленная мною, еще нуждается въ разрѣшеніи? Не слѣдовало ли бы ожидать, что она давно рѣшена, при полнотѣ духовной силы, которою, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, распоряжалось римское право? Во всѣ времена повторялись нападенія на это право; во всѣ времена старались отразить ихъ, указывая на его великое значеніе; но въ чемъ же состоитъ это значеніе? Могло ли уваженіе къ нему найти благодарнѣйшій матеріалъ, помогающій оправдать на дѣлѣ это уваженіе, выставивъ свѣтлыя его стороны и принудивъ такимъ образомъ замолчать своихъ противниковъ? Но наша литература не оправдала этихъ ожиданій: вмѣсто основательной критики римскаго права, она представляетъ только случайныя общія фразы о его превосходствѣ, о чрезвычайномъ остро-

умѣи и практическомъ тактѣ римскихъ юристовъ и т. д. . . . . Но если кто хочетъ показать на какомъ-либо произведеніи, что оно образцово и почему образцово, тотъ, конечно, пойдетъ другимъ путемъ: не станетъ доказывать, что творцы этого произведенія обладали всѣми качествами, нужными для того, чтобъ сдѣлать его образцовымъ, а возьмется за самое произведеніе и обратитъ вниманіе на каждое его достоинство порознь. Насъ необыкновенно поражаетъ, какъ мало смысла для такой матеріальной критики римскаго права проявляется въ нашей литературѣ. Никто не пытался обсудить его такимъ образомъ въ цѣломъ, да и при обработываніи отдѣльныхъ его ученій не видно, обыкновенно, такого критическаго на него взгляда . . . . . Гдѣ искать причины этого упущенія? Неужели считаютъ задачу эту такъ легкою, что нѣтъ надобности литературѣ заниматься ею, такъ какъ рѣшеніе ея дается само собою? Это было бы великое заблужденіе; это значило бы не имѣть никакого понятія о важности и огромности этой задачи. Или же наше правовѣдѣніе, при его практическомъ направленіи, остается равнодушнымъ ко всѣмъ вопросамъ, не касающимся непосредственно практическаго приложенія права? Этого также нельзя сказать, какъ всего лучше доказываетъ усердное обработываніе исторіи римскаго права. Нѣтъ, не будемъ бояться высказать упрекъ: причина этого упущенія заключается въ недостаткѣ не хотѣнія, а возможности. Для истинной критики римскаго права, для изслѣдованія его самой сокровенной сущности и самыхъ высшихъ основаній, недостаетъ нашей наукѣ римскаго права какъ субъективной способности, такъ и объективнаго научнаго аппарата. Свойство матеріала, которому посвящаетъ наша литература по римскому праву всю свою дѣятельность, заставляетъ ее разсматривать этотъ матеріалъ всегда въ самой большей близости, съ экзети-

ческою, можно сказать, лупою въ рукѣ,—и это искусство развито въ ней упражненіемъ до такой степени; ея научный аппаратъ, ея луны и микроскопы такъ хорошо отшлифованы, что она, въ самомъ маломъ, непримѣтномъ мѣстечкѣ, изъ Пандектовъ или изъ Гая, можетъ видѣть, какъ въ немъ, такъ сказать, совершается кровообращеніе. Но въ той мѣрѣ, какъ, съ одной стороны, глазъ изощряется для такихъ микроскопическихъ наблюденій,—съ другой стороны, притупляется способность его разглядѣть вдали, и вслѣдствіе этого раждается отвращеніе отъ снятія отдаленныхъ точекъ. Не ясно ли, почему многіе, отличающіе вблизи каждую песчинку, не видятъ въ общихъ взглядахъ ничего, кромѣ сливающихся очерковъ, мыльныхъ пузырей, которые могутъ нравиться только людямъ неосновательнымъ? Но наша настоящая задача требуетъ сплошь занятія съ общими взглядами, наблюденія издали. Чтобъ обсудить римское право, мы не можемъ ограничиваться отдѣльными его положеніями, а должны выразумѣть его начала, слѣдственно мы вынуждены постоянно дѣлать отвлеченія. Вмѣсто лупы, намъ нуженъ (если позволено будетъ это уподобленіе) телескопъ, т. е. вмѣсто критики, занимающейся переданною намъ формою римскаго права, рукописями, варіантами и т. д., намъ нужна критика права вообще, общее ученіе о его природѣ. Кто хочетъ мѣрять, тому нуженъ масштабъ, а масштабъ для обсужденія всякаго права въ отдѣльности можетъ быть намъ данъ только общимъ ученіемъ о природѣ и формѣ проявленія права вообще..... Въ той мѣрѣ, въ какой совершенствуется ученіе о природѣ права путемъ юридико-философскимъ и эмпирико—сравнительнымъ, въ какой оно обогащается новыми понятіями и воззрѣніями, понятнѣе становится и истинная сущность римскаго права. Это ученіе о природѣ права находится теперь еще въ дѣтствѣ, и предлежащее сочиненіе, кро-

мѣ главной своей задачи, имѣетъ цѣлью дополнить это ученіе нѣкоторыми статьями, сообщить, по поводу критики римскаго права, такіе общіе взгляды, которые позаимствованы изъ сущности права вообще и имѣютъ притязаніе на истину, болѣе объемлющую..... Что наша задача принадлежитъ къ разряду историко-юридическихъ задачъ, это само по себѣ очевидно, потому что судить о римскомъ правѣ нельзя, не входя въ его исторію. Но насколько наша задача отклоняется отъ задачи исторіи римскаго права, это лучше всего опредѣлится, когда я буду говорить объ основаніяхъ этой методы. При этомъ обоснованіи ея, я выхожу изъ той мысли, что всякое изложеніе исторіи права должно удовлетворить двумъ понятіямъ: понятію о правѣ и понятію объ исторіи. Мысль эта, по видимому, весьма простая, которой, можно бы думать, ни одинъ историкъ права не упускалъ никогда изъ виду. Но сколь многія изложенія исторіи римскаго права показываютъ противное; сколь многія, въ самомъ дѣлѣ, не содержатъ въ себѣ ни *исторіи*, ни исторіи *права*, а развѣ только расположенную по времени и содержанію совокупность историко-юридическаго матеріала, только инвентарій исторіи римскаго права...»

Затѣмъ Игеринъ пространно излагаетъ истинную методу историко-юридическаго изложенія, показывая съ тѣмъ вмѣстѣ и главные недостатки господствующей нынѣ методы. Изъ этого изложенія мы постараемся извлечь все, что̀ представляетъ особую занимательность для всякаго юриста, и притомъ, по возможности держась собственныхъ словъ автора.

Сперва говоритъ авторъ объ условіяхъ историко-юридическаго изложенія, вытекающихъ изъ природы права, а потомъ объ условіяхъ, заключающихся въ понятіи объ исторіи.

Разсматривая условія перваго рода, Іерингъ исходитъ изъ господствующаго нынѣ пониманія права, какъ объективнаго, реальнаго, осуществленнаго организма человѣческой свободы, который организмъ, какъ и всякій организмъ, есть произведеніе не произвола, а, подобно языку, исторіи, есть, такъ сказать, не искуственный, а естественный, природный продуктъ, представляющій потому всѣ свойства естественныхъ органическихъ продуктовъ: единство во множествѣ, цѣлое въ частяхъ, индивидуальность или особность, развитіе извнутри самаго себя, а не извнѣ и т. п.

Право, какъ всякій организмъ, можетъ быть разсматриваемо анатомически—въ его частяхъ и взаимномъ отношеніи частей, словомъ въ его строеніи, устройствѣ,—и физіологически, т. е. въ его функціяхъ, отправленіяхъ.

Разсматривая право анатомически, мы находимъ, что право, какъ и всякій организмъ, состоитъ изъ различныхъ частей. Но чѣмъ благороднѣе и нѣжнѣе организованы эти части, чѣмъ слѣдовательно менѣе лежатъ онѣ на поверхности, выдаются наружу, тѣмъ позже сознаются они человѣкомъ. Это замѣчаніе относится и къ праву. У всякаго народа сознаніе организаціи права, переходя отъ внѣшняго все глубже и глубже къ внутреннему, должно было пройти длинный рядъ ступеней. Плодомъ этой дѣятельности, устремленной на сознаніе права, является выраженіе того, что̀ сознано, что̀ Іерингъ называетъ формулированіемъ права. Это формулированіе происходитъ частью исходя изъ самаго народа, выражающаго, въ формѣ юридическихъ пословицъ, фактически - усмотрѣнныя нормы; частью посредствомъ законодателя, признающаго существующее обычное право или постановляющаго новыя нормы, признаваемыя имъ за право; частью, наконецъ, посредствомъ науки и практики, сознающихъ дѣйствующія юридическія положенія или ихъ выводы, по-

слѣдствія. Все это можно назвать попытками перелить право въ свое сознаніе, и ко всѣмъ этимъ попыткамъ относится сказанное выше, что сознаніе, начиная съ внѣшняго, не иначе, какъ постепенно, нисходитъ во внутрь. Это-то Игерингъ и старается развить, надѣясь, что если будемъ мы слѣдить за человѣческимъ духомъ при его работѣ, при его постепенномъ сознаніи права, то, съ тѣмъ вмѣстѣ, мы узнаемъ и ступени организаціи права.

Первое, что̀ усматриваетъ духъ человѣческій, это внѣшнія, практическія, такъ сказать, вершины права,—тѣ его части, дѣятельность которыхъ должна тотчасъ броситься ему въ глаза, именно—юридическія положенія. Человѣкъ видитъ, что нѣчто совершается во взаимныхъ отношеніяхъ между людьми и постоянно повторяется; онъ чувствуетъ, что это *должно* совершаться, и выражаетъ это *должное* словами. Такъ возникаютъ въ его сознаніи юридическія положенія. Но какъ далеки эти отвлеченія отъ дѣйствительности, изъ которой они взяты; какъ грубо и недостаточно предлагаемое ими намъ изображеніе этой дѣйствительности! Впрочемъ, нельзя и ожидать, чтобъ всѣ юридическія правила, въ періодъ дѣтскаго возраста народа, представляли вѣрное изображеніе его права. Напротивъ, и въ качественномъ (въ отношеніи объема) и въ количественномъ отношеніи (въ отношеніи содержанія) они далеко отстоятъ отъ права, какъ оно есть на самомъ дѣлѣ . . . Почему же мы это знаемъ? Дѣло весьма просто. Для вѣрнаго представленія предмета, необходима двоякая способность: вѣрно воспринять и вѣрно передать его, или, другими словами, даръ наблюденія и умѣнье выражаться. Слѣдовательно, прилагая это къ праву, необходимо, чтобъ излагающій, между пестрою оболочкою конкретныхъ жизненныхъ отношеній, изъ которыхъ слѣдуетъ извлечь правило, подмѣтилъ самое, такъ сказать, зерно права и потомъ съумѣлъ, соотвѣтствующимъ ему

образомъ, формулировать его. Но какъ въ окружающей насъ внѣшней природѣ мы ежедневно просматриваемъ многія значительныя явленія, и часто только случай возбуждаетъ вниманіе наблюдателя и ведетъ къ весьма важнымъ открытіямъ, такъ бываетъ и въ нравственномъ мірѣ, даже здѣсь еще въ большей степени, потому что этотъ міръ открывается только духовному оку. Мы застаемъ готовою опредѣленную организацію этого міра, и такъ привыкаемъ къ ея постоянно-одинаковому существованію, что намъ не приходитъ и въ голову спросить: въ какой мѣрѣ этотъ порядокъ есть только фактическій, и въ какой юридическій? Но вотъ кто-либо, въ какомъ-нибудь отношеніи, поступаетъ противъ этого порядка, — этотъ случай заставляетъ насъ обратить на него вниманіе. Тогда мы задаемъ себѣ вышесказанный вопросъ, а за вопросомъ слѣдуетъ отвѣтъ—сознаніе. Медленно является однако же это сознаніе въ области права: даже при большой зрѣлости народа, много еще скрывается отъ его взора. Если насъ спросятъ: возможно-ли это; вѣдь чтобъ примѣнять юридическія положенія, надобно сперва сознать ихъ?—мы можемъ, вмѣсто всякаго отвѣта, указать на законы языка. Тысячи людей, никогда объ нихъ ничего не слышавшихъ, примѣняютъ же ихъ ежедневно. Чего недостаетъ сознанію, то замѣняется чувствомъ, тактомъ.

Что касается до способности формулировать или придавать найденнымъ уже юридическимъ положеніямъ приличное выраженіе, то хотя эта способность предполагаетъ вѣрное сознаніе, но она не слѣдуетъ непремѣнно за сознаніемъ. Сколько представленій изображаются ясно и опредѣленно въ умѣ нашемъ, и не смотря на то, мы едва можемъ выразить ихъ словами, и то весьма несовершенно! Какъ велика должна быть разница между фактическимъ и формулированнымъ правомъ въ народѣ, не привыкшемъ еще къ умственному труду! Вообще между объектив-

нымъ, дѣйствительнымъ правомъ, какъ оно есть на самомъ дѣлѣ, и между его выраженіемъ въ формѣ юридическихъ положеній или правилъ (regulae juris), что̀ можно назвать также теоріею права, нѣтъ, заключаетъ Иеринъ, полнаго соотвѣтствія, и выводитъ отсюда, для своей особенной цѣли, т. е. для методы изложенія права и въ особенности его исторіи, слѣдующія правила.

Во-первыхъ, надобно остерегаться смѣшенія самого права, дѣйствующаго въ извѣстное время и у извѣстнаго народа, съ его юридическими положеніями, правилами, теоріею права, или смѣшенія права съ сознаніемъ объ немъ; а во-вторыхъ, надобно стараться отыскать это скрывающееся право, вовсе не выраженное или не такъ выраженное въ юридическихъ положеніяхъ, и потомъ выразить сколько возможно правильнѣе, правильно ихъ формулировать. Слѣдовательно надобно пользоваться найденными юридическими положеніями только какъ такимъ источникомъ для своего сознанія и изложенія дѣйствительно-существующаго права, который долженъ быть напередъ подвергнутъ критикѣ, возстановляющей самое это право, а не только сознаніе объ немъ, какое имѣлъ извѣстный народъ въ извѣстное время. Это и есть дѣло историка-юриста.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ разсматриванію того, какъ при этихъ юридическихъ положеніяхъ и изъ нихъ самихъ развивается далѣе право.

Юридическія положенія извлекаются (какъ мы видѣли) изъ разсматриванія жизненныхъ (фактическихъ) отношеній. Но чтобъ придать юридическую форму одному какому-либо изъ такихъ отношеній, этому могутъ содѣйствовать нѣсколько юридическихъ положеній, вмѣстѣ взятыхъ: тогда эти положенія найдутъ для себя общую точку соединенія. Получивши такимъ образомъ юридическую форму, жизненное отношеніе можетъ, съ своей стороны, опять быть въ зависимости отъ другого отношенія, или какъ

фазисъ, переходный его моментъ, напр. какъ пріобрѣтеніе и потеря правъ въ отношеніи къ самимъ правамъ; или какъ слѣдствіе, напр. какъ наслѣдованіе долговъ умершаго въ отношеніи къ принятію наслѣдства; или какъ видъ къ роду, напр. какъ договоръ купли-продажи въ отношеніи къ договорамъ вообще, а договоры къ обязательствамъ и т. п. Такимъ-то образомъ множество разнообразныхъ юридическихъ отношеній соединяются, слагаются вмѣстѣ, въ высшія юридическія основныя формы, отдѣльныя одна отъ другой по своему понятію (значенію), цѣли и устройству. Ихъ называютъ юридическими учрежденіями; такъ говорятъ, напр. о собственности, наслѣдственномъ правѣ, опекѣ и т. д. какъ объ юридическихъ учрежденіяхъ. Они образуютъ какъ бы костяной остовъ права, около котораго облегаетъ вся его субстанція. Изслѣдовать такое разчлененіе права и найти приличное мѣсто какъ для самаго малаго, такъ и для самаго большого члена—это и есть дѣло науки. Объ этой систематической сторонѣ правовѣдѣнія авторъ говоритъ, что она несравненно важнѣе для сознанія права, нежели какъ обыкновенно полагаютъ, а потому и разсматриваетъ ее въ подробности.

Важность систематической связи права состоитъ не въ томъ, что право не можетъ быть безъ нея понято—,потому что то́ же должно сказать и о всякомъ другомъ предметѣ знанія. Также едва ли еще нужно нынѣ замѣчать, что система права, какъ и всякаго другого предмета, не есть порядокъ, внесенный въ него извнѣ, а напротивъ извлеченный изъ него самого. Внѣшній порядокъ есть чуждая предмету логика, схематизмъ, въ которой предметъ насильно какъ бы втыскивается; есть сѣть, которую равно можно набросить какъ на одно право, такъ и на другое, и которая скорѣе затрудняетъ, чѣмъ облегчаетъ пониманіе строенія какого-либо предмета. Система значитъ то́ же, что́ внутренній порядокъ самого предмета, и по-

тому всегда вполнѣ индивидуальна: каждое право имѣетъ свою собственную систему. Особенность систематической дѣятельности въ отношеніи къ праву состоитъ именно въ томъ, что она не только назначаетъ каждой частности надлежащее мѣсто, какъ это бываетъ и въ другихъ наукахъ, но что эта формальная дѣятельность оказываетъ матеріальное воздѣйствіе на самое содержаніе права, такъ что съ нимъ, т. е. съ юридическими положеніями, происходитъ преобразованіе: юридическія положенія приходятъ, такъ сказать, въ состояніе высшаго совокупленія, сбрасывая съ себя форму велѣній и запрещеній, и улетучиваясь въ видѣ элементовъ и качествъ юридическихъ учрежденій. Такъ образуются изъ нихъ напр. понятія учрежденій, составъ юридическихъ дѣйствій, качества лицъ, вещей и правъ, всякаго рода дѣленія и т. д. Несвѣдущій въ правовѣдѣніи, привыкшій воображать себѣ юридическое положеніе въ повелительной формѣ, едва ли сочтетъ возможнымъ, чтобъ значительная часть системы права могла совершенно освободиться отъ этой формы, и чтобъ юридическія понятія, раздѣленія и т. п., словомъ, чтобъ догматическая логика могла заключать въ себѣ болѣе интензивнаго практическаго значенія, нежели юридическія положенія. Эта догматическая юридическая логика есть, такъ сказать, цвѣтъ, осадокъ юридическихъ положеній: въ одно правильно-составленное понятіе часто вмѣщено бываетъ практическое содержаніе десятка прежнихъ юридическихъ положеній. Приведемъ нѣкоторые примѣры и притомъ возьмемъ сперва нѣкоторыя качества вещей, о которыхъ менѣе всего можно было бы, казалось, сказать, что они возникли изъ юридическихъ положеній и что опять могутъ быть превращены въ эти положенія. Въ раздѣленіи вещей на res in commercio и extra commercio (вещи, въ оборотѣ и внѣ оборота находящіяся) еще скорѣе можно это замѣтить: скрывающееся въ немъ юридическое положеніе состоитъ въ томъ, что

въ отношеніи нѣкоторыхъ вещей, не можетъ возникнуть никакихъ юридическихъ отношеній, между тѣмъ какъ въ отношеніи остальныхъ, возникновеніе такихъ отношеній возможно. Труднѣе замѣтить это въ раздѣленіи вещей на сложныя и простыя, дѣлимыя и недѣлимыя, потому что оно касается, повидимому, даже неюридическаго, а только природнаго качества вещей,—и не смотря на то, въ немъ также заключается практическій смыслъ; въ немъ напр. заключаются такія юридическія положенія: если одну вещь, имѣющую такое-то качество, соединить съ другою съ такимъ-то качествомъ, то всѣ юридическія отношенія, касавшіяся присоединенной вещи, прекращаются; если она будетъ имѣть такое-то качество, то владѣніе прекращается, а собственность и прочія права остаются; пока продолжается соединеніе этихъ вещей, хозяинъ сложной вещи находится въ такихъ-то отношеніяхъ къ частямъ ея; но коль скоро соединеніе уничтожается, то въ отношеніи владѣнія и давности дѣйствуетъ такое-то правило, а въ отношеніи отысканія права и собственности—такое-то и т. д.; словомъ, множество практическихъ вопросовъ можно сдѣлать при разъединеніи одной вещи на многія и при соединеніи многихъ вещей въ одну, и на всѣ эти вопросы можно отвѣчать посредствомъ развитія вышеозначенныхъ качествъ вещей. Возьмемъ еще другой примѣръ — понятіе какого-нибудь права, напримѣръ, закладного. Это право опредѣляется такъ: закладное право есть право въ чужой вещи, въ силу котораго дозволяется продать ее и полученную выручку употребить на удовлетвореніе долговой претензіи. Въ этомъ опредѣленіи заключаются слѣдующія юридическія положенія: 1, договоръ, дозволяющій заимодавцу продать чужую вещь, для удовлетворенія своей претензіи, имѣетъ юридическую силу; 2, въ случаѣ утраты этой вещи, заимодавцу предоставляется искъ противъ третьяго владѣльца, чтобъ

онъ возвратилъ ее (in rem actio); 3, заложенная вещь должна быть чужая: закладного права въ своей вещи имѣть нельзя; а потому закладное право прекращается, когда заимодавецъ пріобрѣтетъ заложенную вещь въ свою собственность; 4, закладное право предполагаетъ существованіе долговой претензіи, а потому съ уничтоженіемъ ея, оно прекращается, и напротивъ возникаетъ въ то самое мгновеніе, когда является долговая претензія и т. д....

Такое превращеніе юридическихъ положеній въ юридическія понятія отличаетъ научное пониманіе и разсматриваніе права отъ изложенія его въ уложеніи законовъ. Законодатель можетъ ограничиться выраженіемъ своихъ требованій въ непосредственно-практической формѣ, между тѣмъ какъ задача науки не только объяснить и привесть ихъ въ порядокъ, но возвести въ логическіе моменты системы. Законодатель даетъ намъ сложныя, такъ сказать, тѣла, которыя представляютъ для него занимательность только со стороны непосредственной ихъ приложимости; наука же анализируетъ и разрѣшаетъ ихъ на простыя тѣла. При этомъ-то оказывается, что многія юридическія положенія, повидимому разнородныя, составлены изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ, слѣдовательно ихъ можно откинуть, сократить; что одно положеніе можетъ превосходить другое только тѣмъ, что къ первому прибавленъ еще одинъ моментъ, не вошедшій въ составъ послѣдняго, слѣдственно достаточно указать только на этотъ моментъ; что иное положеніе состоитъ рѣшительно изъ различныхъ простыхъ элементовъ, слѣдственно, на оборотъ, можетъ быть добыто соединеніемъ ихъ. Такимъ образомъ этимъ только анализомъ достигается сознаніе истинной природы юридическихъ положеній, и результатъ анализа состоитъ въ томъ, что наука, вмѣсто безконечнаго ряда разнообразнѣйшихъ юридическихъ положеній, получаетъ обозримое число простыхъ тѣлъ, изъ которыхъ

можетъ, по требованію, опять составить отдѣльныя юридическія положенія. Но польза анализа не ограничивается однимъ такимъ упрощеніемъ; добытыя понятія не суть только разложенія данныхъ юридическихъ отношеній, изъ которыхъ послѣднія всегда могутъ быть опять возстановлены. Гораздо бо́льшая польза заключается въ открывающейся чрезъ то возможности развитія права изъ самого себя, возращенія его извнутри его же самого. Посредствомъ соединенія различныхъ элементовъ, наука можетъ образовывать новыя понятія и положенія. Понятія—продуктивны; они соединяются между собою и раждаютъ новыя. Положенія, сами по себѣ, не имѣютъ этой плодотворной силы, оставаясь такими, какъ они есть, пока не будутъ приведены къ своимъ простымъ составнымъ частямъ и чрезъ то не придутъ въ посредственныя отношенія, какъ въ восходящей, такъ и въ нисходящей линіи, съ другими понятіями, т. е. пока они не обнаружатъ своего происхожденія изъ другихъ понятій и съ своей стороны не произведутъ изъ себя другія понятія. Положимъ, напр., новѣйшій законодатель преобразовалъ все закладное право. Дѣятельность науки будетъ состоять въ томъ, что сперва разрѣшитъ она это право на два его элемента: на вещное право (право въ чужой вещи) и на право по обязательству (личныя обязательныя отношенія между заимодавцемъ и должникомъ). Потомъ она должна изслѣдовать, какое измѣненіе претерпѣваетъ при этой комбинаціи, въ закладномъ правѣ, понятіе о правѣ въ вещи и понятіе о обязательствѣ. Это-то измѣненіе и будетъ та отличительная черта закладного права, которая потребуетъ новой переработки и въ которой заключается продуктивный принципъ закладнаго права.

До сихъ поръ разсматривали мы то́ вліяніе, какое оказываетъ анализъ и систематическая переработка юридическихъ положеній на самое право; мы можемъ вы-

разить это вліяніе однимъ словомъ — возведеніе юридическихъ положеній въ логическіе моменты системы. Но и въ отношеніи къ жизни, анализъ имѣетъ огромное значеніе: онъ даетъ намъ, можно сказать, простыя реагенціи для безконечно-сложныхъ конкретныхъ случаевъ жизни. Если бы кто вздумалъ рѣшить эти случаи съ помощью однихъ юридическихъ положеній, тотъ вѣчно оставался бы въ затруднительномъ положеніи, потому что жизнь такъ искусна, такъ неисчерпаема въ комбинаціяхъ, что и самая обильная казуистика въ уложеніи законовъ, сравнительно съ вѣчно-новыми случаями, показалась бы весьма скудною. Напротивъ, съ помощью тѣхъ немногихъ реагенцій, разрѣшаемъ мы каждый случай. Можно употребить еще и другое сравненіе, назвавъ систематическое или логическое строеніе права его азбукою. Въ какомъ отношеніи находится казуистически-составленное уложеніе къ праву, возведенному въ свою логическую форму, въ такомъ точно отношеніи китайскія письмена находятся къ нашимъ письменамъ. У китайцевъ для каждаго понятія есть свой особенный письменный знакъ; едва достанетъ жизни изучить эти знаки; новыя понятія требуютъ у нихъ и установленія новыхъ знаковъ. У насъ, напротивъ, не велика азбука, посредствомъ которой мы можемъ разрѣшить и сложить всякое слово: изучить ее легко и никогда она насъ не поставляетъ въ затрудненіе. Такъ и казуистическое уложеніе заключаетъ въ себѣ множество знаковъ для извѣстныхъ отдѣльныхъ случаевъ, между тѣмъ какъ, напротивъ, возведенное въ логическіе моменты право даетъ намъ такую азбуку, съ помощью которой мы можемъ прочитать и представить всѣ словосоединенія, какъ бы они ни были необыкновенны.

Теперь становится яснымъ замѣчаніе, которое выше сдѣлано нами мимоходомъ, что количественное обиліе

юридическихъ положеній есть признакъ слабости. Въ самомъ дѣлѣ, оно обнаруживаетъ слабость умственнаго пищеваренія, невозможность извлечь существенное изъ множества юридическихъ положеній и воспринять ихъ въ кровь и плоть свою. Напротивъ, способность къ тому и есть характеристическое свойство правовѣдѣнія; постоянное приведеніе ея въ дѣйствіе, пользованіе ею въ отношеніи къ юридическимъ положеніямъ есть его непремѣнная обязанность.

Обращаясь съ добытымъ нами до сихъ поръ результатомъ къ исходной нашей мысли, мы видимъ, что наше познаніе организма права расширилось: большая часть юридическихъ положеній превратилась въ логическіе моменты права, а эти моменты — еще въ высшія понятія, такъ что собственно говоря, изъ юридическихъ положеній, какъ они суть сами по себѣ, остались уже весьма немногія. Это, какъ мы назвали выше, осажденіе юридическихъ положеній въ системѣ не есть дѣло личнаго произвола, не есть предпринимаемое наукою переработываніе матеріала, но оно лежитъ въ самомъ правѣ; предпринимая это переработываніе и освобождаясь отъ юридическихъ положеній, мы замѣняемъ несовершенное, внѣшнее разсматриваніе предмета внутреннимъ его пониманіемъ. Какъ система не есть нѣчто извнѣ вложенное въ предметъ, а его собственный порядокъ, такъ и произведенное, повидимому, систематическою дѣятельностью разчлененіе и преобразованіе юридическихъ положеній есть, на самомъ дѣлѣ, только сознаніе истинной природы права. Опытному глазу право представляется логическимъ организмомъ юридическихъ учрежденій и понятій, а неопытному—совокупностью юридическихъ положеній; первое есть внутренняя природа права, а послѣднее—наружная его сторона, обращенная къ практической жизни.

Если мы уже и въ отношеніи этой наружной стороны права пришли къ мысли, что сознаніе ея сопряжено съ трудностями и потому часто недостаточно, то тѣмъ болѣе это слѣдуетъ сказать о логическомъ строеніи права. Непосредственная практическая потребность приводитъ только къ познанію юридическихъ положеній; чтобъ рановременно возвыситься отъ нихъ къ изобрѣтенію юридической азбуки, для этого требуется отъ народа особенно-счастливая природная способность.

Послѣдующему поколѣнію представляется здѣсь случай лучше понять прожитое право, нежели какъ оно было понято со стороны современниковъ; привести въ свое собственное сознаніе то, что осталось для нихъ сокровеннымъ. Прошедшее передало новому поколѣнію, положимъ, только кучу юридическихъ положеній, а оно должно попытаться возстановить изъ нихъ логическій организмъ права; прошедшее показало ему только наружную сторону права, обращенную къ жизни, а оно должно постараться открыть его внутреннюю логическую субстанцію...

Затѣмъ остается Игерингу сдѣлать еще шагъ въ разсматриваніи организма права—и это уже послѣдній.

Разсматривая право одного и того же народа, но въ различныя времена, мы находимъ, что отдѣльныя юридическія учрежденія, какъ бы ни была велика логическая между ними противоположность, напр. наслѣдственное право, право по обязательствамъ, опека и т. д., все однако же имѣютъ между собою, въ одинъ и тотъ же періодъ, нѣчто общее, нѣкоторое сходство въ физіономическомъ, такъ сказать, выраженіи; это сходство можетъ быть даже большее, очевиднѣйшее, нежели сходство одного и того же учрежденія съ самимъ собою, но въ различныхъ фазахъ своего развитія; напр. между однимъ и тѣмъ же римскимъ учрежденіемъ во время республики и во время императоровъ: по собственности—dominium

и in bonis esse, по наслѣдственному праву — hereditas и bonorum possessio. Не подлежитъ сомнѣнію, что возрастъ, при всѣхъ прочихъ различіяхъ индивидовъ, бываетъ причиною нѣкотораго сходства въ наружномъ видѣ и въ характерѣ людей, налагая на нихъ свою особую печать. Замѣчая то же самое и въ мірѣ юридическомъ, мы вправѣ заключать, что одинаковыя явленія, усматриваемыя нами въ одно и то же время въ разнообразнѣйшихъ учрежденіяхъ, коренятся въ одной и той же причинѣ; другими словами, во всемъ организмѣ права дѣйствуютъ извѣстныя силы, вліяющія на всѣ его отдѣльныя части. Внѣшнее проявленіе этого вліянія можетъ быть различно, по различію учрежденій: одна и та же сила можетъ обнаруживаться здѣсь такъ, а тамъ иначе. Но кто же будетъ ожидать отъ этого различнаго проявленія силы — механическаго однообразія? Почему же и въ мірѣ нравственномъ, такъ же точно, какъ и въ физическомъ, не возможно разнообразіе формы проявленія при одинаковыхъ возбуждающихъ силахъ? Если напр. развитіе римскаго права достигаетъ высшей степени въ то время, когда политическая свобода начинаетъ ослабѣвать, то, разсматривая съ внѣшней стороны, эти явленія покажутся такъ между собою различными, какъ если бы кто видѣлъ, что въ долинѣ цвѣтутъ деревья, а на горахъ таитъ снѣгъ, — а между тѣмъ въ обоихъ случаяхъ дѣйствуетъ одна и та же причина. Чѣмъ роскошнѣе жизненная сила, тѣмъ многообразнѣе форма ея проявленія; а чѣмъ слабѣе сила, тѣмъ ея проявленіе бѣднѣе. Такъ и въ сферѣ права: однѣ и тѣ же силы могутъ произвесть въ одномъ учрежденіи стѣсненіе, а въ другомъ расширеніе; тамъ ослабленіе, а здѣсь усиленіе.

Въ этихъ-то движущихъ силахъ и осуществляется собственно единство и индивидуальность организма. Если бы ихъ не было, то право было бы только нестройною

кучею учрежденій; могло ли бы кому придти въ голову сложить право, позаимствовавъ отъ каждаго народа то юридическое учрежденіе, которое въ этомъ народѣ преимущественно развилось и созрѣло? Но называя право организмомъ, говоря о характерѣ права, мы тѣмъ самымъ уже предполагаемъ силы, которыя придаютъ всему праву одинаковый видъ и владычествуютъ надъ нимъ. Эти силы пребываютъ въ индивидуальности народа; она есть, такъ сказать, сердце организма права, изъ котораго сердца изливается кровь во всѣ части, оживляя и согрѣвая ихъ, и чрезъ то облекая мясомъ и кожею общую логическую костяную, такъ сказать, систему права; сообщая ей своеобразный характеръ, по которому и узнаютъ, что это право принадлежитъ такому-то народу и такому-то времени. Въ каждой жилѣ чувствуемъ мы біеніе пульса всеобщихъ національныхъ идей и воззрѣній, которыя медленно и едва замѣтно проводятъ ко всѣмъ твердымъ частямъ питательное вещество, и, будучи сами подчинены измѣнчивости времени, производятъ сообразную тому перемѣну во всемъ организмѣ. Такъ духъ народа и духъ времени есть вмѣстѣ и духъ права.

Эти общія идеи и основныя воззрѣнія народа, придающія свое выраженіе отдѣльнымъ учрежденіямъ; стремленія и направленія времени, осуществляющіяся въ правѣ; словомъ, совокупность всѣхъ движущихъ силъ, дѣйствующихъ въ правѣ, назовемъ мы психическою организаціею права; а юридическія учрежденія, всю совокупность практическихъ органовъ права — тѣломъ его. Что движетъ, того нельзя сознать непосредственно; только по необходимости, чтобъ объяснить видимыя дѣйствія, мы предполагаемъ существованіе движущихъ силъ, которыхъ мы не видимъ; онѣ суть отвлеченія, къ которымъ принуждаетъ насъ прибѣгнуть безсиліе нашего сознанія. Въ этомъ смыслѣ и въ сферѣ права заключаемъ мы отъ дѣйствій

къ движущимъ силамъ; послѣднія суть отвлеченія, съ помощью которыхъ мы сознаемъ собственно только дѣйствія, между тѣмъ какъ самая причина остается гипотезою.

Чѣмъ болѣе эта психическая организація права возвышается надъ тѣлеснымъ организмомъ, тѣмъ болѣе увеличиваются трудности изслѣдованія. Между тѣмъ какъ юридическія положенія лежатъ видимо на поверхности: между тѣмъ какъ юридическія учрежденія и понятія, чрезъ свое практическое приложеніе, почти сами собою вторгаются въ наше сознаніе, — движущія силы права, напротивъ, покоятся въ самой глубинѣ права, дѣйствуютъ весьма медленно, и хотя проникаютъ весь организмъ, но ни на одной, можетъ быть, точкѣ не выставляются такъ ясно, чтобъ нельзя было не замѣтить ихъ. Никакая практическая потребность не побуждаетъ сознать ихъ, потому что онѣ не суть юридическія положенія, не могутъ быть заключены въ ихъ форму, а суть только качества юридическихъ учрежденій, общіе принципы, которые сами по себѣ вовсе не приложимы.

Послѣ этого можемъ ли мы удивляться, что эта сторона права всего позже и всего менѣе раскрывается умственнымъ очамъ нашимъ; что направленія и мысли, надъ осуществленіемъ и развитіемъ которыхъ въ сферѣ права трудится одно поколѣніе, остаются для него скрытыми и только уясняются для послѣдующаго поколѣнія? Достаточно указать на это явленіе, чтобъ доказать божественную природу права, которое не есть дѣло рукъ человѣческихъ, не есть только продуктъ рефлексіи. Законодатель, издающій законы съ сознаніемъ цѣлей и средствъ своихъ, самъ, можетъ быть, вѣритъ, что эти законы изъ него исходятъ; что они содержатъ въ себѣ столько, сколько онъ хотѣлъ вложить въ нихъ,—а между тѣмъ духъ времени подкладываетъ ему, для него совершенно незамѣтно, матеріалъ, изъ котораго онъ формируетъ законы; вся его дѣ-

ятельность, единства и необходимости которой онъ самъ не понимаетъ, является позднѣйшему наблюдателю какъ вполнѣ-законченный моментъ всего развитія права. Какъ растеніе, ничего, по видимому, не воспринимающее извнѣ, сосетъ однако же всю свою пищу изъ земли и изъ воздуха, такъ и всякое право добываетъ незамѣтно элементы своей жизни изъ земного царства, въ которомъ оно коренится, и изъ атмосферы, въ которой оно растетъ. Пока это происходитъ, наше тупое зрѣніе ничего подобнаго не замѣчаетъ; но когда это уже совершится,мы изъ дѣйствія узнаемъ причину. И многого изъ того, что видимъ, мы не понимаемъ, потому что оно еще не готово, что оно только начинаетъ развиваться, между тѣмъ какъ оно легко раскрывается сознанію позднѣйшаго наблюдателя, обращающаго взоры свои назадъ на совершившійся уже процессъ развитія.

Если сказанное справедливо даже въ отношеніи къ зрѣлому возрасту народовъ, то само собою разумѣется, что оно несравненно въ высшей степени справедливо въ отношеніи къ ихъ юношескому и дѣтскому возрасту. Историку легко, можетъ быть, удастся правильно объяснить всѣ ихъ усилія и стремленія; но для нихъ самихъ все это оставалось загадкою. Изъ всякаго юридическаго учрежденія могутъ намъ уясниться извѣстныя національныя основныя воззрѣнія; но самый народъ, который былъ исполненъ ими, не замѣчалъ ихъ, или же видѣлъ ихъ только въ полумракѣ чувства и догадки. Нерѣдко, въ самомъ дѣлѣ, эти невысказанныя мысли, не возвысившіяся еще до понятія, находятъ для себя таинственное, сокровенное выраженіе въ миѳѣ, этимологіи, символикѣ и т. д. Дремлющій геній народа наивно выражаетъ здѣсь собственное сознаніе, о которомъ онъ ничего не помнитъ въ состояніи бодрствованія.

Итакъ историку предлежитъ здѣсь, для своей дѣятельности, поле обширное, но, не скроемъ, вмѣстѣ и весьма скользское. Чѣмъ далѣе онъ проникаетъ впередъ; чѣмъ болѣе старается приблизиться къ мѣсту, гдѣ находится мастерская, такъ сказать, исторіи, тѣмъ туманнѣе, тѣмъ слитѣе представляются ему встрѣчаемые имъ образы; тѣмъ болѣе появляются предъ нимъ, вмѣсто духа, котораго онъ ищетъ, блуждающіе огни, грозящіе сбить его съ настоящей дороги. Уже со многими путниками, отправившимися искать духа какого-либо предмета, духъ этотъ сыгралъ злую шутку, увлекая его то сюда, то туда, и вмѣсто себя, сунувъ ему въ руки фантомъ, котораго принялъ за духа только тотъ, кто его искалъ, но никто другой. Оттого-то къ попыткамъ подобнаго рода многіе утратили всякое довѣріе, и ученые шписбиргеры, вѣрующіе только въ то, что могутъ схватить руками, смотрятъ на такія попытки, какъ на игрушку, которою могутъ забавляться одни поверхностные умы.

Но подобные опыты должны только научить насъ быть осторожными, а не отклонять отъ нашего намѣренія. Если задача наша достойна рѣшенія, то сопряженная съ нею опасность для самого писателя не должна быть принимаема въ соображеніе.

Между тѣмъ какъ все приводитъ Игеринга къ тому заключенію, что самое право не совпадаетъ съ субъективнымъ сознаніемъ, и что необходимо все болѣе и болѣе сознавать скрытыя стороны и части права, господствующая метода ограничивается воспроизведеніемъ тѣхъ юридическихъ положеній и понятій, которыя установлены самими римлянами. Постоянный ея принѣвъ—надобно изучать источники; самая смѣлая мысль, до которой она способна возвыситься, состоитъ въ воскрешеніи *чистой* римской теоріи права. Если бы можно, она бы, пожалуй, отбросила все, что не выражено *прямо* въ рим-

скомъ правѣ, и свела бы все наше научное образованіе на ту степень, на которой оно стояло при Ульпіанѣ и Павлѣ. Но времена Ульпіана и Павла прошли и, не смотря на всѣ усилія, уже не воротятся. Желать ихъ возврата значитъ забывать, что всякое время есть оригиналъ, а не копія съ другого времени; что всякое время можетъ и должно разсматривать одинъ и тотъ же предметъ съ своей собственной точки зрѣнія, и что, такимъ образомъ, съ каждымъ новымъ поколѣніемъ, раскрываются и новыя стороны предмета. Въ виду этого направленія, нужно было Игерингу оправдать свое воззрѣніе и поставить, какъ догматическому, такъ и историко-юридическому обработыванію римскаго права, цѣль высшую, нежели одно только воспроизведеніе римскаго сознанія. Пока будутъ преслѣдовать послѣднюю только цѣль, нельзя будетъ судить о римскомъ правѣ, уразумѣть истинную его сущность. Кто же, подобно Игерингу, поставитъ себѣ эту послѣднюю задачу, тотъ самъ собою перенесется за ту ограниченную цѣль.

Окончивъ т. н. анатомическое разсматриваніе организма права, Игерингъ переходитъ къ физіологическому.

Цѣль органовъ лежитъ въ ихъ функціяхъ: органы существуютъ для того, чтобъ они совершали извѣстныя отправленія. На этой цѣли основывается, наоборотъ, вся ихъ организація: она устроена такъ, какъ требуютъ того отправленія. Какъ справедливо это по отношенію къ физическому организму, такъ справедливо и по отношенію къ организму права. И здѣсь только знаніе отправленій права ведетъ къ пониманію его органовъ: физіологія ведетъ къ истинному разумѣнію анатоміи.

А потому ничто такъ не превратно, какъ судить о правѣ только со стороны его духовнаго содержанія, его логическаго расчлененія и единства, словомъ, какъ судятъ о философской системѣ. Если право въ этомъ отношеніи

и покажется образцовымъ, то чрезъ это нисколько нельзя узнать истинное его достоинство, потому что оно заключается въ отправленіяхъ права, т. е. въ его практической годности. Какая польза въ томъ, что какая-нибудь машина производитъ на насъ впечатлѣніе художественнаго произведенія, если она негодна, какъ машина?

Вообще отправленіе права состоитъ только въ томъ, что оно реализируется, осуществляется. Что̀ не осуществляется, то́ не есть право, и, наоборотъ, что̀ совершаетъ это отправленіе, то̀ и есть право, хотя бы оно не было сознано какъ право (обычное право). Дѣйствительность ручается за текстъ, постановляемый законодательствомъ или другимъ какимъ формулированіемъ права; ручается за то, что этотъ текстъ есть истинное право; а потому дѣйствительность есть единственно-надежный источникъ познанія права. Но этого мало: дѣйствительность есть вмѣстѣ содержаніе и комментарій этого текста. Никакое уложеніе законовъ, никакое теоретическое совокупленіе права, какого бы то ни было времени и народа, не можетъ быть понято безъ знанія реальнаго быта этого народа и этого времени. Для чего существуютъ такія-то положенія, какая цѣль ихъ, какъ жизнь препятствуетъ или благопріятствуетъ ихъ дѣйствію и т. д?—на всѣ эти вопросы отвѣчаетъ только сама же жизнь. Предлежащая намъ форма права есть не иное что, какъ чертежъ машины; а самое лучшее ея объясненіе и вмѣстѣ критика даются намъ самою машиною, когда она въ дѣйствіи. Тогда многія пружины, на которыя мы не обращали прежде вниманія, оказываются весьма важными; напротивъ, многіе валы, прямо бросающіеся намъ въ глаза, какъ весьма нужные, оказываются такими, что можно было бы, пожалуй, обойтись и безъ нихъ. Въ цѣляхъ и потребностяхъ даннаго времени лежитъ причина, почему данное учрежденіе существуетъ или же принимаетъ такой-то видъ; а въ пред-

положеніяхъ, приносимыхъ съ собою даннымъ временемъ, заключается условіе, дѣлающее возможнымъ одно учрежденіе и излишнимъ другое.

При этомъ Игерингъ дѣлаетъ различіе между формальною и матеріальною приложимостью права. Подъ матеріальною разумѣетъ онъ годность или цѣлесообразность матеріальныхъ постановленій права. Сказавъ объ ней, что она совершенно относительна, будучи условливаема вышесказанными отношеніями права къ жизни, т. е. потребностями даннаго времени, особенностью даннаго народа и формою, какую даетъ самая жизнь, онъ оставляетъ въ сторонѣ эту приложимость, именно потому, что это понятіе относительное, условное, а занимается въ особенности формальною приложимостью права.

Подъ нею разумѣетъ онъ легкость, надежность, вѣрность приложенія абстрактнаго права къ конкретнымъ случаямъ. Смотря потому, требуетъ ли это приложеніе меньшаго или же большаго умственнаго усилія, а результатъ его оказывается болѣе или менѣе твердымъ, надежнымъ, вѣрнымъ, онъ говоритъ о большей или меньшей формальной приложимости права. Слѣдственно онъ не разумѣетъ подъ нею легкости или трудности пониманія тѣхъ юридическихъ положеній, которыя примѣнить слѣдуетъ къ данному случаю: какъ скоро юридическое положеніе разъ будетъ понято правильно, то эта задача навсегда уже будетъ рѣшена и не повторится при каждомъ случаѣ примѣненія того же положенія. Напротивъ, задача, о трудности или легкости которой идетъ здѣсь рѣчь, касается самого приложенія юридическаго положенія, превращенія абстрактнаго правила въ конкретныя обстоятельства; а эта задача должна быть рѣшаема снова при каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Приложеніе юридическаго положенія состоитъ въ томъ, что постановленное имъ абстрактно должно быть дознано и выражено конкретно, а это можетъ

быть и очень легко, и необыкновенно трудно. Хотя много зависитъ здѣсь отъ искусства и правильнаго взгляда со стороны прилагающаго (это искусство можно назвать юридическою діагностикою); однако же объективная трудность или легкость приложенія юридическаго положенія зависитъ отъ него самого, именно отъ того, соединило ли оно свои велѣнія съ трудно-узнаваемыми или же съ легко-узнаваемыми критеріями. Всякое юридическое положеніе соединяетъ съ извѣстнымъ условіемъ («если кто сдѣлалъ то-то») извѣстное послѣдствіе («то затѣмъ слѣдуетъ то-то»); слѣдственно примѣнять юридическое положеніе значитъ 1) изслѣдовать, есть ли въ данномъ случаѣ извѣстное условіе, и 2) абстрактно-выраженное послѣдствіе этого условія выразить конкретно; напр. убытокъ, который долженъ быть кѣмъ-либо вознагражденъ, оцѣнить въ деньгахъ. Но разумѣется, что здѣсь много зависитъ отъ того, какъ выражено условіе и его послѣдствіе (въ самомъ юридическомъ положеніи); напр. въ древнемъ римскомъ правѣ послѣдствіе личной обиды, т. е. наказаніе за нее, состояло въ опредѣленномъ денежномъ штрафѣ, а въ новомъ правѣ оно предоставлено благоусмотрѣнію судьи. Если по древнему праву было разъ дознано, что личная обида была въ данномъ случаѣ нанесена, то послѣдствіе ея (приговоръ къ денежному штрафу) разумѣлось само собою; въ новомъ же правѣ, напротивъ, нужно было напередъ съ точностью взвѣсить индивидуальныя обстоятельства даннаго случая, личное положеніе обидчика и обиженнаго, время, мѣсто и т. д., а потому опредѣленіе наказанія могло очень затруднять судью. Что касается до условія, то и здѣсь очевидно, что если оно выражено общимъ словомъ «оскорбленіе чести,» то изслѣдованіе, существовало ли это условіе въ данномъ случаѣ, гораздо затруднительнѣе, нежели если будетъ указано, какъ во многихъ старыхъ законахъ, на легко-

узнаваемый внѣшнимъ образомъ фактъ, напр.: «если кто нанесетъ другому побои и т. д.»

Изъ всего этого выводитъ Игерингъ, что право какого-нибудь народа и времени не можетъ быть понято, и что объ немъ нельзя судить, если мы будемъ разсматривать и излагать его только со стороны анатомическаго строенія, т. е. какъ систему права. Не смотря на очевидную справедливость этого замѣчанія, тѣмъ обыкновенно и ограничиваются при изложеніи какъ исторіи, такъ и частнаго римскаго права. Большею частью исторія римскаго права не содержитъ ничего болѣе, какъ исторію догмы, т. е. законодательства и доктрины, а не исторію права, какъ оно было на самомъ дѣлѣ. При этомъ догма какъ бы вырвана изъ связи ея съ фактическимъ міромъ, въ которомъ она находила свое основаніе и условія своего бытія, а съ тѣмъ вмѣстѣ свое оправданіе и объясненіе, такъ что мы получаемъ, вмѣсто исторіи римскаго права, собственно компендіи, учебники институцій и пандектовъ различныхъ періодовъ римской исторіи.

Догматическое обработываніе права какого бы то ни было времени, сдѣланное современникомъ его, не должно служить масштабомъ и образцомъ для позднѣйшаго писателя, при его историческомъ изложеніи, потому что его предшественникъ не досказываетъ многаго, что могъ бы сказать, считая многое излишнимъ для своихъ читателей,—это-то позднѣйшій историкъ и долженъ стараться пополнить изъ историческихъ источниковъ; или же современникъ многаго и не могъ сказать, потому что не замѣчалъ многаго,—это-то позднѣйшій историкъ, имѣющій предъ собою не часть только, а весь ходъ историческаго развитія, долженъ стараться открыть. Перваго рода пополненіе имѣетъ своею задачею связать теорію съ жизнью, а послѣднее — пополнить ее изъ нея самой и одушевить.

«При предлежащемъ трудѣ мы—говоритъ Игерингъ—не можемъ рѣшить своей задачи, не попытавшись сдѣлать это пополненіе въ обоихъ отношеніяхъ. Мы не были бы въ состояніи опредѣлить духъ римскаго права, не связавъ его съ духомъ народа и времени; не были бы въ состояніи сдѣлать болѣе возможною попытку проникнуть въ сущность римскаго права и судить объ ней, не принявъ въ соображеніе реальнаго быта, жизни и дѣйствительности права. Но не наша задача изложить исторію римскаго права,—представить римскую теорію и римскую юридическую жизнь во всей ея обширности и подробности. Чего мы хотимъ, это можемъ мы теперь, послѣ того, что̀ уже выше сказано, выразить въ немногихъ словахъ. Мы заботимся только о психической организаціи римскаго организма права, и такъ какъ эта организація въ разныя времена была разная, то—объ историческомъ ея развитіи. Но такъ какъ этотъ организмъ былъ не теоріею, не логическою системою, а юридическою формою, видомъ, образомъ дѣйствительности, то послѣдняя входитъ въ кругъ нашего изложенія настолько, насколько психическая организація права оправдывается (осуществляется) на ней или же изъ нея уясняется. Такимъ образомъ, если *духъ*, повидимому, запираетъ для насъ входъ въ матеріальную дѣйствительность, зато открываетъ его намъ реальная природа *права*.»

Затѣмъ Игерингъ переходитъ къ разсматриванію требованій, лежащихъ въ понятіи объ исторіи. Объ нихъ мы не будемъ здѣсь распространяться, такъ какъ они не представляютъ особенной занимательности. Для нашей цѣли, т. е. для объясненія методы Игеринга, достаточно упомянуть, что здѣсь онъ говоритъ 1, объ исключеніи изъ исторіи всѣхъ несущественныхъ фактовъ, которыми обыкновенно ее наполняютъ; 2, о внутренней связи фактовъ, и 3, о значеніи момента времени въ исторіи. Въ послѣд-

немъ отношеніи, какъ мы уже прежде сказали, авторъ впадаетъ въ крайность, придавая весьма мало значенія этому моменту. Впрочемъ, въ цѣломъ это не имѣетъ вреднаго вліянія на его изложеніе, тѣмъ болѣе, что онъ ограничивается, согласно со своею критическою методою, представленіемъ не самого римскаго права, а только духа его, т. е. его сущности. Согласно съ этою цѣлью, онъ различаетъ въ исторіи римскаго права не три періода времени, но три системы: 1, начатки римскаго права, 2, цвѣтущее его состояніе и 3, переходъ его во внѣримскую исторію.

Итакъ мы не намѣрены слѣдить еще далѣе за авторомъ. Наша цѣль, повторяемъ, была изложить, во всей ясности и подробности, его методу, которая, по своей особенности, новости и общезанимательности, заслуживала, кажется, такого изложенія.

Впрочемъ, при всѣхъ достоинствахъ этой методы, или, лучше сказать, направленія, и оно оказывается такъ же односторонним, какъ и другія два господствущія теперь, особенно въ Германіи, направленія, названныя нами антикварнымъ и частно-историческимъ.

Причина этой односторонности заключается преимущественно въ томъ, что нѣмецкіе юристы находятся въ отношеніи къ римскому праву въ такой зависимости, которая связываетъ ихъ всю научную дѣятельность по отношенію къ этому праву, почти столько же, сколько связываетъ ихъ практическую дѣятельность.

Антикварное направленіе, установленное т. н. историческою школою, дорожитъ въ исторіи римскаго права каждою іотою, исходя изъ того начала, что римское право, во всемъ его объемѣ, принято въ Германіи, какъ законъ. Частно-историческое направленіе не видитъ въ римскомъ правѣ одного изъ моментовъ, особенно-важнаго, всемірно-историческаго развитія права, потому что

ограничивается его научнымъ и практическимъ значеніемъ для Германіи. Наконецъ, даже критическое направленіе, при всѣхъ своихъ преимуществахъ, сравнительно съ прочими направленіями, не можетъ возвыситься до всемірно-историческаго пониманія римскаго права, предпринимая свою критику съ цѣлью односторонней, съ цѣлью показать, что̀ изъ римскаго права должно остаться въ нынѣ дѣйствующемъ въ Германіи правѣ.

Мы, русскіе юристы, изучая римское право, находимся къ нему въ отличительномъ отъ Германіи и вообще отъ всего запада отношеніи. Никогда римское право не было у насъ введено, какъ въ Германіи; никогда оно не привзошло, какъ важный элементъ, въ составъ нашего законодательства, какъ это было почти вездѣ на западѣ, если и допустить, что оно имѣло, въ формѣ византійскаго права, какое-нибудь вліяніе на частное право чрезъ посредство нашего церковнаго права, что̀ еще до сихъ поръ, къ сожалѣнію, мало выяснено нашими юристами. Римское право имѣетъ для насъ, русскихъ юристовъ, не практическое, а теоретическое значеніе, значеніе науки, а слѣдовательно и исторія его имѣетъ для насъ смыслъ не только развитія, совершившагося въ извѣстномъ, римскомъ народѣ, достигшаго своей верховной точки въ т. н. классической юриспруденціи и установившагося въ юстиніановыхъ сборникахъ, но и продолжающагося затѣмъ всемірно-историческаго развитія—съ одной стороны, въ Византійской имперіи до самаго ея паденія, а съ другой—въ западной Европѣ, гдѣ римское право и до сихъ поръ непрестанно обработываютъ не для однихъ практическихъ цѣлей, но какъ науку, по преимуществу юридическую, т. е. основную для юридическаго образованія.

А потому мы, русскіе юристы, должны и изучать, и излагать исторію римскаго права всесторонно, совсѣмъ съ другой точки зрѣнія и другимъ образомъ, нежели

какъ она обыкновенно изучается и излагается на западѣ, особенно въ Германіи. Не подражать безсмысленно въ этомъ отношеніи должны мы, какъ это у насъ обыкновенно дѣлается, западнымъ, особенно нѣмецкимъ юристамъ, а только пользоваться всѣми добытыми ими результатами, для своего собственнаго, самостоятельнаго изученія и изложенія исторіи римскаго права. Для насъ недостаточны переводы, передѣлки, сокращенія и т. п. появившихся на западѣ руководствъ по исторіи римскаго права, какъ бы они ни были превосходны, а намъ предстоитъ задача—изъ готовыхъ уже матеріаловъ создать нѣчто новое, начертать исторію римскаго права собственно для употребленія *русскихъ* юристовъ. А такъ какъ мы не стѣснены, при такомъ начертаніи, при такомъ изученіи и изложеніи исторіи римскаго права, никакими побочными для науки цѣлями, никакими практическими потребностями и никакими односторонними теоретическими соображеніями, связывающими на западѣ даже юристовъ тѣхъ странъ, гдѣ римское право не было введено въ практическое употребленіе какъ законъ, то отъ насъ всего ближе можно было бы ожидать возведенія исторіи римскаго права въ самомъ дѣлѣ на степень науки. Если бы мы, основательно усвоивъ себѣ въ этомъ отношеніи всѣ плоды западной науки, пошли, не увлекшись ею, своимъ собственнымъ, широкимъ путемъ, указываемымъ счастливымъ нашимъ особеннымъ положеніемъ, тогда могли бы мы возвыситься надъ односторонними направленіями, господствующими нынѣ въ западной Европѣ, особенно въ Германіи, по отношенію къ исторіи римскаго права,—направленіемъ антикварнымъ, микроскопически собирающимъ очищенныя критикой факты, не влагая въ нихъ живой души, за представителя котораго мы взяли Рудорффа, направленіемъ частно-историческимъ, останавливающимся на той границѣ, гдѣ римское право перестаетъ быть

римскимъ и становится всемірно-историческимъ, вте-кая, какъ моментъ, въ исторію права вообще, представителемъ котораго направленія вывели мы Эсмарха, и наконецъ надъ направленіемъ критическимъ Игеринга. Тогда бы всѣ эти направленія, со всѣми ихъ послѣдствіями, со всѣми достоинствами и преимуществами, мы претворили въ то высшее, не скажу уже направленіе (потому что это понятіе допускаетъ возможность существованія, на ряду съ нимъ, и другихъ направленій), но въ высшее созерцаніе, которое одно только и достойно имени истинной науки, по которому исторія римскаго права явилась бы въ изложеніи тѣмъ, что̀ она и есть существенно сама по себѣ—исторіею человѣческаго юридическаго мышленія, выраженнаго не въ формѣ самого мышленія, какъ исторія философіи права, но въ формѣ положительныхъ юридическихъ учрежденій. Тогда бы все доримское право, т. е. восточное и древне-греческое или еллинское, и все поримское право, т. е. право новыхъ христіанскихъ народовъ, получили бы свое настоящее значеніе: первое, какъ начатки осуществленнаго въ дѣйствительности юридическаго мышленія, сперва, на востокѣ, смѣшаннаго съ другими элементами жизни, и потомъ, въ Греціи, поглощеннаго жизнью политическою, а послѣднее—право христіанскихъ народовъ, какъ дальнѣйшее развитіе античнаго начала, выраженнаго вполнѣ Римомъ, посредствомъ новаго германскаго начала личности и славянскаго начала общинности, и вмѣстѣ посредствомъ христіанскаго, общечеловѣческаго начала нравственности, которыя начала, въ соединеніи съ античнымъ, и родили изъ себя новое, современное начало, для котораго всѣ предшествующія ему начала суть не что иное, какъ моменты; слѣдственно исторія римскаго права представила бы, такъ сказать, срединную точку всемірно-историческаго развитія. Тогда, наконецъ, на

исторіи римскаго права отразилось бы, какъ на одномъ изъ проявленій римской жизни, общій характеръ римской исторіи, и затѣмъ, на самомъ дѣлѣ, исторія римскаго права вступила бы не во внѣшнюю только связь съ римскою исторіею, а въ связь внутреннюю, вошедши въ ея составъ, какъ одна изъ тѣхъ существенныхъ сторонъ жизни римскаго народа, въ которыхъ выразилось его великое всемірно-историческое призваніе, состоявшее въ томъ, чтобъ, собравъ въ себя всю историческую древность, сдѣлать ее доступною для принятія новыхъ началъ; чтобъ завоевавъ весь тогдашній историческій міръ, устроить его своими законами и обычаями, и сдѣлать изъ него одно всемірное государство.

Въ этомъ идеалѣ исторіи римскаго права, въ осуществленіи котораго и заключается идея, задача науки, читатели, безъ сомнѣнія, замѣтили, что мы нисколько не преувеличиваемъ значенія римскаго права для современности; напротивъ, мы прямо высказываемъ ту мысль, что римское право, само въ себѣ, т. е. какъ право римскаго народа, даже въ самую высочайшую эпоху своего историческаго развитія, въ эпоху классической юриспруденціи, выработало не все то, чѣмъ дышетъ современное намъ право образованныхъ народовъ; выработало одну чисто-юридическую сферу, сферу имущественную, касающуюся *моего и твоего*, и для этой сферы образовало такой неподражаемый чисто-юридическій языкъ, который совершенно ей соотвѣтствуетъ; словомъ, выработало то, что юристы называютъ собственно правомъ, или-правомъ формальнымъ, т. е. юридическимъ, въ отличіе отъ права матеріальнаго, нравственнаго, — правомъ частнымъ, въ отличіе отъ публичнаго. Что же касается до права матеріальнаго, нравственнаго, публичнаго, то оно могло быть выработано только на основаніи новыхъ началъ, неизвѣстныхъ древнему, языческому Риму, на основаніи началъ личности, общинности и нравственности.

Вотъ почему юристы, при изученіи и изложеніи римскаго права, особенное вниманіе обращаютъ на частное право, такъ что хотя публичное право и вводятъ въ составъ исторіи римскаго права; но преимущественно съ цѣлью яснѣйшаго и полнѣйшаго пониманія частнаго права.

Это особенно можно сказать о нѣмецкихъ юристахъ, потому что въ Германіи римское частное право имѣетъ еще и важный практическій интересъ, какъ jus receptum, т. е. какъ право, введенное въ законное дѣйствіе въ судебныхъ мѣстахъ на ряду съ общимъ германскимъ правомъ и съ мѣстными постановленіями, обычаями и юридическою практикою и наукою, или такъ называемымъ правомъ юристовъ.

Тамъ, въ Германіи, римское частное право изучается, излагается и преподается отдѣльно отъ исторіи римскаго права, въ томъ видѣ, въ какомъ оно установилось въ юстиніановыхъ сборникахъ, потому что въ этомъ именно видѣ оно и получило законную силу въ Германіи.

Такое изложеніе римскаго частнаго права по юстиніановымъ сборникамъ называется обыкновенно догматическимъ или догмою римскаго права, въ отличіе отъ историческаго его изложенія или исторіи римскаго права.

Догматическое изложеніе римскаго права бываетъ въ Германіи двухъ родовъ: одно называется институціями, а другое пандектами.

Подъ именемъ институцій излагаютъ многіе чисторимское Юстиніаново право, иногда въ связи съ историческимъ его развитіемъ, но безъ всякихъ посторонніхъ примѣсей, т. е. въ видѣ, неизмѣненномъ въ самой Германіи, вслѣдствіе вліянія юридической теоріи и практики, или же вслѣдствіе вліянія общаго германскаго права; словомъ, въ такомъ видѣ, въ какомъ римское частное право изложено въ юстиніановыхъ сборникахъ.

Подъ именемъ же пандектовъ, или, какъ многіе называютъ, нынѣшняго римскаго права (das heutige römische Recht), излагается и преподается римское Юстиніаново частное право, въ томъ видѣ, въ какомъ оно, вслѣдствіе разныхъ измѣненій, имѣетъ дѣйствіе въ Германіи въ настоящее время.

Оба эти названія — институціи и пандекты — заимствованы изъ римскаго же права и даже имѣютъ съ нимъ нѣкоторую аналогію.

У римскихъ юристовъ, а за ними и у Юстиніана, институціями назывался краткій сборникъ, составленный преимущественно съ цѣлью изученія римскаго права для начинающихъ; а пандектами—сборникъ обширный, предназначенный не для дидактическихъ цѣлей, а для того, чтобъ имѣть въ судахъ законную силу.

Между институціями и пандектами въ смыслѣ римскомъ и между этими же названіями въ смыслѣ, которое придаютъ имъ нынѣ многіе нѣмецкіе юристы, осталось развѣ только то сходство, что въ институціяхъ обыкновенно и до сихъ поръ излагается римское право не въ такой обширности, какъ въ пандектахъ, потому что и теперь институціи предназначаются преимущественно для начинающихъ. Впрочемъ, иногда и въ этомъ краткомъ, какъ и въ обширномъ курсѣ, многіе излагаютъ римское частное право равно въ измѣненномъ видѣ.

Словомъ, всѣ нѣмецкіе юристы различаютъ институціи и пандекты количественно, называя институціями краткій, а пандектами обширный курсъ римскаго частнаго права; но не всѣ различаютъ качественно: одни излагаютъ въ институціяхъ частное неизмѣненное или чистое римское право, а въ пандектахъ измѣненное; другіе же, напротивъ, и въ институціяхъ, и въ пандектахъ излагаютъ не чистое, но измѣненное римское частное право. Съ другой стороны, и тѣ, и другіе равно признаютъ не-

обходимость изложенія римскаго частнаго права въ измѣненномъ видѣ, съ тою разницею, что одни вводятъ эти измѣненія только въ обширный курсъ, а другіе и въ краткій, и въ обширный курсъ.

Общая потребность изложенія римскаго частнаго права въ Германіи въ измѣненномъ видѣ объясняется ничѣмъ другимъ, какъ исторіею введенія римскаго права въ эту страну. Представимъ же ее въ бѣгломъ очеркѣ, руководствуясь результатами новѣйшихъ изслѣдованій. Этотъ очеркъ откроетъ намъ и главныя направленія, которыя долго были господствующими въ германскомъ правовѣдѣніи, да и теперь еще не совсѣмъ исчезли.

Постепенно-слабѣющее нынѣ господство римскаго права въ Германіи, которому даже самые односторонніе защитники римскаго права предсказываютъ, въ болѣе или менѣе ближайшей будущности, совершенное паденіе,— это господство, основанное не столько на волѣ законодателя, сколько на превосходствѣ римскаго права, не есть явленіе новаго времени, но начинается съ самыхъ отдаленныхъ вѣковъ исторіи германскихъ народовъ.

Римское право вводимо было римлянами во всѣ завоевываемыя ими земли, и потому во всѣхъ частяхъ Римской имперіи было прилагаемо, но не какъ земское право, а какъ личное право. Гдѣ бы римлянинъ ни находился, вездѣ подчинялся онъ римскому праву, повсюду нося его, такъ сказать, съ собою, со своею личностію; подобнымъ образомъ, гдѣ бы ни жилъ франкъ, вестготъ и т. д., вездѣ былъ судимъ—франкъ по франкскому, вестготъ—по вестготскому праву, и т. д. Такъ продолжалось и по паденіи западной Римской имперіи, такъ что въ началѣ среднихъ вѣковъ вкоренилось вездѣ то воззрѣніе, что право примѣняется не такъ, какъ теперь, по принадлежности къ тому или другому государству (въ Россіи дѣйствуетъ русское, во Франціи фран-

цузское право и т. д.); но по принадлежности къ тому или другому племени (въ одной и той же землѣ франковъ, для франка дѣйствовало франкское, а для римлянина—римское право и т. д.)

Но хотя такимъ образомъ римское право, и по паденіи западной Римской имперіи, никогда не теряло на западѣ своего практическаго дѣйствія; однако же познаніе его здѣсь все болѣе и болѣе потемнялось, съ одной стороны, вслѣдствіе ослабленія въ это время умственной жизни вообще, а съ другой—вслѣдствіе все болѣе и болѣе, въ естественной прогрессіи, возвышавшагося сліянія римскаго и германскаго состава народонаселенія. Изъ несравненно-важнѣйшей части римскаго права, изъ того права, которое содержится въ сочиненіяхъ римскихъ юристовъ, ничего почти не было извѣстно. Римское право продолжало все еще жить, но какою-то сонливою жизнью. Проснулось же оно опять при поворотѣ одиннадцатаго на двѣнадцатое столѣтіе, когда вообще западный міръ какъ бы пробудился отъ тяжелаго сна и приготовлялся къ завоеванію гроба Спасителя, Святыхъ мѣстъ Его земной жизни. Въ это самое время, Ирнерій, преподаватель въ одной изъ школъ, которыя были для того времени высшими учебными заведеніями, именно въ школѣ Болонской, явился обладателемъ юстиніановыхъ сборниковъ законовъ (называемыхъ теперь обыкновенно Corpus juris съ прибавленіемъ иногда — civilis, въ отличіе отъ Corpus juris canonici), въ которыхъ византійскій императоръ Юстиніанъ, въ началѣ 6-го столѣтія, представилъ сводъ, извлеченный изъ сочиненій римскихъ юристовъ и изъ указовъ римскихъ императоровъ, и которые потому представляютъ самый важный источникъ для изученія римскаго права. На основаніи этого-то самаго обильнаго источника римскаго права началось тогда снова изученіе римскаго права, сперва въ Болоньи,

а потомъ оттуда распространялось повсемѣстно на западѣ. Впрочемъ, нельзя приписывать просто случаю, почему это возобновленіе изученія римскаго права началось именно въ это время и въ этой мѣстности. Необходимо принять еще въ соображеніе, во-первыхъ, цвѣтущее состояніе, котораго тогда достигли ломбардскіе города, и вытекшую отсюда потребность въ болѣе развитомъ, болѣе соотвѣтствующемъ развитымъ сношеніямъ правѣ; а во-вторыхъ и преимущественно, усилившуюся научную дѣятельность вообще, замѣчаемую около этого времени въ западномъ мірѣ,—того времени, когда положены были основанія и средневѣковой философіи.

Отвсюду начали стекаться въ Болонью любознательные, не только изъ Италіи, но изъ Испаніи, Франціи, Англіи и Германіи, и даже изъ сѣверныхъ (скандинавскихъ) государствъ. По образцу Болонской школы, скоро основаны были школы въ Италіи, Испаніи и Франціи, а потомъ въ Англіи и Германіи. Это и суть университеты.

Такимъ образомъ познаніе римскаго права распространилось по всей западной Европѣ, а гдѣ узнали его, тамъ стали и прилагать практически. Тогда не спрашивали, почему римское право должно быть прилагаемо въ жизни: прилагали его потому, что оно *было;* что оно представляло необыкновенныя формальныя достоинства—логическую послѣдовательность, опредѣлительность понятій и точность выраженій; что оно, будучи весьма развито, отвѣчало на вопросы, на которые молчало туземное право; что оно было свободно отъ національныхъ ограниченностей и проч. Для того времени римское право было не правомъ римскаго народа, но правомъ вообще, откровеніемъ абсолютнаго юридическаго мышленія, писаннымъ разумомъ, какъ назвали его (ratio scripta). Къ тому же римское право представляло тогда еще ту выгоду, что оно легко могло быть познаваемо изъ писанныхъ источ-

никовъ, между тѣмъ какъ туземное право существовало преимущественно какъ неписанное обычное право, изслѣдованіе котораго было большею частью сопряжено съ большими трудностями и не всегда вело къ надежнымъ результатамъ.

Такъ было первоначально введено римское право во всей западной Европѣ. Но при этомъ введеніи, по отношенію къ разнымъ частямъ ея, замѣчаются существенныя различія.

Такъ въ Англіи римское право хотя и является уже въ 12 столѣтіи, но скоро употребляется добытая его изученіемъ научная сила на письменное начертаніе туземнаго обычнаго права, и уже этимъ противопоставляется оплотъ противъ дальнѣйшаго успленія практическаго дѣйствія римскаго права. Англійскіе короли не хотѣли допустить у себя римскаго права впослѣдствіи и потому, что они считали его правомъ Нѣмецкой имперіи, и думали, что ввесть его у себя значило бы признать надъ собою верховную власть нѣмецкихъ императоровъ (eo quod regnum Angliae ab omni subjectione imperiali sit liberrimum). Но еще рѣшительнѣе въ этомъ отношеніи было то обстоятельство, что здѣсь съ 14 столѣтія изученіе права было устранено изъ университетовъ и перешло въ такъ называемыя inns или inns of chancery, нынѣ inns of court,—закрытыя учебныя заведенія, гдѣ живутъ и учатся туземному праву студенты-юристы, которые состоятъ при судебныхъ мѣстахъ, сосредоточенныхъ въ Вестминстерѣ; изъ нихъ главные Inner Temple, Middle Temple, Lincoln's Inn и Gray's Inn. Съ этого времени римское право перестало имѣть въ Англіи практическое значеніе, хотя и прежде (вспомнимъ только Glanvilla и Bracton), и до сихъ поръ оно имѣетъ важное значеніе научное, признаніе котораго видно уже въ томъ, что изученіе его введено въ новѣйшемъ Лондонскомъ университетѣ.

Но говоря объ южной Франціи, гдѣ римское право до послѣдняго времени, т. е. до изданія Наполеонова уложенія, имѣло рѣшительный практическій перевѣсъ надъ туземнымъ (pays du droit écrit),—даже въ сѣверной Франціи (pays du droit coutumier) владычество римскаго права было продолжительнѣе, чѣмъ въ Англіи. Хотя оно и здѣсь не имѣло законной обязательной силы, чему препятствовало въ особенности оффиціальное письменное начертаніе, съ 15 столѣтія, и обнародованіе, какъ закона, туземныхъ обычныхъ правъ; однако же въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ молчали эти права, римское право было вездѣ примѣняемо на практикѣ. Впослѣдствіи во Франціи римское право не только почиталось и до сихъ поръ почитается основою юридическаго образованія; но оно, вмѣстѣ съ туземнымъ обычнымъ правомъ, частью съ нѣкоторыми началами древняго общегерманскаго права и съ разными постановленіями законодательной власти, переработано было въ дѣйствующее донынѣ т. н. Гражданское или Наполеоново уложеніе (Code civil, Code Napoléon).

Почти то же видимъ мы и на Пиринейскомъ полуостровѣ; но нигдѣ борьба между туземнымъ и римскимъ правомъ не представляла такихъ особенностей, не была ведена съ такою силою и не окончилась такъ скоро, какъ въ той части Испаніи, которая образовала средоточіе для соединенія въ одно цѣлое нынѣшней Испанской монархіи, именно въ Кастиліи. Здѣсь ученый король Альфонсъ X Мудрый (1252—1284) не только благопріятствовалъ римскому праву, но въ интересахъ своей правительственной власти, чтобъ положить основу единству монархіи, въ противоположность феодальному разъединенію, насильно ввелъ его въ свои владѣнія. Народъ противопоставилъ этому насилію самый энергическій отпоръ. Послѣ боренія между монархомъ и народомъ, продол-

жавшагося почти цѣлое столѣтіе, законодательствомъ Альфонса XI (Ordenamiento 1348 г.) установлено было то самое отношеніе между римскимъ и туземнымъ правомъ, которое, безъ такой борьбы, само собою установилось въ то время во Франціи. Нынѣ римское право дѣйствуетъ въ Испаніи, какъ право вспомогательное (in subsidium), дополняющее туземное право. То же самое значеніе имѣло римское право въ Португаліи до 18 августа 1769 года, когда оно вовсе отмѣнено.

Въ Голландіи и Бельгіи, которыя никогда не были подчинены римскому владычеству, римское право не было извѣстно до тѣхъ поръ, пока въ основанные здѣсь университеты не стали переходить преподаватели правовѣдѣнія изъ другихъ университетовъ. Они распространили здѣсь знаніе и изученіе римскаго права, хотя и не получившаго чрезъ то практическаго значенія, однако же пріобрѣвшаго значеніе научное, преимущественно трудами тѣхъ ученыхъ, которые обратили особенное вниманіе на изученіе классической римской древности, а съ нею вмѣстѣ и на изученіе римскаго права.

Въ государствахъ скандинавскихъ — въ Швеціи, Норвегіи и Даніи — развилось самостоятельное древнее германское право, и только въ позднѣйшія времена было введено въ университеты преподованіе римскаго права, какъ науки.

Исторія Щвейцаріи была долгое время тѣсно связана съ исторіею Германіи; но когда Швейцарія стала пріобрѣтать самостоятельность, то римское право, не успѣвшее еще вкорениться въ ней практически, превратилось въ право вспомогательное для туземнаго права; этого значенія оно и до сихъ поръ не утратило, въ однихъ кантонахъ болѣе, въ другихъ менѣе, преимущественно же въ кантонахъ Базельскомъ, Валлисскомъ и Женевскомъ.

Всего естественнѣе казалось бы сохранить римское право, въ его чистотѣ, самой Италіи. Но и здѣсь оно соединилось съ обычаями, принесенными съ собою германскими народами, со средневѣковыми статутами италіянскихъ городовъ, съ новѣйшими законами, вслѣдствіе сліянія различныхъ чужеземныхъ правительствъ (французскаго, австрійскаго) и т. п., такъ что нынѣ оно даже не имѣетъ законной силы въ прежнемъ центрѣ своемъ — въ Римѣ, а того менѣе въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ, состоящемъ подъ вліяніемъ австрійскаго законодательства; въ Тосканѣ, гдѣ оно преподается съ особеннымъ успѣхомъ въ Пизѣ и гдѣ, въ мое время, когда я посѣтилъ въ послѣдній разъ Италію (въ 1843 г.), изученіе его получило особенное направленіе, данное ему профессоромъ Россо, который разсматриваетъ его самостоятельно, какъ науку, въ связи съ философіею права, а не какъ дѣйствующее право,—и наконецъ въ Неаполѣ, гдѣ издано, преимущественно по образцу Наполеонова уложенія, особое гражданское уложеніе, такъ что римское право разсматривается здѣсь какъ писанный разумъ (ratio scripta).

Напротивъ, въ Германіи римское право превратилось въ настоящій законъ,—въ законъ, нарушеніе котораго имѣло послѣдствіемъ своимъ ничтожность, недѣйствительность всякаго судебнаго рѣшенія. Причину этого явленія слѣдуетъ искать частью въ политической раздробленности Германіи, попрепятствовавшей туземному праву противостоять вторгающемуся чужеземному праву, но въ особенности въ мысли, обнаружившей свое дѣйствіе преимущественно въ Германіи, что Римская имперія, какъ имперія всемірная, обнимающая всѣ христіанскія государства, продолжаетъ свое существованіе въ видѣ Нѣмецкой имперіи; что нѣмецкіе императоры суть преемники, наслѣдники римскихъ императоровъ; что Юстиніа-

ново законодательство есть законодательство одного изъ предшественниковъ нѣмецкихъ императоровъ, и что потому оно обязательно, какъ имперское законодательство, и наоборотъ, законы нѣмецкихъ императоровъ должны быть включаемы въ Corpus juris на ряду съ законами (новеллами) Юстиніана и позднѣйшихъ римскихъ императоровъ. Впрочемъ, практическое примѣненіе римскаго права въ Германіи оставалось весьма незначительнымъ, пока не были основаны университеты и въ самой Германіи, и пока въ этихъ университетахъ не начали преподавать римскаго права, чего не было въ началѣ, когда преподаваніе ограничивалось каноническимъ правомъ. Такимъ образомъ съ начала 16-го столѣтія римское право стало рѣшительно владычествовать въ нѣмецкихъ судебныхъ мѣстахъ. Важнымъ обстоятельствомъ въ этомъ развитіи было и то, что въ данной вновь-организованному Имперскому камеральному суду (въ 1495 г.) инструкціи предписано было судить «по правамъ имперскому и по общему,» т. е. хотя не по одному только римскому праву, однако же, между прочимъ, и по римскому праву, такъ что всякій процессъ могъ быть, въ послѣдней инстанціи, судимъ по римскому праву.

Впослѣдствіи римское право было вытѣснено изъ области собственно такъ называемаго государственнаго права, которое должно было развиться отъ него независимо, вслѣдствіе новыхъ идей и потребностей жизни; а равно и изъ области уголовнаго права, потому, между прочимъ, что у римлянъ оно чрезвычайно отстало въ развитіи, сравнительно съ частнымъ правомъ, такъ что въ Германіи явилось по этому праву свое національное законодательство—Halsgerichtsordnung Карла V (1532), которое, однако же, въ послѣдующія столѣтія было совершенно преобразовано наукою и практикою, и которое, даже въ этомъ преобразованномъ видѣ, осталось теперь

въ немногихъ нѣмецкихъ государствахъ, будучи замѣнено, въ большей части государствъ и притомъ въ значительнѣйшихъ, особыми законопостановленіями. Что касается, наконецъ, до римскаго гражданскаго судопроизводства, то хотя оно, въ классическій періодъ римскаго правовѣдѣнія, и было развито не менѣе частнаго права; но существенныя измѣненія, совершившіяся въ этой области права около временъ императора Константина, сдѣлали поставленную великими римскими юристами теорію гражданскаго судопроизводства большею частью негодною къ употребленію для позднѣйшаго времени. Но такъ какъ въ Германіи введено было римское право въ позднѣйшей его формѣ, и такъ какъ и позднѣйшее римское гражданское судопроизводство здѣсь уже рано было проникнуто германскими элементами, и такъ какъ, наконецъ, оно получило новое основаніе, сперва отъ имперскихъ законовъ, а потомъ, во многихъ нѣмецкихъ государствахъ, отъ особенныхъ законовъ этихъ государствъ, преимущественно подъ вліяніемъ началъ устности и гласности, то римское гражданское судопроизводство, даже въ позднѣйшей своей формѣ, было почти совершенно устранено. Остается сказать о римскомъ частномъ правѣ, которое собственно и составляетъ величіе римскаго права, въ особенности же имущественное право. Все, о чемъ мы теперь говорить будемъ, касается потому этой только области права.

Задача, преслѣдуемая нѣмецкими юристами въ 16, 17 и частью въ 18 столѣтіи, состояла въ томъ, чтобъ приспособить римское право къ практическому употребленію, и потому эти юристы, какъ писатели, называются преимущественно практиками. Они сперва такъ вдались въ римское право, что не хотѣли ничего знать о такъ называемомъ общемъ германскомъ правѣ. Они не замѣчали, что когда римское право проникло въ Германію,

то оно принесло уже съ собою богатую, нѣсколько столѣтій обнимающую литературу; что въ Германіи было введено не столько самое римское право, сколько обработанная этою литературою теорія римскаго права; что такимъ образомъ нѣкоторыя юридическія положенія изъ германскаго права вошли въ составъ этой теоріи, скрывшись подъ покровъ римскаго права. Но скоро это стало постепенно измѣняться. Уже съ конца 16 столѣтія признана была возможность общихъ германскихъ юридическихъ обычаевъ и стали довольствоваться, для доказательства ихъ существованія, даже однимъ засвидѣтельствованіемъ пользовавшихся авторитетомъ юристовъ. Съ половины 17 столѣтія отважились даже предполагать существованіе такого юридическаго обычая и требовать отъ того, кто отрицаетъ это существованіе, доказательства, что этотъ обычай не имѣетъ дѣйствія. Но существенно усилилось это направленіе тѣмъ, что начали изслѣдовать и древне-германское право, и что въ началѣ 18 столѣтія (въ 1706 г.) впервые въ нѣмецкомъ университетѣ (въ Лейпцигѣ) стали преподавать отдѣльныя лекціи о германскомъ правѣ, между тѣмъ какъ прежде оно было обыкновенно включаемо въ лекціи по римскому праву и притомъ объ немъ говорили здѣсь только мимоходомъ.

Къ первой половинѣ 17 столѣтія относится событіе, которое не могло не коснуться и правовѣдѣнія: развитіе новой философіи. Сущность ея, въ противоположность средневѣковой схоластической философіи, состоитъ въ томъ, что она не принимаетъ истину, какъ нѣчто данное, но ищетъ ее посредствомъ свободнаго мышленія. Этотъ принципъ новой философіи отразился и на правовѣдѣніи. И оно стало искать, посредствомъ мышленія, истины права, чистаго абсолютнаго права, находимаго посредствомъ мышленія. Такое право назвали естественнымъ

правомъ. Особенно съ конца 18 столѣтія имѣло важное значеніе философія Канта, поставлявшаго, между прочимъ, своею задачею дать правовѣдѣнію непоколебимую основу въ естественномъ правѣ. Въ теоретическомъ отношеніи, это значеніе состояло въ томъ, что юристы самое положительное римское право начали излагать въ болѣе раціональной системѣ; что они старались оцѣнить матеріальное достоинство этого права, имѣя всегда притомъ въ виду, какъ высочайшую цѣль всякаго права, его извѣстность, общедоступность, и внутреннее совершенство, словомъ, направленіе ихъ было, можно сказать, философско-практическое. По такому общему ихъ направленію, юристы эти составляли какъ бы особую школу, хотя никогда они не объявляли себя формально школою. Главами этой школы, по всѣмъ частямъ правовѣдѣнія, въ особенности по римскому праву, по теоріи гражданскаго судопроизводства и по уголовному праву, были: Тибо, Фейербахъ, Грольманнъ, Алмендингенъ, Клейншродтъ, Гуфеландъ, Веберъ, Шёманнъ, Гёпперъ, Мартинъ и Генслеръ. Впрочемъ, результатъ этого направленія для римскаго права не былъ значителенъ, тѣмъ болѣе, что право, выдаваемое ими за естественное право, было большею частью не что иное, какъ то же римское право, но внѣшнимъ образомъ освобожденное отъ чисто-исторической обстановки. Гораздо важнѣе было вліяніе естественнаго права въ практической области, потому что изъ него, въ соединеніи съ національною оппозиціею противъ чужеземнаго, римскаго права, вышли два уложенія, которыми, въ концѣ прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, прекращено формальное владычество римскаго права въ обоихъ, самыхъ большихъ нѣмецкихъ государствахъ: Общее прусское земское право (въ 1793 г.) и Австрійское уложеніе (1814), между тѣмъ какъ Французское гражданское уложеніе (1804 г.) основано

было на той мысли, что возрожденная и единая Франція нуждается и въ новомъ и единомъ правѣ; а Баварское Максимиліаново уложеніе (1756 г.) хотѣло не столько устранить дѣйствующее право, сколько придать ему болѣе понятное выраженіе. Однако же весьма ошибочно было бы думать, что этими уложеніями уничтожено вовсе дѣйствіе римскаго права: они представляли только какъ бы осадокъ дѣйствующей въ то время теоріи права, а эта теорія была пропитана римскимъ правомъ.

По освобожденіи Германіи отъ французскаго владычества, когда чувство германской народности одушевляло всѣхъ друзей общаго отечества, предложеніе или воззваніе, сдѣланное со стороны Тибо (Ueber die Nothwendigkeit eines allgemeinen bürgerlichen Rechts in Deutschland. Heidelberg. 1814), въ виду переходящихъ чрезъ Рейнъ нѣмецкихъ войскъ, что теперь настало время, по сверженіи политическаго чужеземнаго владычества, свергнуть иго и чужеземнаго, римскаго права, и посредствомъ составленія общаго для Германіи гражданскаго уложенія, дать германской наукѣ права новое основаніе, благопріятствующее единству Германіи, — это предложеніе было принято съ восторгомъ всѣми его единомышленниками.

Но, съ другой стороны, это предложеніе было поводомъ или, правильнѣе, причиною окончательнаго рѣзкаго разъединенія нѣмецкихъ юристовъ. Противъ него возсталъ Савиньи (Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Berlin. 1814), и при этомъ случаѣ развилъ свои воззрѣнія на законодательство и правовѣдѣніе, къ которымъ пристали юристы, державшіеся уже прежде другого направленія, которое можно назвать историко-филологическимъ, въ отличіе отъ философско-практическаго. Это направленіе придано было изученію римскаго права впервые гёттингенскимъ профессоромъ Гуго, ученую дѣятельность котораго отлично характеризируетъ

Савиньи (Der zehnte Mai 1788. Berlin. 1838). Извѣстнѣйшими учениками Гуго были Гейзе, Лёръ, Шрадеръ, Макельдей и др. Его метода была, уже въ концѣ прошедшаго столѣтія, одобряема и сильно поддерживаема нѣкоторыми знаменитыми юристами, каковы напр. И. Г. Шлоссеръ, Крамеръ, Гаубольдъ и др. Въ текущемъ же столѣтіи явился самымъ сильнымъ дѣятелемъ по этому направленію Савиньи, который и придалъ этому историко-филологическому направленію опредѣленный характеръ, соединившись съ знаменитыми изслѣдователями древности, каковы были: Ибуръ, Крейцеръ, Гейнрихъ, Бекъ, Беккеръ, Тафель и др.

Савиньи, Эйхгорнъ и Гёшенъ, соединившись съ своими единомышленниками, вслѣдствіе ученаго спора съ Тибо и его единомышленниками о необходимости общаго гражданскаго уложенія для Германіи, составили въ 1815 г. особую школу, назвавъ ее историческою, и стали издавать журналъ, какъ органъ этой школы (Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft), прекратившійся съ 1833 года.

Главная противоположность между этою школою и тѣми юристами, которыхъ она считала своими противниками и во главѣ которыхъ стоялъ Тибо, состояла въ различномъ взглядѣ ихъ на право и на правовѣдѣніе. По мнѣнію исторической школы, право какого бы то ни было народа, во всякое данное время, есть необходимое произведеніе всей прошедшей жизни этого народа, и только можетъ быть понято изъ его исторіи; а потому правовѣдѣніе должно быть существенно историческое, чтобъ оно могло рѣшить эту задачу. Историческая школа не искала философскаго, за предѣлами исторіи лежащаго, основанія права; оставляла въ сторонѣ естественное право, какъ оно выработалось Кантовымъ раціонализмомъ, и ждала всего лучшаго для права не отъ новыхъ уложеній

законовъ, но отъ основательнаго знанія дѣйствующаго права и его историческаго развитія. А потому научная дѣятельность приверженцевъ этой школы обращена была преимущественно къ юридическимъ древностямъ и чрезвычайно споспѣшествовала обработыванію этой стороны юридическаго изученія.

Съ тѣмъ же направленіемъ, съ какимъ издавался вышеупомянутый журналъ, начали издавать (сперва въ Боннѣ, а потомъ въ Гёттингенѣ) другой юридическій журналъ: Нибуръ, Блуме, Гассе, Пухта и Пюжже, а потомъ Блуме, Бёкингъ, Голлвегъ, Пухта, Пюжже и Унтергольцнеръ, — Rheinisches Museum für Jurisprudenz.

Противъ этихъ обоихъ журналовъ явились другіе, съ болѣе практическимъ направленіемъ: въ Гейдельбергѣ, издаваемый съ 1818 г. Генслеромъ, Швейцеромъ и Миттермайеромъ, а впослѣдствіи Тибо, Лёромъ, Вехтеромъ, Франке, Мюленбрухомъ, Линде и Миттермайеромъ, — Archiv für die civilistische Praxis, и въ Гиссенѣ, съ 1828 г. Веннингомъ (по смерти его Шрётеромъ), Циммерномъ, Линде и Марецоллемъ),—Zeitschrift für Civilrecht und Process.

Историческая школа назвала противниковъ своихъ школою неисторическою. Противъ этого первый протестовалъ Тибо (въ Heidelberger Jahrbüchern, а потомъ въ особой брошюрѣ: Ueber die sogenannte historische und nicht-historische Rechtsschule, Heidelberg. 1838, а также въ Archiv für die civilistische Praxis. B. XXI. H. 3). Въ восторгѣ отъ своихъ историческихъ изысканій, историческая школа отодвинула далеко на задній планъ мысль о приложеніи и примѣненіи того, что̀ найдено посредствомъ этихъ изысканій. Отсюда и произошло, что теорія и практика пришли между собою въ достойную сожалѣнія противоположность: теорія смотрѣла на практику съ негодованіемъ, а практика на теорію съ презрѣніемъ.

Впрочемъ, историческая школа, считая приверженцами своими не только однихъ спеціалистовъ по римскому праву, во главѣ которыхъ былъ Савинья, но и спеціалистовъ по германскому праву, во главѣ которыхъ былъ Эйхгорнъ, не возставала ни противъ дѣйствія римскаго права въ Германіи, ни противъ германскаго права: ей было все равно, какое право, изъ дѣйствующихъ правъ въ Германіи, изучается и излагается, лишь бы только оно изучалось и излагалось по ея методѣ, согласно съ ея направленіемъ.

Съ другой стороны, и противники этой школы, хотя и приписывали современности не только способность, но и необходимость свободно родить изъ себя новое законодательство, на основаніи естественнаго права; однако же находили въ самомъ положительномъ правѣ, каково римское и германское, отблескъ этого естественнаго права, и, стараясь дать этимъ положительнымъ правамъ преимущественно-практическое направленіе, тѣмъ самимъ признавали ихъ дѣйствіе, слѣдовательно не могли также возставать ни противъ римскаго, ни противъ германскаго права, потому что и то, и другое равно имѣли практическое значеніе въ современной жизни.

На этомъ полѣ, на непротиводѣйствіи, такъ сказать, ни римскому, ни германскому праву, на признаніи ихъ существованія въ жизни, сходились оба направленія, какъ историко-филологическое, такъ и философско-практическое.

Впослѣдствіи это согласіе было поводомъ къ постепенному ихъ сближенію, выразившемуся въ томъ, что юристы, и изъ той, и изъ другой школы, стали помѣщать свои статьи безразлично въ томъ или другомъ юридическомъ журналѣ, каково бы ни было его первоначальное направленіе при самомъ основаніи, такъ что теперь между юридическими журналами нѣтъ вовсе рѣзкой противоположности въ направленіяхъ.

Но этого мало: всѣ односторонности обѣихъ школъ до того начали сглаживаться, что самъ глава исторической школы Савинья преклонился предъ философско-практическимъ направленіемъ современности и публично призналъ всякій трудъ по части правовѣдѣнія достойнымъ вниманія и уваженія, лишь бы только онъ былъ добросовѣстенъ и основателенъ.

Нынѣ нѣтъ уже болѣе противоположности между этими школами, и если кто либо осмѣливается возвышать свой голосъ противъ того или другого явленія юридической литературы только потому, что оно не выходитъ съ знаменемъ школы, въ которой онъ возросъ, но которая уже сама исчезла, то такого односторонняго, отсталого юриста отвергаетъ духъ времени, каковы бы ни были, впрочемъ, его прежнія и настоящія заслуги для науки права.

Но по мѣрѣ исчезанія противоположностей между историко-филологическимъ и философско-практическимъ направленіями, возраждались изъ нихъ же, хотя и не прямо, два новыя противоположныя направленія: романистовъ и германистовъ.

Начало этой противоположности кроется въ болѣе отдаленныхъ временахъ: въ естественномъ противодѣйствіи народа римскому праву при первоначальномъ его вторженіи въ Германію; въ измѣненіяхъ, которымъ оно необходимо подверглось здѣсь вслѣдствіе вліянія теоріи, практики и самой жизни; въ обращеніи вниманія на туземное право въ судебныхъ мѣстахъ и въ университетахъ, особенно съ того времени, когда оно стало быть преподаваемо отдѣльно отъ римскаго права и проч.

Въ новѣйшее врямя, войны за независимость Германіи отъ чужеземнаго владычества, вызвавшія чувство германской національности, были, какъ мы видѣли, поводомъ къ возрожденію новаго философско-практическаго направ-

ленія юристовъ, противъ котораго образовалась историческая школа. Правда, въ продолженіе нѣкотораго времени, великость и плодотворность новаго понятія о правѣ, вызваннаго къ жизни историческою школою, потѣснила на задній планъ мысль о національности права, но подавить ее она не была въ состояніи, такъ что когда поставленное въ основаніи историческою школою новое понятіе о правѣ получило полное свое развитіе, то мысль о національности права снова и гораздо съ большею силою стала овладѣвать общественнымъ мнѣніемъ въ Германіи и умами германскихъ юристовъ, особенно въ концѣ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія. Этому споспѣшествовали многія обстоятельства: вліяніе Гегелевой философіи, пустившей глубокіе корни въ сознаніи людей образованныхъ; вызванныя второю французскою революціею стремленія къ новымъ государственымъ учрежденіямъ и наконецъ событія 1848 года, возбудившія въ высочайшей степени чувство германской національности и потребность въ такомъ единствѣ Германіи, которое бы проявлялось во всѣхъ сферахъ жизни, а слѣдовательно и въ законодательствѣ, въ правѣ. Всѣми этими обстоятельствами вызванная оппозиція противъ римскаго права породила жаркій споръ между такъ называемыми романистами, отстаивавшими владычество римскаго права, и германистами, силившимися противопоставить этому владычеству практическое дѣйствіе туземнаго права.

Всего нагляднѣе представляется эта противоположность между романистами и германистами изъ совѣщаній германистовъ, происходившихъ во Франкфуртѣ на Майнѣ 24, 25 и 26 сентября 1846 г. (Verhandlungen der Germanisten. F. a. M. 1847). Первую мысль къ такимъ совѣщаніямъ подалъ тюбингенскій профессоръ Рейшеръ. По примѣру естествоиспытателей, классическихъ филологовъ и педаго-

говъ, собралось во Франкфуртѣ на Майнѣ, со всѣхъ краевъ Германіи, множество ученыхъ, занимавшихся преимущественно германскимъ правомъ, германскою исторіею и германскою филологіею, подъ общимъ названіемъ германистовъ, по формальному приглашенію, напечатанному въ разныхъ вѣдомостяхъ и подписанному Арндтомъ, Безелеромъ, Дальманномъ, Гервинусомъ, обоими Гриммами, Гауптомъ, Лахманномъ, Лаппенбергомъ, Миттермайеромъ, Перцомъ, Ранке, Рейслеромъ, Рунде, А. Шмидтомъ, Уландомъ и Вильдою, съ цѣлью «научнаго возбужденія, личнаго знакомства и примиренія противоположностей, во сколько въ этихъ противоположностяхъ не нуждаются (научныя) изслѣдованія.»

Совѣщанія происходили въ знаменитомъ Рёмерѣ, въ такъ называемой императорской залѣ, въ которой развѣшены портреты всѣхъ нѣмецкихъ императоровъ: общія засѣданія въ первые два дня отъ 9 до 11 утра, а въ третій и послѣдній день—отъ 2 до 5 по полудни; частныя же, по тремъ отдѣленіямъ, на которыя раздѣлилось собраніе: филологіи, исторіи и правовѣдѣнія, въ первые два дня по полудни, а въ послѣдній день по утру. Рейшеръ открылъ совѣщанія рѣчью, въ которой, между прочимъ, предложилъ начертанный имъ проектъ устава о порядкѣ засѣданій; проектъ былъ всѣми принятъ безъ оппозиціи. На основаніи этого устава, собраніе, по предложенію Уланда, выбрало себѣ въ предсѣдатели Якова Гримма. Знаменитый ученый принялъ на себя съ благодарностью это званіе и сказалъ при этомъ рѣчь, въ которой особенно замѣчательны для насъ слѣдующія слова:

«Народъ есть совокупность людей, говорящихъ однимъ языкомъ. Для насъ, нѣмцевъ, это объясненіе—самое невинное и вмѣстѣ самое гордое, потому что оно можетъ перенесть насъ разомъ за загородку, и уже теперь направить взоръ нашъ на болѣе или менѣе отдаленную, но,

смѣю сказать, неизбѣжно-приближающуюся будущность, когда падутъ всѣ заставы и признанъ будетъ естественный законъ, что ни рѣки, ни горы не раздѣляютъ народы, но что народу, проникшему за горы и рѣки, можетъ поставить предѣлъ только собственный его языкъ.»

Затѣмъ Гриммъ развиваетъ мысль, что языкъ народа долженъ быть разсматриваемъ исторически, какъ и самая исторія въ собственномъ смыслѣ. «Что касается до германскаго права, то и оно находится въ особенномъ положеніи. Если смотрѣть на его (практическое) дѣйствіе, то оно не представляетъ общей науки, въ томъ смыслѣ, въ какомъ представляетъ языкъ; но ограничивается и отмежовывается только нѣкоторыми отдѣльными ученіями, которыя удержались еще при римскомъ правѣ, наводнившемъ поверхность нашей юридической почвы. Насильственно изгнать изъ нея это римское право, обжившееся у насъ съ давняго времени и густо переплетенное со всѣмъ нашимъ юридическимъ воззрѣніемъ, кажется мнѣ такимъ страннымъ и несноснымъ пуризмомъ, какъ если бы англичанинъ вздумалъ надѣяться, что еще возможно вытѣснить изъ англійскаго языка романскія слова и удержать одни слова германскаго происхожденія. Но другимъ путемъ приводитъ, въ самомъ дѣлѣ, германиста оживленное изученіе его древностей, даже до тѣхъ слѣдовъ, которые остались въ современной жизни отъ настоящаго германскаго обычнаго права, или же у сосѣднихъ народовъ, оставшихся подчиненными вторгнувшемуся римскому праву. Эти остатки незамѣтно соединяются для испытующаго ума въ одно цѣлое,—и вотъ является мысль, что многія утратившіяся превосходныя учрежденія прошедшаго времени, соотвѣтствующія нашей жизни, могутъ быть, по крайней мѣрѣ отчасти, вновь вызваны и употреблены къ тому, чтобъ пополнить недостатки, оставленныя самимъ римскимъ правомъ, или же тамъ, гдѣ это право окажется

уже несообразнымъ съ современными потребностями, заступить его мѣсто. Исторія права, которую мало уважаютъ даже практики, могла бы, въ этомъ случаѣ, помогать новому законодательству и много содѣйствовать изгнанію значительныхъ частей римскаго права. Это, какъ мнѣ кажется, господствующее между современными германскими направленіями есть какъ исторически-ученое, такъ и политически-практическое .... Римскіе правовѣды, или такъ называемые цивилисты, живутъ въ великолѣпномъ, хотя и въ иноземномъ стилѣ воздвигнутомъ зданіи; но оно уже кое-гдѣ начинаетъ разваливаться, и въ немъ открываются поврежденія отъ ненастья. Кто можетъ, послѣ этого, обвинить германскихъ юристовъ, что они, исполненные любви къ отечеству, стараются удержать отбитое волнами родное судно, и снарядивъ и вооруживъ его снова, спустить въ гавань?»

Послѣ рѣчи, предсѣдатель, на основаніи устава, наименовалъ себѣ 6 помощниковъ и двухъ секретарей, и затѣмъ начались собственно совѣщанія.

Во второмъ общемъ собраніи, особенно Миттермайеръ возставалъ противъ римскаго права, представивъ рѣзкую картину положенія права въ Германіи, и подтвердивъ ее многими юридическими случаями.

«Когда гражданинъ въ рейнскихъ провинціяхъ или во Франціи вздумаетъ заключить съ другимъ лицомъ какой-либо договоръ, то ему это будетъ легко: онъ беретъ французское уложеніе, самъ отыскиваетъ подходящую статью и объявляетъ другому, что такое-то условіе онъ предлагаетъ заключить съ нимъ, такія-то права предоставляетъ ему законъ; — и вотъ такимъ образомъ онъ съ нимъ соглашается. Если гражданину въ Пруссіи, въ Баваріи, въ Австріи угрожаетъ процессъ, онъ открываетъ свое уложеніе и расчитываетъ, изъясняя самъ законъ, спрашивая себя, есть ли надежда выиграть процессъ,

и тогда уже рѣшается, вести ли его или нѣтъ. Ахъ, господа, намъ, живущимъ въ тѣхъ нѣмецкихъ государствахъ, гдѣ нѣтъ своихъ уложеній, не такъ хорошо! Если здѣсь будетъ кому предстоять процессъ, и онъ обратится къ юристу и спроситъ его: какъ Вы мнѣ совѣтуете, начать ли процессъ и выиграю ли я его?—то я умолчу уже о томъ, о чемъ сказалъ Лихтенбергъ,—что выигрышъ процесса будетъ зависѣть, во-первыхъ, отъ того, пилъ ли судья, который будетъ рѣшать процессъ въ послѣдней инстанціи, въ день рѣшенія шампанское, или же дурное родное вино; разсердили ли его дома, или же онъ получилъ пріятное письмо; —объ этомъ я говорить не стану; нѣтъ, говоря искренно, мы должны будемъ отвѣчать на вопросъ нашего бѣднаго кліента такъ: Да я не знаю; все будетъ зависитъ отъ того, какой судья будетъ сидѣть въ высшей инстанціи въ день рѣшенія дѣла: если судья учился въ Берлинѣ, то Вы, вѣроятно, выиграете процессъ, а если въ Гейдельбергѣ, Іенѣ или Гёттингенѣ, то проиграете.» Пояснивши это примѣромъ, Миттермайеръ продолжаетъ: «Господа, при томъ состояніи права, въ какомъ мы находимся, все зависитъ отъ того, какъ составлены судебныя мѣста и какъ смотрѣть на отношеніе между римскимъ и нашимъ туземнымъ правомъ. Если есть у кого-либо дѣло, и онъ желалъ бы самъ узнать, какъ ему поступать,—то, увы, его старанія будутъ напрасны: нѣтъ нѣмецкаго уложенія, къ которому онъ могъ бы прибѣгнуть; нѣтъ маленькой книжечки, въ которую онъ могъ бы заглянуть; его отсылаютъ къ Corpus juris, написанному на чужомъ языкѣ. Будь онъ и очень дѣльный человѣкъ, будь онъ человѣкъ даже геніяльный, да не знай по латыни, — ничто не поможетъ ему:—вся мудрость въ латыни. Положимъ даже, онъ знаетъ латинскій языкъ, — и тутъ онъ наткнется на разныя мнѣнія юристовъ, для разрѣшенія которыхъ

долженъ знать и исторію, и философію. Одинъ римскій писатель говоритъ: Когда встрѣчались римскіе авгуры, то смѣялись, и знали, чему смѣялись. Да, господа, когда и юристы встрѣчаются, то и они смѣются, и знаютъ также чему смѣются. Мы смѣемся надъ бѣднымъ народомъ нашимъ! О, нѣтъ, не смѣяться слѣдуетъ намъ, а плакать, и плакать о самихъ себѣ! Господа, какъ это прискорбно! Право есть выраженіе юридическаго сознанія народа; право есть, какъ говоритъ одинъ писатель, одежда народа, въ которой ему ловко, удобно. Мнѣ вотъ удобенъ этотъ фракъ, потому что онъ сшитъ на меня и довольно-просторенъ, не жметъ меня. Но, Боже, одежда, носимая нашимъ народомъ, юридическая его одежда не на него сшита! Что бы вы сказали, если бы одежду, сшитую на человѣка худощаваго, стали примѣрять на человѣка съ порядочною дородностью? А у насъ оно такъ! Наше право находится въ противорѣчіи съ жизнью, съ народнымъ сознаніемъ, съ потребностями, нравами, понятіями, взглядами народа . . . . . Взгляды римскаго права не таковы, какъ наши, и все-таки мы теперь должны смотрѣть на римское право, какъ на обязательную основу (нашего права). Сошлется ли кто, въ какомъ-нибудь случаѣ, на нѣмецкое право, тотчасъ заглушатъ его юристы, крича, что не то-де написано въ Corpus juris. Римское право есть образецъ совершенства, въ отношеніи анализа и остроумія; есть доставшееся намъ наслѣдіе, которымъ мы, какъ и всѣ народы, вѣчно будемъ питаться. Мы удивляемся его безконечному остроумію. Но то, что́ дѣлаетъ римское право великимъ, это есть дѣло именно юристовъ. Его создали юристы. Страшная послѣдовательность, съ которою проведены извѣстныя юридическія основныя начала, вотъ главное, чѣмъ все держится въ римскомъ правѣ. Что же такое наше нѣмецкое право; создано ли и оно юристами? Изъ народа выросло оно; нравы поро-

дили его; нравы стали обычаями, а изъ этихъ обычаевъ сдѣлались потомъ законы. Но потому-то въ нѣмецкомъ правѣ и видны согласіе всѣхъ юридическихъ положеній съ жизнью и потребностями народа, и нѣкотораго рода справедливость, между тѣмъ какъ въ римскомъ правѣ рѣшаетъ одна страшная послѣдовательность. Отъ этого-то, конечно, и происходитъ вотъ что: такъ какъ у насъ римское право имѣетъ практическую обязательную силу, то и обнаруживается огромное противорѣчіе между жизнью и потребностями народа съ одной, и между правомъ съ другой стороны. Не говорите мнѣ: Не горячись: вѣдь римское право перешло уже въ народное сознаніе; вотъ уже три столѣтія, какъ оно для насъ обязательно; мы и думаемъ по римски. — Такъ ли, господа? Я отрицаю это . . . . . »
И тутъ Миттермайеръ приводитъ множество примѣровъ въ доказательство противнаго. Наконецъ, онъ заключаетъ рѣчь свою такъ: «Не думайте, господа, чтобъ мнѣ могло придти когда-нибудь въ голову враждебно выступать противъ римскаго права. Я уважаю его; я признаю высокую его мудрость, и соглашаюсь, что никакое законодательство не можетъ отъ него отрѣшиться; но несправедливо эти (юстиніановы) сборники навязывать нашему народу и такимъ образомъ обманывать его. Мы такъ много, господа, говоримъ о германствѣ; мы думаемъ, что сдѣлали Богъ знаетъ какое чудо, когда, за шампанскимъ, споемъ «о нѣмецкомъ свободномъ Рейнѣ;» когда потолкуемъ о нѣмецкомъ искусствѣ и наукѣ; но нѣмецкое право, та одежда, въ которой народу приходится двигаться, для насъ ничто. Я вижу, господа, особенное предзнаменованіе въ томъ, что этотъ стулъ, съ котораго говорили члены собранія, поставленъ подъ изображеніемъ императора Максимиліана, послѣдняго рыцаря, какъ называли его. Еслибъ онъ сошелъ къ намъ, — онъ, введшій въ 1495-мъ году, при Имперскомъ камеральномъ

судѣ, римское право, какъ источникъ въ пособіе (туземному праву), то порядочно потрепалъ бы юристовъ, кажется мнѣ, за то, что они натворили, и за то, что они такъ мало цѣнятъ свое народное право. О еслибъ сошелъ къ намъ этотъ императоръ; онъ бы проучилъ насъ и излечилъ отъ высокомѣрія, которымъ мы часто страдаемъ. Да, господа, пора намъ стать лучше; надобно намъ между собою согласиться; надобно намъ имѣть народное право,— право, которое люди мудрые принимаютъ съ благодарностью отъ предковъ, строя на немъ далѣе и основывая его преимущественно на народной потребности въ чувствѣ права. Но пора также, чтобъ наше право гармонировало съ народомъ . . . . Время вызвать духъ германскаго права, нѣмецкій національный духъ, чтобъ онъ проникъ наше право. Если Вы захотите серьезно, Вы можете вызвать его; онъ отвѣтитъ Вамъ, и Вы пожнете плоды трудовъ Вашихъ.»

На вопросъ Криста (изъ Карлсруге), какъ понималъ предсѣдатель пуризмъ въ правѣ, о которомъ упомянулъ въ рѣчи своей, Я. Гриммъ объяснился такъ: «Я не считаю невозможнымъ, что когда-нибудь римское право перестанетъ у насъ дѣйствовать; но я только думаю, что это не такимъ образомъ можетъ и должно произойти, какъ нѣкоторые хотятъ очистить языкъ: это должно произойти мало по малу.»

Этимъ Кристъ не совсѣмъ удовольствовался, считая приведенное Гриммомъ сравненіе права съ языкомъ за невѣрное. По его мнѣнію, «слѣдуетъ отличать въ римскомъ правѣ двѣ составныя части: научную сторону, т. е. развитіе, полученное имъ чрезъ посредство юристовъ, и учрежденія, которыя суть національное выраженіе римскаго народа, каковы семейственное и наслѣдственное право, и право по обязательствамъ. Объ учрежденіяхъ-то должно сказать, что они остались совершенно чужды

нѣмецкому народу. Когда наступитъ для Германіи время составленія своего уложенія, то эти учрежденія должно будетъ устранить, какъ основаніе законодательства, потому что ничто почти изъ нихъ не оказывается для него годнымъ. Римскіе юристы останутся все-таки предметомъ подражанія, образцомъ: все хорошее и полезное, что развилось въ области науки во всѣхъ образованныхъ государствахъ, должно и намъ принять въ наше законодательство, восколько это сообразно съ нашими цѣлями, ибо это принятіе есть споспѣшествованіе нашей образованности; такому принятію не противоположна національность, которая не должна переходить въ формальную замкнутость. Но учрежденій римскаго права, потому именно, что они *римскія*, не должно принимать. Нѣтъ жизни безъ права, а такъ какъ жизнь не можетъ быть чужою, то и нашимъ правомъ не можетъ быть чужое право, не можетъ быть римское право. Вотъ почему учрежденія римскаго права всегда были и будутъ чужды существу нѣмецкаго народа, пока народъ этотъ существовать будетъ.»

Берлинскій профессоръ Геффтеръ замѣтилъ, что изъ сказаннаго до сихъ поръ можетъ показаться, будто германизмъ и романизмъ суть два враждующія между собою братья. Онъ думаетъ не такъ: «Отъ римскаго права мы не можемъ уже отказаться; новое законодательство не можетъ отрѣшиться отъ корней римскаго права; германисты должны идти рука объ руку съ романистами;» а потому онъ считалъ бы полезнымъ пригласить въ это собраніе и романистовъ, чтобъ не подумали, что здѣсь выражается противъ нихъ враждебное направленіе.

Но Миттермайеръ протестовалъ противъ такого обвиненія.

Это побудило Рейшера къ такому объясненію: «Научное разъединеніе романистовъ и германистовъ въ области

нѣмецкаго права имѣетъ свое историческое основаніе. Между тѣмъ какъ прежде одно римское право имѣло исключительную силу въ наукѣ, съ предшествующаго, а еще болѣе съ текущаго столѣтія нѣмецкое право опять пріобрѣло важное значеніе. Миръ между обоими отраслями исторической школы, отраслью германистовъ и романистовъ, былъ заключенъ на томъ условіи, что римскія учрежденія должны быть обработываемы романистами, а первоначально-германскія юридическія учрежденія — германистами. На основаніи этого мира, было предпринято въ 1815 году изданіе журнала для историческаго правовѣдѣнія, во главѣ котораго стояли два великіе юриста: Савиньи, какъ представитель римскаго, и Эйхгорнъ, какъ представитель германскаго права. Вмѣсто такого разъединенія римскихъ и германскихъ учрежденій въ дѣйствующемъ правѣ, новѣйшее направленіе германистовъ стремится теперь понять дѣйствующее право въ его единствѣ. Оно исходитъ изъ той мысли, что въ Германіи существуетъ одно только право, а не римское и не германское право. Послѣ того, какъ это соединяющее начало уже проведено въ государственномъ правѣ, въ уголовномъ правѣ и въ судопроизводствѣ, должно то же сдѣлать и для частнаго права, хотя здѣсь трудности значительнѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ науки. Но этому нельзя пособить однимъ только внѣшнимъ соединеніемъ юридическихъ положеній, а должно положить въ основаніе внутреннее или реальное единство. Что этого единства нельзя найти въ формѣ римскаго права, въ этомъ не слѣдовало бы сомнѣваться, потому что оно принято въ Германіи различнымъ образомъ, и, во всякомъ случаѣ, стало обязательно не само собою. Но можно отчасти утверждать, что разумъ самъ собою ведетъ къ нѣкоторому согласованію юридическихъ понятій, и что отчасти единство можетъ быть возстановлено посредствомъ той національности, общности, кото-

рая сохранилась въ исторіи и въ языкѣ. При этомъ нельзя забывать, что нѣмецкіе юристы образовались преимущественно посредствомъ римскаго права; неблагодарно и несправедливо было бы, если бы германисты стали отрицать это. Какъ нельзя отвергать связи новой образованности съ античною, такъ нельзя отвергать и римскаго права, восколько оно можетъ быть примѣняемо. Но на положительное дѣйствіе оно можетъ имѣть притязаніе только въ той мѣрѣ, въ какой перешло въ нѣмецкое право, т. е. въ какой мѣрѣ, по отношенію къ частнымъ ученіямъ или юридическимъ положеніямъ, можно доказать, что принятіе римскаго права, со стороны законодательства или обычнаго права, дѣйствительно послѣдовало. Въ этомъ случаѣ не должно уже говорить о приложеніи чужого права, а о правѣ, которое стало нѣмецкимъ, слѣдственно туземнымъ. Такимъ образомъ и т. н. римскія учрежденія и понятія принимаютъ видъ нѣмецкихъ и составляютъ, въ соединеніи со своеобразными для Германіи отношеніями и юридическими воззрѣніями, понятіе объ общемъ нѣмецкомъ правѣ.»

«Правда, что во многихъ случаяхъ трудно доказать существованіе общаго обычая; сверхъ того общихъ нѣмецкихъ законовъ мало. Но здѣсь есть нѣчто другое, къ намъ близкое, чего историческая школа, въ своей односторонности, не знала, потому что она думала найти право путемъ историческимъ, между тѣмъ какъ конечная основа права лежитъ въ человѣческомъ разумѣ. Naturalis ratio получила важное значеніе въ нашемъ правѣ во всѣхъ направленіяхъ. Она-то связываетъ насъ съ римскимъ правомъ, какъ съ другими чужеземными правами. Раціональное право сохранило свое значеніе во всѣ среднія вѣка гораздо прежде, чѣмъ найдена была наука естественнаго права. Никогда французскіе и прежніе италіянскіе и голландскіе юристы, сочиненіями которыхъ Германія много пользовалась, не утверждали, что надобно смотрѣть на

римское право, какъ на дѣйствующее вездѣ уложеніе; что слѣдуетъ прилагать его буквально, даже въ случаѣ противорѣчія съ naturalis ratio или съ натурою вещи. Но зато, конечно, полагали они, что naturalis ratio открывается преимущественно въ римскомъ правѣ, и потому это право старалось пріобрѣсть къ себѣ довѣріе, какъ ratio scripta, предлагая, вслѣдствіе своего высокаго развитія, множество юридическихъ положеній, которыя ясны были и для naturalis ratio. Я полагаю, что на этомъ основаніи—если романисты и намъ протянутъ руку свою, какъ мы подаемъ имъ свою,—миръ между нѣмецкими юристами возможенъ. . . . . Если романисты согласятся, что нѣмецкое право имѣетъ преимущественно притязаніе на практическое приложеніе, а римское право только тогда, когда оно оправдывается разумомъ или же стало дѣйствующимъ въ нѣмецкой формѣ, то мы между собою согласны». . . . . .

«Еще я долженъ обратить вниманіе на одно обстоятельство. Вслѣдствіе романистическаго направленія нашей науки, страдаетъ не только народная жизнь, которая при этомъ мѣряется чужимъ масштабомъ, но и самое научное изученіе. . . . . Можно признаться, что наши юристы гораздо лучше знаютъ римское, чѣмъ туземное право. Причина этому, во-первыхъ, та, что при назначеніи въ профессорскія должности, вездѣ обращается преимущественно вниманіе на чужеземное право, что̀, впрочемъ, весьма естественно, потому что прежде читались лекціи только о чужеземномъ правѣ. Хотя съ прошедшаго столѣтія и отечественное право получило гражданство въ университетахъ, но еще не исчезло перешедшее по преданію мнѣніе, что это только usus modernus, слѣдственно только приставка къ римскому праву. Вслѣдствіе того, все еще дѣятельность профессоровъ большею частью обращена на чужеземное право, а потому, само собою разумѣется, и молодые юристы, по

примѣру старшихъ, употребляютъ почти все свое стараніе на основательное усвоеніе чужеземнаго права . . . . Если такимъ образомъ юристы образуются на чужомъ матеріалѣ, то, конечно, они желаютъ преимущественно его примѣнять къ жизни; но видя, что жизнь, во многихъ отношеніяхъ, не такова, какою они себѣ представляли ее, они, какъ говорится, стараются забывать въ практикѣ то, чему выучились въ теоріи. Эта поговорка хотя и не совсѣмъ справедлива, потому что формальное образованіе никогда не можетъ вредить, если только оно, въ слишкомъ высокомъ о себѣ мнѣніи, не замкнетъ себя отъ реальнаго образованія; однако эта поговорка существуетъ не даромъ въ практикѣ и слѣдственно должна имѣть какой-нибудь смыслъ . . . . . Но не только университетское образованіе было до сихъ поръ односторонно, но и научное къ нему подготовленіе. Наши молодые юристы вступаютъ въ университетъ недостаточно-приготовленные къ слушанію лекцій по германскому праву: въ гимназіяхъ учатъ ихъ древнимъ (классическимъ) языкамъ, но обыкновенно они не понимаютъ сборниковъ германскаго права, написанныхъ на нижне-германскомъ и средне-германскомъ нарѣчіяхъ . . . . . »

На послѣднемъ общемъ собраніи предсѣдатель предложилъ, чтобъ впредь подъ именемъ германистовъ разумѣть занимающихся преимущественно нѣмецкою наукою, т. е. нѣмецкимъ языкомъ, нѣмецкою исторіею и нѣмецкимъ правомъ.

На первомъ совѣщаніи юридическаго отдѣленія, предсѣдателемъ выбранъ былъ Миттермайеръ, который назначилъ вицепрезидентами грейфсвальдскаго профессора Безелера и Рейшера, а іенскаго профессора Гербера секретаремъ. Много было преній о томъ, въ какомъ смыслѣ понимать общее право (das gemeine Recht) и наконецъ рѣшили такъ: «Общегерманское право, имѣющее

субсидіарное значеніе, дѣйствительно существуетъ. Исторія права опровергаетъ заблужденіе, будто только римское право дѣйствуетъ въ Германіи, какъ общее право; напротивъ, римское и нѣмецкое, взаимно себя пополняя и проникая, составляютъ вмѣстѣ общее право. Нынѣ дѣйствующее право произошло отъ смѣшенія германскихъ и римскихъ элементовъ. Римское право не было принято въ Германіи во всей своей цѣлости, какъ бы уложеніе, но съ многообразными измѣненіями посредствомъ германскихъ нравовъ и учрежденій политическаго и соціальнаго быта. Изученіе этого римскаго права, ставшаго нѣмецкимъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія.»

На послѣднемъ совѣщаніи юридическаго отдѣленія, преимущественно занявшемся вопросомъ о томъ, какъ устроить преподаваніе въ университетахъ римскаго и германскаго права, Кристъ, между прочимъ, выразилъ во всей крайности противоположность между направленіемъ романистовъ и германистовъ такъ: «Я считаю однихъ только германистовъ виновными въ томъ, что они въ университетахъ подчинены романистамъ: германисты до сихъ поръ мало сдѣлали для того, чтобъ быть тамъ первыми. Развѣ существуетъ какой-либо законъ, что тому быть должно такъ, какъ теперь есть; а если такого закона нѣтъ, то зачѣмъ подчиняться? . . . . . Эманципируйте сами себя, и время васъ эманципируетъ. Здѣсь нѣтъ примиренія, здѣсь вопросъ о различныхъ народностяхъ, враждебно стоящихъ другъ противъ друга; различны и основанія. И какъ справедливо то, что нѣмецкое возрѣніе различно отъ римскаго, такъ вѣрно и то, что нѣмецкое право, по своей натурѣ, въ высшемъ своемъ основаніи, существенно различно отъ римскаго. А потому, повторяю, здѣсь нѣтъ примиренія, здѣсь война, которая рано или поздно кончится побѣдою, на той или другой сторонѣ. . . . »

Рейшеръ высказалъ, между прочимъ, такое мнѣніе: «Римское право займетъ впредь, въ отношеніи къ нѣмецкому праву, такое же мѣсто, какое занимаетъ классическая философія въ отношеніи къ философіи нѣмецкой.»

Предсѣдатель отдѣленія заключилъ такъ: «Процессъ, который мы здѣсь ведемъ, есть не иное что, какъ процессъ о размежеваніи, о проведеніи границъ между римскимъ и германскимъ правомъ, а для этого нужно дѣйствовать соединенными силами. Я увѣренъ, что впредь не то будетъ: я увѣренъ, что право станетъ непремѣнно сообразнымъ съ нашею народностью . . . . Юридическое сознаніе народа все болѣе и болѣе пробуждается. . . . . Общественное мнѣніе овладѣетъ наукою, а это собраніе есть не иное что, какъ выраженіе этого общественнаго мнѣнія.»—Затѣмъ Миттермайеръ поблагодарилъ собраніе, и оно закрыло свои засѣданія.

Изъ всѣхъ этихъ вкратцѣ представленныхъ мною совѣщаній германистовъ наглядно видно, съ одной стороны, въ чемъ состояла противоположность двухъ направленій романистовъ и германистовъ, и какъ она выражалась, со всѣми своими оттѣнками, начиная отъ легкаго разногласія до открытой войны на жизнь и смерть; а съ другой стороны, замѣтно также, что, не смотря на самое крайнее разномысліе, были уже и здѣсь зачатки того примиренія, которое не замедлило скоро послѣдовать между романистами и германистами.

Вообще можно сказать, что въ это время боролись за владычество въ германскомъ мірѣ права три главныя партіи: партія романистовъ, во главѣ коихъ стоялъ Савиньи, которая не желала никакой существенной, внѣшней перемѣны настоящаго состоянія, а только хотѣла улучшить его мало по малу посредствомъ основательнаго изученія римскаго и обычнаго права; партія романистовъ, которая хотѣла вытѣснить постепенно римское право посред-

ствомъ развитія собственно-германскаго права; наконецъ партія кодификаторовъ, которая предполагала придать праву болѣе національный видъ посредствомъ законодательства, уложенія.

Первыя двѣ партіи не долго боролись между собою, помирившись на томъ, что какъ римское и германское право суть взаимно себя восполняющіе элементы современнаго германскаго юридическаго быта, то они должны быть, сперва каждое само по себѣ отдѣльно, возведены къ ясному, научному, исторически и догматически обоснованному сознанію, а также соединиться и въ наукѣ въ одинъ организмъ, какъ они соединены уже въ жизни; словомъ, что между романистами и германистами можетъ быть только то различіе, какое существуетъ вообще между разными и при томъ однородными спеціалистами, вслѣдствіе раздѣленія труда, т. е., что спеціальность романистовъ есть изученіе и разработываніе римскаго права, а спеціальность германистовъ—изученіе и разработываніе германскаго права. Теоретическій результатъ трудовъ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ будетъ сознаніе, что римское и германское право соединяются въ одинъ организмъ дѣйствующаго права въ Германіи; а практическій результатъ—дальнѣйшее развитіе дѣйствующаго въ Германіи права вообще, какъ единаго цѣлаго, соединеннаго изъ двухъ элементовъ—изъ римскаго и изъ германскаго права. Словомъ, задача нѣмецкихъ юристовъ, говоря съ Савиньи, та, чтобъ изслѣдовать основаніе внутренней необходимости пройденнаго до сихъ поръ исторіею пути и потомъ посмотрѣть, какъ исторически-возникшее такимъ образомъ право повести далѣе; или же, говоря съ Гегелемъ, отыскать въ дѣйствительности зерно разумности и это зерно развивать далѣе.

Что касается до партіи кодификаторовъ, то, въ научномъ отношеніи, ее нельзя отдѣлить отъ партіи германистовъ, съ которою она, какъ мы видѣли, слѣдовала одному

и тому же направленію, названному нами направленіемъ германистовъ; потому что мысль объ общемъ уложеніи для Германіи возникла и могла только возникнуть у германистовъ, какъ желающихъ тѣмъ самимъ избавиться отъ господства римскаго права. Въ практическомъ же отношеніи, партію кодификаторовъ слѣдуетъ отдѣлить не только отъ партіи романистовъ, но и отъ самой партіи германистовъ, и вотъ почему. Между тѣмъ какъ партіи романистовъ и германистовъ состояли только изъ ученыхъ, изъ теоретиковъ, партія кодификаторовъ образовалась изъ всей массы народа. Юристы и неюристы, адвокаты и судьи, то поодиночно и частнымъ образомъ, то въ соединеніи, въ собраніяхъ сословныхъ представителей, и оффиціально, требовали составленія уложеній, изгнанія чужеземнаго права. Споръ о томъ, цѣлесообразно ли составленіе уложенія, имѣетъ ли настоящее время къ тому призваніе, оказался совершенно безполезнымъ съ тѣхъ поръ, какъ время стало настаивать на составленіи уложенія, требовать его во что бы то ни стало, какъ ни доказывай теорія несообразность этого требованія. Съ другой стороны, нельзя было не признать, наконецъ, даже разумности этого требованія. Въ самомъ дѣлѣ, мелочно было бы приписывать такое желаніе и требованіе ложному теоретическому воззрѣнію на развитіе права. Развѣ оно не находилось въ самой тѣсной связи со всѣмъ тогдашнимъ политическимъ и соціальнымъ движеніемъ? Развѣ въ немъ не выражалась мысль о свободномъ государственномъ организмѣ? Развѣ можно назвать неразумнымъ желаніе, чтобъ и право было одною изъ сторонъ общественнаго сознанія, а судопроизводство—одною изъ сторонъ общественной жизни? Все это болѣе чѣмъ доказали событія 1848 года.

При этомъ общемъ стремленіи къ составленію уложенія, задавали себѣ два главные вопроса: во-первыхъ, от-

куда взять содержаніе, матеріалъ для уложенія, и во-вторыхъ, слѣдуетъ ли составить общее уложеніе для всей Германіи, или уложенія особенныя для каждаго германскаго государства?

Первый вопросъ люди благоразумные, умѣренные, знающіе, рѣшили такъ: не выдумывать какого-нибудь неслыханнаго новаго права; но то современное юридическое сознаніе, которое, будучи почерпнуто изъ римскаго и изъ германскаго права, лежитъ, на самомъ дѣлѣ, въ основаніи дѣйствительной юридической жизни, вообще результатъ всего развитія права, всей юридической теоріи и практики, претворить въ соотвѣтственную, для всеобщаго сознанія доступную, твердую форму закона, уложенія. Нашлись, правда, и такіе люди, въ голову которыхъ когда попала эта современная мысль, то они, частью по невѣжеству, частью изъ ограниченнаго, ложнаго патріотизма, не умѣли съ нею сладить и впали въ самыя смѣшныя крайности,—даже нѣкоторые ученые юристы, каковъ Кристъ, слова котораго мы привели выше—который написалъ цѣлую брошюру въ этомъ духѣ: «О національномъ законодательствѣ» (Ueber Nationalgesetzgebung). Нынѣ крайности эти исчезли. Осталась то единственно-вѣрное, всѣмъ нѣмецкимъ юристамъ общее убѣжденіе, что уложеніе должно состоять изъ тѣхъ же самыхъ элементовъ, изъ которыхъ состоитъ дѣйствующее въ Германіи право, т. е. изъ римскаго и германскаго вмѣстѣ, переплитыхъ въ новую форму и свободно развитыхъ сообразно новымъ идеямъ и потребностямъ, такъ что и въ этомъ отношеніи нѣтъ болѣе противоположности между романистами и германистами.

Что касается до другого вопроса, то сперва, пока единство Германіи въ политическомъ отношеніи, какъ одного государства, считали несбыточною мечтою, довольствовались люди практическіе особыми уложеніями по частному

праву, подобными тѣмъ, какія были уже въ Пруссіи и Австріи, или же, лучше сказать, какія безпрестанно возникали по уголовному праву. Но когда и для этихъ людей мечта, казалось, готова была превратиться въ близкую дѣйствительность; когда все, казалось, готово было къ тому, чтобъ мѣсто 38-ми германскихъ государствъ, заняла одна великая Германская имперія, то уже начали говорить и объ одномъ уложеніи для всей этой имперіи. Но скоро эта мнимая близкая дѣйствительность превратилась опять въ мечту, или же, по крайней мѣрѣ, отодвинулась такъ далеко въ будущность, что теперь возвратились опять, но возвратились уже безъ различія и германисты и романисты, къ постепенному утвержденію дѣйствующаго права въ формѣ особенныхъ уложеній, появленіе которыхъ, совершающееся само собою, безъ всякихъ внѣшнихъ, искусственныхъ возбужденій, а вслѣдствіе естественнаго, исторически-образовавшагося современнаго воззрѣнія, не только не усыпляетъ ни науки, ни практики, но даетъ имъ живую, сытную пищу, способную утолить голодъ и питающихся пока однимъ только воздухомъ отвлеченныхъ теоретиковъ, и ненасытныхъ практиковъ.

Исторія и въ этомъ случаѣ лучшій судья. Она изрекла уже свой приговоръ. Не только не вытѣснено прусскимъ уложеніемъ, какъ всему свѣту извѣстно, изученіе римскаго и германскаго права, но напротивъ, рядомъ съ нимъ блеститъ, какъ звѣзда первой величины, Берлинскій университетъ, со своимъ знаменитымъ юридическимъ факультетомъ. Далѣе, не только не убило ни догматическаго, ни историческаго правовѣдѣнія французское уложеніе, но напротивъ, съ него и началась для правовѣдѣнія вообще новая эпоха. Наконецъ, укажемъ на самихъ себя: когда, какъ не послѣ изданія Свода законовъ (даже не уложенія) возможна стала наука русскаго права?

Итакъ въ германской исторіи правовѣдѣнія отжили уже всѣ прежнія противоположныя направленія. Время поглотило всѣ ихъ односторонности и сохранило изъ нихъ только то, что вѣчно, непреложно, и потому философія права стала существенно-единою съ положительнымъ правомъ: философія права нашла потерянный ею, въ отвлеченіяхъ прежняго, такъ называемаго естественнаго права, историческій смыслъ, переставъ видѣть въ дѣйствующемъ, исторически-возникшемъ правѣ, результатъ одного только произвола, который потому можетъ быть уничтоженъ новымъ произволомъ; а положительное право воспользовалось преходящими заслугами для правовѣдѣнія исторической школы, показавшей, что дѣйствительность и основа ея— исторія имѣютъ свое великое значеніе, свои права; словомъ, признаніе дѣйствительности и ея развитія, какъ принципъ положительнаго права, стало вмѣстѣ нынѣ и принципомъ современной философіи права. Съ другой стороны, на германской почвѣ римское право вступило въ неразрывный союзъ съ германскимъ правомъ, а то и другое вмѣстѣ—съ кодификаціею: романисты, германисты и составители законовъ и уложеній работаютъ, хотя и на разныхъ поприщахъ, но для одной и той же цѣли— возможно-яснаго сознанія, развитія и утвержденія права; трудятся для одного и того же отечества и народа германскаго, и если труды ихъ честны и плодотворны, то благодарное ихъ отечество, благодарный народъ, принимая отъ нихъ драгоцѣнные дары, не спрашиваетъ объ имени, происхожденіи, званіи, знаменіи и т. п. великодушнаго даятеля.

Но не для одной Германіи жили и живутъ эти дѣятели, эти труженики, а для науки и практики права вообще . . . И мы, русскіе юристы, непричастные великимъ борьбамъ запада, не можемъ не воспользоваться всѣмъ, что вынесли изъ себя эти борьбы, какъ сокрови-

ще нетлѣнное, общечеловѣческое; не можемъ не внести въ науку и жизнь нашего отечественнаго права добытыхъ, всѣми сказанными направленіями, результатовъ для правовѣдѣнія вообще; не можемъ не научиться опытомъ нашихъ сосѣдей избѣгать и въ сферѣ нашего права всѣхъ ихъ односторонностей. Конечно, у насъ нѣтъ отъявленныхъ романистовъ, но есть односторонніе направленія, подобныя германистамъ; нѣтъ своей исторической школы, въ противоположность философской, но есть замашки, претензіи на ту или другую; нѣтъ партіи мечтательныхъ кодификаторовъ, но есть безсознательно-соединенная между собою, нестройная, огромная масса администраторовъ, бюрократовъ, 23 часа въ сутки, по выраженію одного русскаго журнала, пишущихъ проекты, отъ которыхъ единственно ожидаютъ они спасенія, и одинъ часъ удѣляющихъ на сонъ, тогда какъ лучше было бы, и для нихъ самихъ, и для всѣхъ, если бы они 23 часа спали и одинъ только часъ писали проекты.

Но съ другой стороны, будемъ дорожить своею самостоятельностью, которая досталась намъ въ удѣлъ, какъ вознагражденіе, можетъ быть, за многія лишенія, потерпѣнныя нами отъ долговременнаго непринятія участія въ судьбахъ запада, а слѣдовательно въ судьбахъ историческаго міра, всемірной исторіи. Да не вскружится у насъ голова при видѣ богатствъ, наслѣдованныхъ нами безъ собственнаго труда! Сдержанно, хладнокровно, расчетливо, разборчиво распорядимся этимъ наслѣдствомъ, не какъ похитители, но какъ законные его обладатели, введенные во владѣніе тою же всемірною исторіею, которая передала нѣкогда вѣнецъ всемірнаго владычества, упадшій съ главы римскаго императора, въ руки народовъ романо-германскаго происхожденія! Римъ далъ намъ свое право, но не въ видѣ обязательнаго для насъ законодательства, даже не въ практическое пособіе нашему оте-

чественному праву, а какъ науку. Поучимся же этому праву, какъ учатся всякой наукѣ, имѣющей цѣлью саму себя, а результатомъ—развитіе того, что̀ божественно въ человѣкѣ! Поучимся съ пособіемъ старѣйшихъ нашихъ братій, воспользовавшись всѣми ихъ потлѣющими трудами, добытыми названными нами научными направленіями — антикварнымъ, частно-историческимъ и критическимъ, а съ другой стороны, философско-практическимъ, романистическимъ, германистическимъ и кодификаціоннымъ! Тогда изученіе наше римскаго права, а слѣдовательно и преподаваніе будетъ самостоятельное, вполнѣ русское. Тогда, пожалуй, мы будемъ въ правѣ говорить и о *русской* наукѣ *римскаго* права.

Если мы станемъ такимъ образомъ изучать римское *частное* право, какъ сферу, наиболѣе развитую въ римскомъ правѣ вообще, то мы скоро замѣтимъ, что въ этой именно сферѣ и въ наше именно время происходитъ, особенно въ Германіи, какъ въ странѣ, преимущественно до сихъ поръ обрабатывающей римское право, какое-то броженіе, какое-то неопредѣленное стремленіе къ новому, вмѣстѣ съ потерею вѣры во все прежнее, какое-то скептическое направленіе, которое характеризируетъ вообще современное состояніе всѣхъ наукъ, и такъ называемыхъ точныхъ, и философскихъ,—направленіе, противоположное прежнему направленію, продолжающему спокойно трудиться надъ частностями, хотя впрочемъ и не съ прежнею, несомнѣнною, непоколебимою вѣрою въ общее, не съ прежнимъ самодовольствомъ, не съ прежнею свѣжестью, бодростью и смѣлостью, а съ примѣсью какого-то разочарованія, чувства безвыходности и т. п. Это послѣднее направленіе, въ противоположность къ скептическому, назовемъ, хотя и несовсѣмъ точно, положительнымъ;—не точно потому, что скептическое направленіе, о которомъ мы говоримъ, не есть только отрица-

тельное, разрушительное, но вмѣстѣ и положительное, зиждущее, съ тою разницею, что его положительность не въ настоящемъ, какъ положительность такъ называемаго положительнаго направленія, а въ будущемъ.

На объясненіи положительнаго направленія нечего долго останавливаться: это направленіе—обыкновенное, извѣстное всякому, кто сколько-нибудь занимался римскимъ частнымъ правомъ.

Въ продолженіе нѣкотораго времени господствовалъ, при преподаваніи институцій, учебникъ Гейнекція, а въ послѣднее время—Маккельдея и Пухты; при преподаваніи же пандектовъ — появившееся во многихъ изданіяхъ Вультея «Римское правовѣдѣніе» (Jurisprudentia romana) и Струве «Ученіе пандектовъ» (Doctrina pandectarum), потомъ Гёпфнера «Комментарій» (Commentar) и Гельфельда «Судебное правовѣдѣніе» (Jurisprudentia forensis), за ними Пандекты Тибо и Маккельдея, а наконецъ первое мѣсто занялъ учебникъ пандектовъ Пухты и до сихъ поръ не вытѣсненъ изъ него ни Зейфертомъ, Фангеровымъ и Арндтомъ, ни Синтенисомъ, Швеппе, Шмидомъ, Бёкингомъ, и т. д., ни даже Мюленбрухомъ. Не для преподаванія, но вообще для изученія нынѣ дѣйствующаго въ Германіи римскаго частнаго права, особенно уважается знаменитое сочиненіе Савиньи: «Система нынѣшняго римскаго права» (System des heutigen römischen Rechts, Berlin. 1840 и сл.). Въ этомъ обширномъ сочиненіи авторъ поставилъ своею задачею пересмотръ всего, что̀ до него было сдѣлано для римскаго частнаго права, съ тѣмъ, чтобъ «отвергнуть все поддѣльное (ложное) и усвоить себѣ все истинное, какъ неотъемлемое владѣніе, которое дало бы намъ возможность, по мѣрѣ нашихъ силъ, въ разрѣшеніи нашей общей задачи подвинуться ближе къ цѣли.» Савиньи напередъ отклоняетъ отъ себя подозрѣніе, будто это сочиненіе написано въ духѣ партіи, въ духѣ такъ

называемой исторической школы. «Всякое преуспѣяніе въ нашей наукѣ—говоритъ онъ—основывается на соединенномъ усиліи различныхъ духовныхъ дѣятельностей. Для точнаго означенія одной изъ этихъ дѣятельностей и изъ нея преимущественно вытекающаго научнаго направленія, прежде употреблено было, мною и другими, неумышленно, выраженіе *историческая школа*. Тогда особенно выдвинута была *эта* сторона науки, не съ тѣмъ, чтобъ отрицать, или уменьшать достоинство другихъ дѣятельностей и направленій, но потому что эта (историческая) дѣятельность долго была, въ сравненіи съ другими дѣятельностями, упускаема изъ виду.»

Не смотря на то, продолжаетъ Савиньи, — начали взводить на историческую школу разныя обвиненія, «будто члены этой школы хотѣли подчинить настоящее, забывая его самостоятельность, владычеству прошедшаго; въ особенности же будто они хотѣли чрезмѣрно распространить господство римскаго права, въ противоположность частью германскому праву, частью новому развитію права, заступившему, посредствомъ науки и практики, чисто-римское право.»

Возразивши противъ этого обвиненія, Савиньи прямо говоритъ, что предлагаемое имъ сочиненіе имѣетъ характеръ преимущественно критическій. Поэтому мы можемъ смѣло сказать, что оно составляетъ переходъ отъ положительнаго направленія къ скептическому.

За представителя этого послѣдняго, скептическаго направленія мы можемъ взять бывшаго эрлангенскаго, нынѣ пражскаго профессора Брінца. Въ его сочиненіи: «Учебникъ пандектовъ» (Lehrbuch der Pandecten. Erste Abtheilung. Erlangen. 1857) наилучше отражается настоящее состояніе римскаго частнаго права, какъ науки, въ Германіи. Брінцъ хочетъ освободиться отъ того положительнаго направленія, которое уже въ самомъ дѣлѣ на-

чинаетъ отживать; чувствуетъ потребность новаго направленія, но имѣетъ болѣе смѣлости разрушать старое, чѣмъ созидать новое. Онъ, такъ сказать, съ растерзаннымъ сердцемъ стоитъ между старымъ и новымъ, какъ стоитъ теперь и самая теорія римскаго частнаго права. Онъ олицетворяетъ собою то состояніе науки, когда старое и новое стоятъ другъ противъ друга съ равными силами, такъ что еще не рѣшено, на чьей сторонѣ будетъ побѣда.

«Первое побужденіе,—говоритъ авторъ,—къ составленію этого сочиненія было желаніе дать въ руки слушателямъ моихъ пандектовъ нѣчто такое, что было бы отлично отъ самыхъ лекцій, а между тѣмъ находилось съ ними въ гармоніи . . . . . Дѣло лекцій только сообщать, а эта книга должна доказать и вести къ источникамъ.»

Но и въ этомъ смыслѣ книга Бринца, по своему скептическому направленію, не годится: ее никакъ нельзя назвать учебникомъ.

«Невольно—продолжаетъ авторъ—возродились во мнѣ, мало по малу, многія сомнѣнія противъ общеупотребительныхъ системъ, ученій и понятій, и повели къ отступающему отъ нихъ ученію и изложенію. Это обстоятельство должно было укрѣпить меня въ намѣреніи составить учебникъ: ибо хотя я увѣренъ, что не одинъ только скептицизмъ движетъ мною; однако же меня побуждаютъ совѣсть и обязанность въ отношеніи къ моимъ слушателямъ представить на судъ публики то, чему учу я.»

Итакъ самъ авторъ признается, что онъ движимъ, между прочимъ, скептицизмомъ, а потому не произвольно назвали мы его направленіе скептическимъ.

Этотъ скептицизмъ выражается, во-первыхъ, въ томъ, что Бринцъ отвергаетъ всѣми почти принятую систематику римскаго частнаго права, вслѣдствіе которой оно дѣлится на общую и особенную часть, а особенная часть

подраздѣляется на 1) имущественное право, т. е. права вещныя и права по обязательствамъ, 2) семейное право и 3) наслѣдственное право,—систематику, которая имѣетъ за себя теоретическое, логическое основаніе, и вмѣстѣ представляетъ практическое удобство при изученіи всякаго частнаго права. Въ самомъ дѣлѣ, относя къ общей части все, что̀, въ уложеніяхъ, въ сводахъ, вообще въ законодательствѣ, называется общими положеніями, а къ особенной—всѣ частности, подробности, предполагающія уже знаніе общихъ положеній, какъ своихъ основаній, систематики поступаютъ логически и облегчаютъ изученіе частнаго права. Далѣе, обращаясь къ особенной части, логически поступаютъ обыкновенно юристы, разсматривая сперва внѣшнюю природу, вещи, какъ предметъ права (права вещныя); затѣмъ лица въ связи съ вещью или посредственныя (чрезъ посредство вещей) юридическія отношенія лицъ между собою (права по обязательствамъ), такъ что и тѣ и другіе предметы права, являются принадлежностью лица, имуществомъ его (имущественное право); потомъ непосредственныя юридическія отношенія лицъ между собою, бывающія въ сферѣ частной жизни, въ семействѣ (семейственное право),— и наконецъ всю совокупность всѣхъ юридическихъ отношеній лицъ къ вещамъ и къ другимъ лицамъ, открывающихся въ моментъ смерти лица, или наслѣдство (наслѣдственное право). Здѣсь естественно совершается логическое движеніе права частнаго лица, начинающееся вещью, переходящее чрезъ лица и оканчивающееся единеніемъ того и другого предмета права въ наслѣдствѣ, какъ цѣломъ. Съ другой стороны, здѣсь мы ясно видимъ, что чѣмъ далѣе движется право, тѣмъ болѣе оно обогащается, становится полнѣе, развитѣе, такъ что наслѣдственное право вмѣщаетъ въ себѣ, какъ моменты, и имущественное, и семейственное права, а слѣдовательно, выра-

жаясь практически, предполагаетъ необходимо ихъ познаніе; семейственное право обращаетъ въ свой моментъ имущественное право, и слѣдственно также предполагаетъ его познаніе; наконецъ, въ самомъ имущественномъ правѣ, права по обязательствамъ, простираясь на вещныя права, необходимо ихъ въ себѣ заключаютъ и предполагаютъ какъ нѣчто извѣстное. Вообще много и еще можно было бы сказать въ пользу этой обыкновенной нынѣшней систематики частнаго права, но мы считаемъ достаточнымъ для нашей цѣли и того, что̀ уже сказали; а потому, не останавливаясь на этомъ предметѣ, болѣе или менѣе извѣстномъ всякому юристу, перейдемъ къ тому, что̀ можетъ сказать и въ самомъ дѣлѣ говоритъ критика или скептика, не столько, впрочемъ, противъ самой общеупотребительной систематики, сколько противъ ея исполненія.

Такъ Бринцъ вовсе отвергаетъ эту систему, какъ устарѣвшую; но чѣмъ же думаетъ онъ замѣнить ее?—возвращеніемъ къ систематикѣ, о которой, во всякомъ случаѣ, можно сказать, что она еще болѣе устарѣла, къ систематикѣ Юстиніановыхъ Институцій, которая, въ свою очередь заимствована изъ Институцій Гая, и которая нынѣ если еще иногда и удерживается въ изложеніи римскаго частнаго права, то только развѣ въ краткомъ, начальномъ его курсѣ, извѣстномъ подъ тѣмъ же названіемъ институцій,—именно къ раздѣленію всего частнаго права на ученія о лицахъ (personae), о вещахъ (res) и объ искахъ (actiones).

Если справедливо, какъ многіе принимаютъ, что подъ именемъ вещей (res) должно здѣсь разумѣть вообще имущество (права имущественныя), т. е. и тѣлесныя (res corporales— права вещныя) и безтѣлесныя (res incorporales, обязательства), то изъ этого слѣдуетъ, что новая обыкновенная систематика не есть отступленіе отъ древней

систематики Гая, ибо и въ новой, именно въ особенной части, цѣлый отдѣлъ посвященъ этимъ вещамъ (res), т. е. имущественному праву, которое затѣмъ раздѣляется на права вещныя (res corporales) и на права по обязательствамъ (res incorporales), какъ дѣлаетъ это и самъ Бринцъ.

Въ отношеніи лицъ (personae) Бринцъ не вводитъ также ничего новаго. И обыкновенная систематика разсматриваетъ лица точно такъ же, какъ и Бринцъ, т. е., по его выраженію, какъ «носителей правъ,» что обыкновенно выражаютъ яснѣе, называя лица субъектами правъ. Далѣе, и Бринцъ разсматриваетъ лица или самихъ по себѣ, или какъ членовъ общества (въ частномъ правѣ— семейства), что также согласно съ обыкновеннымъ воззрѣніемъ на лица.

Наконецъ объ искахъ (actiones) онъ, согласно съ общепринятымъ воззрѣніемъ, говоритъ, что они выдѣляются изъ частнаго права, какъ юридическія дѣянія, предназначенныя не только къ приведенію въ дѣйствіе правъ лица, но и къ утвержденію ихъ.

Изъ такого согласія Бринца въ основаніяхъ и взглядахъ на главные элементы частнаго права съ господствующимъ мнѣніемъ можно было бы вывесть заключеніе, что онъ согласится и съ нынѣ принятою систематикою, какъ опирающуюся на тѣхъ основаніяхъ и взглядахъ. Не смотря на то, Бринцъ дѣлаетъ скачокъ назадъ отъ этой систематики къ другой, подходящей наиболѣе, какъ выше сказано, къ систематикѣ Гаевыхъ и Юстиніановыхъ Институцій.

Какъ его понять? Неужели это въ самомъ дѣлѣ скачокъ назадъ, реакція—и только. Этого никакъ нельзя ожидать отъ такого человѣка, каковъ Бринцъ, который все старается идти впередъ, въ своемъ недовольствіи и прошедшимъ и настоящимъ. И въ самомъ дѣлѣ, кажущееся возвращеніе его къ давно-отжитой систематикѣ есть стремленіе оживить нынѣшнюю систематику, по мнѣнію его — мертвую, схоластическую, отвлеченную отъ жизни, отъ практики.

Давно перестали повторять слова Дуарена, соперника Куяція, что система Юстиніановыхъ Институцій — безсмыслица. Теперь въ ней не только видятъ простую, естественную логику римлянъ, поставившихъ лица на первомъ мѣстѣ, какъ субъектовъ юридическихъ отношеній, затѣмъ вещи, какъ предметы этихъ отношеній, и наконецъ иски, показывающіе ихъ движеніе; но видятъ гораздо болѣе—видятъ тотъ же самый практическій тактъ римлянъ, которымъ они руководствовались вездѣ, на основаніи котораго построены были всѣ ихъ системы права, какъ учебниковъ (такое значеніе имѣли институціи), такъ и законодательства—преторскихъ эдиктовъ и сборниковъ доюстиніановыхъ и юстиніановыхъ и т. д. Въ подобной систематикѣ, которая дышала бы практичностью, жизнью, чувствуетъ потребность и Бринцъ, а потому ищетъ такой же живой практической части, какую представляло для римлянъ ученіе объ искахъ, ищетъ, чѣмъ бы можно было замѣнить то, что теперь называютъ общею частью.

Въ самомъ дѣлѣ, что теперь сдѣлали изъ общей части? Безобразную и нестройную кучу голыхъ, безжизненныхъ положеній, разросшуюся до огромныхъ размѣровъ, вслѣдствіе того, что въ нее бросаютъ все, что негодно, непереработано для особенной части, между тѣмъ какъ общая часть должна бы представлять самую жизненную эссенцію, сокъ, извлеченный изъ всѣхъ частностей и подробностей. Взгляните, напримѣръ, въ то сочиненіе, которое имѣетъ притязаніе, съ одной стороны, на критику всего, сдѣланнаго до сихъ поръ по римскому праву, а съ другой — на изложеніе результатовъ чужихъ и собственныхъ изслѣдованій, передаваемое настоящимъ поколѣніемъ будущему въ наслѣдство. Я говорю о Савиньи «Системѣ нынѣ дѣйствующаго римскаго права.» Тамъ общая часть, какъ говоритъ самъ Савиньи(въ предисловіи къ 8 тому), излагается подъ заглавіемъ: «Юридическіе

источники» въ первой книгѣ, «Юридическія отношенія» во второй книгѣ и «Приложеніе юридическихъ правилъ къ юридическимъ отношеніямъ» въ третьей книгѣ, начинаясь съ конца 1 тома и оканчиваясь 8 томомъ. Чего тутъ нѣтъ и какъ все связано внѣшнимъ образомъ, на живую нитку! При этомъ Савинью выражается наивно, что общая часть «должна была нерѣдко служить къ тому, чтобъ принять въ себя юридическія учрежденія, для которыхъ не было удобнаго мѣста въ самой системѣ. Такое обращеніе—продолжаетъ Савинью—съ общею частью, какъ будто съ прибѣжищемъ въ крайней нуждѣ, было многими порицаемо различнымъ образомъ. Но спрашивается, нельзя-ли найти внутренней необходимости для такого обращенія . . . . . .» и тутъ Савинью приводитъ то, что обыкновенно говорится въ защиту общей части и что въ самомъ дѣлѣ дѣлаетъ ее пока неизбѣжною.

А что она до сихъ поръ неизбѣжна, то лучше всего доказываетъ самъ Бринцъ: онъ открыто выгоняетъ ее, такъ сказать, въ одну дверь, а тайно пускаетъ въ другую подъ названіемъ: «Чистыя частныя права» и т. д. Дѣло не въ томъ, чтобъ изгнать общую часть изъ частнаго права, которая не изгоняется же ни изъ другихъ юридическихъ наукъ, ни даже изъ уложеній, но чтобъ не только дать общей части свойственный, отличающій ее матеріалъ, содержаніе, и вылить это содержаніе въ сообразную ему же форму, но и вложить въ общую часть жизнь, душу, къ чему все общее, если оно не отвлеченно, еще способнѣе, чѣмъ частное, индивидуальное. Кто въ этомъ сомнѣвается, тому я не стану указывать на неюридическія науки, изъ которыхъ можно было бы заимствовать много примѣровъ, но на ту юридическую науку, которая въ новѣйшее время воздѣлывается съ особенною любовью и гдѣ общая часть представляетъ особенную живость—на уголовное право.

Русскіе юристы для общей части свого частнаго права пока еще ничего почти не сдѣлали, хотя и пытались уже кое-что сдѣлать, не столько въ сочиненіяхъ (Мейеръ), сколько на лекціяхъ. Но многаго можно ожидать отъ новыхъ дѣятелей по русскому частному праву, отъ тѣхъ, разумѣется, которые поймутъ всю важность общей части для нашего положительнаго права вообще, какъ науки, какъ практики и какъ законодательства.

Переходя къ содержанію, заключающемуся или излагаемому въ системѣ Бринца, мы можемъ увѣрить нашихъ читателей, что если бы мы вздумали ограничиться даже однимъ поименованіемъ того, что̀ Бринцъ подвергаетъ сомнѣнію, въ чемъ и какъ отступаетъ онъ отъ обыкновенной, общепринятой теоріи, то изъ этого выросла бы цѣлая книга. Довольно повторить здѣсь заключительныя слова одного ея резенцента (Кунтце): «Есть скептика пустая, и есть скептика плодотворная; не первую, а скорѣе послѣднюю нашли мы въ Бринцѣ, ибо много искръ, много новыхъ мыслей сверкаетъ изъ-подъ разрушительной его работы. Конечно, читателю приходится ступать здѣсь по обломкамъ, по развалинамъ. Если бы кто захотѣлъ познакомиться съ римскимъ правомъ въ первый разъ изъ учебника автора, то какое странное представленіе вынесъ бы онъ объ этомъ правѣ! Невозможно мѣрять эту книгу общимъ, обыкновеннымъ масштабомъ. Въ ней видимъ мы, какъ вся масса римскаго права, которая часто кристаллизировалась и въ послѣдній разъ—подъ очарованіемъ исторической школы, снова̀ приведена въ текучее состояніе; какъ множество преданій снова подвергнуты здѣсь вопросу; какъ множество уснувшихъ вопросовъ опять возбуждены; какъ то̀, что̀ было прежде отдѣлено одно отъ другого, опять поставлено въ параллель и комбинировано; напротивъ, давно-соединенное опять разорвано—и притомъ часто съ явнымъ удовольствіемъ. Духъ переворота

пробѣгаетъ, какъ искра, по формѣ и содержанію предлежащаго труда; во многіе темные углы и покои юридическаго зданія бросается здѣсь мгновенно свѣтъ, хотя сначала мы замѣчаемъ только одно слабое мерцаніе». . . . . .

Что̀ сказать о такомъ направленіи? Скажемъ смѣло, не боясь ложныхъ выводовъ, что скептика весьма полезна, мало того —необходима, а необходима потому, что она естественна въ наукѣ, гдѣ догма уже превратилась или готова превратиться въ мертвый кристаллъ, въ неподвижную, неспособную къ дальнѣйшему развитію форму; гдѣ застой неизбѣженъ, а съ застоемъ неизбѣжно и гніеніе. Въ этомъ отношеніи римское частное право представляетъ разительный параллелизмъ съ философіею. И тамъ, какъ здѣсь, за положительнымъ направленіемъ, за догматизмомъ, слѣдовало неминуемо направленіе критическое, критицизмъ, а когда и это направленіе грозило перейти или даже перешло въ новый догматизмъ, то наступила, въ современную намъ эпоху, скептика, поднявшая снова всѣ окаменѣвшіе вопросы, рѣшившаяся подвергнуть все прежнее пересмотру, но не съ безплодною, убійственною цѣлью, не съ скептицизмомъ для скептицизма, а съ цѣлью единою для всѣхъ наукъ, для всякаго человѣческаго знанія—съ цѣлью исканія истины на основаніи новыхъ или вновь-обслѣдованныхъ данныхъ.

Какія же это данныя для всей системы римскаго права— и для его исторіи, и для его догмы? Это то̀, что̀ юристы называютъ обыкновенно источниками юридическими и неюридическими права, или источниками общеисторическими, и особенными исторіи права. Изученіе ихъ—вотъ первое основаніе изученія римскаго права. Съ другой стороны, спрашивается: чѣмъ руководствоваться при обслѣдованіи тѣхъ данныхъ, при изученіи источниковъ? Тою наукою, которая называется юридическою герменевтикою. Безъ изученія источниковъ, безъ приложенія къ нимъ правилъ

герменевтики, все наше знаніе такой положительной науки, каково римское право, приведетъ къ необходимости jurare in verba magistri, къ повторенію чужихъ словъ, выраженій, мнѣній и взглядовъ; будетъ неосновательно, не самостоятельно, шатко, словомъ не положительно, и слѣдственно будетъ находиться въ полномъ противорѣчіи съ самимъ собою.

Это разгадка на странное, повидимому, явленіе, почему у насъ образуются, въ новомъ поколѣніи, молодые ученые по всѣмъ отраслямъ положительнаго знанія, за исключеніемъ римскаго права; почему у насъ нѣтъ другихъ романистовъ, кромѣ тѣхъ, которые прямо въ непосредственное соприкосновеніе съ западомъ, гдѣ наука римскаго права процвѣтаетъ и откуда они могли прямо позаимствовать основательное изученіе источниковъ подъ руководствомъ юридической герменевтики; почему римское право у насъ до сихъ поръ не пріобрѣло того вполнѣ заслуженнаго имъ гражданства, которое могло бы и у насъ, какъ вездѣ на западѣ, внушить къ нему должное довѣріе и уваженіе.

Въ нашихъ юридическихъ факультетахъ преподаются,— и притомъ какъ одни изъ главныхъ предметовъ, знаніе которыхъ вмѣнено въ особенную обязанность всякаго слушателя,—и исторія римскаго права, и римское частное право,—преподаются, пожалуй, даже съ большимъ или меньшимъ знаніемъ дѣла, и не смотря на то, это преподаваніе не возбуждаетъ ни въ комъ желанія, охоты посвятить себя, по выходѣ изъ университета, изученію этихъ предметовъ, признаваемыхъ за основу всякаго юридическаго образованія; напротивъ, за стѣнами университета, и то, что бываетъ пріобрѣтено на лекціяхъ римскаго права, мало по малу испаряется, забывается, даже намѣренно выбрасывается изъ головы, какъ вещь, ни къ чему негодная; такъ что учатся римскому праву

въ нашихъ университетахъ—scholae, (въ русскомъ переводѣ—для экзаменовъ), non vitae, т. е. не для того, чтобъ, получивши въ университетѣ то, чѣмъ только и можетъ снабдить университетъ, — руководство къ самостоятельному изученію римскаго права, впослѣдствіи воспользоваться этимъ руководствомъ, продолжая всю жизнь учиться начатому.

Дѣло въ томъ, что такого руководства къ *самостоятельному* изученію римскаго права у насъ именно не дается въ университетахъ. Правда, приводятся и у насъ на лекціяхъ римскаго права источники его; преподаваніе нерѣдко испещряется ссылками на то или на другое мѣсто въ Corpus juris; но тѣмъ все и ограничивается, а этого такъ недостаточно, что весьма немногіе слушатели заглядываютъ въ источники, на которые сослался мимоходомъ преподаватель, а не заглядываютъ оттого, что видятъ въ этомъ потерю времени, не зная, какъ взяться за дѣло, какъ обращаться съ источниками. Вѣдь у насъ не дается никакого руководства къ такому трудному занятію. Вѣдь у насъ нѣтъ экзегетическихъ упражненій по римскому праву, и вовсе не преподается юридическая герменевтика.

Не на одно римское право дѣйствуетъ вредно такое отсутствіе руководства къ изученію источниковъ, но и на наше отечественное право. Если бы наши молодые юристы находили для себя и въ этомъ отношеніи образецъ въ римскомъ правѣ, то конечно искуснѣе обращались бы и съ источниками своего отечественнаго права; сознательно, а не ощупью, шли бы твердою стопою по пути историко-юридическихъ изслѣдованій въ области нашего древняго права, и съ полнымъ успѣхомъ разработывали бы весьма мало еще воздѣланное поле нашего новаго права.

И въ этомъ отношеніи есть чему поучиться намъ отъ западныхъ юристовъ. На этомъ поприщѣ подвизался на западѣ сперва цѣлый рядъ глоссаторовъ, которые только тѣмъ и занимались, что объясняли Corpus juris. Послѣ нихъ все продолжаютъ тамъ безпрерывно заниматься изученіемъ источниковъ римскаго права, особенно со временъ Гуго и вообще съ исторической школы. Тамъ же родилась юридическая герменевтика, рядомъ съ герменевтикою теологическою и филологическою.

Первыя зачатки юридической герменевтики, какъ науки, находимъ мы въ сочиненіяхъ юристовъ, начиная съ конца 16 столѣтія, у Готмана (ум. 1590), Форстера (ум. 1620), Гуніуса (ум. 1636), Плакціуса (ум. 1699), Горна (ум. 1718) и проч., также въ замѣчательнѣйшемъ изъ первыхъ сочиненій по этой части Раполлы: «О правовѣдѣ, или о методѣ изученія и толкованія гражданскаго права» (F. Rapolla, De jurisconsulto, sive de ratione discendi interpretandique juris civilis libri II. Neapoli. 1726. Ed. sec. 1766; нѣмецкій переводъ von Griesinger. Stuttgart. 1792). Вообще первыя юридико-герменевтическія сочиненія были большею частью издаваемы подъ заглавіемъ: «Правовѣдъ» (Jurisconsultus), потому что тогда считали главнымъ занятіемъ юриста толкованіе источниковъ. Впрочемъ, лучшіе юристы этого времени болѣе занимались самымъ толкованіемъ, нежели изложеніемъ правилъ толкованія, какъ и всегда практика предшествуетъ теоріи. А потому всѣ эти сочиненія не отличаются особеннымъ достоинствомъ. Въ продолженіе долгаго времени не являлось обширныхъ сочиненій объ этомъ предметѣ, а только небольшія разсужденія или отдѣльныя статьи, или же случайныя замѣчанія въ предисловіяхъ и т. п. Въ такомъ родѣ, но съ нѣкоторыми остроумными замѣчаніями, написано и вышеупомянутое сочиненіе Раполы. Наконецъ явилось сочиненіе

Экгарда «Юридическая герменевтика» (Hermeneutica juris. Lips. 1750; послѣднее, 3-е изданіе, К. В. Вальха, съ его примѣчаніями, 1802). Это богатое, но не систематическое собраніе матеріаловъ для юридической герменевтики. Со времени перваго появленія Екгардова сочиненія, литература по юридической герменевтикѣ можетъ указать на немногія сочиненія, которыя ex professo обратили вниманіе на эту отрасль правовѣдѣнія. Стоитъ поименовать сочиненія Конради, Виттиха, Заммета, Тибо, Шёманна, Цирклера, Цахаріэ, Магліани, Гуфеланда, Зейффера, Мальеръ-де Шасса и т. д. Изъ нихъ особенно заслуживаютъ вниманія: сочиненіе знаменитаго Тибо «Теорія логическаго толкованія» (Theorie der logischen Auslegung. Halle. 1804), какъ исполненное многихъ здравыхъ мыслей, хотя, къ сожалѣнію, безъ общихъ основныхъ началъ, и сочиненіе Цахаріэ «Опытъ всеобщей юридической герменевтики» (Versuch einer allgemeinen Hermeneutik des Rechts. Meissen. 1808), которое содержитъ болѣе общихъ основныхъ началъ, но въ этихъ началахъ, слишкомъ мало обращено вниманія на особенныя правила, необходимыя при толкованіи источниковъ римскаго права. Изъ сочиненій новѣйшаго времени могутъ быть приведены только Шаффрата «Теорія толкованія конституціонныхъ законовъ» (Theorie der Auslegung konstitutioneller Geseze. 1842); Круга «Основныя начала для толкованія законовъ, въ ихъ приложеніи къ новѣйшимъ нѣмецкимъ уголовнымъ уложеніямъ» (Die Grundsätze der Gesetzauslegung in ihrer Anwendung auf die neueren deutschen Strafgesetzbücher. 1848) и моего незабвеннаго учителя, профессора Дерптскаго университета Клоссіуса, по которому я самъ слушалъ у него лекціи: «Герменевтика римскаго права въ очеркѣ» (Hermeneutik des römischen Rechts im Grundrisse. Riga und Dorpat. 1829),—самый полнѣйшій курсъ герменевтики римскаго права, какой только до сихъ поръ

былъ, но, къ сожалѣнію, только въ конспектѣ. Наконецъ теперь впервые является начало такого сочиненія, какого еще не бывало по этой части: Ланга, «Дополненія къ герменевтикѣ римскаго права» (Beiträge zur Hermeneutik des römischen Rechts. Stuttgart. 1857).

Вообще со временъ Экгарда до самаго Ланга, вюрцбургскаго профессора, не было попытки къ составленію полной, по возможности, юридической герменевтики. Самая полнѣйшая изъ всѣхъ—Клоссіуса, но только въ очеркѣ, и Савиньи, но не отдѣльно, а въ его Системѣ нынѣ дѣйствующаго римскаго права, такъ что это нельзя собственно и назвать юридическою герменевтикою.

Лангъ предлагаетъ нынѣ только начало своего сочиненія, въ 8 статьяхъ или разсужденіяхъ, которыя, впрочемъ, находятся между собою въ тѣсной систематической связи. Въ трехъ первыхъ постановляются общія понятія и основанія толкованія, а именно: 1) о сущности юридической герменевтики; 2) о автентическомъ и научномъ толкованіи и 3)объ основаніяхъ и предположеніяхъ юридическаго толкованія; а пять послѣднихъ занимаются грамматическимъ толкованіемъ, а именно: 4) о значеніи употребленія языка въ толкованіи; 5) объ элементахъ грамматическаго толкованія и въ особенности о лексикальномъ элементѣ; 6) о грамматической связи или о синтаксическомъ элементѣ; 7) о логической связи и 8) о стилистическомъ элементѣ толкованія римскаго права. Множествомъ удачно-выбранныхъ примѣровъ объяснены мысли и замѣчанія автора, который вообще является здѣсь не только основательнымъ знатокомъ римскаго права, но и человѣкомъ съ большимъ практическомъ тактомъ и съ обширнымъ научнымъ общимъ образованіемъ. Но здѣсь нѣтъ того, чему также необходимо быть въ юридической герменевтикѣ и что̀ есть у Клоссіуса—хрестоматіи, или собранія мѣстъ изъ источниковъ исторіи римскаго

права въ разные его періоды, которыя могли бы служить текстомъ для экзегетическихъ упражненій и которыя такъ превосходно выбраны Клоссіусомъ. Нѣтъ также и того историко-литературнаго введенія въ источники римскаго права, которое у Клоссіуса составляетъ главную часть сочиненія и безъ котораго нельзя обойтись приготовляющемуся къ практическимъ экзегетическимъ упражненіямъ, какъ бы хорошо ни изучилъ онъ напередъ исторію римскаго права и исторію его литературы. Впрочемъ, можетъ быть того и другого нѣтъ у Ланга только потому, что онъ далеко еще не окончилъ своего труда, и что, слѣдственно, это еще предстоитъ ему. Теперь мы сочли своею обязанностью обратить вниманіе на этотъ недостатокъ съ тою цѣлью, чтобъ изучающій юридическую герменевтику римскаго права старался пополнить недостающее у Ланга изъ конспекта Клоссіуса, т. е. воспользовался тѣми богатыми литературными пособіями, которыя Клоссіусъ приводитъ подъ каждымъ параграфомъ своего конспекта.

Но эти недостатки, да притомъ еще проблемматическіе, которые, можетъ быть, будутъ и пополнены, ничто въ сравненіи съ тѣми достоинствами, которыми отличается предлежащее сочиненіе Ланга. Онъ первый творитъ изъ юридической герменевтики науку, вытекающую изъ одного начала и стройно развивающуюся по всѣмъ своимъ ступенямъ, приводя все особенное содержаніе юридической герменевтики къ общимъ основамъ человѣческаго мышленія. Онъ первый сознательно понялъ всю важность и необходимость этой науки для юридическаго образованія.

Въ предисловіи авторъ говоритъ, что онъ съ особенною любовью обратился къ этой отрасли своихъ профессорскихъ занятій, и что ему нечего, конечно, оправдываться въ этой любви предъ тѣми цивилистами, которые при-

дают нѣкоторую цѣну изученію источниковъ: они согласятся, что тотъ только можетъ пренебрегать изученіемъ источниковъ, кто откажется отъ научной добросовѣстности, потому что это изученіе и эта добросовѣстность идутъ всегда рука объ руку. Онъ называетъ «экзегетическія начала столбами положительнаго права, которые если пошатнутся, то пошатнется, внутри и снаружи, и все зданіе права». Противъ всѣхъ новѣйшихъ произвольныхъ стремленій въ наукѣ положительнаго права онъ видитъ «оплотъ въ дѣльной теоріи толкованія и въ основательномъ общемъ герменевтическомъ образованіи». «Вездѣ — прибавляетъ онъ—произволъ есть противоположность порядку и праву, но въ толкованіи болѣе, нежели гдѣ либо. Здѣсь неосновательность и непослѣдовательность ведетъ къ самымъ пагубнымъ послѣдствіямъ, и что̀ сегодня право, то̀, чрезъ экзегетическій произволъ, станетъ завтра неправомъ. Догматика поколеблется, коль скоро толкованіе начнетъ колебаться въ своихъ началахъ. . . . Но если разъ догматика придетъ въ колебаніе, то, наоборотъ, это колебаніе будетъ пагубно воздѣйствовать на толкованіе: ради любимаго какого-либо догматическаго воззрѣнія, будутъ насиловать источники; законы станутъ мячикомъ въ рукахъ толкователя. Такъ отмщается недостатокъ герменевтическаго образованія съ одной стороны, а съ другой—если мы будемъ твердо держаться началъ толкованія законовъ, то это отмстится совершеннымъ извращеніемъ юриспруденціи. Подобный, глубоко-врѣзывающійся вредъ окажется и на самой юридической жизни. Если допущено будетъ произвольное толкованіе актовъ частной воли, договоровъ и завѣщаній, то изъ жизни будутъ изгнаны вѣра и вѣрность; частныя юридическія отношенія станутъ добычею ябедничества; судебныя рѣшенія и мировыя сдѣлки будутъ источниками новыхъ процессовъ. Напротивъ, если въ юридической герменевтикѣ господствуютъ твердость началъ и послѣдовательность въ ихъ проведеніи, то утвердит-

ся юридическая догматика, а юридическія отношенія пріобрѣтутъ твердость и довѣренность.»

Что касается до принципа, изъ котораго Лангъ развиваетъ всю юридическую герменевтику, то онъ поставляетъ его такъ. Сущность юридической герменевтики есть юридическая мысль, гдѣ бы она ни выразилась. Но всякая юридическая мысль имѣетъ непосредственное практическое отношеніе: ею нормируется дѣятельность. Мысль, нормирующая дѣятельность, есть воля. А потому юридическое толкованіе есть изысканіе и изложеніе заключающейся въ рѣчи юридической воли, или развитіе смысла юридической нормы. Правила, равномѣрно относящіяся ко всѣмъ предметамъ юридическаго толкованія, составляютъ, въ своей совокупности, общую юридическую герменевтику. Возможность ея, какъ науки, и вмѣстѣ возможность пониманія юридической воли выводятся изъ единства человѣческаго духа и его законовъ или формъ познанія. На этомъ основаніи авторъ полагаетъ принципъ юридической герменевтики въ томъ, что всякая отдѣльная юридическая мысль, въ ея отношеніи къ праву, какъ цѣлому, къ духу дѣйствующаго права, должна быть изыскиваема съ помощью той самой духовной силы и формы познанія, изъ которой та мысль возникла.

Это выражаетъ авторъ такъ: «Если герменевтика есть научное изложеніе правилъ толкованія, система толковательнаго искусства, то она не можетъ представлять только кучу извѣстныхъ правилъ, которыя слѣдуетъ прилагать въ томъ или другомъ случаѣ; а для тѣхъ, которые представляютъ себѣ ея цѣлью методику толкованія, не можетъ все дѣло состоять только въ опытахъ и наблюденіяхъ, которыя, по мѣрѣ того, какъ представляется случай, стоитъ будто только припоминать и потомъ употреблять какъ сохраненное памятью сокровище. Напротивъ, въ основаніи ея долженъ лежать верховный принципъ, возникающій изъ ея цѣ-

ли: изъ существующихъ памятниковъ рѣчи, изъ писаній развивать мысли ихъ авторовъ и приспособлять себя такъ, чтобъ можно было излагать ихъ другимъ. Средство достигнуть этой цѣли не можетъ состоять ни въ чемъ иномъ, какъ въ томъ, чтобъ руководствоваться общимъ ходомъ развитія человѣческаго духа. А потому принципъ ея можетъ быть только слѣдующій: основывать свои правила на самой общей формѣ человѣческаго мышленія, ибо мы говоримъ, и думаемъ, и всякій писатель говоритъ или пишетъ по самымъ общимъ законамъ мышленія. Слѣдственно основанная на этомъ принципѣ задача толкователя можетъ состоять только въ томъ, чтобъ онъ отыскалъ въ рѣчи, которую предстоитъ ему истолковать, самую общую форму человѣческаго мышленія. Всѣ правила толкованія должны слѣдовать этому принципу».

Если Лангъ первый сдѣлалъ изъ юридической герменевтики науку, то изъ этого не слѣдуетъ заключать, будто до него не было чувствуемо въ ней потребности. Доказательствомъ этому служатъ появившіяся прежде сочиненія по этой части, о которыхъ мы упомянули выше, но еще болѣе или нагляднѣе выводится эта потребность изъ самой сущности изученія или изложенія права.

Право не иначе можетъ быть изучаемо, какъ или практически, или же теоретически.

Первый способъ изученія, взятый самъ по себѣ, отдѣльно отъ теоретическаго, не есть, какъ извѣстно, научный способъ, и потому оставимъ его въ сторонѣ, здѣсь, гдѣ говоримъ о возбужденіи потребности *въ наукѣ*. Напротивъ, теоретическій способъ изученія права, будетъ ли онъ приводится въ дѣйствіе самоучкою или же съ помощью преподаванія, есть единственно-научный способъ, а потому на немъ остановимся.

При теоретическомъ способѣ изученія права возможны двѣ методы: или право изучается и излагается такъ, что

кладутся въ основаніе источники, которые объясняются, толкуются—экзегетическая метода; или же содержаніе источниковъ приводится въ порядокъ, соединяется въ систематическое обозрѣніе, такъ что учатся не по источникамъ, а по книгамъ, по учебникамъ—систематическая метода.

Говоря здѣсь собственно о римскомъ правѣ, замѣтимъ, что у римлянъ, съ самой древности, какъ скоро изученіе права перестало быть рутиною, первая метода, какая только была введена, это экзегетическая. Такъ было до Юстиніана; такъ было во время и послѣ Юстиніана. Впослѣдствіи, когда открыты были главные источники римскаго права, то въ университетахъ, гдѣ оно преподавалось, начиная съ Болонской школы, метода преподаванія его была также по прежнему экзегетическая; однако же и при употребленіи этой методы, чувствуема была уже потребность, хотя и темно, безсознательно, въ систематической методѣ, а именно: при толкованіи источниковъ, все-таки находили нужнымъ, для легчайшаго обозрѣнія ихъ содержанія, сводить ихъ между собою, въ видѣ параллельныхъ мѣстъ, подводить, такъ сказать, итоги—summae и даже общіе итоги отдѣльныхъ итоговъ—summae summarum, и т. п., такъ что мало по малу начали приближаться къ систематической формѣ или методѣ, хотя все еще въ преподаваніи слѣдовали порядку самыхъ источниковъ — т. н. законному порядку (ordo legalis). Въ 16 столѣтіи находимъ мы первые слѣды введенія систематической методы. Франциск Когнанъ и П. Г. Толозанъ первые замѣнили порядокъ законный т. н. порядкомъ естественнымъ (ordo naturalis), т. е. систематическимъ. Имъ подражали, въ слѣдующемъ столѣтіи, рядъ голландскихъ и германскихъ юристовъ, ставшихъ излагать римское право въ систематическомъ порядкѣ. Самые употребительнѣйшіе учебники этого и слѣдующаго столѣтія были: Штруве, Лаутербаха, Бёмера,

Бёкельманна, Гейнекція и проч. Тогда, въ свою очередь, экзегетическая метода стала исчезать изъ преподаванія. Но какъ ни удобна въ преподаваніи, для обозрѣнія цѣлаго, систематическая метода; однакоже вытѣснять ею экзегетическую методу весьма опасно. Въ самомъ дѣлѣ, когда въ 17 столѣтіи эта послѣдняя метода была вытѣснена изъ преподаванія; когда перестали заниматься въ университетахъ экзегетическими лекціями, то съ тѣмъ вмѣстѣ начали вообще пренебрегать и изученіемъ источниковъ, что̀ отодвинуло правовѣдѣніе назадъ, вмѣсто того, чтобъ идти ему впередъ. Съ возстановленія изученія источниковъ новыми т. н. элегантными юристами, т. е. съ историко-филологическаго юридическаго направленія, это должно было снова измѣниться. Заслуга Гуго, и въ этомъ отношеніи, весьма велика. Онъ снова открылъ экзегетическія лекціи (взявши за текстъ Юстиніановы Институціи и т. н. Ульпіановы отрывки) въ Гёттингенѣ, хотя впрочемъ въ этомъ собственно университетѣ такія лекціи никогда не вымирали, какъ видно изъ каталоговъ лекцій за прошедшее столѣтіе, гдѣ приводятся, между прочимъ, экзегетическія лекціи Шмауса, Зенкенберга и Гебауера. Примѣру Гуго начали мало по малу слѣдовать и прочіе германскіе, а отчасти и иностранные университеты (именно Парижское училище правовѣдѣнія). Но въ разныхъ университетахъ эти лекціи распредѣляются до сихъ поръ разнымъ образомъ: въ иныхъ, по примѣру Гуго, только толкуются источники, а не преподаются правила толкованія, или юридическая герменевтика; въ другихъ, наоборотъ, преподается юридическая герменевтика, но безъ всякихъ экзегетическихъ упражненій. То и другое односторонно: довольствоваться одними экзегетическими упражненіями значитъ почти то̀ же, что̀ требовать, чтобъ юристъ выучился правовѣдѣнію изъ ряда отдѣльныхъ случаевъ; одно толкованіе, безъ твердой точки опоры, бу-

детъ безсвязно и не можетъ представить той занимательности, какую представляетъ собою единое цѣлое науки; напротивъ, излагать только герменевтическія правила и не дѣлать ихъ наглядными, не оживлять ихъ примѣрами, значитъ пускаться въ безполезныя и непонятныя отвлеченія. А потому въ новѣйшее время начали стараться избѣгать этихъ односторонностей, распредѣляя университетскій курсъ экзегетическихъ лекцій такъ, что сперва преподается теоретически юридическая герменевтика, а за нею слѣдуетъ практическое примѣненіе изложенныхъ въ ней правилъ, или экзегетическія упражненія. Самая большая трудность при этихъ упражненіяхъ—это умѣнье выбрать приличные тексты. По нашему мнѣнію, не слѣдуетъ, какъ иногда дѣлается, ограничиваться одними интереснѣйшими, по чему бы то ни было, мѣстами изъ источниковъ, или мѣстами труднѣйшими для пониманія (cruces jurisconsultorum), или же мѣстами, приводимыми при самомъ преподованіи исторіи и догмы римскаго права, въ подтвержденіе изложенныхъ въ нихъ фактовъ, мнѣній и взглядовъ, въ видѣ ссылокъ на источники, потому что чрезъ это нельзя достигнуть цѣли экзегетическихъ лекцій—познакомить вообще слушателей съ самими источниками во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ; напротивъ необходимо брать тексты 1, сколь возможно разнообразнѣйшіе, изъ всѣхъ родовъ источниковъ, слѣдственно не изъ одного Corpus juris civilis, но и изъ другихъ важныхъ источниковъ доюстиніанова и даже поюстиніанова права, напр.изъ т. н. законовъ царей, изъ законовъ XII таблицъ, изъ сохранившихся подлинныхъ памятниковъ (Edictum praefecti urbi L. Turcii Apronіani, Senatusconsultum de bacchanalibus, Lex Servilia repetundarum, Lex Heraclensis, Plebiscitum de thermensibus, Tabula Trajani alimentaria и т. п.), изъ дошедшихъ до насъ въ подлинникѣ сочиненій римскихъ юрис-

товъ (Gaji Institutiones, Ulpiani fragmenta и т. п.) изъ доюстиніановыхъ сборниковъ (Codex Gregorianus, Codex Hermogenianus, Codex Theodosianus, Vaticana fragmenta и т. п.), изъ парафразиса Юстиніановыхъ Институцій Теофила, изъ Базиликъ и проч.; 2, изъ Юстиніановыхъ Пандектовъ выбирать преимущественно тѣ мѣста изъ сочиненій главнѣйшихъ юристовъ, которыя отличаются особенною характеристикою, а также мѣста изъ сочиненій юристовъ разныхъ временъ, чтобъ ознакомить съ измѣненіемъ языка и образа изложенія, и 3, обращать особенное вниманіе на тѣ мѣста, которыя содержатъ въ себѣ правила толкованія. Тогда цѣль экзегетическихъ упражненій будетъ вполнѣ достигнута.

У насъ, къ сожалѣнію, еще до сихъ поръ экзегетическія лекціи по римскому праву вовсе исключены изъ преподованія. Это, повторяемъ, одна изъ самыхъ важныхъ причинъ, почему изученіе римскаго права у насъ никакъ не прививается въ той степени, въ какой оно того заслуживаетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если, съ одной стороны, цѣль экзегетическихъ лекцій состоитъ въ томъ, чтобъ ближе ознакомить съ источниками права и чрезъ то дать руководство къ самостоятельному продолженію изученія римскаго права, возможному только на твердомъ основаніи изученія источниковъ, то съ другой стороны, какъ изъ этого само собою очевидно, эта цѣль обращается или можетъ обратиться въ результатъ; потому что все изученіе источниковъ предпринимается съ тою цѣлью, чтобъ основательно и самостоятельно изучить какъ исторію, такъ и догму римскаго права, воспользовавшись, разумѣется, и всѣми тѣми необыкновенно-богатыми литературными пособіями, которыя успѣли накопиться въ продолженіе многихъ вѣковъ, занимавшихся изученіемъ и обрабатываніемъ римскаго права.

«Задача толкованія — говоритъ Игерингъ — состоитъ въ разложеніи матеріала, въ устраненіи кажущихся противорѣчій, въ уничтоженіи неясности и неопредѣленности, въ уясненіи всего содержанія законодательной воли и проч. . . . Не только вездѣ правовѣдѣніе начинало съ толкованія, но и во всякое время оно должно быть первою изъ операцій, которыя предпринимаются правовѣдѣніемъ надъ законодательнымъ матеріаломъ. . . Не смотря на то, эта операція есть только первая ступень, на которой правовѣдѣніе не должно останавливаться долѣе, нежели сколько это необходимо. . . . . Правовѣдѣніе должно возвыситься отъ собранія положительныхъ единицъ къ истинному искусству и наукѣ, — къ искусству, которое образуетъ, формируетъ матеріалъ художественно, вдыхаетъ въ него жизнь. . . . Юридическая конструкція есть, такъ сказать, образовательное искусство правовѣдѣнія. . . . Такая конструкція и есть система».

Словомъ, юридическая герменевтика, съ необходимымъ своимъ приложеніемъ — экзетеческими упражненіями, должна вести къ системѣ, къ исторіи и догмѣ права, подобно тому, какъ экзегетическая метода ведетъ къ систематической; слѣдовательно экзегетическое изученіе должно привести къ тому, съ чего мы начали наше обозрѣніе литературы по римскому праву.

Такъ замыкается естественно, логически, кругъ этого обозрѣнія. Такъ и всегда должно необходимо совершаться въ литературѣ, какъ римскаго, такъ и всякаго другого положительнаго права, то, такъ сказать, круговращеніе науки около своей оси, которое и есть истинное, независимое отъ внѣшняго произвола, но самою сущностью науки условливаемое, и потому необходимое и вмѣстѣ свободное ея саморазвитіе.

Это саморазвитіе римскаго права въ его литературѣ старался я представить здѣсь въ возможно-крупныхъ, наглядныхъ чертахъ, не опустивъ изъ вниманія ни одного изъ главныхъ его моментовъ или ступеней, проведши литературу римскаго права по всѣмъ ея главнымъ отраслямъ: по исторіи, догмѣ и герменевтикѣ; по всѣмъ направленіямъ, школамъ, партіямъ и методамъ: въ исторіи по антикварному, частно-истрическому, критическому и всемірно-историческому направленію; въ догмѣ по историко-филологической и философско-практической школѣ; партіи романистовъ, германистовъ и кодификаторовъ; положительному, критическому и скептическому направленію; въ изученіи римскаго права вообще—по экзегетической и систематической методѣ.

Да позволено мнѣ будетъ надѣяться, что такое обозрѣніе, не смотря на всѣ его недостатки, заслужитъ вниманія нашихъ спеціалистовъ и вообще людей образованныхъ, какъ первая попытка привести къ единству все огромное разнообразіе литературы по самой основной наукѣ для юридическаго образованія, и что этотъ трудъ будетъ сколько-нибудь способствовать, съ одной стороны, къ сознательному пониманію историческаго развитія и настоящаго состоянія науки римскаго права, а съ другой — къ возбужденію въ нашихъ молодыхъ юристахъ желанія ближе ознакомится съ ея источниками и литературою, и самостоятельнѣе продолжать изученіе римскаго права, какъ первѣйшей изъ наукъ юридическихъ, могущей оказать неисчислимую пользу для изученія нашего отечественнаго права! Въ слѣдующемъ томѣ Юридическихъ Записокъ я постараюсь предложить читателямъ подобное же обозрѣніе литературы по другой основной юридической наукѣ — по юридической энциклопедіи.

Петръ Рѣдкинъ

XII.

ЗАМѢТКИ.

Юридическія общества.—Юридическіе журналы на 1859-й годъ.—Нѣмецкія, французскія и англійскія юридическія книги, вышедшія въ прошедшемъ 1858 году.—Лекціи, читаемыя нынѣ на юридическихъ факультетахъ во всѣхъ германскихъ университетахъ.

На свѣтѣ множество разныхъ ученыхъ обществъ, и всего два юридическія—одно во Франціи, другое въ Англіи.

Во Франціи юридическое общество основано въ Тулузѣ, родинѣ знаменитаго Куяція, перваго, безъ сомнѣнія, юриста 16-го столѣтія, на котораго съ равнымъ уваженіемъ указывали Савиньи и Тибо, основатели двухъ, недавно еще враждовавшихъ между собою юридическихъ школъ. Докторъ Бенешъ, профессоръ и одинъ изъ основательнѣйшихъ, между французскими юристами, знатоковъ римскаго права въ Тулузскомъ училищѣ правовѣдѣнія, былъ учредителемъ перваго ученаго общества юристовъ, открывшагося въ Маѣ 1851 года подъ названіемъ Тулузской академіи законодательства (Académie de législation de Toulouse), которая, по послѣднимъ извѣстіямъ, считаетъ въ числѣ своихъ членовъ 8 профессоровъ, 15 судей и 16 адвокатовъ, кромѣ множества иностранныхъ корреспондентовъ (associés libres) изъ всѣхъ почти націй и кромѣ почетныхъ членовъ, въ числѣ коихъ находятся Троплонгъ, Дюпэнъ, Дювержье, Портализъ, Савиньи, Миттермайеръ и др. По уставу, всѣхъ дѣйствительныхъ членовъ не должно превышать числа 40. Изъ своей среды выбираютъ они предсѣдателя, вице-предсѣдателя, непремѣннаго секретаря, его помощника и казначея. Каждый членъ платитъ ежегодно

25 франковъ. Общество находится въ постоянныхъ сношеніяхъ со всѣми извѣстными юристами, французскими и иностранными. Обыкновенныя собранія общества бываютъ два раза въ мѣсяцъ, начиная съ 1 декабря по первые числа іюля. Ежегодно предлагается задача на рѣшеніе; за лучшее рѣшеніе выдается золотая медаль въ 300 франковъ съ изображеніемъ Куяція. Въ засѣданіяхъ читаются юридическія статьи (mémoires); изустно предлагаются на обсужденіе разные важные юридическіе вопросы (lectures), о которыхъ потомъ разсуждаютъ и состязаются въ самомъ собраніи; предлагаются отчеты о юридическихъ сочиненіяхъ, которыя разобрать поручается тому или другому члену (rapports); произносятся рѣчи по разнымъ случаямъ, изъ которыхъ одна рѣчь произносится ежегодно 1 декабря, въ день рожденія Куяція, предъ поднесеніемъ премій, въ торжественномъ публичномъ собраніи; наконецъ издается ежегодно Сборникъ (Recueil de l'Académie de législation de Toulouse), котораго вышло уже 7 томовъ. Общество скоро послѣ своего открытія успѣло заслужить благосклонное вниманіе публики и дѣятельное покровительство со стороны французскаго правительства чрезъ посредство генералъ-инспектора французскихъ училищъ правовѣдѣнія Лаферрьера и министра народнаго просвѣщенія Фортула. Теперь само правительство назначило отъ себя также премію, да кромѣ того назначили преміи городъ Тулуза и Департаментъ (Département de la haute Garonne). Бенешъ былъ непремѣннымъ секретаремъ общества до смерти своей (въ 1855 г.), а потомъ на его мѣсто избранъ Сакассъ.

Въ короткое время своего существованія общество оказало много пользы не только изданіемъ своихъ записокъ весьма разнообразнаго юридическаго содержанія, но, что главное, сближеніемъ юристовъ между собою, соединеніемъ разрозненныхъ до того силъ на пользу науки права и юридической практики вообще и для блага своего отечества въ особенности. Французское правительство тотчасъ поняло и оцѣнило важное значеніе этого общества для

общей и своей собственной пользы, и не только не мѣшаетъ ни въ чемъ его дѣятельности, но напротивъ поощряетъ ее, зная, что всякое ученое общество, а особенно общество юристовъ, возлагаетъ на главу Франціи новый неувядаемый вѣнецъ славы, чести и пользы. —

Другое юридическое общество, подъ этимъ именно названіемъ (Iuridical Society), существуетъ съ 1855 года въ Англіи. Оно считаетъ также въ числѣ своихъ членовъ много знаменитостей, отечественныхъ и иностранныхъ: перваго, изъ англійскихъ юристовъ, писателя по римскому праву Колкгуна (Colquehoun), Люиса (Lewis), Филимора (Philimore), лорда Стенлея (Stanley), Уатсона (Watson), судью Эрла (Erle), Чемберса (Chambers), Стюарта (Stuart), Берса (Bers), барона Бремуелла (Bramwell) Миттермайера (Mittermaier) и др. Цѣль общества—восполнять недостатки, существующіе въ Англіи въ отношеніи къ правовѣдѣнію, посредствомъ преній въ своихъ обыкновенныхъ собраніяхъ и посредствомъ изданія своихъ трудовъ въ запискахъ общества (Papers). Изысканіе началъ права, историческіе труды, развитіе сравнительнаго законодательства, стремленіе англійскихъ юристовъ къ изученію римскаго права не замедлятъ много споспѣшествовать къ улучшенію англійскаго права.

Кромѣ этого собственно - юридическаго общества, есть еще въ Англіи два другія близко - подходящія къ нимъ общества, но съ преобладающимъ политическимъ оттѣнкомъ: Общество для улучшенія законодательства (the law amendment Society) и Народное общество для споспѣшествованія соціальной наукѣ (National association for the promotion of the social science).

Неужели у насъ учрежденіе и существованіе юридическаго общества невозможно? Неужели не найдется въ предѣлахъ обширнаго нашего отечества достаточныхъ для того элементовъ? Неужели и въ этомъ дѣлѣ преградою будетъ юридическій предразсудокъ нашего общества? . . .

Юридическихъ журналовъ издается внѣ Россіи множество. Изъ нихъ большая часть едва ли извѣстны у насъ и по имени. А потому не лишнимъ считаемъ исчислить ихъ, сгруппировавъ по странамъ и по предметамъ.

Въ Германіи, общіе журналы: Kritische *Zeitschrift* für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes, von Mittermaier, Mohl und Warnkönig, Heidelberg, томами, въ 3 тетради каждый; Kritische *Zeitschrift* für die gesammte Rechtswissenschaft, von Dernburg, Hillebrand, Marquardsen und Stinzing, Heidelberg, томъ въ 4 тетради; *Jahrbücher* der deutschen Rechtswissenschaft und Gesetzgebung, von Schletter, Erlangen, томами, въ 4—5 тетрадей каждый; Kritische *Ueberschau* der deutschen Gesetzgebung und Rechtswissenchaft, von Arndts, Bluntschli und Pötzl, München, томами, въ 3 тетради каждый; *Zeitschrift* für deutsches Recht und deutsche Rechtswissenschaft, von Beseler, Reyscher und Stobbe, Tübingen, томами, въ 3 тетради каждый; *Jahrbuch* des gemeinen deutschen Rechts, von Bekker und Muther, Leipzig, томъ въ 3—4 тетради; Der *Gerichtssaal*, Zeitschrift für volksthümliches Recht, von Arnold, Hye - Glunek und Schwarze, Erlangen, 12 тетрадей; *Zeitschrift* für Civilrecht und Process, von Linde, Marezoll und Schulte, Giessen, томами, въ 3 тетради каждый; *Archiv* für practische Rechtswissenschaft, von Elvers, Hoffmann, Schäffer und Seitz, Marburg, томами, въ 3 тетради каждый; *Archiv* für die civilistiche Praxis, von Francke, Linde, Mittermaier und Vangerow, Heidelberg, томами, въ 3 тетради каждый; *Archiv* für Entscheidungen der obersten Gerichte in den deutschen Staaten, von J. A. Seuffert und E. A. Seuffert, München, томами, въ 3 тетради каждый; *Jahrbücher* für die Dogmatik des heutigen römischen und deutschen Privatrechts, von Gerber und Jhering, Jena, томами въ 3 тетради каждый; *Archiv* des Criminalrechts, von Abegg, Arnold, Birnbaum, Hefter, Hermann, Mittermaier und Zachariä, Braunschweig, по 4 тетради въ годъ; Die *Strafrechtspflege* in Deutschland, Weimar, тетрадями безсрочно; *Archiv* für strafrechtliche

Entscheidungen der obersten Gerichtshöfe Deutschlands, von Temme, Erlangen, 3 тетради въ годъ; Allgemeine *Schwurgerichtszeitung* für Deutschland und die Schweiz, von Demme, Coburg, еженедѣльно; *Archiv* für das öffenntliche Recht des deutschen Bundes, von Linde, Giessen, тетрадями безсрочно; *Monathsschrift* für deutsches Städte- und Gemeindewesen, von Piper, Francfurt a. O., ежемѣсячно; *Archiv* für deutsches Polizeiwesen, von Ackermann, Leipzig, ежемѣсячно; *Zeitschrift* für das gesammte Handelsrecht, von Goldschmidt, Erlangen, 3—4 тетради въ годъ; *Zeitschrift* für Handelsgesetzgebung und für Entscheidungen der obersten Gerichtshöfe in Handelsrechtsachen etc., von Kletke, Nürnberg, 6 тетрадей въ годъ; Neues *Archiv* für Handelsrecht, von Voigt und Heinischen, Hamburg, 4 тетради въ годъ; *Archiv* für deutshes Wechselrecht, von Siebenhaar und Tauchnitz, Leipzig, томами, въ 4 тетради каждый; *Archiv* der deutschen Medicinalgesetzgebung und öffentlichen Gesundheitspflege, von Müller und Ziurek, Erlangen, еженедѣльно; *Blätter* für gerichtliche Anthropologie, von Friedreich, Nürnberg, 6 тетрадей въ годъ.

Кромѣ того издается еще въ Германіи много юридическихъ журналовъ для отдѣльныхъ государствъ, напр. для Пруссіи: *Justiz - Ministerial - Blatt* für die preussische Gesetzgebung und Rechtspflege, Berlin, еженедѣльно; *Centralblatt* für die Bureau - Beamten der Justiz, von Hoingshaus und Fenner, Berlin, два нумера въ мѣсяцъ; *Ministerial - Blatt* für die gesammte innere Verwaltung in den K. Preussischen Staaten, Berlin, 10 — 12 нумеровъ въ годъ; Der *Publicist*, Zeitung fur Recht und Gerichtsverfahren, von Thiele, Berlin, два нумера въ недѣлю; *Zeitschrift* für die Landeskultur - Gesetzgebung der Preussischen Staaten, Berlin, одинъ томъ, въ 3 тетради каждый; *Beiträge* zur Erläuterung des preussischen Rechts durch Theorie und Praxis, von Gruchot, Hamm, 3 тетради въ годъ; *Archiv* für Rechtsfälle, von Striethorst, Berlin, 4 тома въ годъ; *Archiv* für preussisches Strafrecht, von Goltdammer, Berlin, 6 тетрадей въ годъ; Berliner

Gerichts-Zeitung, von Löffler, Berlin, 3 нумера въ недѣлю и проч.

Въ Швейцаріи: *Zeitschrift* für schweizerisches Recht, von Ott, Schnell und de Wyss, Basel, по одному тому ежегодно.

Во Франціи: *Jurisprudence* générale, recueil periodique et critique de jurisprudence, de législation et de doctrine, ежемѣсячно; *Revue* biographique et critique du droit francais et étranger, 6 разъ въ годъ; *Revue* critique de legislation et de jurisprudence, 2 тома въ годъ; *Revue* historique du droit francais et étranger, 6 разъ въ годъ; La *tribune* judiciaire, ежемѣсячно; Le *droit*, 6 разъ въ годъ; *Revue* pratique du droit francais, 2 раза въ мѣсяцъ; *Bulletin* annoté des lois etc., ежемѣсячно; *Recueil* général des lois etc., ежемѣсячно: *Collection* complète des lois etc., ежемѣсячно; *Corps* du droit francais, ежемѣсячно; *Bulletin* des lois, безсрочно; *Recueil* général des senatus-consultes, ежемѣсячно; *Moniteur* des tribunaux, еженедѣльно; *Gazette* des tribunaux, 6 разъ въ годъ; *Journal* du palais, ежемѣсячно; L'*audience*, 2 раза въ недѣлю; *Jurisprudence* générale, ежемѣсячно; Les *tribunaux*, еженедѣльно; *Bulletin* des arrêts de la cour de cassation, ежемѣсячно; *Journal* de procédure civile et commerciale, ежемѣсячно; *Journal* du droit criminel, ежемѣсячно; *Annales* et journal special des justices de paix, ежемѣсячно; *Bulletin* des justices de paix, 4 раза въ годъ; *Journal* des justices de paix et des tribunaux de simple police, ежемѣсячно; *Journal* des commissaires de police, ежемѣсячно; *Journal* du droit commercial, ежемѣсячно; *Annales* du droit commercial, ежемѣсячно; *Journal* des tribunaux de commerce, ежемѣсячно; *Journal* des avoués, ежемѣсячно; *Bulletin* officiel du ministère de l'interieur, ежемѣсячно; Le *courrier* des communes, ежемѣсячно; L'*école* des communes, ежемѣсячно; *Journal* des communes, ежемѣсячно; La *mairie*, 2 раза въ недѣлю; *Archives* du notariat et des officiers ministériels, ежемѣсячно; *Journal* des notaires et des avocats, ежемѣсячно; *Manuel* des notaires et des avocats, ежемѣсячно; *Journal* du notariat et des offi-

ciers ministèriels, 2 раза въ недѣлю; *Recueils* des lois et actes de l'instruction publique, ежемѣсячно.

Въ Бельгіи: *Pasicrisie*, recueil général de la jurisprudence des cours de la France et de la Belgique, ежемѣсячно; *Recueil* des lois etc, de la Belgique, ежемѣсячно; La *Belgique* judiciaire, 2 раза въ недѣлю; Le *courrier* des tribunaux, еженедѣльно; *Bulletin* des arrêts de la cour d'appel de Belgique, ежемѣсячно; *Bulletin* des arrêts de la cour de cassation de Belgique, ежемѣсячно; *Revue* de l'administration et du droit administratif de la Belgique, каждые 3 мѣсяца и проч.

Въ Англіи: The *jurist*, Лондонъ, еженедѣльно; *Justice* of the peace, Лондонъ, еженедѣльно; The *journal* of jurisprudence, Эдинбургъ, ежемѣсячно.

Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ: American law *register*, Philadelphia, ежемѣсячно; Monthly law *reporter*, Boston, ежемѣсячно; Neu-Yorker *Criminal-Zeitung*, Neu-York, еженедѣльно.

Въ Италіи: La *temi*, giornale di legislazione e di giurisprudenza, издаетъ адвокатъ Pannatoni, ежемѣсячно.

Въ Испаніи: *Revista* general de legislacion y jurisprudencia, издаютъ Pedro Gomez de la Serna, Jgnacio Miquel и Jose Reus, Мадритъ, 2 тома въ годъ; La *ley*, revista de legislacion, jurisprudencia, administracion y notariado, издаетъ Ventura Camacho y Carbajo, Севилья, каждые 10 дней.

Въ Греціи: Themis и прибавленіе къ нему, долженствующее выходить выпусками, два или три раза въ мѣсяцъ, издаетъ Sgouta.

Въ Россіи до сихъ поръ не издается ни одного собственно-юридическаго журнала, за исключеніемъ «*Сенатскихъ Вѣдомостей*», *Архивъ* историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, издаваемый, съ начала текущаго года, г. Калачовымъ, не ограничивается однимъ *юридическимъ* содержаніемъ, а наши «*Юридическія Записки*» не есть *періодическое* изданіе. Но Министерство Юстиціи намѣрено, со второй полови-

ны текущаго года, издавать отъ себя оффиціальный юридическій журналъ.

Въ прошедшемъ году вышли слѣдующія замѣчательныя юридическія книги, отчасти совершенно новыя, а отчасти только вновь-изданныя.

Въ Германіи: Die englischen *Actiengesellschaftsgesetze* von 1856 и 1857, in deutscher Uebersetzung, mit erläuternden Bemerkungen, von Güterbock; *Alberti*, die christliche Reform des Strafverfahrens gegen die Unmündigen im Preussischen Staate; *Berg-Ordnungen* der Preussischen Lande, von Brassert; Das neue *Bergrecht* und die Aktien-Gesetzgebung in Preussen; *Beschorner*, Das deutsche Eisenbahnrecht; *Beschorner*, Ueber die Billigkeit; *Bluhme*, Encyclopädie der in Deutschland geltenden Rechte, 3 Abth., 2 Lief.; *Bollman*, Vertheidigung des Machiavellismus; *Brentano*, Die allgemeine deutsche Wechselordnung sammt den etc. Modificationen etc, mit Ammerkungen nud Präjudicien; *Bulmerincq*, Die Systematik des Völkerrechts; *Casper*, Practisches Handbuch der gerichtlichen Medicin; *Corpus* juris confoederationis Germanicae oder Staatsacten etc., v. Meyer, ergänzt und fortgeführt von Zöpfl, 1 Th., 2 и 3 Lief., 2 Bd., 1—3 Lfg.; *Demelius*, Die Rechtsfiktion; *Diez*, Ueber Verwaltung und Einrichtung der Strafanstalten mit Einzelhaft; *Eberty*, Das Gefängnisswesen; *Feld-Polizei-Ordnung* (preussische); Allgemeines *Feldmesser-Reglement* vom 1 Dec. 1857; *Gengler*, Das deutsche Privatrecht; C. F. v. *Gerber*, System des deutschen Privatrechts; H. *Gerber*, Beiträge zur Lehre vom Klagegrunde und der Beweislast; Die *Gesetze* der Angelsachsen, von R. Schmid; Allgemeine *Gesinde-Ordnung* für die Preussischen Staaten mit Ergänzungen; Die preussischen *Gewerbe-Gesetze*; *Glaser*, Abhandlungen aus dem österreichischen Strafrecht, 1 Bd.; *Grohmann*, Das Schwurgericht; *Groskopff*, Zur Lehre vom Retentionsrechte; Die *Grundentlastung* in Oesterreich, 1 Thl; *Gülich*, Die Rechtssprache und das Sprachrecht; *Hälschner*, Das preus-

sische Strafrecht, 2 Thl; A. *Hardung II*, Das Wechselrecht der allgemeinen deutschen Wechselordnung; *Heise*, Handelsrecht; *Herbst*, Handbuch des allgemeinen österreichischen Strafrechts, 1 Bd; *Hermann*, Der Rechtscharacter der Actienvereine; *Hesse*, Die Rechtsverhältnisse zwischen Grundstücks-Nachbarn; *Hillebrand*, Deutsche Rechtssprichwörter; *Holzschuher*, Theorie und Casuistik des gemeinen Civilrechts, 3 und letzter Bd; *Jacoby*, Beiträge zur Lösung der Judenfrage in Preussen, 1 Thl; Jhering, Geist des römishen Rechts, 2 Thl, 2 Abth; *Janssen*, Grundriss zu Vorlesungen über die römische Rechtsgeschichte und die Institutionen: *Jneichen*, Populäre Staatsverfassungsgeschichte der Schweiz; *Institutionum* et regularum juris romani syntagma, edidit Gneist; *Jonas*, Handbuch für Ortsschulzen und Schöppen; *Justus*, Das Schuldgefängniss undseine Folgen; *Kärcher*, Die Straferkenntniss, 2 Bd, 1 Abth; *Karlowa*, Juris romani principia de accessionibus possessionum; *Koch*, Recht der Forderungen, 1—4 Lfg; *Koch*, Lehrbuch des preussischen gemeinen Privatrechts, 2 Bd; *Köstlin*, Abhandlungen aus dem Strafrechte, nach des Verfassers Tode von Gessler; *Kummer*, Uebersichtliche Zusammenstellung der die öffentliche Armenpflege betreffenden (preussischen) Gesetze etc.; *Kuntze*, Das jus respondendi in unserer Zeit; *Lange*, Kritik der Grundbegriffe vom geistigen Eigenthum; *Langenbeck*, Die Beweisführung in bürgerlichen Rechtsstreitigkeiten; *Lehmann*, Amerika's Gesetze; *Lette*, Die Vertheilung des Grundeigenthums; *Manger*, Das österreichische Bergrecht, Schluss - Lief.; *Marcadé*, Abriss des französischen Civilrechts, ins Deutsche übertragen von Pfaff, 2 Bd, 2 Lief.; *Marezoll*, De partitionis legato; *Martens*, Causes célèbres du droit des gens; *Mascher*, Die städtische Kommunal-Verfassung etc. Preussens; *Mascher*, Der preussische Dorfschulze; *Michel*, Handbuch des Gefängniss - und Straf - Vollstreckungswesen bei den Gerichten in Preussen; *Mittermaier*, Die Gefängnissverbesserung, Erlangen: *Mohl*, Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften, 3 Bd.; *Mommsen*,

Erörterungen aus dem Obligationenrecht, 1 Hft.; *Müller*, Lehrbuch der Institutionen; *C. F. Müller*, Die organischen Processgesetze Preussens; *Nöllner*, Criminal-psyhologische Denkwürdigkeiten; *Oppenhoff*, Das Strafgesetzbuch für die Preussischen Staaten; *Ortloff*, Das Strafverfahren in seinen leitenden Grundsätzen und Hauptformen; *Pachmann*, Vorschule des römischen Rechts; *Pagenstecher*, Die römische Lehre vom Eigenthum in ihrer modernen Anwendbarkeit, 2 Abth.; *Pappenheim*, Handbuch der Sanitäts-Polizei, 1 Bd.; *Pfeiffer*, Das gemeine deutsche Strafrecht der Gegenwart, 1 Abthlg; Der neue *Pitaval*, eine Sammlung der interessantesten Criminalgeschichten aller Länder aus älterer und neuerer Zeit, von Hitzig und Häring, 3 Folge, 1, 2 u 3 Thl.; *Plange*, Ueber res mancipi und nec mancipi; *Prantl*, Ueber die geschichtlichen Vorstufen der neueren Rechtsphilosophie u прочъ.; *Postwesen*, unserer Zeit, von Hüttner, 15—17 Hft, Leipzig; *Quistorp*, Ein Besuch im Zellengefängniss zu Moabit; *Rechtsdenkmäler* des deutschen Mittelalters, von Daniels, Gruben und Kühns, 2 und 3 Lfg.; *Rechtslexikon* für Juristen aller deutschen Staaten, von Weiske, 12 Bd.; 2—7 Lfg. 13 Bd, 1 Lfg.; Nouveau *recueil* général de traités etc., continuation du grand recueil de Martens, par Samwer, tome XV; *Rein*, Das Privatrecht und der Civilprocess der Römer von der ältesten Zeit bis auf Iustinian; *Rodowicz-Oswiecimsky*, Ueber Sclaverei, Leibeigenschaft und die Benutzung des Versicherungsweges zur Lösung der Emancipationsfrage; *Rönne*, Das Staats-Recht der Preussischen Monarchie, 3 Lfg; *Ruhstrat*, Ueber negotiorum gestio; *Rumpf*, Der preussische Steuerbeamte in Bezug auf seine Dienst-und Rechtsverhältnisse, 2 Bde.; *Sammlung* der Statuten aller Actien-und Commanditgesellschaften Deutschlands, von Hocker, 1 Bd.; *Sammlung* der deutschen Strafgesetzbücher, von Stenglein, Schluss-Lfg; *Sanio*, Zur Geschichte der römischen Rechtswissenschaft; *Schaaff*, Abhandlungen aus dem Pandektenrecht, 1 Bd, 1 Hft.; *Schenk*, Prüfung des Vorschlags, die Parcellirung der

ländlichen Grundstücke und die ländliche Erbtheilung aufzuheben; *Schimmelpfeng*, Hommel redivivus, oder Nachweeisung der bei den vorzüglichsten älteren und neueren Civilisten vorkommenden Erklärungen einzelner Stellen des Corpus juris civilis, 1—5 Lfg; *Schlesinger*, Zur Lehre von den Formalcontracten und der querela non numeratæ pecuniæ; *Schlimm*, Die Gesinde-Ordnung (in Preussen); *Schmidt*, Das schwurgerichtliche Verfahren in Preussen; *Siegel*, Geschichte des deutschen Gerichtsverfahrens, 1 Bd; *Snell*, Das Naturrecht nach seinen Vorlesungen; *Staas*, Die preussischen Apothekergesetze mit sämmtlichen Ergänzungen und Erläuterungen; *Staas*, Anleitung zur Führung der Geschäfte der Dorfschulzen und Dorfgerichte; *Staats-Lexikon*, Encyklopädie der sämmtlichen Staatswissenschaften, v. Welkker, 18-26 Hft; Deutsches *Staats-Wörterbuch*, von Bluntschli und Brater, 20-32 Hft; *Staudinger*, Die Rechtslehre vom Lebensversicherungsvertrag; *Stemann*, Darstellung des preussischen Strafverfahrens; *Temme*, Deutsche Criminalgeschichten. 3 Bdchn; *Thaulow*, 55 Themata aus der Rechtsphilosophie, zum Behuf von Vorlesungen und Repetitorien; *Theodori*, Ueber das Interdict des römischen Rechts zur Erhaltung des Besitzes; *Tippelskirch*, Ueber die Entstehung und den Charakter des Geschwornen-Gerichts in England; *Tkalac*, Das Staatsrecht des Fürstenthums Serbien; *Trummer*, Die innere Mission auf dem Gebiete der Rechtswissenschaft; *Ubbelohde*, Uber den Satz: ipso jure compensatur; *Ueber* die ländliche *Erbfolge*, von einem Rheinländer; *Unger*, System des österreichischen allgemeinen Privatrechts, 2 Bd, 1 Abth.; *Unterholzner*, Ausführliche Entwickelung der gesammten Verjährungslehre aus den gemeinen in Deutschland geltenden Recht, neue Auflage von Schirmer, 2 Bde; Die deutschen *Verfassungsgesetze* der Gegenwart, von Zachariä, 1 Fortsetzung; *Voigt*, Das jus naturale, aequum et bonum et jus gentium der Römer, 2 Bd, 1 und 2 Abth.; *Wächter*, Das Verlagsrecht, 2 Hälfte; *Wede-*

meier-Schönrade, Ueber Gesetzgebung und Iustizreorganisation; *Wehle*, Das Patentwesen in den Vereinigten Staaten von Amerika; *Wetzel* System des ordentlichen Civilprocesses, 2 Abth.; *Wheaton*, Éléments du droit international, 2 tomes; *Wild*, Was ist Zinswucher; *Windscheid*, Die Action, Abwehr gegen Dr. Muther; *Wirth*, Ueber den Wendepunkt der Rechtswissenschaft; *Witte*, Die Bereicherungsklagen des gemeinen Rechts; *Zachariä*, Innere Geschichte des griechisch-römischen Rechts, 2 Buch; *Zöpfl*, Deutsche Rechtsgeschichte.

— Во Франции: *Agnel*, Curiosités judiciaires et historiques du moyen age, procès contre les animaux; *Aucoc*, Des sections de commune, des droits etc.; *Bacqua*, Codes de la législation francaise, 1 partie; *Beauvois*, De la possession en droit romain et francais; *Beauverger*, Tableau historique des progrès de la philosophie politique и проч.; *Bellanger*, Manuel analytique à l'usage des commissaires de police et autres fonctionnaires; *Bernard*, Manuel des pourvois et des formes de procéder devant la cours de cassation en matière civile; *Berriat Saint-Prix*, Le jury en matière criminelle; *Bertauld*, Cours de Code pénal; *Boileux*, Commentaire sur le Code Napoléon, T. 5.; *Bonjour*, De la dignité de l'avocat; *Bourguignat*, Législation appliquée des établissements industriels, T. 1.; *Bouthors*, Les proverbes, dictons et maximes du droit rural traditionnel; *Burdet*, Exposition de la doctrine romaine sur le règime dotal; *Caumont*, Dictionnaire universel du droit commercial maritime; *Causes* célèbres illustrées, 6 — 9 livr.; *Chantagrel*, Droit administratif, théorique et pratique; *Chantagrel*, Manuel de droit criminel; *Code* de la noblesse francaise; *Code* de la justice militaire pour l'armée de mer; *Chauveau*, Des établissements de charité publics et privés en France et dans les pays étrangers; *Cotil*, Le conciliateur en affaires, ou explication du Code Napoléon; *Dalloz*, Jurisprudence gènérale, T. 37, 39 et 43; *Davenne*, Régime administratif et financier des communes; *Davenne*, Traité pratique de voirie

urbaine; *Delandre*, Traite pratique des douanes, 2 vols; *Demangeat*, Des obligations solidaires en droit romain: *Demante*, Cours analytique de Code Napoléon, continué par Colmet de Santerre, T. 4.; *Derche*, Décret-loi disciplinaire et pènal pour la marine marchande; *Des usurpations* de titres nobiliaires, par le vicomte Robert d'E. . . .; *Du Boys*, Histoire du droit criminel des peuples modernes; *Dufour*, Droit maritime; *Dufour*, De l'expropriation et des dommages causès à la propriété; *Dupin*, Règles de droit et de morale, tirées de l'Ecriture sainte; *Dupont*, Dictionnaire des formules, ou mairie pratique, 2 vols; *Durand* et *Paultre*, Code général des lois françaises, 2 vols.; *Duverger*, La douane française; *Encyclopédie* des huissiers, par Deffaux et Harel, T. 5.; *Fleury*, Jnstitution au droit français, publiée par Laboulaye et Dareste, 2 vols.; *Fontaine de Resbecq*, Notice sur l'enseignement et les études dans les 9 facultés de droit de l'Empire, et répertoire des ouvrages de législation, de droit et de jurisprudence; *Fooz*, Points fondamentaux de la législation des mines etc.; *Foucher*, Commentaire sur le Code de justice militaire pour l'armée de terre; *Girard* et *Fromage*, Tableau des contraventions et des peines en matière de contributions indirectes etc.; *Grellet Dumazeaux*, Le barreau romain; *Grosse* et *Rameau*, Commentaire etc. sur la procédure d'ordre, 2 vols.; *Hautefeuille*, Histoire des origines, des progrès et des variations du droit maritime international; *Hautefeuille*, Des droits et des devoirs des nations neutres en temps de guerre maritime, 3 vols.; *Haxthausen*, De l'abolition par voie législative du partage égal et temporaire des terres dans les communes russes; *Henriot*, Les poëtes juristes ou remarques des poëtes latins sur les lois etc.; *Hock*, L'administration financière de la France, trad. de l'allemand par Legentil; *Jay*, Législation russe; *Laferrière*, Cours de droit public administratif, 2 vols; *Laferrière*, Histoire du droit français, T. 5—6; *Lalleau*, Traité de l'expropriation pour cause d'utilité publique, publiè par Rendu, 2

vols; *Larombière*, Théorie et pratique des obligations, 5 vols; *Le Berquier*, Le corps municipal ou guide théorique et pratique des maires etc.; *Le Guay*, Droit de timbre et de transmission sur les valeurs mobilières; *Lesenne*, De la propriété avec ses démembrements; *Machelard*, Dissertation sur l'accroissement entre les héritiers testamentaires et les colégataires aux diverses époques du droit romain, 1 livr.; *Marcadé*, Explication théorique et pratique du Code Napoléon, 6 vols; *Massol*, De l'obligation naturelle; *Michaud*, Le droit d'asyle en Europe et en Angleterre; *Million*, Traitè des fraudes en matière de marchandises etc. et de leur poursuite en justice; *Mourlon*, Répétitions écrites sur le 1-er, 2-me et 3-me examen du Code Napoléon et sur le Code de procédure civil, 4 vols; *Ollivier* et *Mourlon*, Commentaire de la loi etc. sur les saisies immobilières et sur les ordres, 1 et 2 parties; *Ortolan*, Explication historique des Instituts de l'empereur Justinien, 3 vols; *Ortolan* et *Bonnier*, Eléments d'organisation judiciaire, de procédure civile et de droit penal, 3 vols; *Pietra Santa*, Mazas, études sur l'emprisonnement cellulaire; *Pellault*, Code des pharmaciens; *Picot*, Nouveau manuel pratique du Code Napoléon; *Piogey*, Commentaire etc. sur la saisie immobilière; *Pister*, Influence du christianisme sur le droit; *Pouget*, Des droits et des obligations des divers commissionaires, T. 3 et 4; *Pouget*, Principes du droit marétime; *Pradier-Fodéré*, Précis du droit administratif; *Rousset*, De la rédaction et de la codification rationnelle des lois; *Saintespès-Lescot*, Des donations entre-vifs et des testaments, T. 4; *Sidi-Khalil*, Précis de urisprudence musulmane suivant le rite malékite; *Taparelli d' Azeglio*, Essai théorique du droit naturel, basé sur les faits, traduit de l'italien, 4 vols; *Teulet*, Les codes de l'Empire français; *Thiercelin*, Essais de literature du droit; *Traité* complet des actes de l'état civil; *Tripier*, Code de justice militaire pour l'armée de terre; *Tripier*, Code de justice militaire pour l'armée de mer; *Verlet Dumesnil*, Police du roulage; *Vidal*, Notice sur les prisons etc. dans le royaume de Sardaigne; *Vidal*, Ta-

bleau des prisons militaires etc. en France, en Piémont, en Prusse et en Angleterre; *Villefort*, Droit international; *Vuatiné*, Code annoté et guide spécial des tribunaux de simple police, 2 vols; *Ymbert*, Au législateur: frappe, mais...avertis!; *Ymbert*, Observations critiques touchant la force obligatoire des lois; *Zachariae*, Cours de droit civil français, d'aprés l'allemand par Aubry et Rau, T. 6; *Zachariae*, Le droit civil français, traduis de l' allemand, annoté etc. par Massé et Vergé, T. 4.

Въ Англіи: *Ayckbourn*, Forms of practical proceedings in the high court of chancery; *Ayckbourn*, The practice of the high court of chancery; *Baylis*, The rights, duties and relations of domestic servants, their masters and mistresses; *Broom*, The practice of the county courts; *Broon*, A selection of legal maximes; *Bristowe*, The local government act; The lawyer *cabinet*, a popular digest of the laws of England; *Chalmers*, Opinions of eminent lawyers on various points of english jurisprudence; *Chitty's Archbold*, Practice of the court of queen's bench: *Chitty*, Forms of practical proceedings in the courts of queen's bench, common pleas and exchequer of pleas; *Concannon*, Every man's manual of legal informations; *Creasy*, The rise and progress of the english constitution; *Davidson*, Precedents and forms in conveyancing, vol. 2, part 2; *Day*, Juvenile crime; *Dixon*, A treatise on the law of the farm; *Fonblanque*, How we are governed?; *Fry*, A treatise on the specific performance of contracts; A plain *guide* to executors; *Glen*, The law relating to the removal of nuisances injurious to health and to the prevention of epidemic and contagious diseases; *Glen*, The law relating to the public health and local government; *Haynes*, Outlines of equity; *Holdsworth*, The law of landlord and tenant; *Hunter*, An elementary view of the proceedings in a suit in equity; *Leeming* and *Cross*, The general and quarter sessions of the peace; Lord *St. Leonards*, A handy book on property law; *Markham*, The commercial and traders legal guide; *Moore*, A handbook of railway law; *Phear*, A treatise on the right of water;

Phillips, The law concerning idiots, lunatics and persons of unsound mind; *Pratt*, The law of friendly societies; *Pugh*, Crime in its relation to religion, education and laws; Law *reports*: House of Lords' cases (Clark) vol. 6, part 2; Exchequer (Hurlsston and Norman) vol. 2, part 4, vol. 3, part 1—3; Roll' Court (Beaven), vol. 23, part 3, vol. 24, part 2 — 5; Chancery (Kay and Johnson), vol. 3, part 5, vol. 4, part 4; (De Dex and Macnaghten), vol. 7, part. 3, (De Gex and Jones) vol. 1, part 3, vol. 2, part 1; Criminal law cases (Cox), vol. 7, part 7—8, vol. 8, part 1; Queens bench (Ellis and Blackburn) vol. 7, part 3—4; Common bench (Scott), vol 2, part 5, vol. 3, part 2; Nisi Prius (Forster aud Finlaison) vol. 1, part 2; Probate and divorce Court and matrimonial causes (Swabey and Tristram), vol. 1, part 1—2; *Roscoe*, Digest of the law of evidence, edit. by Smirke and Prentice; *Rouse*, The practical conveyancer, 2 vols; *Rushton*, Shakspeare a lawyer; *Saunders*, The practice of magistrates' courts; *Scott*, The punishment of death for the crime of murder; *Sleigh*, A handy-book on criminal law, applicable to commercial transactions; *Smile*, A compendium of mercantil law; *Smith*, The local government act; *Statutes* of the united kingdom of Great-Britain and Ireland, by Rickards, vol 24, part 1; The *statute* book for England; *Stone*, The justice's pocket manual; *Taylor*, Medical jurisprudence; *Taylor*, A treatise on the law of evidence, 2 vols; *Taylor*, Local government act; A popular *version* to the local government act, by a lawyer; *Westlake*, A treatise on private international law.

На юридическихъ факультетахъ, въ 22 германскихъ университетахъ, читаются нынѣ слѣдующія лекціи.

Въ Берлинѣ: *Келлерз*—энциклопедію и методологію вмѣстѣ съ обозрѣніемъ исторіи юридической литературы, пандекты, римское наслѣдственное право и сверхъ того руководитъ экзегетическими упражненіями; *Гейдеманнъ*—

естественное право или философію права, прусское земское право, избранныя ученія и спорные вопросы по прусскому праву; *Бернеръ*—естественное право или философію права, исторію германскаго государства и права, уголовное право, уголовную психологію, уголовное судопроизводство и римское наслѣдственное право; *Рудорффъ*—исторію римскаго права, институціи и древности римскаго права, общее германское и прусское гражданское судопроизводство, имѣя въ виду и другія законодательства, и римское гражданское судопроизводство; *Гнейстъ*—пандекты, наслѣдственное право, избранныя мѣста изъ пандектовъ, общегерманское и прусское гражданское судопроизводство, обращая вниманіе и на французское, и нынѣшнее англійское государственное право; *Рихтеръ*—церковное право, о бракѣ и канонистическія упражненія; *Гомейеръ*—исторію германскаго государства и права; *Даніелсъ*—исторію германскаго государства и права, горные законы и рейнское гражданское право; *Рихтгофенъ*—германское частное право со включеніемъ леннаго и германское торговое право со включеніемъ вексельнаго; *Ланцицолле*—о прежнемъ устройствѣ Нѣмецкой имперіи и ея конечныхъ судьбахъ, и германское государственное право и частное право германскихъ владѣтельныхъ особъ; *Сталь*—германское государственное право и частное право германскихъ владѣтельныхъ особъ; *Геффтеръ*—народное право, упражненія въ судопроизводствѣ, развитіе системы прусскаго уголовнаго права и спорные вопросы по этому праву съ приведеніемъ процессовъ, уголовное судопроизводство и уголовное право; *Дирксенъ*—исторію римскаго права, институціи и древности римскаго права, и нѣкоторые титулы изъ пандектовъ; *Шрпице*—исторію, институціи и древности римскаго права, трудные мѣста и казусы изъ римскаго частнаго права на латинскомъ языкѣ; *Мартенсъ*—пандекты, наслѣдственное право и римское уголовное судопроизводство.

Въ Боннѣ: *Вальтеръ*—энциклопедію и методологію; исторію римскаго права и германское частное право съ

торговымъ и вексельнымъ правомъ; *Блуме*—энциклопедію и методологію, исторію римскаго гражданскаго судопроизводства, общее и германское гражданское судопроизводство, и церковное право; *Гелшнерѣ*—естественное право, философію права, общегерманское уголовное право, прусское уголовное право и практическія упражненія въ германскомъ частномъ правѣ; *Зелль*—институціи и объ источникахъ римскаго права, римское наслѣдственное право, общегерманское и прусское гражданское судопроизводство, и объясненіе Ульпіановыхъ отрывковъ; *Бёкингѣ*—пандекты, наслѣдственное право и о семейныхъ имуществахъ, и избранныя ученія римскаго права; *Дейтерсѣ*—исторію германскаго государства и права, прусское земское право и диспуты по германскому частному праву; *Аншютцѣ*—исторію германскаго устройства; германское частное право, и французское и рейнское гражданское судопроизводство; *Пертесѣ*—германское государственное право и избранныя части германскаго права; *Николовіусѣ*—народное право и избранныя части прусскаго государственнаго права; *Бауербандѣ*—рейнское гражданское право, о гипотекахъ по рейнскому гражданскому уложенію, и германское и французское уголовное судопроизводство; *Гюффферѣ*—церковное право и о бракѣ.

Въ Бреславлѣ: *Гушке*—пандекты, наслѣдственное, закладное и гипотечное право; *Абегѣ*—естественное право, общегерманское и прусское уголовное право, теоріи уголовнаго права, и общегерманское и прусское гражданское судопроизводство; *Гауппѣ*—исторію германскаго государства и права, Саксонское зерцало, общегерманское и прусское ленное право, каноническое право и европейское народное право; *Гитцлерѣ*—институціи римскаго права, право лицъ и семейственное право, и объясненіе нѣкоторыхъ мѣстъ изъ каноническаго права; *Моммзенѣ*—институціи или исторію гражданскаго права; *Ширмерѣ*—герменевтику гражданскаго права и пандекты, и *Эберти*—естественное право и объясненіе Каролины.

Въ Вѣнѣ: *Филиппсѣ*—исторію Нѣмецкой имперіи и гер-

манскаго права; *Горнигъ*—римское право, упражненія въ объясненіи источниковъ римскаго права; *Пахманнъ*—римское право по обязательствамъ, римское наслѣдственное право и церковное право; *Грассель*—общее гражданское право; *Штубенраухъ*—австрійское торговое и вексельное право, австрійскіе административные законы и судебную политику; *Гаймерлъ*—гражданское судопроизводство; *Эдлауеръ*—общеавстрійскій уставъ уголовнаго судопроизводства, право государственное и право государствъ; *Арндтсъ*—исторію и институціи римскаго права, и римское семейственное и наслѣдственное право; *Унгеръ*—систему общегерманскаго частнаго права и систему общеавстрійскаго частнаго права; *Штейнъ*—основныя черты ученія объ администраціи; *Нейманнъ*—право войны, неутралитета, посольствъ и консульствъ; *Дворжакъ*—институціи римскаго права; *Гинтенау*—австрійскіе горные законы; *Феш*—венгерское частное право; *Валбергъ*—австрійское уголовное судопроизводство и о ходѣ развитія науки уголовнаго права въ Германіи; *Бергъ*—судебную медицину и психологію; *Глазеръ*—австрійское уголовное судопроизводство и *Блодигъ*—энциклопедическое введеніе въ австрійскіе финансовые законы.

Въ Вюрцбургѣ; *Албрехтъ*—церковное право, практическое судопроизводство и объясненіе 4-й книги Институцій Гая; *Эбель*—общегерманское, французское и баварское уголовное судопроизводство; *Гелдъ*—исторію германскаго государства и права, и объясненіе избранныхъ мѣстъ изъ средневѣковыхъ юридическихъ сборниковъ; *Лангъ* — пандекты и объясненіе избранныхъ мѣстъ изъ Corpus juris civilis; *Вейсъ*—баварское государственное устройство, пфальцское (французское) гражданское судопроизводство вмѣстѣ съ изложеніемъ устройства пфальцскихъ судовъ, и о баварской государственной территоріи и ея измѣненіяхъ съ 1792 года; *Гильдебрандъ*—европейское народное право, баварское земское право вмѣстѣ съ системою прочихъ партикулярныхъ баварскихъ правъ, и философію права, и *Вирзингъ*—институціи римскаго права и исторію римскаго права.

Въ Галле: *Перпице*—публичное германское право, ленное право и европейское народное право; *Генке*—избранныя ученія изъ уголовнаго права, энциклопедію и методологію, и общее и германское уголовное право; *Витте*—римское семейственное право, прусское частное право и пандекты; *Гёшенъ*—источники германскаго права, и германское частное право съ леннымъ и торговымъ правомъ; *Брунсъ*—объ ordine judiciorum у римлянъ, институціи римскаго права, исторію римскаго права и римское наслѣдственное право; *Меркель*—юридическую методологію, естественное право, исторію германскаго государства и права, и общее и прусское церковное право; *Беккеръ*—практику въ пандектахъ, пандекты и прусское и общегерманское уголовное судопроизводство; *Мутеръ*—объясненіе Институцій Гая, институціи римскаго права, и теорію общегерманскаго и прусскаго гражданскаго судопроизводства, и *Бёлау*—объясненіе Саксонскаго зерцала, и общегерманское и прусское уголовное судопроизводство.

Въ Гейдельбергѣ: *Миттермайеръ*—уголовное право, исторію уголовнаго законодательства и науки уголовнаго права, и ученіе о преступленіяхъ противъ чужой собственности; *Россгиртъ*—энциклопедическое обозрѣніе правовѣдѣнія, церковное право, общегерманское гражданское судопроизводство и практическое гражданское судопроизводство; *Моль*—германское государственное право и науку полиціи; *Фангеровъ*—институціи римскаго права и исторію римскаго частнаго права; *Цёпффль*—исторію германскаго государства и права, общее и европейское народное право, и общее и германское государственное право; *Репо*—исторію германскаго частнаго права со включеніемъ леннаго торговаго и вексельнаго права, и церковное право; *Рёдеръ*—естественное право, сравнительное объясненіе основныхъ ученій по римскому, прусскому, французскому и австрійскому гражданскому праву, и германское уголовное судопроизводство; *Закссе*—естественное право, экзегетическое объясненіе Саксонскаго зер-

цала и ленное право; *Бракенгёфтъ*—общегерманское гражданское судопроизводство и практическое гражданское судопроизводство; *Жолли*—исторію германскаго государства и права, и французское и баденское гражданское право; *Кнаппъ*—философію права, практическое гражданское судопроизводство и исторію римскаго гражданскаго судопроизводства; *Пагенштехеръ*—пандекты, практическое гражданское судопроизводство и исторію римскаго гражданскаго судопроизводства; *Марквардсенъ*—народное право, юридическіе казусы изъ народнаго права, общее и германское государственное право, уголовное судопроизводство и практическое уголовное судопроизводство; *Герстлахеръ*—римское наслѣдственное право; *Голдшмидтъ*—энциклопедію и методологію правовѣдѣнія, экзегетическое объясненіе 3-й книги Институцій Гая, торговое право и вексельное право, и *Феринъ*—римское наслѣдственное право, Институціи Гая, церковное право, и о бракѣ и судопроизводствѣ по брачнымъ дѣламъ.

Въ Гёттингенѣ: *Риббентропъ*—пандекты, институціи и исторію римскаго права; *Краутъ*—германское частное, ленное и торговое право, исторію германскаго государства и права, и общее и германское государственное право; *Франкке*—римское наслѣдственное право, институціи и пандекты; *Цахаріэ*—германское государственное право и право германскаго союза, теорію уголовнаго судопроизводства, энциклопедію права и европейское народное право; *Бригледъ*—практическое судопроизводство, теорію ординарнаго гражданскаго судопроизводства, сокращенное и конкурсное судопроизводство; *Геррманнъ*—уголовное право, церковное право, философію права, нѣкоторые отдѣлы изъ уголовнаго права, уголовное судопроизводство съ практическими упражненіями, и о новѣйшихъ конкордатахъ между германскими государствами и римскимъ (папскимъ) престоломъ; *Вольффъ*—практическое судопроизводство *Гартманнъ*—гражданское судопроизводство и исторію римскаго права; *Моммзенъ*—институціи римскаго права и право по обязательствамъ; *Пернице* —

исторію германскаго государства и права; *Ротгамель*— церковное право и пандекты; *Грефе* — ганноверское частное право; *Рёсслерѣ*—исторію германскаго права и государства, германское частное право съ леннымъ и торговымъ правомъ, Саксонское и Швабское зерцала и исторію германскаго аграрнаго законодательства; *Мейерѣ*— церковное право, и *Уббелоде* — практическое гражданское судопроизводство, и титулъ изъ Институцій de actionibus.

Въ Гиссенѣ: *Бирнбаумѣ*—германское уголовное судопроизводство сравнительно съ французскимъ и гессенскимъ, и о нѣкоторыхъ преступленіяхъ; *Вассершлебенѣ*— германское частное право съ торговымъ, вексельнымъ и морскимъ правомъ, положительное европейское народное право и церковное право; *Дейрерѣ*—исторію римскаго права и пандекты; *Иерингѣ*—институціи римскаго права, римское наслѣдственное право и практику въ пандектахъ; *Гелмольтѣ*—исторію римскаго права и римское наслѣдственное право; *Зандіасѣ*—исторію германскаго права, ленное право и объясненіе нѣкоторыхъ мѣстъ изъ пандектовъ; *Зигель*—исторію германскаго права и о формальномъ развитіи германскаго права; *Реатцѣ*—практику въ пандектахъ и экзегетическія упражненія; *Лефита*—объ избранныхъ предметахъ изъ исторіи римскаго и германскаго уголовнаго права и германское уголовное судопроизводство.

Въ Грацѣ: *Копатшѣ*—исторію римскаго права, институціи, каноническое право и о церковномъ имуществѣ; *Визенауерѣ*—австрійское гражданское право, пропедейтику горнаго права и общеавстрійскій горный законъ; *Вейссѣ*—австрійское уголовное право, о формахъ уголовнаго судопроизводства, и о родахъ наказаній и о тюрьмахъ; *Нейбауерѣ*—австрійское уголовное право сравнительно съ иностраннымъ уголовнымъ законодательствомъ, и о пенитенціарной системѣ; *Блашке*—австрійское гражданское судопроизводство и производство по дѣламъ безспорнымъ, и торговое и вексельное право; *Аренсѣ*—исторію

системъ философіи права, особенно о вліяніи ихъ на частное и публичное право, общее государственное право, и объ основныхъ началахъ германскаго государственнаго права и права Германскаго союза; *Скедль*—австрійскіе финансовые законы, и *Ланъ*—судебную медицину.

Въ Грейфсвальдѣ: *Нимейеръ*—институціи римскаго права и исторію римскаго права; *Барковъ*—пандекты; *Безелеръ*—ленное право, исторію германскаго государства и права, и государственное право; *Пюттеръ*—исторію церковнаго права и народное право; *Виндшейдъ*—французское гражданское право, римское наслѣдственное право, экзегетическія упражненія и практическое судопроизводство; *Геберлинъ*—юридическую энциклопедію и методологію, германское частное право и ленное право.

Въ Іенѣ: *Гюйе*—общегерманское гражданское судопроизводство и практическое гражданское судопроизводство; *Михелсенъ*—народное право, германское частное право и ленное право; *Данцъ*—исторію римскаго права и пандекты; *Геймбахъ* саксонское частное право и саксонское гражданское судопроизводство; *Шюлеръ*—уголовное судопроизводсво; *Ганъ*—германское частное право и торговое право; *Ортлоффъ*—уголовное судопроизводство, энциклопедію и философію права, и криминалистическія упражненія; *Лангенбекъ*—уголовное право, церковное право, энциклопедію и методологію; *Луденъ*—уголовное право, и *Лейстъ*—институціи и практику въ пандектахъ.

Въ Кёнигсбергѣ: *Занію*—руководствуетъ римскимъ отдѣломъ юридической семинаріи и пандекты; *Якобсонъ*—о судѣ присяжныхъ, руководствуетъ каноническимъ и германскимъ отдѣломъ семинаріи, энциклопедію и методологію, германское частное право и ленное право; *Симсонъ*—исторію прусскаго законодательства, руководствуетъ семинаріею по части судопроизводства и институціи римскаго права; *Калтенборнъ-Стахау*—естественное право, европейское народное право и прусское частное право; *Іонъ*—практическое уголовное судопроизводство и объясненіе уставовъ судопроизводства, и *Стоббе*—исторію германскаго государства и права и объясненіе Саксонскаго зерцала.

Въ Килѣ: *Планкѣ*—уголовное право и практическое гражданское судопроизводство; *Гиртаннерѣ*—институціи и исторію римскаго права; *Нейнерѣ*—пандекты; *Христіансенъ*—уголовное судопроизводство; *Фридлибъ*—германское, голштинское частное право, церковное право и юридическую энциклопедію, и *Фёге* — общегерманское право и голштинское частное право.

Въ Лейпцигѣ: *Генель*—институціи и пандекты, и историко-юридическія лекціи, уголовное право и судопроизводство, и теорію ординарнаго и сокращеннаго гражданскаго судопроизводства; *Ф. А. Шиллингъ*—естественное право и философію права, государственное и народное право, и экзегетическія упражненія по римскому праву; *Штейнаккерѣ*—лекціи о саксонсомъ правѣ и о нѣкоторыхъ его частяхъ; *Марецолль*—пандекты, общегерманское и саксонское уголовное право, и лекціи о нѣкоторыхъ частяхъ права; *Албрехтъ*—германское частное право, германское государственное право, церковное право и о бракѣ; *Остерло*—общегерманское гражданское судопроизводство, саксонское судопроизводство и практическое гражданское судопроизводство; *Вехтерѣ*—общегерманское и саксонское частное право, семейственное и наслѣдственное право; *К. Шиллингъ*—церковное право и ленное право; *Вейске* — германское частное право; *Шлеттерѣ*—саксонское государственное право, общегерманское и саксонское уголовное судопроизводство и естественное право; *Мюллерѣ*—институціи и исторію римскаго права, и римское гражданское судопроизводство; *Кунтце*—институціи и исторію римскаго права, и сравненіе римскаго и германскаго права; *Фойгтъ*—исторію римскаго государственнаго права; *Дитцель*—институціи и исторію римскаго права, экзегетическія упражненія и юридическую энциклопедію; *Гёкъ*—юридическую энциклопедію, полицейское право и исторію германскаго государства и права, и *Гётцъ*—торговое и вексельное право.

Въ Марбургѣ: *Проф. Платнерѣ*—философію права, римскія древности, исторію римскаго права и объясненіе 12

таблицъ; *Лёбелль*—объясненіе нѣкоторыхъ титуловъ изъ Пандектовъ, пандекты, уголовное судопроизводство и уголовное право; *Фолльграфъ*— философію государства и права, государственное право и народное право, и право Германскаго союза; *Бюхель*—исторію римскаго права, институціи римскаго права, о restitutione in integrum и церковное право; *Рёстелль*—германское частное право, германское имущественное право супруговъ, торговое, вексельное и морское право, и гражданское судопроизводство; *Шмидтъ* — пандекты, практику въ пандектахъ и практическое судопроизводство; *Вольфъ*—введеніе въ Corpus juris civilis и римское наслѣдственное право; *Докт. Платнеръ*—исторію германскаго права, практику въ германскомъ частномъ правѣ, партикулярное право Гессенскаго курфиршерства, торговое и вексельное право, и *Фуксъ*—объясненіе нѣкоторыхъ титуловъ изъ Пандектовъ, гражданское судопроизводство и неопредѣленное сокращенное судопроизводство.

Въ Мюнхенѣ: *Байеръ*—германское и баварское сокращенное и конкурсное судопроизводство, объ ускоренномъ судопроизводствѣ при словесномъ допросѣ и общегерманское ординарное судопроизводство; *Цеппъ*—пандекты; *Долльманнъ*—общегерманское и баварское уголовное право, уголовное судопроизводство и практическія упражненія въ нихъ обоихъ; *Пёцль*—германское государственное право и право Германскаго союза, и полицію; *Кунстманъ*—церковное право и объ источникахъ каноническаго права; *Блунчли*—историко-философское правовѣдѣніе и исторію германскаго права; *Мауреръ*—германское частное право; *Болчіано*—баварское гражданское судопроизводство, французское гражданское право и практическое гражданское судопроизводство; *Валтеръ*—уголовное судопроизводство и практическое уголовное судопроизводство; *Бухингеръ*—положительное народное право; *Лёгеръ*—исторію законодательства новѣйшаго времени; *Гемейнеръ*—германское частное право, юридическую энциклопедію и методологію, и развитіе германскаго права; *Роккингеръ*—исторію гер-

манскаго государства и права, и исторію источниковъ германскаго права.

Въ Прагѣ: *Гаспер*ъ—систему и исторію философіи права, и энциклопедію; *Весселu*—юридическую энциклопедію и австрійское уголовное судопроизводство; *Ширъ*—народное право, и право Германскаго союза, церковное право и австрійскіе законы объ администраціи; *Шульте*—исторію германскаго государства и права; *Эсмархъ*—пандекты; *Шнейдеръ*—общеавстрійское гражданское право и горные законы; *Туна*—австрійское гражданское судопроизводство, практическое упражненіе въ гражданскомъ судопроизводствѣ и австрійское ленное право; *Фричъ*—o rizeni soudnim, konkursnim, rizeni nespornene a knihách gruntovnich, и *Гейеръ*—австрійское уголовное судопроизводство и историческія объясненія по австрійскому уголовному праву.

Въ Ростокѣ: *Расне*—гражданское судопроизводство; *Ветцель*—институціи римскаго права; *Мейеръ*—юридическую энциклопедію и методологію и публичное право; *Шваперт*ъ—пандекты и наслѣдственное право; *Ротъ*—исторію германскаго государства и права, и *Гедке*—общегерманское и мекленбургское гражданское судопроизводство и практическія упражненія.

Въ Тюбингенѣ: *Шрадеръ*—исторію римскаго права или экзегетическія лекціи о римскомъ правѣ; *Герберъ*—германское и вюртембергское государственное право, и германское частное право со включеніемъ торговаго, вексельнаго и леннаго права; *Михаелисъ*—вюртембергское частное право, церковное право, ординарное гражданское судопроизводство и сокращенное гражданское судопроизводство; *Майеръ*—пандекты; *Гейбъ*—общегерманское и вюртембергское уголовное право; *Фейпъ*—руководство къ объясненію трудныхъ мѣстъ изъ Corpus juris civilis и юридическіе диспуты; *Гесслеръ*—общегерманское и вюртембергское уголовное судопроизводство, практическое гражданское судопроизводство въ соединеніи съ теоріею вюртембергскаго гражданскаго судопроизводства; *Рёмеръ*—

институціи римскаго права, и общегерманское и вюртембергское уголовное право, и *Зегерѣ*—философію права и общегерманское и вюртембергское уголовное право.

Во Фрейбургѣ: *Фритцѣ*—пандекты, институціи и исторію права; *Бауриттель*—энциклопедію и методологію юридическихъ и политическихъ наукъ, общегерманское и баденское торговое право, общегерманское и баденское лепное право, Code Napoléon и баденское земское право, и цивилистическія упражненія; *Буссѣ*—публичное право Германскаго союза, общегерманское и баденское государственное право, и науку полиціи съ обращеніемъ вниманія на германское, особенно же баденское полицейское право; *Воринген*—исторію германскаго государства и права, и общегерманское уголовное право и философію права; *Ламей*—общегерманское гражданское судопроизводство, общее и новѣйшее германское уголовное судопроизводство, имѣя особенно въ виду баденское уголовное судопроизводство, сокращенное и конкурсное судопроизводство, и практическое уголовное судопроизводство, и *Шмидтѣ*—пандекты, и внѣшнюю исторію и институціи римскаго права.

Въ Эрлангенѣ: *Шмидтлейнѣ*—общегерманское и баварское уголовное судопроизводство, энциклопедію и методологію правовѣдѣнія, бесѣды объ уголовномъ правѣ съ приведеніемъ процессовъ и церковное право; *Шеллингѣ*—теорію сокращеннаго судопроизводства со включеніемъ конкурснаго судопроизводства, бесѣды объ избранныхъ ученіяхъ изъ ординарнаго гражданскаго судопроизводства и европейское народное право; *Шейрлѣ*—институціи, общее и баденское церковное право, древне-римское гражданское судопроизводство, о бракѣ и пандекты; *Генглерѣ*—исторію германскаго государства и права, лепное, торговое и вексельное право, имущественное право супруговъ на основаніи дѣйствующихъ въ 7 древнѣйшихъ баварскихъ провинціяхъ правъ и статутовъ, и о Саксонскомъ и Швабскомъ зерцалахъ; *Штинтцингѣ*—пандекты и упражненія въ гражданскомъ правѣ; *Эгиди*—германское государствен-

ное право, право Германскаго союза и народное право, и *Виртъ*—римское наслѣдственное право, ученіе о владѣніи и бесѣды о пандектахъ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ:
На стр. 37, строк. 7 —	тчѳ	чтѳ
41, — — 29 —	законъ.	законы
46, въ вынок. —	sequator	sequatur
78, строк. 22 —	сдѣлана	стеснена
82, — — 12 —	эти	это
86, — — 6 —	частныхъ	частыхъ
93, въ выноск. —	стр.	статьи
148, строк. 32 —	цѣлеобразно	цѣлесообразно
228, — — 11 —	дать	дать дѣлу
276, — — 25 —	ихъ	ея
296, — — 27 —	что	такъ, что
297, — — 13 —	чего нибудь такого	что нибудь такое
300. — — 20 —	этому упреку	этотъ упрекъ
304, — — 15 —	добытомъ	добытаго
336, — — 1 —	отразилось	отразился

00083477
ЮФ СПбГУ